

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Сборник

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 3

 (589)

ПОЛКОВОДЦЫ
И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Сборник

Выпуск второй

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1979

Составитель и научный редактор
кандидат исторических наук
полковник А. Н. КИСЕЛЕВ

БОРИС ШАПОШНИКОВ
МИХАИЛ ГРОМАДИН
ВАСИЛИЙ КАЗАКОВ
АЛЕКСАНДР КОМАРОВСКИЙ
ФИЛИПП ОКТЯБРЬСКИЙ
ФЕДОР ТОЛБУХИН

П $\frac{70302-048}{078(02)-79}$ 262—79. 4700000000

**Маршал Советского Союза
Борис ШАПОШНИКОВ**

Нам суждено было долго работать вместе. Я уже писал в своих воспоминаниях, что немногие люди оказали на меня такое сильное влияние и дали мне так много, как он. Но не только это побуждает меня вновь взяться за перо. Имя этого необыкновенного человека неразрывно связано с героической историей наших Вооруженных Сил, строительству которых он отдал двадцать семь лет жизни. Талантливый военный теоретик и публицист, ученый исключительной эрудиции, чьи глубокие обобщения в области военной стратегии и оперативного искусства пользовались известностью не только в Советском Союзе, но и за рубежом, он поднялся до вершин полководческой деятельности в период суровых для нашей Родины испытаний. И эта жизнь его, и эта деятельность, и военно-теоретическое наследие — яркие страницы советской военной истории. Они учат идущие на смену ветеранам поколения советских людей верности своей Отчизне, делу Коммунистической партии, самоотверженности в служении народу. Вот почему я почитаю неперенным долгом своим рассказать о нем на страницах этой книги.

Отдельные эпизоды из раннего периода его жизни я не буду пытаться излагать своими словами, то есть так, как сохранились они в моей памяти по рассказам, которые в разное время я слышал из его уст. Мне кажется более оправданным в подобных случаях воспользоваться словами самого Бориса Михайловича. В последние годы жизни, будучи уже больным, Шапошников начал писать мемуары. К великому сожалению, завершить их ему не удалось. Оставленная им рукопись (одиннадцать тетрадей) имеет общее название «Пройденный путь». Она охватывает детские и юношеские годы и военную службу с 1901 года до участия в маневренных операциях первой мировой войны включительно. Незадолго до своей кончи-

ны автор сделал на первой тетради надпись: «Публикуется через 20 лет после моей смерти». Рукопись подготовлена к печати генерал-лейтенантом-инженером И. Б. Шапошниковым, сыном маршала, и вошла в книгу произведений Б. М. Шапошникова, выпущенную в свет Военным издательством в 1974 году. Я считаю целесообразным воспроизвести отдельные отрывки из воспоминаний Бориса Михайловича, потому что они мало известны широкому читателю. А главное заключается в том, что эти отрывки наиболее точно отражают важные моменты биографии Шапошникова и его собственную оценку событий. Манера его письма, лаконичность и живость изложения, полагаю, позволят читателям отчетливее представить себе образ человека, которому посвящен мой рассказ, глубину его мыслей.

Великая Октябрьская социалистическая революция как бы подвела итог первой половине жизни Бориса Михайловича. В то время за его плечами остались тридцать пять уже прожитых лет, он вступил в пору зрелости и большим трудом многого достиг. Как же отнесся он к тому, что принес Октябрь в жизнь его страны и в его личную жизнь?

Как говорил мне Борис Михайлович, когда к ним в полк пришла весть о свержении власти Временного правительства, он не испытывал колебаний в решении для себя вопроса, с кем идти дальше. Победу Октябрьской революции воспринял как закономерное явление. И когда на заседании солдатского комитета его спросили, как относится он к происходящим в стране событиям, признает ли Советскую власть, ответил твердо: признаю и готов служить дальше.

Уже тот факт, что Шапошникову был задан такой вопрос, говорит о многом. В стране тогда происходило бурное размежевание классовых сил, связанное с начавшейся гражданской войной. В подавляющем своем большинстве офицерство старой армии России, представлявшее, как правило, привилегированные классы, устраненные от власти Великим Октябрем, оказывалось по ту сторону баррикад. Солдаты обычно хорошо знали, кто из их командиров чем дышит, и с контрреволюционно настроенными на подобные темы не беседовали, а просто выносили решение об отстранении таких от должности и изгнании

из части. А вот Шапошников члены солдатского комитета нашли нужным спросить об этом. Хотя он был в то время не простым офицером, а полковником Генерального штаба, командиром Мингрельского кавалерийского полка, иначе говоря, относился к высокопоставленной части офицерства старой армии.

Шапошников решительно пошел навстречу требованиям солдатских комитетов сместить в своем полку нескольких черносотенцев из числа офицеров и унтер-офицеров, пресек попытки выступлений анархистствующих элементов, сумел сохранить полк как боевую единицу... Предшествующий жизненный путь Бориса Михайловича, как мы увидим далее, неизбежно вел его к тому шагу, который безоговорочно был сделан в бурные дни 1917 года. Он превыше всего считал для себя службу Отечеству и потому пошел вместе со своим народом.

В декабре 1917 года состоялся съезд военно-революционных комитетов Кавказской гренадерской дивизии. К этому времени все комитеты и командные инстанции от главнокомандующих армий до командиров полков уже были ознакомлены с проектом декрета Совета Народных Комиссаров, который назывался Положением о демократизации армии. Вся власть в армии согласно положению вручалась солдатским комитетам, вводилась выборность командного состава, упразднялись офицерские чины, звания, ордена и погоны. Это был важный шаг, направленный на то, чтобы сломать старую армию, расчленив путь к созданию новой. Выразив недоверие прежнему начальнику Кавказской гренадерской дивизии, съезд солдатских комитетов обсудил вопрос о новом начальнике. Делегаты назвали фамилию Шапошникова. И он был избран на эту должность. Однако служба его совсем неожиданно прекратилась, едва начавшись. Пробыв начальником Кавказской гренадерской дивизии всего какой-то месяц, он вдруг тяжело заболел, почти два месяца пролежал в госпитале, а затем был уволен из армии в «бессрочный отпуск» по состоянию здоровья.

Так оказался весной 1918 года Шапошников в Казани. В тридцать пять лет, шестнадцать из которых были отданы военной службе, пришлось думать, как устроить жизнь дальше. Стал работать секретарем в народном суде. Но мысль, что он остался вне армии именно в то время, когда имевшийся у него военный опыт и знания могли особенно пригодиться, не оставляла ни на минуту.

Неужели перенесенная болезнь стала непреодолимым препятствием для возвращения к военной службе?

Конец сомнениям положило опубликованное весной 1918 года обращение Советского правительства к бывшим офицерам с предложением вступать в Красную Армию для защиты Отечества и революции. Твердо решив, как он сам потом писал, что «преданная и неустанная служба делу пролетарской революции есть лучшая жизненная дорога», Шапошников обратился в штаб вновь учрежденного Приволжского военного округа с просьбой о зачислении его в ряды Красной Армии.

Письмо, с которым он адресовался к начальнику штаба округа Н. В. Пневскому, бывшему генерал-майору, весьма примечательно. Долгое время этот документ хранился в фондах Центрального государственного архива Советской Армии. «Военно-исторический журнал» сделал полезное дело, впервые опубликовав его на своих страницах в июньском номере за 1967 год. Я считаю необходимым полностью воспроизвести текст этого письма. Вот что писал Борис Михайлович 23 апреля 1918 года, обращаясь к Н. В. Пневскому:

«Господин генерал!

Прочитав в газетах об учреждении военного округа и о Вашем назначении начальником штаба Приволжского военного округа, я решил обратиться к Вам с этим письмом.

Как бывший полковник Генерального штаба, я живо интересуюсь вопросом о создании новой армии, и как специалист, желал бы принести посильную помощь в этом серьезном деле.

Сожалея, что предыдущая моя служба не дала мне возможности лично быть Вам известным, я позволю себе привести некоторые данные о ней.

Произведенный в 1903 году в офицеры из Московского военного училища, я в 1910 году окончил академию, а затем, откомандовав два года ротой, начал в 1912 году службу Генерального штаба в должности адъютанта штаба 14-й кавалерийской дивизии. Пробыв шесть месяцев войны в этой же должности, я последовательно занимал должности помощника старшего адъютанта штаба 12-й армии, и. д. штаб-офицера для поручений при управлении генерал-квартирмейстера штаба Северо-Западного фронта и с ноября 1915 года получил сначала штаб отдельной казачьей бригады, а затем и штаб 2-й Туркестанской ка-

защей дивизии. Пробыв в этой должности около двух лет, я в конце сентября 1917 года был назначен командиром 16-го гренадерского Мингрельского полка, а в начале декабря того же года был выбран на должность начальника Кавказской гренадерской дивизии, на которой находился до 16 января 1918 года, а затем по болезненному состоянию был эвакуирован и с 16 марта с. г. по демобилизации уволен в бессрочный отпуск.

Будучи уроженцем Урала, я бы хотел начать свою службу в этом районе, а потому позволю себе просить Вас о ходатайстве в назначении меня на службу в Приволжский военный округ. Как бывший офицер Генерального штаба, я бы желал получить должность Генерального штаба во вверенном Вам штабе или же в штабе войсковых соединений округа по Вашему усмотрению. Как начавший уже и строевой ценз по командованию полком, я мог бы занять и строевую должность, но должность Генерального штаба была бы для меня предпочтительней.

Если с Вашей стороны последует согласие, то прошение с приложением копии послужного списка и копии боевой аттестации и постановления совета дивизии о моей эвакуации мною будет немедленно представлено по указанному Вами адресу.

Глубоко сожалея, что неизвестен Вам лично, и хорошо понимая, что в таком серьезном деле, как формирование новой армии, требуются помощники, известные своей службой, я, однако, рискую просить Вас о предоставлении мне должности, имея в виду, что сведения о моей предыдущей службе могут Вам дать необходимые обо мне данные.

Прошу не отказать в распоряжении уведомить меня о результатах по адресу: г. Казань, Черноозерская улица, номера Бакарцева.

Уважающий Вас

Борис Шапошников».

Письмо это заслуживает внимания читателя по нескольким соображениям. Прежде всего его автор, выражая готовность служить в новой армии, сообщает сведения о себе, которые считает наиболее существенными в данном случае. Из фактов, относящихся к предшествующему ходу его службы, нетрудно убедиться, что перед нами зрелый, обладающий солидными познаниями военной службы и боевым опытом специалист. При всем этом тон письма безупречно корректен. Хотя автор отчетливо пред-

ставляет, что от впечатления, которое это письмо произведет на адресата, целиком зависит последующее решение его судьбы, он излагает только сведения о своей предыдущей службе, не считая возможным комментировать их так, чтобы произвести наиболее благоприятное о себе впечатление. Уже самое обращение к адресату со словами «Господин генерал» в то горячее время, когда особенно остро воспринималось все старорежимное, могло быть истолковано не в пользу Шапошникова. Однако и в этом случае Борис Михайлович остался самим собой. Величать Пневского по имени-отчеству, с его точки зрения, я убежден в этом, было бы слишком фамильярным, так как Шапошников не был с ним лично знаком. Употребить же новое в официальном обиходе слово «товарищ», как мне думается, не мог по той причине, что полагал обязательным для себя сначала заслужить право на такое обращение. Борис Михайлович на протяжении всей своей жизни был человеком предельно щепетильным в большом и малом, тем более в оценке самого себя...

Через три дня после отправления приведенного выше письма начальник штаба Приволжского округа Н. В. Пневский принял решение: «Прошу сообщить Шапошникову о согласии». С этого времени начался новый период в жизни Бориса Михайловича, о котором сам он скажет позднее: «Я с 1918 года всегда работал под руководством партии и по ее заданиям».

Мне кажется уместным теперь несколько подробнее познакомить читателей с дооктябрьским периодом жизни Бориса Михайловича, чтобы отчетливее можно было понять закономерность пройденного им жизненного пути. Его биография, кстати, как и моя собственная, во многом схожи. И не столько тем, что в каких-то моментах наши пути сходились при определенных конкретных обстоятельствах, но прежде всего тем, что та и другая типичны. В них, как в капле воды, отразились судьбы многих и многих людей поколения, жизнь и образ мыслей которого в корне изменила Октябрьская революция. Рассказывая эпизоды из своей жизни, Борис Михайлович очень часто подчеркивал именно это обстоятельство.

Родился Шапошников 20 сентября (2 октября нового стиля) 1882 года в уездном городе Златоусте Уральской губернии в семье интеллигентов-разночинцев. Дед его по отцу, происходивший из донских казаков, в середине прошлого века выписался из казачества и переехал на жи-

тельство в город Саранск. Там и начинал службу писцом отец Бориса Михайловича — Михаил Петрович. Он служил по частному найму вплоть до 1912 года, когда вышел в отставку и в том же году умер. Мать Пелагея Кузьминична работала учительницей, но впоследствии всецело должна была заниматься хозяйством многодетной семьи.

Свои первые сознательные впечатления в жизни Борис Михайлович относит к периоду пребывания в Златоусте. Во времена его детства это был обычный для России уездный городок с семнадцатью тысячами населения и двумя казенными оружейными заводами. Рабочие Златоуста, как, впрочем, и других уральских заводов, являлись полупролетариями: работая на заводе, они одновременно вели и небольшое крестьянское хозяйство, занимались кустарным промыслом, изготавливая ножи, вилки, другие предметы домашнего обихода. Не было в Златоусте ни одного среднего учебного заведения. Только в 1890 году открыли в нем первое ремесленное училище. Вот в этом городке и прошло детство Шапошникова, проживавшего в семье своей бабушки по матери и сестры матери — Людмилы Кузьминичны Ледомской. Там он получил начальное образование. Там имел возможность близко наблюдать жизнь людей труда.

Родители Шапошникова по роду работы его отца жили на заводе в сорока километрах к западу от Златоуста. У них он появлялся только во время каникул. Однако и эти кратковременные наезды оставили у него яркие впечатления. Ему хорошо запомнились бедные башкирские деревни вокруг завода, башкирский национальный праздник, на который брал его иногда с собой отец, приглашаемый крестьянами окрестных деревень. Праздник ярко запечатлелся в памяти мальчика национальной борьбой, скачками, танцами. Общение с местными крестьянами и их детьми позволило ему немного усвоить башкирский язык. Знание этого языка принесло ему немалую пользу впоследствии, когда он нес воинскую службу в Туркестане. Запомнились дни, которые проводил во время каникул у родителей, еще и тем, что имел возможность тесно общаться с богатейшей природой этого края.

— Смешанный лес, всхолмленная местность, речки Ай и Арша, — любил рассказывать Борис Михайлович, — украшали пейзаж и создавали в этом районе здоровый климат. Приезжая летом домой на каникулы, я со своим

братом и сестрой проводил здесь в играх целый день на воздухе. Собиралось много детей, живших поблизости. В сопровождении старших мы ходили в лес за грибами, ягодами. Их в лесу было в изобилии. Нравилось нам кататься на лодках... Когда наступали вечера, мы увлекались еще одним занятием — отводили лошадей в ночное. Нам удавалось проехаться верхом, а обратно два-три километра шли пешком.

Любовь к родному краю Борис Михайлович пронес через всю свою жизнь. Он с гордостью называл себя уроженцем Урала и написал о нем, о людях этого края спустя много лет проникновенные слова:

«Таинственный, величавый в своем спокойствии Южный Урал, составлявший часть так называемой кондовой Руси, является моей родиной. Уверенный в себе, крепкий, привычный к перенесению невзгод, трудолюбивый и смотрящий прямо в глаза опасностям, свято оберегающий старинные обычаи — таков облик тогдашнего жителя Урала. Многие из этих черт, сохранившись до сих пор, славят уральцев, входивших в коренное ядро русского населения необъятной России».

И еще одно свойство вынес Борис Михайлович из своего детства на всю жизнь — любовь к чтению, к книгам.

— Когда мой дядя, Владимир Кузьмич, — вспоминал Б. М. Шапошников, — уезжал в город Курган, то предоставил мне отдельную комнату и библиотеку, в которой преобладали книги русских классиков. Книги я читал за поем. С трудом можно было отправить меня во двор или на улицу, чтобы подышать свежим воздухом, — не мог расстаться с интересной книгой...

Летом 1898 года кончилось беззаботное детство и началась серьезная учеба Шапошникова в промышленном училище города Красноуфимска. От Петропавловского винокуренного завода, где жили родители Шапошникова, до Красноуфимска было свыше 200 километров. Ближе было до Уфы, где находилась мужская гимназия. Почему же отец выбрал именно Красноуфимское училище для образования своего сына? В силу простого житейского расчета. Он знал, что плата за учение в Уфимской гимназии не превышала 70 рублей в год, а в Красноуфимском училище была только 15 рублей. К тому же содержание на квартире в Красноуфимске стоило, конечно, дешевле, чем в Уфе.

Семье Шапошниковых приходилось строго планировать

свои доходы и расходы. Хотя, как вспоминает Борис Михайлович, его отцу на протяжении двадцатипятилетней службы и приходилось трудиться по 18 часов в день, в награду за свою многолетнюю службу у купца Злоказова он получил от последнего только семейный альбом на память. Честный, прямой и неподкупный характер отца не позволял ему какими-либо иными способами обеспечивать свое будущее. За долгие годы ему удалось скопить 3 тысячи рублей, израсходованных после ухода со службы на покупку в Златоусте небольшого дома, который и стал последним местом жительства родителей Бориса Михайловича.

Житейские соображения лежали в основе решения отца относительно Красноуфимского промышленного училища. Позднее те же соображения лежали и в основе выбора Борисом Шапошниковым военной профессии: обучение в военном училище было бесплатное. Чтобы не обременять расходами родителей, у которых было еще двое младших детей да четверо уже взрослых от первого брака отца. Сам он так говорил об этом:

— Мне приходилось не раз задумываться над вопросами: как бы облегчить родителям жизнь? Не раз приходила в голову мысль: «А не уйти ли на военную службу?» Среднее образование позволило бы поступить непосредственно в военное училище. О том, чтобы за счет родителей пять лет учиться в высшем техническом заведении, даже мечтать не приходилось. Поэтому я уже, пока про себя, твердо решил пойти по военной линии.

Весной 1900 года Борис Шапошников успешно завершил свое среднее образование. В середине июня он направил необходимые документы для поступления в Московское военное пехотное училище, добавив к ним еще и обязательную личную подписку: «Ни к каким тайным обществам не принадлежал и впредь принадлежать не буду».

Не одни лишь материальные соображения утвердили Шапошникова в его решении поступить в военное училище. В этой связи стоит вспомнить и другое его высказывание.

«Моим тогдашним сотоварищам, — писал он в воспоминаниях, — конечно, трудно было понять мое решение идти в военное училище. Дело в том, что я окончил реальное училище со средним баллом 4,3. С таким баллом обычно шли в высшие технические учебные заведения.

В военные же училища, по общему представлению, шла слабая по теоретической подготовке молодежь. На пороге XX века такое мнение о командном составе армии было довольно распространено. Поражение царской армии в русско-японской войне явилось жестоким, но хорошим уроком. Не будь русско-японской войны, царская армия была бы скорее и сильнее разбита германской армией».

По досадному случаю Шапошников не сумел поступить в училище в 1900 году: из-за болезни пропустил экзамены. Он возвратился к родителям в Белебей, поступил там на работу младшим делопроизводителем. А через год он вновь направил документы в Московское военное пехотное училище. На этот раз все прошло успешно, и он стал юнкером.

Мне довелось учиться в том же училище. Правда, происходило это много позже, в 1915 году, когда шла уже первая мировая война, поэтому мы проходили программу по ускоренному курсу, и пробыл я там всего четыре месяца.

Училище размещалось в Лефортове, в Красных казармах, старинном двухэтажном здании с толстыми стенами, мрачными, пропускавшими мало света окнами, с большим коридором посередине, с асфальтовыми полами. Напротив здания училища находился двухэтажный корпус, занятый под квартиры начальствующего состава. По красоте и удобству училище далеко уступало расположенному на Знаменке зданию Александровского военного училища. И не только по красоте здания, но и «по чину» в иерархии военных училищ царской России. Первым считалось Павловское в Петербурге, вторым Александровское в Москве и только третьим — Алексеевское. Созданное в 1864 году, оно до 1906 года именовалось Московским военным пехотным училищем, затем по велению Николая II ему дали название Алексеевского в честь родившегося наследника престола. История училища характерна с точки зрения эволюции во взглядах царского правительства на подготовку командных кадров для армии.

Острый недостаток командного состава, обнаружившийся во время Крымской войны 1853—1856 годов, и слабый уровень его общеобразовательной и специальной подготовки привели к известным реформам, проведенным военным министром Д. А. Милютиним при Александре II: кадетские корпуса были преобразованы в военные гимназии с усилением общеобразовательной программы, а

из специальных классов кадетских корпусов были созданы для пехоты три военных училища: Павловское и Константиновское (впоследствии оно преобразовано в артиллерийское) в Петербурге и Александровское в Москве.

Поскольку 400—600 молодых офицеров, выпускавшихся ежегодно из этих училищ, не могли покрыть потребности в командном составе пехоты, в стране в результате милютинской реформы было образовано еще 16 училищ для пехоты и конницы с трехлетним сроком обучения. В них принимались юноши не из кадетских корпусов, а те, кто окончил полный курс или не меньше четырех классов гимназии или реального училища, независимо от сословной принадлежности. Таким образом, Алексеевское пехотное училище заметно отличалось от Павловского и Александровского прежде всего методом комплектования. Если в эти два училища принимались только выходцы из дворян или по меньшей мере дети из богатых семей, то в Алексеевское, как и в другие юнкерские училища, царизм вынужден был открыть доступ детям других сословий. Иной оказывалась и судьба выпускников Алексеевского училища. Обычно их ожидала «военная лямка» в провинциальном заолустье. Но это не мешало «алексеевцам» гордиться своим военно-учебным заведением. Гордился им и Борис Михайлович. Говоря о неравных условиях, в которых находились военно-учебные заведения царской России, он писал:

«Даже кадетские корпуса были в более благоустроенных зданиях, чем наше училище.

Но зато это имело и обратную сторону. Мы до некоторой степени гордились тем, что живем в «казармах», не так, как изнеженные дворянчики, что, по существу, приучило нас к будущей обстановке, когда пришлось уже быть в настоящей казарме.

В училище на основное отделение поступали юноши со всех концов России: окончившие классические гимназии, реальные училища, духовные семинарии, Гатчинский сиротский институт и т. д. Не было только окончивших кадетские корпуса. В 1902 году была сделана попытка направить и их в наше училище, так как в Павловском и Александровском училищах не хватало вакансий для окончивших кадетские корпуса. Однако по общеобразовательной подготовке бывшие кадеты оказались слабее нас, и учиться им было трудно, да и по строевой линии они оказались в хвосте. Через полгода их перевели от нас

сверхштатными в Павловское и Александровское училища, в свою среду, что устраивало их, да, по правде сказать, не обижало и нас».

Социальное расслоение, наблюдавшееся в общественной жизни России, неизбежно проникало, таким образом, и в армию, пока еще продолжавшую оставаться оплотом царизма. Но эти глубинные процессы подготавливали будущей взрыв. Внешне же все протекало благополучно, в строгом соответствии с порядками и традициями, которые господствующие классы в своих интересах вырабатывали на протяжении веков в русской армии.

Алексеевское училище в ту пору, когда учился в нем Шапошников, считалось одним из лучших. Оно давало своим питомцам не только специальную подготовку для командира взвода, но и способствовало их чисто военному и общему развитию. Программой, рассчитанной на два года, предусматривалось изучение тактики различных родов войск применительно к существовавшей тогда организации: общая тактика (на старшем курсе) с кратким понятием о стратегии; уставы; законоведение; военная администрация; военная история, главным образом русская, от Петра I до русско-турецкой войны 1877—1878 годов, механика, физика и химия; русская словесность; иностранные языки — французский и немецкий. По артиллерии и инженерному делу имелись хорошие кабинеты. Оценка успеваемости производилась по 12-балльной системе.

Вся жизнь в училище подчинялась строгому распорядку дня: подъем в 6.30 утра, в 7.30 построение на утренний осмотр, затем утренний час, с 8.30 до 14.00 занятия в учебных классах с большой переменой в 11 часов, во время которой давался горячий завтрак (обычно котлета с черным хлебом, кружка чаю и два куска сахара). С 14 до 16 часов проводились строевые занятия. С 16 до 17 часов обед (из двух блюд; по праздничным дням и один раз среди недели давалось сладкое), после чего разрешался полторачасовой отдых. С 18.30 до 20.00 — самостоятельная подготовка в классе уроков на следующий день. В 20 часов был вечерний чай (кружка чаю с белым хлебом), затем вечерняя переключка и молитва. С 21.00 до 22.30 юнкера находились в своих помещениях или в читальне. В это время разрешалось заниматься и в классе. В 22.45 — отбой.

Все юнкера были на полном содержании военного ведомства, но никакого жалованья не получали. При пере-

ходе из младшего класса в старший держали экзамены, а затем выпускные экзамены при окончании старшего класса.

Борис Шапошников воспринимал как необходимость этот жесткий распорядок дня, строгую дисциплину, насыщенность каждого дня занятиями. Учился он легко и к концу первого года имел переводной балл 11,6, занимая первое место по списку юнкеров младшего класса. Выделялся он и в занятиях по строевой подготовке.

Вспоминая о своей учебе в Алексеевском училище, Борис Михайлович по-разному отзывался о преподавателях и воспитателях, которые работали там в ту пору. Были среди них и опытные педагоги, и, как он говорил, нудные. Среди всех выделял он непосредственного начальника и воспитателя полуротного своего командира штабс-капитана лейб-гвардии Кексгольмского полка Бауэра (полуротные командиры числились прикомандированными к училищу и оставались в списках своих полков).

Несколько страничек посвятил этому человеку Шапошников в своих записках. Из них становится ясно не только, как он характеризовал своего наставника, но и какие именно черты особенно ценил в нем.

— Штабс-капитан Бауэр, — вспоминал Борис Михайлович, — был хорошим строевиком и отличным воспитателем. На юнкеров он смотрел как на будущих офицеров, поэтому старался привить нам качества начальника. Прежде всего он требовал от нас правды. Будущий офицер не имел права лгать или изворачиваться. Каждый юнкер, совершивший какой-либо проступок, прежде всего сам обязан был доложить своему непосредственному начальнику — отделенному портупей-юнкеру, — а тот уже докладывал по команде. Обычно в таких случаях Бауэр даже не накладывал дисциплинарного взыскания. Но если сам Бауэр или начальство выше его узнавали о происшествии, тогда с его стороны пощады виновному уже не было...

Второе, что прививал нам Бауэр, — это ответственность. За каждый проступок юнкера отвечали и отделенный, и взводный портупей-юнкера.

Одним словом, повседневным воспитанием Бауэр вкладывал в нас то, что нам должно было понадобиться в будущем. Лично я, следуя по службе его принципам, в отношениях с подчиненными всегда достигал успеха...

У Бауэра я числился и строевиком и распорядитель-

ным, аккуратным юнкером. Несколько человек из таких строевых юнкеров Бауэр приглашал по субботам к себе в гости, и здесь он изучал нас внимательно, но уже в другой, не служебной обстановке.

Всего лишь год с небольшим имел возможность Борис Михайлович общаться с командиром, у которого учился и к которому стал испытывать глубокое уважение. В конце 1902 года Бауэр ушел из училища в полк, оставив по себе хорошую и долгую память.

Лагерный период обучения летом 1902 года завершал первый год пребывания Шапошникова в училище. Знаменателен для него он был участием в курских маневрах. Маневры эти проходили в конце августа, когда старшекурсники, уже произведенные в офицеры, разъехались в отпуск. Поэтому командиров для юнкерских взводов, участвовавших в них, подбирали из своих же первогодков. Шапошникова, который выделялся успехами в учебе, назначили командиром взвода. Таким образом, уже в двадцать лет он впервые соприкоснулся с командирскими обязанностями в условиях, приближенных к боевым. Его умелые действия в ходе маневров были учтены в последующем: на старшем курсе Шапошников был произведен в армейские унтер-офицеры и портупей-юнкера. Теперь в его обязанности наряду с учебой на втором курсе входило еще и командование взводом вновь набранного младшего класса. Об этой своей работе он вспоминал:

— Бывало трудно, но я работал самостоятельно, составлял расписание занятий и занимался повседневным воспитанием молодых юнкеров. Для последующей моей службы это принесло большую пользу. Явившись в роту подпоручиком, я не был подобен брошенному в воду щенку, не умеющему плавать, а сразу брался за знакомое дело.

Перед самым выпуском из училища были еще одни маневры, в которых довелось участвовать Шапошникову, — звенигородские. Теперь под его командованием был взвод юнкеров, с которыми он занимался на протяжении всего года. И вновь он показал незаурядные командирские качества, умение быстро принимать решения, отвечающие складывающейся обстановке, и твердо проводить их в жизнь.

Училище Шапошников закончил, имея наилучшие показатели по успеваемости. Его имя было занесено на мраморную доску. Позже, когда мне довелось учиться в том

же Алексеевском училище, я видел его фамилию на этой доске, укрепленной на стене при входе в актовый зал. Сам Борис Михайлович вспоминает, что видел эту доску в 1927 году, уже будучи командующим войсками Московского военного округа, когда посетил расположенную в здании бывшего Алексеевского училища советскую пехотную школу, носившую имя революционера-народовольца М. Ю. Ашенбреннера.

Немного свободное время, оставшееся от учебы, Шапошников использовал преимущественно для приобщения к театру. Это увлечение его началось еще в Перми, где был неплохой театр, в последний год учебы в реальном училище. Теперь же, в сезон 1902/03 года, в Москве Борис Михайлович получил возможность наслаждаться в опере великолепным искусством Шаляпина, Собинова, блиставшей в то время в балете Гельцер — ученицы знаменитого балетмейстера Мариуса Петипа, посещать спектакли развертывавшего свою работу Художественного театра во главе со Станиславским. «Ученье мое шло по-прежнему отлично, — писал по этому поводу Шапошников, — театр не сбавлял мне баллов, а удовольствия я получал много». И в более поздние годы жизни Шапошников любил театр горячей юношеской любовью. Даже в самые напряженные периоды работы он старался выкроить вечер, чтобы посетить театр. Это было лучшим для него отдыхом, стимулом к последующему еще более напряженному и плодотворному труду. Увлечение театром обогащало духовный мир Бориса Михайловича так же, как и чтение.

Как лучший по успеваемости среди окончивших училище в 1903 году Шапошников был первым в списке на право выбора места будущей службы. Только фельдфебели пользовались правом выбора вне этого списка, за ними, практически четвертым, шел Шапошников. Поэтому он заготовил список с названием четырех воинских частей, в одной из которых желал бы служить, и расположил их в порядке предпочтительности следующим образом: 30-й лейб-гренадерский Эриванский полк (старейший в русской армии полк, имевший почти 300-летнюю боевую историю), располагавшийся неподалеку от Тифлиса; 1-й стрелковый Восточносибирский полк с базированием в врочище Новокиевское на Дальнем Востоке; 1-й стрел-

ковый Туркестанский батальон, стоявший в Ташкенте; 205-й резервный Измаильский батальон с местом дислокации в Одессе.

Список, который составил Борис Шапошников, характерен в том отношении, что в нем названы части пограничных округов. Это обусловлено стремлением военного министерства того времени пополнить выпускниками военных училищ прежде всего пограничные округа. Части же внутренних округов заполнялись офицерами, окончившими юнкерские училища. Мера, конечно, целесообразная, поскольку первые отличались лучшей подготовкой, нежели вторые. Но при этом выпускники военных училищ проигрывали в том смысле, что на их долю доставались наиболее дальние гарнизоны, расположенные не в больших городах, а в мелких населенных пунктах на западных границах или вообще за тридевять земель — по меркам того времени — от центральных районов России: на Кавказе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке. Однако это не смущало молодого офицера Шапошникова, как видно из того же списка, предпочтение он отдавал не месторасположению будущего гарнизона, а характеру предстоящей службы.

1-й Туркестанский батальон, подпоручиком которого он стал, представлял собой хотя и сравнительно молодую часть в армии России, однако имел солидную боевую историю. Будучи сформирован в 1865 году в Оренбурге, он был направлен к Ташкенту, в район боевых действий, и затем участвовал почти во всех походах и боях в Средней Азии, в войнах с Бухарой, Кокандским ханством. Под командованием известного впоследствии генерала М. Д. Скобелева его подразделения преследовали остатки кокандских войск до предгорий Памира. Батальон, как и другие части Туркестанского военного округа, как пограничного и с небольшим сравнительно русским населением, содержался по усиленному штату. Большое внимание уделялось боевой подготовке, особенно стрельбе. Традицией стрелковых частей Туркестана были быстрые и длительные марши, в том числе в горных условиях. Все это было хорошей школой для молодого офицера.

Подпоручик Шапошников, назначенный командиром полуроты, довольно быстро сумел завоевать себе деловой авторитет. Из двадцати офицеров Туркестанского батальона только шестеро относились к числу молодых, остальные и по возрасту были значительно старше, и выслугу

лет имели от десяти до двадцати лет, причем служили преимущественно в том же батальоне. Как вспоминает Борис Михайлович, по этой причине он и другие молодые офицеры «ходили в батальоне, как говорится, на цыпочках и, хотя по закону на офицерских собраниях имели право голоса, никогда его не подавали, слушая, что говорят старшие». Зато в вопросах службы Шапошников был не из робких.

Уже через месяц после прибытия Шапошникова в роту, где он был назначен обучать молодых солдат, у него произошло столкновение с фельдфебелем роты Серым, состоявшим на сверхсрочной службе.

Фельдфебели, относившиеся к унтер-офицерскому составу, на котором лежало поддержание внутреннего порядка в подразделениях, в старой русской армии, как известно, были грозой не только для солдат. Иногда они не ставили ни в грош и младших офицеров роты, сплошь и рядом докладывая ротному командиру об ошибках полуротных.

И вот однажды, когда Шапошников пришел на занятия, он увидел, что солдаты делают ружейные приемы не по уставу. Спросил унтер-офицера, почему так делается. Отвечает: «Так приказал фельдфебель». — «Позвать фельдфебеля Серого». Когда тот пришел, Шапошников заставил его прочитать нужные параграфы устава, а затем спросил, понял ли он, как нужно делать. «Понял, — отвечает Серый, — только у нас иначе делается». — «Так вот, фельдфебель Серый, запомни раз и навсегда, что нужно делать так, как написано в уставе, а кунштюки с винтовкой я и сам умею делать!» Взяв в руки винтовку, подпоручик велел Серому командовать, а сам четко проделал прием по-уставному. «Ну а теперь смотри, как можно делать этот прием и иначе». И он от ноги подбросил перед собой винтовку так, что она трижды перевернулась в вертикальном положении, затем быстро поймал ее у середины своей груди, закончив прием. «Видал, как можно делать? Но это не по уставу, и впредь не смей отменять уставных требований». «Посрамленный фельдфебель удался, — заключает этот эпизод Борис Михайлович, — жаловался, наверное, ротному командиру, но больше не своевольничал».

Шапошников постепенно начал ломать и так называемую «словесность» — так именовалось на солдатском языке изучение устава внутренней службы в сочетании с

обязанностью солдата знать свое начальство, различать чины и т. д. Премудростям «словесности» солдат обучали унтер-офицеры, и сводилась она к механической зубрежке. По вызову отделенного новобранца вскакивали, ударяли себя ладонями по швам брюк и без ошибки должны были отчеканить ответ на вопрос унтер-офицера. Отвечали скороговоркой и даже какими-то белыми стихами. И стоило только чуть заикнуться, как следовало грозное внушение отделенного новобранцу. Подпоручик Шапошников стал добиваться, чтобы его солдаты не механически заучивали необходимый материал, а прежде всего думали и запоминали осознанно. Такая методика была встречена унтер-офицерами с явным неудовольствием. Но подпоручик настойчиво добивался своего.

Его требовательность по службе была правильно понята подчиненными, так как все они видели, что он строг, но справедлив и если не дает никому послаблений, то это же правило незыблемо распространяет и на самого себя, никогда не относясь безразлично к своим обязанностям. Они всегда видели его в батальоне аккуратно в 8.30 утра подтянутым, замечающим любую неточность в действиях солдат и обучающих их унтер-офицеров и умеющим ровно и спокойно поправить дело. После обеденного перерыва подпоручик ежедневно вновь приходил в свою роту и проводил предусмотренные занятия, контролировал унтер-офицеров. Вскоре полурота, которой командовал Шапошников, стала заметным в батальоне подразделением в выучке и дисциплине.

Летний лагерный период прошел для Шапошникова не менее успешно, чем зима 1903/04 года. В начале сентября Ташкентскому батальону делал смотр прибывший из Петербурга генерал. Экзамен предстоял очень важный, так как результаты смотра шли в приказ по военному ведомству. В день смотра роты, в которой служил Шапошников, досталось сложное упражнение: стрельба по 12-фигурной мишени в рост одиночным огнем из положения лежа с упора на дистанции 1400 шагов. Сложность стрельбы заключалась в том, что на такой большой дистанции нужно было точно учитывать силу ветра и соответственно выносить точку прицеливания, целясь не под мишень, а на две, даже четыре фигуры от нее в сторону, противоположную направлению ветра. Борис Михайлович так рассказывает о ходе и результатах этой стрельбы: «Дошла очередь стрелять нашей роты. Запретив унтер-офице-

рам вмещиваться в дело, дабы не нервировать стрелков, я и ротный командир давали точки прицеливания и наблюдали за каждым выстрелом. Рота дала сверхотличный результат... Сверхотлично стрелял и весь батальон, заняв по стрельбе первое место в лагере».

На деловые качества Шапошникова обратило внимание начальство. В первый же год службы его командировали к штабу округа, предложив наблюдать за печатанием нового мобилизационного расписания, которое было строго секретным документом, и работать с его корректурой, кроме последней, которую вел уже сам генерал-квартирмейстер округа. В роте Шапошникова на время почти двухмесячной командировки замещал другой полуротный командир, штабс-капитан. Подпоручик был благодарен ему за то, что тот не нарушал его методики обучения, и в подразделении все оставалось в порядке.

После лагерного сбора командир батальона предложил подпоручику Шапошникову отправиться в Самарканд в нештатную окружную школу фехтования при 2-м казачьем Уральском полку. После четырехмесячной подготовки офицеры, прошедшие курс, становились инструкторами по фехтованию на рапирах, эспадронах и штыках. Так как занятия в школе занимали всего четыре часа в день, офицеры, собранные в школу, а их было всего восемь человек, попросили расписать их по казачьим сотням, чтобы учиться верховой езде и конному строю. Так Борис Михайлович начал знакомиться с кавалерией, что пригодилось ему в последующей службе.

Я уже говорил об исключительной целеустремленности Бориса Михайловича, которую он вырабатывал в себе с юных лет. Вот и эта учеба в школе фехтования рассматривалась им как этап в разносторонней командирской подготовке, поэтому он охотно принял предложение пойти в нее, поэтому же дополнительно по программе стал учиться верховой езде и конному строю, а вечера, как ни уставал за день, отдавал чтению. Тем более что до города от школы было далеко и выбирался он туда лишь изредка.

К этому времени Борис Михайлович уже наметил для себя очередную задачу — закончить Академию Генерального штаба. Таким образом, все, что делал он теперь, рассматривалось им и с точки зрения достижения намеченной цели. В конце 1904 года в гарнизонном собрании в Ташкенте Шапошников встретил генерал-квартирмейсте-

ра округа, чье задание по печатанию мобилизационного расписания выполнял год назад. Тот, помня хорошую работу Шапошникова, предложил ему перейти на службу в штаб округа помощником старшего адъютанта мобилизационного отдела. Для подпоручика, всего лишь год назад окончившего военную школу, это было весьма лестное предложение. Оно означало, помимо оказываемого доверия, существенную прибавку к жалованью, получение красивой адъютантской формы, а это ведь тоже немало важно для молодого офицера. Шапошников поблагодарил, попросил время, чтобы подумать, посоветоваться со старшими товарищами, и вскоре... отказался от этого предложения. По собственным словам Бориса Михайловича, оно имело один только минус: принять его означало уйти из строя, между тем для тех, кто не прослужил в строю трех лет, двери Академии Генерального штаба навсегда закрывались.

Кастовая замкнутость офицерства старой русской армии, всеми мерами воспитывавшаяся в его среде аполитичность, отдаленность Ташкента от центров России, казалось бы, глухой стеной должны были изолировать Ташкентский гарнизон, где служил Шапошников, от внутриполитической жизни страны. Однако грозное эхо событий нараставшей первой русской революции дошло и сюда. С января 1904 года шла русско-японская война. Вполне естественно, что Шапошников и его сослуживцы пристально следили за ее ходом. Многие стремились уехать на театр военных действий. Но удалось это сделать только некоторым офицерам Генерального штаба. Строевых же офицеров из войск в действующую армию, как правило, не брали. Туркестанский военный округ граничил с Афганистаном, и, поскольку Англия была в союзе с Японией, его войска не только не ослаблялись, но даже усиливались.

Как все военные, сослуживцы Шапошникова испытывали профессиональный интерес к происходившим на маньчжурском театре боевым событиям. Имели они и дополнительный мотив, заставлявший их обостренно переживать эти события. Дело в том, что командующим Маньчжурской армией, а с осени 1904 года и главнокомандующим вооруженных сил России на Дальнем Востоке был А. Н. Куропаткин, генерал от инфантерии и генерал-адъютант, военный министр России. Свою офицерскую службу он начинал в 1866 году в том же 1-м стрелковом Турке-

станском батальоне, а затем на протяжении одиннадцати лет тесно соприкасался с ним по службе. Свою связь с батальоном Куропаткин поддерживал и впоследствии, будучи военным министром. Вот почему в офицерском собрании Туркестанского батальона с такой жадностью обсуждалось каждое событие с театра войны, которое приносили газеты. С горечью приходилось выслушивать хулу на Куропаткина и не хотелось верить в нее. Но если истинные причины поражений русской армии не только, а может быть, и не столько в качествах главнокомандующего... Так в чем же тогда? Такой вопрос вставал неотвратимо, и, хотя далеко не сразу и не все смогли найти правильный на него ответ, тем не менее задумываться приходилось все чаще и чаще.

Не только ход русско-японской войны заставил многих задуматься о судьбе России. В стране поднималась волна стачек рабочих и выступлений крестьян. Хотя в Туркестане и сохранялось относительное спокойствие, но и сюда различными путями доходили вести о нараставшем кризисе царизма. Еще летом 1903 года Шапошников узнал о расстреле на его родине, в Златоусте, рабочих, которые собрались на площади перед заводом и домом горного начальника, чтобы просить об улучшении условий труда. Известие о Кровавом воскресеньи 9 января 1905 года застало его в Самарканде. «Подробности этого великого важности события в таком отдаленном городке, как Самарканд, — вспоминал Борис Михайлович, — были неизвестны, но стрельба войск по шедшим с иконами рабочим была таким происшествием, которое заронило сомнение в правильности принятых правительством мер не в одну офицерскую душу».

Поражение русской армии в 1904—1905 годах, революция 1905 года явились событиями, встряхнувшими и те слои населения Русского государства, которые пребывали в спячке. Возвратившись в батальон, Шапошников увидел наглядное свидетельство пробуждавшегося и в офицерской среде интереса к внутривнутриполитической жизни страны. В офицерском собрании батальона имелась довольно богатая библиотека, по оценке Бориса Михайловича, даже лучшая, нежели в общегарнизонном собрании Ташкента. Почти четыре десятилетия накапливались в ней книги, газеты, журналы за счет фонда, который складывался из небольших ежемесячных взносов офицеров. В библиотеке имелись сочинения классиков и видных военных авторов.

С 1904 года Шапошников был избран заведующим этой библиотекой и приложил немало сил, чтобы увеличить ее книжный фонд. Приобрел сочинения Максима Горького, роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», повесть А. И. Куприна «Поединок», вызвавшую бурные дискуссии в армии. Выписал ряд журналов, в том числе и такие, в которых появлялись иногда наряду с другими статьи и социал-демократического направления.

Однако, горяча взявшись за выполнение общественно-го поручения, он с горечью отмечал, что круг читателей библиотеки был весьма невелик. Теперь же, после возвращения из Самарканда, большинству офицеров, как он заметил, уже трудно было жить одними уставными положениями. После царского манифеста 17 октября 1905 года, возвещавшего о «даровании свободы» и создании Государственной думы, офицеры все чаще стали спорить о происходящих в стране событиях. Их внимание привлекли программы различных политических партий, не исключая и социал-демократической.

Шапошников стремился к тому, чтобы библиотека могла удовлетворить запросы офицеров и предоставить в их распоряжение литературу всех направлений. И хотя вскоре, как он вспоминал, некоторые книги ему пришлось изъять из общих шкафов, он продолжал давать их всем желающим.

По возвращении из Самарканда произошло изменение и в служебном положении Шапошникова — 31 января 1905 года он был назначен начальником учебной команды батальона с правами ротного командира. Молодой офицер был ошеломлен таким повышением в должности, так как обычно ее занимали офицеры, прослужившие достаточно долго и имевшие чин не меньше штабс-капитана. Вплоть до осени 1905 года исполнял он свои новые обязанности, относясь к ним, как и всегда, с полной отдачей сил. Затем, когда в батальон возвратились несколько офицеров из Маньчжурии, вновь стал полуротным командиром и получил чин поручика. С января 1907 года Борису Михайловичу разрешили начать подготовку к сдаче экзаменов в Академию Генерального штаба, и он, по собственному выражению, превратился в затворника: днем нес службу в батальоне, ночью упорно занимался. Предварительные испытания в округе прошел весьма успешно. Не менее успешно сдал вступительные экзамены, поручик Б. М. Шапошников в числе 124 офицеров приказом от 16 октября

1907 года был зачислен на младший курс академии. Она размещалась в специально построенном для Академии Генерального штаба двухэтажном здании в форме буквы П на Суворовском проспекте в Петербурге и стала местом учебы Шапошникова на целых три года.

В течение первого года слушатели академии изучали тактику пехоты, конницы, артиллерии, полевую фортификацию, устройство вооруженных сил вообще и армий важнейших европейских государств в частности, а также и США, историю военного искусства с древнейших времен и до войн Наполеона включительно, историю военного искусства России, общую историю XIX века и русскую историю, геодезию и т. д. Изучение иностранных языков проводилось по вечерам для желающих. Зато верховая езда как на вступительных экзаменах, так и в процессе обучения рассматривалась как ведущая дисциплина в подготовке офицеров Генерального штаба — занятия в манеже проводились практически без перерывов на всех курсах. Подобное пристрастие к этому делу в то время Борис Михайлович объяснял опытом русско-японской войны.

— В русской армии так было принято: коли учитывать опыт, так учитывать, — с иронией говорил он.

А опыт этот заключался, по его словам, в том, что в бою под Яньтайскими копьями одна из дивизий русской армии, попав в высокий гаолян, рассыпалась, и управление ею в бою было потеряно. Начальника дивизии генерала Орлова ранило, а начальника штаба Глобачева конь занес в тыл, и подполковник справиться с ним не смог. Так вот и было решено: чтобы впредь верховые лошади не заносили офицеров, потребовать от офицеров Генштаба хорошей верховой езды.

На втором курсе академии чисто военные дисциплины занимали еще больший удельный вес, чем на первом: стратегия, общая тактика, история новейших войн, общая военная статистика, представлявшая, по существу, обзор пограничных с Россией стран на западе и востоке, инженерная оборона государства, военные сообщения, военно-морское дело и т. д. Помимо работы в академии, к практическим занятиям по тактике приходилось много готовиться дома.

После завершения учебы на втором курсе и сдачи экзаменов офицеры уходили в войска, считаясь окончившими академию по второму разряду. И только те, кто имел

успеваемость свыше 10 баллов, оставались еще на год для учебы на дополнительном курсе. Шапошников закончил оба основных курса по успеваемости седьмым. Поэтому он и был оставлен для учебы в академии на дополнительном курсе. Офицеры, оканчивавшие его, предназначались для службы в Генеральном штабе. Программа дополнительного курса состояла преимущественно из практических занятий.

Академию возглавлял в период учебы в ней Шапошникова генерал Щербачев. По словам Бориса Михайловича, на этот пост Щербачев попал только потому, что активно участвовал в подавлении революции 1905 года. Под стать начальнику был и правитель дел академии полковник А. К. Баиов. По своему служебному положению правитель дел имел большой вес в постановке учебного процесса. Сам он читал лекции по истории военного искусства, читал скучно и нудно. Полной бездарностью был преподаватель тактики конницы профессор Елчанинов, который к тому же плохо ездил на лошади и потому приходил иногда на лекции с забинтованной головой. За это и за его ум офицеры окрестили Елчанинова «всадником без головы».

Но были и другие профессора в академии, о которых с уважением отзывался Шапошников: военный инженер Иппатович-Горанский, артиллерийский специалист полковник Дельвиц, отличный лектор по тактике пехоты Данилов, блестящий сказитель русской истории профессор Платонов, впоследствии действительный член Академии наук СССР. Преподавал общую тактику в академии и генерал-лейтенант Бонч-Бруевич, одним из первых среди военных специалистов старой русской армии перешедший после Октября на сторону Советской власти. Лекции по стратегии читал профессор, полковник Незнамов, в июне 1918 года ставший начальником Управления военных сообщений Красной Армии, затем преподаватель советских военных академий в Ленинграде, автор военно-научных трудов и многих военно-публицистических статей.

Вне стен академии слушатели распорядились временно всяк на свой лад. Одних манила «светская» жизнь, и они предпочитали балы и увеселения, уповая на то, что возникающие осложнения при сдаче зачетов и экзаменов будут улажены с помощью различных связей в высокопоставленных сферах. К их числу Борис Михайлович относил

своего сокурсника поручика лейб-гвардии конного полка Врангеля, того самого Врангеля, который в годы гражданской войны стал одним из руководителей контрреволюции на Юге России. «Академия, — писал Шапошников о Врангеле, — ему была нужна, чтобы скорее получить чин ротмистра гвардии, приравнивавшийся в случае ухода в армию к полковнику». Другие слушатели, «не отягощенные упорной любовью к знаниям», заботились только о том, чтобы обеспечить себе переходной балл. Сам же Шапошников оставался верным себе, относясь к учебе всерьез, с полной отдачей сил.

Остававшееся небольшое свободное время предпочитал посвящать чтению или посещению театра. Ему нравился петербургский балет, где блистали в то время Павлова, Карсавина, Кшесинская, и оперный состав Мариинского театра с обоими Фигнерами, Давыдовым, Яковлевым. «Все это, — вспоминал он, — были корифеи сцены, но корифеи «казенные». Они напоминали высоких чиновников сурового Петербурга. Шаляпин и Собинов не могли удержаться на сцене Мариинского театра: постоянная служба на петербургской сцене погубила бы их таланты». В Петербургской консерватории Шапошников слушал последнюю оперу Римского-Корсакова «Золотой петушок», не допущенную цензурой на сцену Мариинского театра. Привлекал его внимание театр Комиссаржевской, зал которого заполнялся по преимуществу не сановниками и чопорными дамами, а учащейся молодежью, средними чиновниками, театральной общественностью. Однако, несмотря на большую любовь к театру, много увлекаться им, как говорил сам Борис Михайлович, не приходилось: мешали домашние вечерние занятия, трудно было достать билеты, да и офицерский бюджет не позволял.

Что же дала Шапошникову академия?

Его собственная оценка этого события в своей жизни кажется мне исчерпывающей:

«Нет сомнения, что она расширила теоретический кругозор, напитала знаниями, которые нужно было как следует еще переварить, а самое главное, найти применение им в жизни.

...Академия привила мне любовь к военной истории, научила извлекать из нее выводы на будущее. К истории я вообще всегда тяготел — она была ярким светильником на моем пути. Необходимо было и дальше продолжать изучать этот кладезь мудрости.

Что же касается практической подготовки к службе в Генеральном штабе, то здесь мы получили не очень много. Групповые упражнения развивали тактическое мышление, но такого рода занятий, как военная игра, у нас и в помине не было. Между тем с этим мы столкнулись с первых же шагов своей работы и в войсках и в штабах. Метода проведения военных игр, метода свободного творчества в них академия не раскрыла своим adeptам. Коротко говоря, мы были выпущены в жизнь больше теоретиками, чем практиками. От нас самих уже зависело сделаться практиками. Но академия приучила нас к напряженной работе и к выполнению работы в указанный срок».

Как будет видно из дальнейшего, Борис Михайлович, объективно оценив все то, что дала ему учеба в академии, в последующей службе сумел правильно распорядиться полученными знаниями теории военного дела, дополнил их разносторонним практическим опытом. Многие сделал он и для того, чтобы уже в советское время в учебном процессе Военной академии Генерального штаба преобладало именно творческое начало в изложении и усвоении предусмотренного программой материала. Но все это произойдет позднее, а пока...

26 мая 1910 года приказом по военному ведомству Шапошников за отличные успехи в науках был произведен в штабс-капитаны. В числе 48 офицеров из 124, которые поступали вместе с ним в 1907 году в академию, он был причислен к Генеральному штабу. По существовавшему положению выпускникам предстояло последующие два года откомандовать ротой. Борис Михайлович выразил желание продолжить свою службу в 1-м стрелковом Туркестанском батальоне.

Снова Ташкент. В Туркестанском стрелковом батальоне, который Шапошников считал родной своей частью, за три года произошло много изменений: по сухоумлиновской реформе он развертывался в полк. Старых офицеров Шапошников там встретил немногих, почти все они ушли из батальона, а вместе с тем исчезла и «старая туркестанская» атмосфера, какая была до отъезда в академию. Однако вскоре Борису Михайловичу уже некогда было наблюдать происшедшие перемены: окунувшись в жизнь полка и приняв роту для цензового командования, он целиком был поглощен служебными делами. Распорядок учебного дня был привычным по прежней службе. Одна-

ко сам Шапошников стал уже другим, с иными теоретическими познаниями, которые старался применить на практике и не преминул ввести изменения в программу занятий со старослужащими солдатами. Тактику отделе-ния и взвода они проходили на большом ящике с песком. В более усложненной обстановке стали проводиться занятия с унтер-офицерами. Определенное время ежедневно уходило на решение разных учебных и хозяйственных вопросов в роте. Во второй половине дня — порученные ему обязательные занятия с офицерами батальона, в состав которого входила его рота. Подготовка к ним также требовала значительного времени. Ни на один день не прекращал и личной своей учебы: чтения новых книг или разработки военно-исторических примеров. Привыч-ный ритм будничной службы менялся только при участии в полевых поездках, рекогносцировках и в маневрах, при-чем в подобных случаях Шапошникову обычно поруча-лось составлять задания в роли посредника или началь-ника штабов отрядов. От офицеров Генерального штаба требовалось периодическое выступление с военно-истори-ческими докладами в гарнизонном собрании. Эту свою обязанность Борис Михайлович выполнял столь же тща-тельно, как и все другие, но относился к ней с особен-ным интересом. Если напомнить к тому же о природной его склонности к научно-исследовательской работе, то ста-нет понятным успех, которым пользовались сделанные им доклады.

...Два года, заполненные делами, пролетели незаметно. И вот уже октябрь 1912 года — пришла пора сдавать роту, перешагнув очередной рубеж военной службы. «Я решил, — писал Шапошников, — уйти в другой округ, где можно было получить практику на маневрах и воен-ных играх в большем масштабе, чем в Туркестане».

Таким округом стал приграничный Варшавский воен-ный округ. В декабре 1912 года, получив очередной чи-капитана, Шапошников прибыл туда на должность стар-шего адъютанта 14-й кавалерийской дивизии, расквартиро-ванной в городе Ченстохове. Теперь в круг его обязан-ностей всецело входили уже оперативные, организацион-ные вопросы и боевая подготовка частей дивизии. Изме-нился не только характер служебных обязанностей. Для Шапошникова, прослужившего более девяти лет в пе-хоте, кавалерия была совсем новым родом войск, с кото-рым предстояло теперь познакомиться вплотную. И он

делал это с присущей энергией и целеустремленностью. Изучив оперативный план, Борис Михайлович понял, что 14-й кавалерийской отводится весьма сложная роль в слу-чае войны: расположенная непосредственно у западной границы, она должна будет первой отражать нападение противника, имея целью прикрывать своими действиями стратегическое развертывание русских армий. Поэтому старший адъютант дивизии направил свои усилия на то, чтобы всемерно содействовать повышению подвижности и выгучки частей и подразделений дивизии.

Начальник дивизии генерал-лейтенант Орановский, ко-торому он представился сразу же по прибытии в Ченсто-хов, произвел на Шапошникова благоприятное впечатле-ние. Полковник Вестфален, возглавлявший штаб дивизии, показался ему человеком «средних способностей».

Примерно через две недели после вступления Шапош-никова в должность, в самом начале января 1913 года, из штаба округа поступило указание о проведении ряда учений Ченстоховского гарнизона вблизи прусской грани-цы. Через некоторое время старший адъютант получил от начальника дивизии задание для обеих сторон, участво-вавших в учении. Хотя Борис Михайловича удивило, что начальник дивизии сам подготовил тактическую разработку задания, он промолчал и разослал ее адресатам. Учение прошло благополучно, причем после того, как сделан был разбор, пришлось «экзаменоваться» и старшему адъютан-ту, который сопровождал на учении начальника дивизии: «Орановский не раз оглядывался назад, чтобы посмотреть, на месте ли старший адъютант из пехоты. Я понимал, что меня экзаменуют в верховой езде. Кажется, выдержал экзамен на «хорошо».

Через три дня предстояло новое учение. И тут уж старший адъютант счел возможным спросить у началь-ника дивизии, почему он сам разрабатывает задание, а не поручает штабу. «Путает только, толку мало», — от-ветил он. Шапошников попросил его объяснить замысел учения и разрешить набросать задание. Генерал улыбнул-ся и согласился. Результатом Борис Михайлович был удо-влетворен: вскоре задание «без поправок вернулось с при-казанием разослать войскам. Отныне я приступил к вы-полнению своих прямых обязанностей. Вестфален не ме-шал мне их выполнять».

Участвуя в учениях, инспектируя подразделения, Ша-пошников проводил занятия с офицерами, направлял их

деятельность на то, чтобы лучше готовить солдат к боям. Наряду с решением множества вопросов, связанных с обучением дивизии комбинированным действиям, проведением учений, организацией агентурной разведки, которую ему было приказано наладить, старший адъютант занимался и повседневными менее значительными делами. Большое и малое переплеталось в один узел. Это и была великолепная школа практической оперативной работы в войсковом звене, которая так пригодилась Борису Михайловичу в его последующей деятельности.

В конце лета 1913 года 14-я кавалерийская дивизия весьма неплохо показала себя в больших люблинских учениях. Ее начальника хвалили за два выигранных кавалерийских «боя» и за хорошо организованную разведку. В свою очередь, начальник дивизии отдавал должное старшему адъютанту дивизии капитану Шапошникову, роль которого в этом успехе была далеко не последней.

Служба в Варшавском военном округе была плодотворной для Бориса Михайловича и в другом плане: он имел возможность совершенствоваться дальше в военно-научном отношении. Уже издавна этот округ считался передовым в русской армии в смысле военно-теоретической работы. По оценке Бориса Михайловича, если в период его службы там и «не полностью возродились времена, когда начальником штаба округа был известный в истории Генерального штаба генерал Пузыревский¹, то, во всяком случае, военная мысль больше работала в Варшаве, нежели в казенном Петербурге». Офицеры округа могли регулярно обмениваться мнениями по вопросам военного дела, чему способствовало наличие единственного в русской армии особого собрания офицеров Генерального штаба. Здесь происходили доклады, военные игры, дружеские встречи. При штабе округа издавался небольшой военный журнал. Выходила и своя газета «Офицерская жизнь», причем взгляды ее на тактические и оперативные вопросы военного дела, как отмечал Шапошников, не совпадали со взглядами «Русского инвалида» и «Военного сборника», отличавшихся консерватизмом.

¹ А. К. Пузыревский — русский военный историк и теоретик, генерал от инфантерии, профессор, преподавал историю войн и военного искусства и тактику в академии Генштаба, представитель прогрессивного направления в военной теории. С 1890 года был начальником штаба, а с 1901 года — помощником командующего войсками Варшавского военного округа.

Через год после своего прибытия в Варшавский военный округ Шапошников выступил в собрании офицеров Генерального штаба с первым своим докладом, темой которого избрал «Действия конницы в Балканской войне 1912—1913 гг.». Уже выбор темы показывает, что автор смело взялся за обобщение самых последних военных событий. Для разработки ее Борису Михайловичу пришлось выписать и основательно проработать ряд книг на немецком и французском языках. Внимательно изучил он и выпущенный германским генеральным штабом специальный сборник, в котором излагались события и делались выводы из них с оперативной и тактической точек зрения. Надо, кстати, заметить, что к этому времени многие офицеры русской армии не знали еще и хода Балканской войны, не говоря уже о ее итогах.

15 декабря 1913 года в 7 часов вечера докладчик вошел на кафедру перед обширной аудиторией, заполненной генералами и офицерами, собравшимися послушать доклад о только что закончившейся войне. Ему, по собственному его выражению, не хотелось оскандалиться. Однако его выступление было прослушано с большим интересом. Начальник штаба округа благодарил за содержательный доклад и тут же согласился с предложением начальника разведывательного отделения штаба округа С. Г. Лукирского послать Шапошникова во все крупные гарнизоны кавалерийских частей округа для чтения доклада.

Это выступление как бы подводило итог первому году службы офицера Генерального штаба Б. М. Шапошникова. Давая ему оценку, Борис Михайлович писал: «Доволен ли я был своим докладом? Да, доволен. После хорошо прошедших маневров 14-й кавалерийской дивизии под Люблином я теперь завоевывал себе некоторый авторитет в округе и в научных вопросах. Для молодого капитана Генерального штаба, служащего год в Варшавском округе, это был неплохой шаг вперед».

Блестящий аналитик, Шапошников трезво и без всякого самомнения старался объективно анализировать собственную службу с единственной целью — идти все дальше и дальше вперед в своем профессиональном совершенствовании. Только поэтому и смог он достичь столь выдающихся результатов.

Спустя полгода началась первая мировая война. Вместе с 14-й кавалерийской дивизией вступил в нее капитан Шапошников. В ходе войны он сумел приобрести

себе репутацию боевого офицера, сочетающего высокую военную грамотность с личным мужеством и храбростью. Уже первые месяцы войны достаточно убедительно это показали: старший адъютант 14-й кавалерийской дивизии капитан Генерального штаба Б. М. Шапошников четырежды был удостоен награждения орденами за боевые отличия. И с полным правом написал впоследствии: «Относительно знания войны — я как-то почувствовал себя крепче на ногах, появилась уверенность в действиях, о чем раньше знал только теоретически, выработались навыки оперативной штабной работы. Говоря по-кавалерийски, я почувствовал себя крепко сидящим в седле».

В августе 1927 года, после двенадцати месяцев обучения на отделении командиров полков стрелково-тактических курсов «Выстрел», я вернулся в Тверь, в свой 143-й полк 48-й стрелковой дивизии. Незадолго перед этим командующим войсками нашего Московского военного округа стал Борис Михайлович Шапошников.

До этого мне уже довелось видеть его. В 1922 году я временно командовал 142-м полком в нашей же дивизии. И вот вскоре после того, как принял полковые дела, стали мы готовиться к сентябрьским маневрам. Предстояло серьезное испытание: это были первые в стране после окончания гражданской войны двусторонние маневры с участием всех родов войск, а также частей ГПУ и ЧОНа. Волновались все мы в полку, волновались и наши шефы — члены Тверского уездного исполнительного комитета. Однако все прошло благополучно, действия полка получили положительную оценку. Маневры состоялись в присутствии главнокомандующего Красной Армии Сергея Сергеевича Каменева и первого помощника начальника штаба РККА Бориса Михайловича Шапошникова.

Теперь, спустя четыре года, наши служебные пути дороги сошлись поближе. Все мы, старожилы Тверского гарнизона, гордились тем, что служим в столичном военном округе. И потому особенно интересовались боевой биографией своего нового командующего. Имя Шапошникова в ту пору уже было известным в Красной Армии.

Вступив в нее добровольно в 1918 году, Борис Михайлович выполнял ответственную оперативную работу. В мае 1918 года он был назначен в Оперативное управ-

ление Высшего военного совета на должность помощника начальника управления. В момент, когда наступил качественно новый этап в его жизни, когда испытывались не столько военные его знания, сколько моральные основы и общественное сознание, он оказался рядом с людьми, которых знал по службе в старой армии: военный руководитель Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевич, как мы уже знаем, был преподавателем в Академии Генштаба, когда там учился Шапошников, начальник Оперативного управления Н. А. Сулейман был его однокурсником по академии, с помощником Бонч-Бруевича, генералом старой армии С. Г. Лукирским он был знаком по совместной службе в Варшавском военном округе. Все они были военными специалистами высокого класса, но главное — честными людьми, сознательно сделавшими свой выбор и искренне отдававшими свои знания и опыт служению народу.

Несколько месяцев Шапошников служил под началом Н. И. Подвойского в Высшей военной инспекции, затем первым помощником начальника штаба Наркомвоенмора Украины. С августа 1919 года Шапошников был переведен начальником разведывательного управления Полевого штаба Революционного Военного Совета Республики, а с октября стал начальником его Оперативного управления. В это же время он познакомился с М. В. Фрунзе, а в конце 1920 года они вновь встретились на Южном фронте при разработке планов операций против Врангеля. В последующем, проводя в 1924 году реорганизацию центрального аппарата и возглавляя Штаб РККА, М. В. Фрунзе, зная блестящие оперативные способности Б. М. Шапошникова, оставил его своим помощником. Высоко ценили начальника Оперативного управления и такие опытные генштабисты, как главком С. С. Каменев, начальник Полевого штаба РВСР П. П. Лебедев. За активное участие в оперативной работе Полевого штаба, проявленную инициативу и твердое проведение разработанных им лично боевых операций Красной Армии Б. М. Шапошников был награжден в 1921 году орденом Красного Знамени. В приказе РВСР от 14 октября 1921 года отмечалось: «В течение своей деятельности на высокоответственной должности начальника Оперативного управления Полевого штаба РВС Республики т. Шапошников являлся непосредственным активным сотрудником всей оперативной работы во всех ее подробностях...

Занимая указанную должность... т. Шапошников с присущей ему инициативой... работал с полным самоотвержением и днем и ночью».

В годы гражданской войны Борис Михайлович не только сложился как крупный оперативно-штабной работник, но и проявил талант военного теоретика и публициста. Уже тогда стали известны его работы о боевой подготовке войск, о действиях стратегической конницы, обзоры боевых действий в кампаниях 1919—1920 годов. Обобщение и осмысление боевого опыта стало основной темой его выступлений в печати в первые годы после гражданской войны. Его труды «Конница» и «На Висле» — крупные, интересные научные исследования.

Ответственная работа в штабе РККА в период военной реформы натолкнула Бориса Михайловича на мысль обобщить практику генеральных штабов различных стран и создать труд, в котором бы говорилось о том, какое место подобный орган должен занимать в Красной Армии. Будучи командующим войсками Ленинградского и Московского военных округов, он упорно работал над вопросами боевой подготовки войск и оперативной подготовки руководящего состава, продолжая свои теоретические исследования. Изучение деятельности генерального штаба австро-венгерской армии по пятитомным мемуарам его начальника фельдмаршала Конрада фон Гетцендорфа, работ о французском и германском генеральных штабах, документальных материалов русского Генерального штаба позволили ему завершить исключительно интересный трехтомный труд «Мозг армии». В нем было дано четкое представление о том, чем должен быть Генеральный штаб в условиях нашего времени, каково его место в военной системе, как должна организовываться его работа. Автор стремился рассмотреть возможный характер той системы военного управления, которая соответствовала бы данному этапу строительства вооруженных сил. Такая постановка вопроса не только приобретала научный интерес, но и имела большое практическое значение.

Книга Б. М. Шапошникова «Мозг армии» знакомила читателя с основными взглядами на характер войны и ее масштабы, давала представление о требованиях, предъявляемых современной войной к полководцу, к органам оперативного управления и их работникам. Наконец, она раскрывала функциональную деятельность Генерального штаба по подготовке экономики страны к войне.

Появление труда «Мозг армии» вызвало живой интерес среди командного состава РККА и нашло широкий отклик на страницах военной печати как у нас в стране, так и за рубежом. Много лет прошло после выхода в свет трех книг «Мозг армии», многое, конечно, за это время изменилось. Но и сегодня главные проблемы, поставленные в труде Б. М. Шапошникова, не устарели... Его ценность многократно увеличивается оттого, что автор целенаправленно стремился проводить в жизнь высказанные идеи. В течение своей службы — сначала начальником Штаба РККА, а спустя несколько лет начальником Генерального штаба — Б. М. Шапошников последовательно решал вопросы, связанные с централизацией в руководстве Вооруженными Силами, боролся за осуществление четкой регламентации штабной службы на всех уровнях. Основные мысли, высказанные Б. М. Шапошниковым в труде «Мозг армии», нашли отражение в ряде его докладов командованию Красной Армии и Советскому правительству о реорганизации центрального военного аппарата, в проектах переустройств Генерального штаба РККА накануне и в ходе Великой Отечественной войны, в директивах об организации полевого управления войск. Им он руководствовался при подборе кадров для Генерального штаба и воспитании у них необходимых качеств советского штабного работника. Б. М. Шапошников был последовательным сторонником объединения управления Вооруженными Силами в Генеральном штабе. В этих вопросах он выступал не только как военачальник, предлагающий реализовать какую-либо частную идею в боевой подготовке или в организационной структуре того или иного войскового организма, а как государственный деятель, проявляющий заботу о необходимом пересмотре взглядов на всю структуру рабочего аппарата верховного командования и его роль в руководстве жизнью и боевой деятельностью Вооруженных Сил в целом.

В практической своей деятельности как командующий войсками округа Борис Михайлович также выступал новатором. Командуя войсками Ленинградского военного округа в 1925—1927 годах, он стал инициатором разработки методики проведения войсковых учений и маневров с участием посредников и нейтральной связью.

Этот опыт внедрялся им и в Московском военном округе, а затем стал достоянием всех округов.

В последующие годы своей службы Борису Михайловичу довелось командовать войсками Приволжского военного округа (1931—1932), затем вновь Ленинградского (1935—1937). И неизменно он пользовался на этих постах заслуженным авторитетом талантливого руководителя, всю свою энергию направлявшего на то, чтобы подчиненные ему войска, штабы, каждый командир, политработник, красноармеец в мирное время находились в постоянной боевой готовности. Заботливо и с любовью учил он командный состав искусству руководства и управления войсками. Командующий часто бывал на стрельбищах, учебных полях, командирских занятиях. Никакая мелочь в организации военной службы и боевой подготовки не могла ускользнуть от его внимательного взгляда, он замечал все: и положительное, и отрицательное. А во время разбора, подводя итог своим наблюдениям, умел так сформулировать необходимые выводы, что заминались они каждому надолго. При всем этом всегда оставался ровным и спокойным, уважительным в отношении командиров.

Я приехал в штаб Приволжского военного округа начальником отдела боевой подготовки в 1934 году, спустя два года после того, как Шапошников был переведен из этого округа на должность начальника и комиссара Военной академии имени М. В. Фрунзе. Ровно год командовал войсками Приволжского военного округа Шапошников. Но память о себе он оставил у всех добрую. Во время проходившей в декабре 1933 года чистки партии товарищи из комиссии по чистке отмечали: «Борис Михайлович пришел в партию под влиянием серьезных внутренних убеждений... Беспредельно предан делу рабочих и партии. За год пребывания в Приволжском военном округе переродил весь округ. Многоумеющий и многознающий...»

Заключая прения, председатель комиссии сказал: «Я считаю, что если и впредь вы будете работать так же, то будете достойным членом партии». Одно лишь замечание было сделано тогда Борису Михайловичу — больше следить за своим здоровьем: «Вы мало бережете себя. Вам надо работать так, чтобы не надорваться». Однако

щадить себя он не умел, целиком отдавался делу, которое поручала ему Коммунистическая партия.

Вступая в ее ряды, Борис Михайлович писал в заявлении, с которым 28 сентября 1930 года обратился в партийную ячейку Штаба РККА: «13 лет идя рука об руку в своей работе с Всесоюзной Коммунистической партией, проводя за это время неуклонно линию этой партии во всей своей жизни, борясь вместе с ней на фронтах гражданской войны за дело Ленина, я прошу, если окажусь достойным, принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической партии, дабы до конца своей жизни трудом и кровью защищать дело пролетариата в его железных рядах». И он самоотверженно служил делу пролетариата до конца своей жизни. Шапошников был принят в партию решением Секретариата ЦК ВКП(б) в октябре 1930 года без прохождения кандидатского стажа. Оказанное ему высокое доверие он стремился оправдать, органически сочетая большую служебную работу с общественно-политической. В разное время он был членом Средне-Волжского краевого комитета ВКП(б), Красногвардейского райкома ВКП(б) (Ленинград) и Фрунзенского райкома ВКП(б) (Москва). XVIII съезд партии избрал Б. М. Шапошникова кандидатом в члены Центрального Комитета ВКП(б). Неоднократно избирался Борис Михайлович депутатом Верховного Совета СССР.

На всех высших командных постах, которые занимал Б. М. Шапошников непосредственно в войсках Советской Армии, он, несомненно, проявил себя талантливым военачальником. И все же главной сферой его жизненной деятельности, в которой его талант военного руководителя проявился с наивысшей силой, была сфера деятельности штаба. Вспомним, как сам он в письме к Н. В. Пневскому говорил о том, какой характер службы в Красной Армии возможен для него: «Я мог бы занять и строевую должность, но должность Генерального штаба была бы для меня предпочтительней».

Коммунистическая партия и Советское правительство доверили Б. М. Шапошникову наивысшую в Советских Вооруженных Силах «должность Генерального штаба» — должность его начальника. В мае 1937 года после повторного двухгодичного командования войсками Ленинградского военного округа командарм 1-го ранга Б. М. Ша-

пошников был назначен начальником Генерального штаба Красной Армии и заместителем народного комиссара обороны СССР.

Всей предшествующей своей жизнью Борис Михайлович был подготовлен к этой многотрудной деятельности. Надо сказать, что прекрасной школой для него в этом смысле была и работа в академии имени М. В. Фрунзе в 1932—1935 годах. За три с половиной года, в течение которых он руководил академией, сделано было многое. Существенно улучшился учебный процесс, учебные программы были приведены в соответствие с требованиями технической реконструкции Красной Армии. Значительно повышено качество учебных пособий, усовершенствована методика преподавания. Ведущей дисциплиной стала оперативно-тактическая подготовка слушателей академии. На более высокую ступень была поднята научно-исследовательская работа кафедр. Профессорско-преподавательский состав академии был пополнен людьми, обладающими опытом командования воинскими соединениями и частями в новых условиях.

Выражая свое мнение о задачах военной академии, Шапошников писал: «Академия должна, с одной стороны, готовить общеармейского и штабного командира, вооруженного знаниями современной теории военного искусства, а с другой — дать армии практика военного дела... Знание военного дела, знание технических родов войск и умение организовать их использование в боевых действиях составляют важнейший отдел обучения в военной академии».

Большое внимание Борис Михайлович уделял оперативно-тактической подготовке профессорско-преподавательского состава академии. Мастерски владея методикой организации военных игр на картах, он проводил эти игры весьма поучительно и с творческим вдохновением. Они содержали актуальные вопросы теории и практики применения крупных мотомеханизированных и воздушно-десантных соединений на различных театрах военных действий. Убедительные разборы игр, которые проводил Борис Михайлович, были весьма поучительны для слушателей и преподавателей.

Отмечая заслуги Шапошникова в преподавательской и научной деятельности, высшая аттестационная комиссия в мае 1935 года присвоила ему ученое звание профессора. В решении комиссии, в частности, отмечалось, что

Шапошников — военно-научный работник исключительной эрудиции и больших обобщений. Под его командованием Военная академия имени М. В. Фрунзе достигла новых успехов, она удостоена высокой награды — ордена Ленина.

В теоретических дискуссиях, которые проходили в академии, сформировались его взгляды на характер возможных боевых действий Красной Армии в будущей войне, сложились представления о формах операций, стратегическом взаимодействии фронтов и т. д.

— Штабная работа, — не раз говорил Шапошников, — должна помогать командиру организовывать бой; штаб — первейший орган, с помощью которого командир проводит в жизнь свои решения... В современных условиях без четко сколоченного штаба нельзя думать о хорошем управлении войсками.

Возглавив Генеральный штаб, он с новой энергией стал добиваться постоянного улучшения штабной службы во всех ее звеньях.

Совет Народных Комиссаров СССР 13 марта 1938 года принял постановление об образовании Главного военного совета (до этого существовал Военный совет при Наркомате обороны). В составе Главного военного совета находился и начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников, получивший таким образом возможность непосредственно влиять на принятие важнейших решений по вопросам военного строительства. В работе Главного военного совета участие принимал И. В. Сталин, входивший в его состав. Члены Главного военного совета прислушивались к предложениям Шапошникова, высоко оценивали его глубоко научный и деловой подход к сложным проблемам укрепления военной мощи нашего государства.

По инициативе Шапошникова Главный военный совет рассмотрел и утвердил предложенные им мероприятия по реорганизации оперативно-штабной службы и узаконил эти мероприятия специальным постановлением. Суть их сводилась к тому, чтобы повысить внимание командиров всех степеней к организации штабной службы, добиться того, чтобы штаб в целом, так же как командир соединения, части, нес полную ответственность за организацию и исход боя, а его начальник был первым за-

местителем командира как в мирное, так и в военное время.

...В 1937 году я продолжал учебу в Академии Генерального штаба, которая была создана по решению ЦК ВКП(б) в 1936 году.

137 слушателей первого набора, отобранных из работников Генерального штаба и штабов округов, командиров и начальников штабов крупных войсковых соединений и преподавателей академий РККА, приступили к занятиям 1 ноября 1936 года. Срок обучения нам был определен 18 месяцев. Однако завершить полный курс большинству из нас так и не удалось. В конце августа 1937 года и я совершенно неожиданно получил указание принять входившую в состав кафедры оперативного искусства (армейской операции) кафедру тыла. Назначение для меня было совершенно непонятно, так как в данной области я специально никогда не работал. Однако мне сообщили, что оно уже санкционировано начальником Генерального штаба. Еще через месяц так же неожиданно я был вызван в Генеральный штаб. Здесь меня принял Шапошников. Я, конечно, был взволнован.

— Садитесь, голубчик, — сказал Борис Михайлович, когда я вошел в его кабинет и представился по всей форме. — Давайте побеседуем. Я вас немного знаю по Московскому военному округу, так что мы с вами давние сослуживцы... А теперь вот познакомился с аттестациями на вас как оперативного работника в Управлении боевой подготовки РККА и в штабе Приволжского военного округа. Это очень важное сочетание: строевой командир с большим опытом и оператор. Хочу предложить вам стать начальником отделения, ведающего в Генштабе оперативной подготовкой высшего состава армии. Как вы смотрите на это?

Я ответил, что хотя и знаком с оперативной работой, но масштабы ее при новом назначении значительно больше. Справлюсь ли?

— Это хорошо, что вы объективно стараетесь соизмерять свои силы, — заметил Борис Михайлович, выслушав меня. — Что касается масштабов, то они неизбежно должны раздвигаться по мере роста самого работника. Думаю, что общими усилиями мы справимся со всеми делами, хотя дел действительно весьма и весьма много. Пугать вас не хочу, но и правды скрывать не стану: работать придется до изнеможения...

Мне часто впоследствии приходилось слышать от Бориса Михайловича это выражение «до изнеможения». Оно очень точно выражало его собственное отношение к труду, его полнейшую самоотверженность в деле. Его личный вдохновенный пример был лучшим стимулом для всех нас.

Правда, все окружавшее его очень огорчались тем, что, весь поглощенный своим делом, работая «до изнеможения», Борис Михайлович забывал о физических возможностях своего организма и не обращал внимания на рекомендации врачей.

В конце 1938 года врачебная комиссия, проведя всестороннее обследование Б. М. Шапошникова, констатировала, что «в данный момент речь идет о недостаточности кровообращения». Больному было предписано «полное прекращение работы на 5—6 дней и специальное лечение».

Как бы прося извинить его за большое количество обнаруженных слабостей в организме, Борис Михайлович виновато и смущенно улыбался светилам медицины, обещал найти возможность для прекращения работы, только не сейчас, а несколько позже... Зная, что для отдыха их пациент времени искать не будет, профессора обратились к наркому обороны. На их заключение появилась резолюция К. Е. Ворошилова: «Приказываю прервать работу на 6 суток согласно заключению комиссии врачей». А внизу страницы нарком сделал еще и добавление: «От себя рекомендую, Б. М., сократить курение раз в 6—7 и подышать за городом свежим воздухом, если Вы не враг самому себе, и все обойдется».

Приказание Борис Михайлович, конечно, выполнил. Однако болезнь его прогрессировала, а он по-прежнему не щадил себя. В его рабочем кабинете появились кислородные подушки, к которым все чаще приходилось прибегать...

Вплоть до июня 1939 года я возглавлял в Генеральном штабе отделение оперативной подготовки. Основное время уходило у меня на выполнение разнообразных по форме, но примерно сходных в целом по содержанию заданий Бориса Михайловича. В первую очередь это была разработка годовых приказов и директив наркома обороны СССР по оперативно-стратегической подготовке

руководящего состава РККА. В этих документах подвдидились итоги и на их основе определялись задачи на поный год. Начальник Генерального штаба требовал при этом скрупулезного учета конкретных особенностей каждого округа при постановке ему задач, обязательного их соответствия условиям дислокации, материальных возможностей, общей роли, которую играл данный округ в системе Вооруженных Сил. Со многим из того, что мне было известно по прежней работе в Управлении боевой подготовки, я ознакомился заново. Работа, которой я занимался теперь, была несравненно сложнее и ответственнее всей той, с которой мне довелось иметь дело до 1937 года. В Генеральном штабе рядом с Шапошниковым и под его руководством росли мой оперативный кругозор, опыт, знания. Пожалуй, именно тогда мне в полной мере раскрылась та роль, которая отводилась каждому из видов и родов войск в системе Вооруженных Сил. Повседневное общение с Борисом Михайловичем, глубоко знавшим характер современной войны и умевшим сделать ясные выводы из отдельных, казалось бы, разрозненных фактов, были лучшей школой для каждого, кто имел счастье работать под его руководством.

Между тем международная обстановка обострялась все более, фашистская Германия развязывала в Европе одну агрессию за другой. В марте 1938 года она захватила Австрию, а в сентябре состоялось подписание позорного Мюнхенского соглашения об аннексии Судетской области Чехословакии. Все сложнее становились события в Испании, где положение республиканцев ухудшалось. Нарастала угроза нашей стране и со стороны Японии. В июле 1938 года японские милитаристы предприняли вооруженное нападение на нашу территорию у озера Хасан. Они хотели проверить нашу боевую готовность. Получив приказ командования, советские войска 2 августа перешли в наступление. Боевые действия продолжались неделю и закончились крахом японской авантюры.

По приказу Шапошникова почти все эти дни я провел на дежурстве у телеграфного аппарата, в комнате, оборудованной для этой цели напротив кабинета наркома Ворошилова. Сюда часто заходил Борис Михайлович, чтобы получить необходимую информацию о ходе боевых действий. Последующий анализ боев у озера Хасан вылился в подготовку Генеральным штабом проекта приказа

за, вносившего коррективы в боевую и оперативную подготовку войск и штабов с учетом выявленных некоторых недостатков в боевой подготовке войск Дальневосточной (Приморской) армии. Как и всегда, начальник Генерального штаба скрупулезно изучал проект отработанного документа, предлагал свои дополнения, поправки, разъяснения. Затем проект приказа был доложен им наркому обороны. По словам Бориса Михайловича, проект был с удовлетворением воспринят наркомом и одобрен Политбюро ЦК партии.

Осень 1938 года. В сентябре, когда над Чехословакией нависла опасность, а мы еще не знали, что мюнхенское предательство сорвет ее оборону, и собирались оказать ей вместе с Францией, как это предусматривалось договором, помощь, штаб Киевского особого военного округа получил директиву привести в боевую готовность Винницкую армейскую группу и вывести ее к государственной границе СССР.

Вся работа штаба Киевского военного округа, как и других округов, протекала по указаниям Шапошникова. Мы, штабные работники, вновь и вновь убеждались в непререкаемом авторитете Бориса Михайловича, его огромной эрудиции, получали от него все новые теоретические и практические навыки по организации, планированию и проведению операций армейского и фронтового масштаба. Здесь, да и на всех учениях, маневрах, которыми руководил Шапошников, все мы, работники Генштаба, буквально поражались умению Бориса Михайловича оценивать оперативно-стратегическую обстановку по картам. Обратила на себя внимание и такая деталь: в полевых поездках он никогда не держал карты в руках, хотя ориентировался по местности прекрасно.

Однажды я спросил его, как ему это удается.

— Что ж, если вас это заинтересовало, могу поделиться добрым советом, данным мне в свое время моим начальником генералом Орановским, у которого в дивизии я был старшим адъютантом. Так вот, для лучшего чтения карты он посоветовал мне практиковать следующую методику. Перед выездом в поле по карте наметить себе маршрут, изучить его, запомнить местные приметы, а затем уже без карты отправляться в поездку и ехать по памяти. Благодаря таким упражнениям я развил свою топографическую память и по карте легко могу представить себе местность...

Он улыбнулся с лукавым огоньком в глазах и закончил:

— Добрый совет дорого стоит, голубчик. Воспользуйтесь им. Мне это все очень пригодилось.

Вот уж поистине: талант и труд неотделимы. Борис Михайлович неустанно совершенствовался сам и щедро делился всем, что умел, с окружающими его по работе. Его личный пример оказывал огромное влияние на формирование качеств работников Генерального штаба. Его вежливость в отношениях с подчиненными, скромность и большой такт, дисциплинированность и предельная исполнительность — все это воспитывало у работавших вместе с ним людей чувство ответственности и высокую культуру личного поведения. В безупречном, инициативном и своевременном выполнении заданий партии и правительства по укреплению обороноспособности страны видел он свою главную обязанность и смысл существования Генерального штаба. Все это, вместе взятое, создавало тот непередаваемый словами дух сплоченности, который отличал все коллективы, руководимые Борисом Михайловичем Шапошниковым.

1939 год оказался до предела насыщен событиями, резко осложнившими международную обстановку: дело шло ко второй мировой войне. Оперотдел Генштаба трудился не покладая рук (к этому времени произошло мое частичное перемещение по службе: оставаясь начальником отделения оперативной подготовки, я был назначен по совместительству заместителем начальника оперативного отдела). Не останавливаясь на общеизвестных фактах международной обстановки того времени, скажу лишь, что они непосредственно отражались на нашей повседневной работе. Генеральный штаб с неослабным вниманием следил за тем, как разворачиваются события. Все, кому довелось участвовать в работе XVIII съезда партии, сохранили в своей памяти содержательную речь на съезде начальника Генштаба РККА Шапошникова. Она была пронизана духом глубокой партийности, непоколебимой верой в силы Советского государства и его армии и флота. «Для решения грандиозных задач новой эпохи, в которую мы вступили, — эпохи постепенного перехода от социализма к коммунизму, — говорил он с трибуны съезда, — трудящиеся Советской страны в своем мирном труде должны быть гарантированы от нападения агрессоров».

Центральный Комитет партии и Советское правительство выполняли указания XVIII съезда — не дать империалистам втянуть нашу страну в войну. Еще не имея тогда всех данных закулисных махинаций правящих кругов империалистических держав, Советское правительство тем не менее предугадывало двойную игру капиталистических держав.

В августе 1939 года в Москве состоялись переговоры с военными делегациями Франции и Англии. Их участники обсуждали вопросы координации действий армий трех государств: Советского Союза, Англии, Франции — в случае возникновения агрессии в Европе. Представители английской и французской армий, излагая на переговорах планы своих стран, ограничивались общими, нередко очень туманными рассуждениями. Их планы фактически не были рассчитаны на военное сотрудничество с СССР.

По поручению Советского правительства план советской военной делегации участникам переговоров представил Шапошников. Он изложил три варианта возможных совместных действий Красной Армии и вооруженных сил Англии и Франции в случае, если в Европе начнутся агрессивные действия против стран — участниц переговоров. План был тщательно продуман, четок, обстоятельно аргументирован. Все три варианта совместных действий, предложенные Советским Союзом, характеризовались детальной разработкой, обоснованностью, смелостью замыслов, служили примером четкого военного планирования и позволяли надеяться на успешность отражения агрессии фашистской Германии. Правительства Англии и Франции не приняли предложения СССР. Убедившись в нежелании Англии, Франции и Польши заключить соглашение о совместной борьбе против гитлеровской агрессии, Советский Союз принял предложение Германии заключить пакт о ненападении. Подписав 23 августа этот пакт, СССР расстроил планы международной реакции и повернул ход событий в более благоприятную для себя сторону. Япония была вынуждена, признав свое поражение у Халхин-Гола, пойти на подписание с нами 15 сентября соглашения о ликвидации конфликта. А в Европе уже началась вторая мировая война.

Слаженная работа руководимого Шапошниковым оперативного центра, безусловно, способствовала разгрому японских милитаристов на Халхин-Голе, успешному осу-

цествлению освободительного похода в Западную Украину и Западную Белоруссию осенью 1939 года. Большую работу под руководством Бориса Михайловича проделал Генеральный штаб в связи с назревавшим конфликтом между СССР и Финляндией и в ходе его.

Как известно, попытки Советского правительства решить проблему путем обоюдного, взаимовыгодного соглашения наталкивались на отказ со стороны правящих кругов Финляндии, за спиной которых стояли империалистические державы, надеявшиеся использовать ее территорию как плацдарм для нападения на нашу Родину. Центральный Комитет партии и Советское правительство в условиях тревожной обстановки, складывавшейся на северо-западных рубежах нашей страны, требовали от Наркомата обороны выработки необходимых контрмер для обеспечения безопасности страны.

Главный военный совет РККА рассмотрел вопросы боеготовности Советских Вооруженных Сил на случай возникновения спровоцированного Финляндией военного конфликта. Генеральный штаб предложил разработанный им еще ранее с учетом возможности возникновения такого конфликта и одобренный наркомом обороны частный план отражения агрессии.

Докладывая план Главному военному совету, Борис Михайлович подчеркнул, что сложившаяся международная обстановка требует, чтобы ответные военные действия были проведены и закончены в предельно сжатые сроки, ибо в противном случае конфликт затянется.

Борис Михайлович очень тщательно готовил каждый документ, выходящий из Генерального штаба. Это в первую очередь относится к докладом правительству, Главному военному совету. Несколько позже, когда состоялись мои первые поездки вместе с Борисом Михайловичем в Кремль, первые встречи с членами Политбюро ЦК ВКП(б) и лично со Сталиным, я имел возможность убедиться, что Шапошников пользовался там особым уважением. Сталин называл его только по имени и отчету. Только ему одному разрешал курить в своем рабочем кабинете, а в разговоре с ним никогда не повышал голоса, если и не разделял высказываемой им точки зрения на обсуждаемый вопрос. Но это чисто внешняя сторона их отношений. Главное же заключается в том, что предложения Шапошникова, всегда глубоко продуманные

и глубоко аргументированные, как правило, не встречали особых возражений.

На этот раз Главный военный совет не принял плана, предложенного начальником Генштаба. Сталин предпочел ему предложения командования войсками Ленинградского военного округа, сводившиеся к тому, что основные войска округа объединялись в 7-ю армию двухкорпусного состава, на которую и возлагалась задача прорвать в случае агрессии на Карельском перешейке линию Маннергейма и разгромить здесь главные силы финляндской армии.

Видя, что его доводы не встречают поддержки, Борис Михайлович по своему обыкновению не стал спорить, но и не отказывался от них. Сталин обратил на это внимание и объяснил переутомлением Шапошникова.

— Борис Михайлович, надо вам позаботиться о своем здоровье, — сказал он. — Поезжайте в Сочи, подлечитесь и отдохните.

И Шапошников отправился в Сочи.

Разработанный командованием и штабом Ленинградского военного округа вариант контрудара был представлен в срок и утвержден. Непосредственное командование войсками 7-й армии было возложено на К. А. Мерецкова. А севернее, на огромном фронте протяженностью около 1500 километров, предусматривались действия крайне слабых по своему составу 8-й армии комдива И. Н. Хабарова, 9-й армии комкора В. И. Чуйкова и 14-й армии комдива В. А. Фролова. Эти армии не были полностью укомплектованы.

26 ноября 1939 года возле селения Майнила с финской стороны был открыт огонь по советским пограничникам. В последующие дни эти провокационные действия возобновились. 30 ноября части Красной Армии начали военные действия, вызванные необходимостью обеспечить безопасность нашей границы. В течение декабря войска Ленинградского округа, преодолевая ожесточенное сопротивление и неся серьезные потери, смогли пройти лишь зону заграждений и подойти к главной полосе обороны линии Маннергейма. Попытки прорвать ее с ходу успеха не имели. Потребовалось значительно усилить действующие войска дополнительными соединениями, вооружением и техникой. Эти и другие немаловажные обстоятельства утвержденным планом не предусматривались, поэтому ряд вопросов пришлось решать экспромтом.

В конце декабря 1939 года Главный военный совет вынужден был приостановить наступление наших войск, с тем чтобы более надежно организовать управление, заново спланировать операцию по прорыву линии Маннергейма и провести к ней соответствующую подготовку. Эти вопросы были рассмотрены на специальном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в первых числах января 1940 года. На него были приглашены командующий войсками и члены Военного совета Ленинградского военного округа, командующие войсками Западного и Киевского особых военных округов (они находились в декабре в качестве наблюдателей и советников в войсках Ленинградского округа), а также ряд ответственных лиц из Наркомата обороны и Генерального штаба. Подготовку заседания возложили на Шапошникова. Как раз тогда я был временно привлечен к работе в должности его заместителя по оперативным вопросам. Вспоминая то время, я снова и снова испытываю чувство глубокой благодарности к дорогому Борису Михайловичу за огромную помощь мне добрым словом, советами и наставлениями.

7 января 1940 года по предложению Генерального штаба был создан на Карельском перешейке для прорыва линии Маннергейма Северо-Западный фронт, командование войсками которого возложили на командарма 1-го ранга С. К. Тимошенко. Членом Военного совета фронта был назначен А. А. Жданов, а начальником штаба — командарм 2-го ранга И. В. Смородинов.

Окончательная разработка плана прорыва линии Маннергейма была возложена на С. К. Тимошенко и Генеральный штаб. После утверждения пересмотренного плана командование фронта, армий, Генеральный штаб и аппарат Наркомата обороны проделали огромную работу по подготовке прорыва и наступления в целом. На фронт прибыли новые войска и все необходимое. Действовавшие ранее войска, пополнившись, получили передышку. Кроме того, была произведена необходимая перегруппировка. В начале февраля подготовительные работы в войсках и штабах были закончены. 11 февраля 1940 года фронт перешел в наступление, прорвал оборону противника и успешно стал продвигаться вперед.

Видя неизбежность краха своих замыслов, правительство Финляндии обратилось к Советскому Союзу с просьбой о заключении мира.

В апреле 1940 года в Кремле по решению мартовско-

го Пленума ЦК ВКП(б) для подведения итогов зимней кампании и внесения необходимых коррективов в организацию, вооружение и боевую подготовку Красной Армии состоялось расширенное заседание Главного военного совета. В его работе участвовали члены Политбюро ЦК партии, руководители Наркомата обороны, командующие войсками, члены военных советов и начальники штабов военных округов и армий, командиры корпусов и дивизий, побывавших на фронте, руководители высших военно-учебных заведений и ответственные работники Генерального штаба. В ходе обсуждения вопроса «Об основных принципах организации боевой подготовки войск и штабов» был выработан ряд принципиальных решений, направленных на усиление обороноспособности и боеспособности Красной Армии. Особое внимание обращалось на подготовку войск к действиям в сложных условиях, на штабную подготовку командиров частей и соединений, работников штабов. Увеличилось число учений и маневров.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство произвели значительные перемещения в руководящем составе Наркомата обороны. Реорганизация длилась фактически вплоть до начала Великой Отечественной войны. В мае 1940 года действовавший при Совнаркоме СССР Комитет обороны возглавил К. Е. Ворошилов, а наркомом обороны стал Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко.

Оперплан занимал в те месяцы все наши мысли. Наиболее вероятным противником в нем называлась гитлеровская Германия. Предполагалось, что на ее стороне может выступить Италия, но она, как отмечалось в плане, скорее всего ограничится боевыми действиями на Балканах, созданием косвенной угрозы нашим государственным границам. По всей видимости, на стороне Германии могут выступить Финляндия (чьи руководители после разгрома Франции и краха английских войск под Дюнкерком взяли ориентацию на Берлин), Румыния (типичный «сырьевой придаток» Германии с 1939 года, а летом следующего года вообще отказавшаяся от нейтралитета в пользу фашистского блока) и Венгрия (в то время уже участник «Антикоминтерновского пакта»).

Б. М. Шапошников считал, что военный конфликт может ограничиться западными границами СССР. На этот случай оперплан предусматривал концентрирование основных сил страны именно здесь. Не исключая

нападения Японии на наш Дальний Восток, он предлагал сосредоточить там такие силы, которые гарантировали бы нам устойчивое положение.

Говоря далее о предполагаемом направлении главного удара противника, Борис Михайлович считал, что самым выгодным для Германии, а следовательно, наиболее вероятным является развертывание основных сил немецко-фашистской армии к северу от устья реки Сан. Соответственно в плане предлагалось развернуть и наши главные силы в полосе от побережья Балтийского моря до Полесья, то есть на участке Северо-Западного и Западного фронтов. Обеспечить южное направление должны были согласно плану также два фронта, но с меньшим количеством сил и средств. В целом предусматривалось, что Германии потребуется для развертывания сил на наших западных границах 10—15 дней от начала их сосредоточения. О возможных сроках начала войны в докладе ничего не говорилось. Таковы его общие контуры.

Проект и план стратегического развертывания войск Красной Армии в сентябре 1940 года был доложен И. В. Сталину в присутствии некоторых членов Политбюро ЦК партии. К великому нашему сожалению, в представлении ЦК партии этого важнейшего оперативного документа не участвовал один из основных его составителей и автор главных его идей, Борис Михайлович Шапошников. Дело в том, что в августе 1940 года на должность начальника Генерального штаба вместо него был назначен генерал армии К. А. Мерецков. Таким образом, от Наркомата обороны план представляли нарком С. К. Тимошенко, новый начальник Генерального штаба К. А. Мерецков и его первый заместитель Н. Ф. Ватутин.

О том, что предшествовало перемещению Б. М. Шапошникова, я знаю со слов Бориса Михайловича. И. В. Сталин, специально пригласивший его для этого случая, вел разговор в очень уважительной форме. После советско-финского вооруженного конфликта, сказал он, мы переместили Ворошилова и назначили наркомом Тимошенко. Относительно Финляндии вы оказались правы: обстоятельства сложились так, как предполагали вы. Но это знаем только мы. Между тем всем понятно, что нарком и начальник Генштаба трудятся сообща и вместе руководят Вооруженными Силами. Нам приходится считаться, в частности, с международным общественным

мнением, особенно важным в нынешней сложной обстановке. Нас не поймут, если мы при перемещении ограничимся одним народным комиссаром. Кроме того, мир должен знать, что уроки конфликта с Финляндией полностью учтены. Это важно для того, чтобы произвести на наших врагов должное впечатление и охладить горячие головы империалистов. Официальная перестановка в руководстве как раз и преследует эту цель.

— А каково ваше мнение? — спросил Сталин.

Борис Михайлович понимал, что Коммунистическая партия и Советское правительство выразили свое отношение к его военной деятельности, присвоив ему 7 мая 1940 года высшее воинское звание Маршала Советского Союза. Будучи исключительно дисциплинированным человеком, он ответил, что готов служить на любом посту, куда его назначат.

Менее чем за год до начала Великой Отечественной войны Шапошников был назначен заместителем народного комиссара обороны. На него было возложено руководство созданием оборонительных сооружений, деятельностью Главного военно-инженерного управления и Управления строительства укрепленных районов. Он приложил немало усилий, чтобы укрепить оборонительную линию на западной границе.

С февраля 1941 года Германия начала переброску войск к советским границам. Поступавшие в Генеральный штаб, Наркомат обороны и Наркомат иностранных дел данные все более свидетельствовали о непосредственной угрозе агрессии. В этих условиях Генштаб в целом и наше Оперативное управление вносили коррективы в разработанный в течение осени и зимы 1940 года оперативный план сосредоточения и развертывания Вооруженных Сил для отражения нападения врага с Запада. Дел было очень много, и как-то незаметно сложилось, что с весны 1941 года, особенно второй ее половины, все работники Оперативного управления без каких-либо приказов сверху почти безотлучно находились на своих служебных местах.

В один из таких вечеров я встретил Бориса Михайловича. Заместитель наркома только что возвратился из инспекционной поездки к нашим западным границам. Рассказ свой он начал с сообщения о том, что в Западном особом военном округе строительство полевого фронтового командного пункта развернулось полным хо-

дом (такое указание западным приграничным округам было дано Генштабом 27 мая).

Телефонный звонок прервал нашу беседу. Уже положив трубку, Борис Михайлович вдруг закашлялся, что часто с ним случалось в последнее время при длительных телефонных переговорах. Не желая затруднять его продолжением разговора, я встал, чтобы уйти. Он поднял на меня усталые глаза и, как бы извиняясь за свою слабость, сказал:

— Так вот, голубчик вы мой... Возвращайтесь к своим делам...

В роковую ночь начала войны командование приграничных округов держало непрерывную связь с руководством Наркомата обороны и Генеральным штабом. В 4 часа с минутами 22 июня 1941 года нам стало известно от оперативных органов окружных штабов о бомбардировке немецкой авиацией наших аэродромов и городов. Одновременно или несколько ранее эти данные стали известны руководству Наркомата обороны и почти тут же Советскому правительству. Отборные фашистские орды, обладавшие двухлетним опытом ведения современной войны, обрушились на наши пограничные войска и войска прикрытия. Началась Великая Отечественная война.

22 июня 1941 года руководство вооруженной борьбой осуществлялось Главным военным советом. На следующий день была создана Ставка Главного Командования. Одновременно при ней был создан институт постоянных военных советников, в который наряду с другими военными, партийными и государственными деятелями вошел Шапошников.

По указанию Ставки в помощь командованию фронтов была направлена из центрального аппарата Наркомата обороны группа ответственных работников. Днем 22 июня И. В. Сталин позвонил Г. К. Жукову, бывшему в то время начальником Генштаба, и сказал:

— Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика. Я их вызывал к себе и дал соответствующие указания.

В тот же день генерал армии Жуков вылетел в Ки-

ев, а на Западный фронт отбыли заместители наркома обороны Б. М. Шапошников и Г. И. Кулик. Наше оперативное управление превратилось в некий улей, куда прилетавшие с линии фронта «пчелы» доставляли информацию, подлежащую немедленной обработке. Информация распределялась по трем отделам, сложившимся соответственно трем главным направлениям боевых действий: Северо-Западному, Западному и Юго-Западному. Не переставая, работали «бодо» — телеграфные аппараты, отправлявшие сразу несколько телеграмм по встречным курсам. Бывшие окружные штабы, а ныне фронтовые управления, слали нам свои донесения. Мы передавали распоряжения Центра в войска. Людей не хватало.

Надо иметь в виду, что в первый день войны из Генерального штаба на Юго-Западный фронт уехал не только его начальник Жуков, находившийся там до 27 июня. Уехали и другие руководители Генштаба.

Главная работа Оперативного управления сосредоточилась в большом зале, куда были стянуты основные кадры, обслуживавшие связь с войсками. Всюду карты — географические и топографические, разных масштабов и предназначений. Непрерывные донесения. Телеграфные или доставляемые самолетами связи, самолетами-разведчиками. Информация, как можно более полная и точная, необходима как воздух. Что происходит на фронтах, где находятся войска, наши и вражеские, на каком рубеже идут бои? Куда направить подкрепления, где и какая необходима техника? Лишь бы не сбиться с ритма, не опоздать, вовремя дать сведения Ставке...

В первые дни войны, когда руководящие лица Наркомата обороны и Генштаба по приказу Сталина были посланы на основные направления фронтов, все оставшиеся в распоряжении Наркомата обороны средства связи были брошены на установление с ними немедленного контакта. У нас, работников Генерального штаба, невольно создавалось впечатление, что Генеральный штаб в самый ответственный момент оказался предоставленным самому себе. Все решения принимались наверху помимо него, и он был лишь передаточной инстанцией.

Однако, когда попытки Главнокомандования остановитьстрое продвижение в глубь нашей страны мощных группировок врага силами не изготовленных к этому и понесших серьезные потери войск приграничных округов не удались, оно пришло к единственно правильному в

тех условиях решению — использовать подходящие из глубины страны отобилизованные эшелоны войск для создания нового стратегического фронта обороны. Главное командование решило в связи с этим ряд новых и довольно сложных проблем. Срочное их решение требовало от него немедленного привлечения к ответственной и кропотливой работе соответствующим образом организованного аппарата, военных специалистов и прежде всего аппарата Генерального штаба. В связи с этим структуру Наркомата обороны и Генерального штаба, существовавшую до начала Великой Отечественной войны и не совсем отвечавшую требованиям развернувшейся войны, пришлось перестраивать. Решением ЦК партии и ГКО были реорганизованы отдельные центральные управления Наркомата обороны и Генерального штаба. Шаг за шагом Генштаб превращался в рабочий орган Ставки, ибо никакого другого специального аппарата для этой цели она не имела.

В числе мероприятий, направленных на улучшение работы Генштаба применительно к потребностям начавшейся войны, я считаю, одним из весьма важных было решение Ставки, принятое в ночь на 30 июля 1941 года, о назначении начальником Генерального штаба Маршала Советского Союза Шапошникова. Сталин предпочел использовать командный опыт Жукова непосредственно в войсках, назначив его командующим Резервным фронтом. Этот фронт был образован в разгар Смоленского сражения, 30 июля, чтобы надежнее прикрыть направление на Москву и создать здесь более глубокую оборону.

Во главе всего штабного аппарата встал тот, кто в те месяцы мог, пожалуй, лучше, чем кто-либо, обеспечить бесперебойное и организованное его функционирование. В своих «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков рассказал, как при очередном своем докладе в Ставке он попросил Сталина освободить его от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт, где он, видимо, смог бы принести больше пользы Родине. Сталин отпустил Жукова, не дав определенного ответа на его просьбу. Примерно через полчаса он снова пригласил Жукова к себе.

— Вот что, — сказал Сталин, — мы посоветовались и решили освободить вас от обязанностей начальника Генерального штаба. На это место назначим Шапошникова.

Правда, у него со здоровьем не все в порядке, но ничего, мы ему поможем.

А вас используем на практической работе. У вас большой опыт командования войсками в боевой обстановке. В действующей армии вы принесете несомненную пользу. Естественно, что вы остаетесь заместителем наркома обороны и членом Ставки.

Так состоялось возвращение Шапошникова к руководству Генеральным штабом. Сам Жуков оценил это событие кратко и исчерпывающе: «Борис Михайлович являлся одним из наиболее глубоких военных ученых нашего государства, сочетавших знание теории военной науки с большим практическим опытом работы по оперативно-стратегическим вопросам... 30 июля 1941 года, когда меня назначили командующим Резервным фронтом, Шапошников стал вновь начальником Генерального штаба. Зная дело Генштаба до тонкостей, он быстро провел ряд организационных мероприятий, способствовавших улучшению работы этого главного рабочего органа Ставки. Большое личное трудолюбие и умение Шапошникова работать с людьми оказали заметное влияние на рост общего искусства управления войсками в Действующей армии и особенно со стороны Генштаба».

Шапошников немедленно включился в работу. Он начал ее с участия 30 июля в обсуждении в Ставке вопроса о мероприятиях по усилению обороны Ленинграда. В тот момент Ставка располагала данными, что на Северо-Западном направлении враг, где его наступление, хотя и с большим трудом, было временно приостановлено, спешно готовит с целью овладения Ленинградом три ударные группировки: одну — для наступления на Копорское плато, вторую — в районе Луги для удара вдоль шоссе Луга — Ленинград, третью — северо-западнее Шимска для наступления на новгородско-чудовском направлении. В Ставку были вызваны главком Северо-Западного направления Ворошилов и член Военного совета Жданов.

По возвращении из Ставки в Генштаб (это было около 4 часов утра 31 июля) Борис Михайлович объявил мне, что в Ставке среди других вопросов стоял вопрос об усилении аппарата командования Северо-Западного направления и что Ворошилов по окончании заседания предложил назначить меня на должность начальника штаба. Шапошников поинтересовался моим мнением. Я совершенно искренне считал, что если Климента Ефре-

мовича не удовлетворял в этой должности такой способный, всесторонне подготовленный оперативный работник, как М. В. Захаров, то уж я, безусловно, вряд ли ему подойду. Шапошников предупредил меня, что вечером Ставка вновь будет заниматься Северо-Западным направлением и что, видимо, вопрос о моем назначении будет решен. Он рекомендовал использовать оставшееся время для более детального изучения оперативной обстановки на этом направлении.

Шапошников отпустил меня. Весь день я просидел, погрузившись в карты и бумаги. А глубокой ночью, вернувшись из Кремля, начальник Генштаба вызвал меня к себе и протянул лист бумаги:

— Вот читайте.

Это было постановление о назначении Василевского начальником Оперативного управления и заместителем начальника Генштаба, причем инициатором постановления, как заявил Борис Михайлович, был Сталин, и он сам написал это постановление. Естественно, что вопрос о моем назначении начальником Северо-Западного фронта уже не поднимался.

1 августа я приступил к исполнению своих новых обязанностей. Вполне понятно, что в ту тяжелую и крайне напряженную пору мне вряд ли удалось бы успешно справиться с ними, не опираясь повседневно и ежедневно на помощь и поддержку Бориса Михайловича. У нас с ним сложились самые лучшие отношения, какие только можно пожелать. И это необычайно помогало делу.

В сложнейшей обстановке первых месяцев Великой Отечественной войны Шапошников внес неоценимый вклад в завоевание нашей грядущей победы над врагом. Именно в эти дни с особой силой проявились его полководческий талант и выдающиеся организаторские способности. При его прямом участии разрабатывались операции большого масштаба в начальный период войны. Его непосредственное руководство обеспечивало быструю перестройку работы всех крупных штабов.

Улучшению стратегического руководства войсками Борис Михайлович уделил первостепенное внимание. По его заданию и при его самом живом участии было срочно разработано и уже 10 августа 1941 года введено в действие положение, которым регламентировалась работа фронтовых управлений и управлений Генерального штаба. Шапошников подписал специальную директиву, уста-

навливавшую порядок передачи боевых донесений и оперативных сводок с фронтов в Центр. В соответствии с ней штабы фронтов обязаны были заканчивать свои донесения и сводки в Генштаб не позднее 2 часов ночи ежедневно, а спешные, особо важные передавать лично дежурному заместителю начальника Генштаба. Эти и другие предпринятые Шапошниковым меры послужили важным средством для того, чтобы установить планомерность и порядок в штабной службе, что было необычайно важно в той обстановке. Сам Борис Михайлович был олицетворением этого порядка. Его неизменное спокойствие, твердость и воля, умение подойти к решению всякого вопроса основательно, без спешки и нервозности передавались всем окружающим и давали такой эффект, который был бы невозможен при иных условиях. Наше Оперативное управление, занимавшее центральное место в Генштабе, как и другие управления, непосредственно связанные с организацией боевой деятельности войск, быстро входило в тот ритм, который диктовала война.

Был и другой момент, и о нем нельзя не сказать, оценивая роль Шапошникова как руководителя Генерального штаба. С начала августа 1941 года мне пришлось ежедневно, а иногда и по нескольку раз в сутки сопровождать его в поездках к Верховному Главнокомандующему. В августовские и сентябрьские дни 1941 года эти встречи, как правило, происходили в Кремле, в кабинете Сталина. Как я уже говорил, превращение Генерального штаба в рабочий орган Ставки Верховного Главнокомандования произошло не сразу и не так уж гладко. Сначала Сталин высказывал резкое недовольство его деятельностью. Тяжелая обстановка на фронтах порождала многие недостатки в деятельности Генштаба. К тому же, не скрою, Сталин не всегда принимал оптимальные решения, не всегда проявлял понимание наших трудностей. Сталин как Верховный Главнокомандующий вызывал для рассмотрения очередного вопроса то одно, то другое ответственное лицо как с фронта, так и из тыла. Он требовал исчерпывающих сведений по любому обсуждаемому вопросу и, получив таковые, иногда спрашивал совета, а в первое время чаще сразу решал сам, отдавая распоряжения без единого лишнего слова. Взвалив на свои плечи огромную ношу, Сталин не щадил и других. В ходе Великой Отечественной войны, как, пожалуй, ни в какое время, проявилось в полной мере

самое сильное качество Сталина: он был отличным организатором. А организаторские способности играли тогда, конечно, огромную роль, ибо непосредственно от них зависело принятие верного оперативного плана, обеспечение фронта и тыла материальными и людскими ресурсами, действия с учетом перспективы длительной и тяжелой войны.

Были в деятельности Сталина того времени и просчеты, причем иногда серьезные. Тогда он был неоправданно самоуверен, самонадеян, переоценивал свои силы и знания в руководстве войной. Первоначальные неудачи Красной Армии показали некоторых ее командиров в невыгодном свете. Они оказались неспособными в той сложнейшей обстановке руководить войсками по-новому, быстро овладеть искусством ведения современной войны, оставались в плену старых представлений. Не все сумели быстро перестроиться. Сталин же исходил из того, что, если боевые действия развиваются не так, как нужно, значит, необходимо срочно произвести замену руководителя. Перемещения касались всего аппарата Наркомата обороны, Генштаба и руководства войсками. Однако такое отношение к кадрам в первые месяцы войны далеко не всегда давало положительные результаты. Сталин мало опирался и на Генеральный штаб, далеко недостаточно использовал знания и опыт его работников. В таких условиях Генштаб не мог развернуться и работать в меру своих сил. Надо иметь в виду, что и сама система обслуживания им Ставки только еще вырабатывалась.

Во время поездок с Шапошниковым в Кремль я имел возможность вочию убедиться, каким высоким уважением пользовался Борис Михайлович у Сталина. Работая в непосредственном контакте с Верховным Главнокомандующим, Шапошников представлял подготовленную Генштабом информацию, высказывал аргументированные предложения, на основе которых Ставка давала затем директивы. Сталин всегда с большим вниманием прислушивался к рекомендациям и мнению Бориса Михайловича. Это, конечно, отнюдь не означало, что Верховный Главнокомандующий всякий раз соглашался с ними. Как мне думается, Сталин особенно ценил Шапошникова за то, что тот никогда не приспособливал свое суждение по решаемому вопросу к мнению, которое уже складывалось в Ставке. Он умел с достоинством отстаивать

свои суждения, если был убежден в их правильности.

Но Сталин знал и другое: если решение принято, Шапошников будет проводить его в жизнь со всей присущей ему энергией вне зависимости от того, совпало оно с его собственной точкой зрения или нет. Личный авторитет Шапошникова, безусловно, благотворно сказывался на процессе превращения Генерального штаба в надежный рабочий орган Ставки Верховного Главнокомандования. По мере того как разворачивались события, Сталин все больше стал придерживаться правила — принимать всякое ответственное решение по военному вопросу лишь после предварительного доклада начальника Генерального штаба.

С первых дней августа 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования вынуждена была чуть ли не ежедневно заниматься ходом событий на Юго-Западном стратегическом направлении. К этому времени обстановка там сложилась весьма нелегкая. Продолжавшееся на протяжении двух месяцев до этого Смоленское сражение имело своим итогом задержку наступления врага на главном — московском направлении, что явилось для нас крупным стратегическим успехом. Советское командование получило дополнительное время как для создания новых мощных резервов, так и для укрепления Москвы. Основные группировки врага, действовавшие на московском направлении, были изрядно измотаны. В гитлеровской ставке начались серьезные дискуссии о необходимости изменения всего замысла кампании. Директивой от 30 июля фашистское командование предусматривало остановить наступление группы армий «Центр» на Москву. Несколько позже 2-я танковая группа и 2-я армия группы армий «Центр» были повернуты на юг.

Это решение Гитлера и верховного главнокомандования вооруженных сил фашистской Германии вовсе не свидетельствовало, что они отказываются от взятия Москвы. Они хотели закрепиться на юге, высвободить значительные силы, а потом пойти на советскую столицу.

В результате обстановка на Юго-Западном направлении резко осложнилась. Во всей полосе Юго-Западного и Южного фронтов шли ожесточенные оборонительные бои. В те дни довольно часто я получал указание вызвать для переговоров командующих и членов военных советов

этих фронтов или главнокомандующего Юго-Западного направления. Телеграфная переговорная для обслуживания Ставки в Кремле находилась в непосредственной близости от рабочей комнаты Поскребышева, личного секретаря Сталина. Рядом с нею была комната библиотеки Сталина, которой пользовались мы, работники Генштаба, при отработке документов в Кремле. Переговоры с фронтами обычно вел Шапошников. В особо важных случаях это дело брал на себя Сталин. Такие переговоры в присутствии некоторых членов ГКО и Шапошникова Верховный Главнокомандующий вел вечером 4 августа с командующим Юго-Западным фронтом генерал-полковником М. П. Кирпоносом и членом Военного совета фронта Н. С. Хрущевым. Сталин подчеркнул, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы немецкие войска перешли на левый берег Днепра, и потребовал от них совместно с главнокомандующим этого направления С. М. Буденным и командующим Южным фронтом И. В. Тюленевым теперь же наметить план создания крепкой оборонительной линии, проходящей приблизительно от Херсона и Каховки через Кривой Рог, Кременчуг и далее на север по Днепру, включая район Киева на правом берегу Днепра.

Однако на другой день, 4 августа, утром противник, продолжая наступление в полосе Южного фронта, овладел районом Кировограда. 8 августа его 2-я армия и 2-я танковая группа перешли в наступление в направлениях Могилев, Гомель и Рославль, Стародуб. Было очевидно, что враг стремится выйти во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта. Чтобы ликвидировать угрозу, нависшую над войсками центрального и правого крыла Юго-Западного фронта, и прикрыть направление на Брянск, 14 августа Ставка приняла решение образовать Брянский фронт в составе 13-й и 50-й армий. Командующим фронтом был назначен генерал-лейтенант А. И. Еременко.

Еременко в тот же день был вызван в Ставку для получения указаний по новой должности лично от Верховного Главнокомандующего. При этой встрече в кремлевском кабинете Сталина, кроме него самого и некоторых членов ГКО, присутствовали Шапошников и я. Верховный Главнокомандующий весьма тепло и радушно встретил Андрея Ивановича, расспросил его о здоровье, заинтересовался его впечатлениями о противнике, мнением

об основных причинах наших серьезных неудач на фронте. Еременко держался с большим достоинством, очень находчиво отвечал на все вопросы. Затем И. В. Сталин кратко, но четко обрисовал в целом сложившуюся на советско-германском фронте обстановку, обратив при этом особое внимание на Западное и Юго-Западное направления. Дал он вкратце и оценку вражеских сил и высказал свое мнение о том, чего можно ожидать от противника в недалеком будущем. Он заметил, что, вероятнее всего, противник и в дальнейшем свои основные усилия направит на взятие Москвы, нанося главные удары крупными танковыми группировками на флангах, с севера — через Калинин и с юга — через Брянск, Орел. Для этой цели фашисты на брянском направлении в качестве основной ударной группировки держат 2-ю танковую группу генерала Гудериана. Это направление для нас сейчас наиболее опасно еще и потому, что оно прикрывается растянутым на большом участке и слабым по своему составу Центральным фронтом. Хотя возможность использования группы Гудериана для флангового удара по правофланговому войскам Юго-Западного фронта маловероятна, но опасаться этого все же надо. Исходя из всего этого, основная и обязательная задача войск Брянского фронта состоит в том, чтобы не только надежно прикрыть брянское направление, но во что бы то ни стало своевременно разбить главные силы Гудериана. Тут же был определен состав войск Брянского фронта.

Выслушав все это, вновь назначенный командующий Брянским фронтом очень уверенно заявил, что в «ближайшие же дни, безусловно», разгромит Гудериана. Эта твердость импонировала Верховному.

— Вот тот человек, который нам нужен в этих сложных условиях, — бросил он вслед выходящему из его кабинета Еременко...

Когда мы возвращались в Кремль, я понял, что начальник Генерального штаба значительно осторожнее оценивает наши возможности, нежели Еременко. Реальное соотношение сил складывалось далеко не в нашу пользу.

В последующие дни оперативно-стратегическая обстановка на Юго-Западном фронте продолжала быстро осложняться. Войска Южного фронта, ведя ожесточенные бои, 15 августа оставили Кривой Рог, а 17 августа — Николаев. 16 августа войска Брянского фронта

тоже вступили в тяжелые оборонительные бои против 2-й танковой группы и 2-й армии фашистов, наносивших удар на Конотоп и Чернигов. В Генштабе становилось все яснее, что командующий Брянским фронтом явно поторопился со своими заверениями. С каждым часом нарастала угроза правому крылу Юго-Западного фронта и особенно его 5-й армии, продолжавшей оборонять Корсуньский укрепленный район.

17 августа Шапошников и я решили при докладе Верховному поставить вопрос об отводе войск правого крыла Юго-Западного фронта на левый берег Днепра. Но Сталин был уверен, что если Еременко и не разобьет 2-ю танковую группу, то, во всяком случае, задержит ее, не выпустит на юг, и отклонил наше предложение.

Член Ставки ВГК командующий Резервным фронтом Г. К. Жуков направил 19 августа Верховному Главнокомандующему доклад, в котором высказывал, по существу, ту же точку зрения, что и Генеральный штаб. В тот же день Ставка в ответе Жукову сообщила, что его соображения насчет вероятного продвижения немецких войск в сторону Чернигов, Конотоп, Прилуки считает правильными. «Это продвижение, — говорилось далее в ответе, — будет означать обход нашей киевской группы с восточного берега Днепра и окружение наших войск Третьей и Двадцать первой армий. Известно, что одна колонна противника пересекла Унечу и вышла на Стародуб. С целью помешать в осуществлении замысла противника создан Брянский фронт во главе с Еременко. Принимаются и другие меры, о которых будет сообщено особо».

Как мы видим, Верховное Главнокомандование и Генеральный штаб были едины в оценке складывающейся обстановки. Все дело в том, сможет ли решить Брянский фронт поставленную перед ним задачу. Все последующие дни Ставка и Генеральный штаб занимались вопросом ликвидации опасности, нависшей с севера над Юго-Западным фронтом. И Шапошников и я с самого начала считали, что Брянский фронт не располагает достаточными силами для достижения победы над группировкой Гудериана и должен решать более скромную задачу — сдерживать его наступление. Мы предпринимали все возможное, чтобы укрепить опасное направление, и прежде всего Брянский фронт, резервами — гапками, артиллерией, людьми, вооружением, привлекли сюда авиацию

соседних фронтов, резерва Главного командования, а также части дальнебомбардировочной авиации.

24 августа при обсуждении вопроса пришли к заключению о целесообразности объединить усилия наших войск, действовавших против наступающей с севера на конотопском и гомельском направлениях вражеской группировки. Для этого следовало расформировать Центральный фронт, передав его войска Брянскому фронту. Прежде чем окончательно принять это решение, Верховный Главнокомандующий посчитал нужным запросить мнение самого Еременко. В телеграфных переговорах с ним вместе со Сталиным в моем присутствии принимал участие Шапошников, уточнявший не вполне ясную к тому моменту обстановку на Брянском фронте. Телеграфные переговоры Верховного Главнокомандующего с командующим Брянским фронтом показали, что последний по-прежнему настроен весьма оптимистично.

В ночь на 25 августа Ставка издала подготовленную нами тут же в Кремле после окончания переговоров с Еременко директиву, по которой Центральный фронт с 26 августа упразднялся. Его войска передавались Брянскому фронту.

Читателю может показаться странным, как быстро принимались столь важные решения. Одни фронты расформировывались, другие создавались. Одни армии переставали существовать, другие возникали. Должен сказать, что одна из особенностей войны заключается в том, что она требует скорых решений. В непрестанно меняющемся ходе боевых действий, разумеется, принимались не только правильные, но и не совсем удачные решения. В данном случае организационные решения преследовали цель усилить Брянский фронт, и Шапошников как начальник Генерального штаба поддерживал их. Однако у него возникало беспокойство, что преувеличение командующим Брянским фронтом своих возможностей может в дальнейшем повлиять на оценку реальной обстановки Верховным Главнокомандующим. Сталин все еще надеялся, что Еременко выполнит свое обещание разбить «подлеца Гудериана».

27 августа Ставка решила провести 29—31 августа воздушную операцию против 2-й танковой группы противника на брянском направлении. В выполнении задания должно было участвовать не менее 450 боевых самолетов. В ночь на 30 августа в адрес Еременко была от-

правлена директива, которая обязывала войска Брянского фронта перейти в наступление, уничтожить группу Гудериана и, развивая дальнейшее наступление на Кричев, Пропойск (Славгород), к 15 сентября выйти на фронт Петровици, Климовичи, Новозыбков, Щорс. Это означало бы крах правого фланга немецкой группы армий «Центр». Но попытки фронта выполнить эту директиву оказались безуспешными. Не смогли его войска и остановить врага. Его танковым соединениям удалось прорваться на левом фланге Брянского фронта за реку Десну. 7 сентября они вышли к Конотопу. Противник сумел активизировать свои действия во всей полосе Юго-Западного фронта...

Вечером 7 сентября Военный совет Юго-Западного фронта сообщил главному Юго-Западного направления и Генеральному штабу, что обстановка на фронте стала еще более тяжелой. Противник сосредоточил превосходящие силы, развивает успех на конотопском, черниговском, остерском и кременчугском направлениях. Ясно обозначилась угроза окружения основной группировки 5-й армии. Фронт прилагал основные усилия на кременчугском направлении, чтобы ликвидировать здесь вражеский плацдарм. Резервов у фронта больше не оставалось. Военный совет фронта просил разрешения отвести 5-ю армию и правый фланг 37-й армии на рубеж реки Десны. Военный совет Юго-Западного направления согласился с предложениями Военного совета фронта. Обсудив столь тревожное донесение, мы с Шапошниковым пошли к Верховному Главнокомандующему с твердым намерением убедить его в необходимости немедленно отвести все войска Юго-Западного фронта за Днепр и далее на восток и оставить Киев. Мы считали, что подобное решение в тот момент уже довольно запоздало и дальнейший отказ от него грозил неминуемой катастрофой для войск Юго-Западного фронта в целом.

Разговор был грудной и серьезный. Сталин упрекал нас в том, что мы, как и Буденный, пошли по линии наименьшего сопротивления: вместо того чтобы бить врага, стремимся уйти от него. Попытки Бориса Михайловича объяснить, что такова неумолимая действительность, не возымели действия. И только 9 сентября нам было разрешено наконец передать командующему Юго-Западным фронтом: «Верховный Главнокомандующий санкционировал отвести 5-ю армию и правый фланг 37-й армии на

реку Десна на фронте Брусилowo — Воропаево с обязательным удержанием фронта Воропаево — Тарасовичи и Киевского плацдарма». Иными словами, было принято половинчатое решение.

Борис Михайлович заметно осунулся в те тяжелые сентябрьские дни. Выглядел он крайне переутомленным и усталым. На его плечах в первую очередь лежала весьма неблагоприятная миссия по несколько раз в сутки докладывать Верховному об обстановке, становившейся все более напряженной, и высказывать предложения, которые из нее вытекали. При одном упоминании о жестокой необходимости оставить Киев Сталин выходил из себя и на мгновение терял самообладание. Однако обстановка диктовала только такой выход.

Ухудшилось положение и под Ленинградом. Ставка приняла решение назначить командующим Ленинградским фронтом генерала армии Жукова. Вместо Буденного главноком Юго-Западного направления назначался Тимошенко, Западного фронта — генерал-лейтенант Колев. Шапошникову и мне было приказано вызвать Тимошенко в Ставку и продумать вместе с ним предложения по Юго-Западному фронту.

Примерно в то же время Сталин, считавший исключительно тяжелым положение Ленинградского фронта, отдал распоряжение возвратившемуся из Ленинграда наркому Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецову относительно Балтийского флота:

— Ни один боевой корабль не должен попасть в руки противника.

Затем распорядился, чтобы была подготовлена телеграмма командующему с приказанием все подготовить на случай уничтожения кораблей.

Рассказывая об этом эпизоде в своих воспоминаниях, Кузнецов пишет, что он отказался подписать такую телеграмму, мотивируя это тем, что Балтийский флот оперативно подчинен командующему Ленинградским фронтом и потому такая директива может быть дана только за подписью Верховного Главнокомандующего. Сталин после короткого размышления приказал Кузнецову отправиться к начальнику Генерального штаба и заготовить телеграмму за двумя подписями: Шапошникова и Кузнецова. Однако Борис Михайлович отказался поставить свою подпись под телеграммой. Составив ее текст, он отправился к Сталину вдвоем с Кузнецовым. Выслу-

шав доводы начальника Генштаба и наркома ВМФ, Сталин оставил документ у себя.

Вплоть до 17 сентября Сталин отказывался серьезно рассматривать предложения, поступавшие к нему от главкома Юго-Западного направления, члена Ставки Жукова, Военного совета Юго-Западного фронта и от руководства Генерального штаба. Объяснялось это, на мой взгляд, тем, что он преуменьшал угрозу окружения основных сил фронта, переоценивал предпринятое Западным, Резервным и Брянским фронтами наступление во фланг и тыл мощной группировке врага, наносившей удар по северному крылу Юго-Западного фронта. Сталин, к сожалению, всерьез воспринял настойчивые заверения командующего Брянским фронтом Еременко в безусловной победе над группировкой Гудериана. Этого не случилось.

Не имея возможности убедить Верховного, Борис Михайлович говорил мне, когда мы возвращались из Кремля:

— Ну что поделаться, голубчик. На войне очень многие люди оценивают обстановку и предлагают возможное решение. Но решать-то приходится одному. Иначе невозможно. Ох и нелегкая эта обязанность! И если мы с вами считаем, что принятое решение не было оптимальным, значит, не все, что от нас требовалось, сумели сделать. А делать нужно...

Только 17 сентября Верховный Главнокомандующий, окончательно убедившись в невозможности разрядить ситуацию на юго-западе, разрешил Юго-Западному фронту оставить Киев. В ночь на 18 сентября командование фронта отдало приказ выходить с боем из окружения. Однако вскоре связь штаба фронта со штабами армий и Ставкой была утеряна... Выход из окружения осуществлялся в крайне тяжелых условиях. Войска раздробились на многочисленные отряды и группы, которые пробивались самостоятельно. 20 сентября погибли в бою командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник М. П. Кирпонос, член Военного совета, секретарь ЦК КП(б) Украины М. А. Бурмистенко и начальник штаба генерал-майор В. И. Тупиков.

Враг добился успеха дорогой ценой. Советская Армия в ожесточенных боях за Киев разгромила свыше десятка его кадровых дивизий. Противник потерял более 100 тысяч солдат и офицеров. Более месяца сдерживали совет-

ские войска группу армий «Центр» действиями на киевском направлении. Это было очень важно для подготовки битвы под Москвой.

Октябрь и ноябрь 1941 года для Генштаба и его начальника были еще более напряженными, чем предыдущие месяцы войны. Стратегическое положение Советской Армии к первой военной осени оставалось крайне тяжелым. Гитлеровские войска еще не утратили полностью своих преимуществ. Несмотря на огромные потери, которые с начала агрессии составили к концу сентября 1941 года свыше полумиллиона человек, они продолжали продвигаться на восток. Фашистская армия по-прежнему владела стратегической инициативой, имела превосходство в силах и средствах, удерживала господство в воздухе. На северо-западе мы не сумели предотвратить прорыв фашистов к городу Ленина, началась ленинградская блокада. Серьезная неудача, постигшая наши войска на южном крыле советско-германского фронта, создала реальную угрозу Харьковскому промышленному району и Донбассу. Под ударом оказались отрезанные от своих соседей наши войска в Крыму.

После того как наши войска беспримерной стойкостью в обороне и решительными контрударами нанесли весьма чувствительные удары войскам группы армий «Центр», их первая попытка прорваться с ходу к Москве была сорвана. Вместе с тем в Генштабе отдавали ясный отчет в том, что переход врага здесь от наступления к обороне носил сугубо вынужденный и временный характер. Центр развернувшейся борьбы продолжал оставаться на Западном стратегическом направлении, и именно здесь, на московском направлении, гитлеровцы намеревались быстро решить судьбу войны в свою пользу.

30 сентября — 2 октября 1941 года противник нанес сильные удары по советским войскам, прикрывавшим московское направление. Три наших фронта вступили в тяжелое, кровопролитное сражение. Началась великая Московская битва. Противнику удалось прорвать нашу оборону и окружить значительную часть оборонявшихся на московском направлении советских войск в районе Вязьмы. Неудача, постигшая нас под Вязьмой, в значительной мере была следствием не только превосходства противника в силах и средствах, отсутствия необходимых резервов, но и неправильного определения направления главного удара противника Ставкой и Генераль-

ным штабом, а стало быть, и неправильного построения обороны.

За ошибки на войне приходится дорого расплачиваться. Оказавшись в окружении, советские войска своей упорной героической борьбой в районе Вязьмы сковали до трех десятков вражеских дивизий. В тот необычайно тяжелый для нас момент их борьба в окружении имела исключительное значение, так как давала нашему командованию возможность, выиграв некоторое время, срочно приступить к организации обороны на Можайском рубеже. К середине октября в четырех армиях, прикрывавших основные направления на Москву, насчитывалось уже 90 тысяч человек. Одновременно на Западный фронт перебрасывались три стрелковые и две танковые дивизии с Дальнего Востока.

В ночь на 5 октября ГКО принял решение о защите Москвы. Главным рубежом обороны для советских войск стала Можайская линия. Сюда теперь направлялись все возможные силы и средства. Для помощи командованию Западного и Резервного фронтов и для выработки вместе с ними конкретных, скорых и действенных мер по защите Москвы ГКО направил в район Гжатска и Можайска своих представителей — Ворошилова, Молотова.

По предложению Шапошникова в качестве представителя Ставки туда же отбыл вместе с членами ГКО и я. Одной из основных задач, возложенных на меня, была срочная отправка войск, оторвавшихся от противника и отходивших с запада, на рубеж Можайской линии и организация обороны на этом рубеже. В помощь мне Борис Михайлович выделил группу командиров Генштаба и две колонны автомашин. В мое распоряжение прибыл генерал-майор артиллерии Л. А. Говоров с группой командиров. Они должны были принимать прибывавшие сюда войска с фронта и из тыла.

Вместе с командованием фронта за пять дней общими усилиями удалось направить на Можайскую линию из состава войск, отходивших с ржевского, сычевского и вяземского направлений, до пяти стрелковых дивизий. О ходе работы мы ежедневно докладывали Верховному Главнокомандующему и начальнику Генерального штаба. Вечером 9 октября во время очередного разговора с Верховным было принято решение объединить войска Западного и Резервного фронтов в Западный фронт. Все мы, в том числе и командующий Западным фронтом

генерал-лейтенант И. С. Конев, согласились с предложением Сталина назначить командующим объединенным фронтом генерала армии Жукова, который к тому времени уже был отозван из Ленинграда и находился в войсках Резервного фронта.

Утром 10 октября вместе с другими представителями ГКО и Ставки я вернулся в Москву. Начальник Генерального штаба очень внимательно выслушал мой доклад. Расспросил, какие конкретно части и в каком составе сосредоточены для обороны на Можайском рубеже. Затем сказал, что 9 октября Сталиным и им была подписана директива, согласно которой командующим войсками Можайской линии обороны был назначен генерал-лейтенант П. А. Артемьев, оставшийся в то же время командующим войсками Московского военного округа. Ввиду чрезвычайной важности удержания этого оборонительного рубежа все войска, расположенные на Можайской линии обороны, подчинялись непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования. Через сутки пришлось дополнить эту директиву другой. Согласно ей командование Можайской линии обороны переименовывалось в Управление Московского Резервного фронта. Этой же директивой предписывалось образовать к 11 октября в Московском Резервном фронте 5-ю армию, командующим которой назначался командир 1-го гвардейского корпуса Д. Д. Лелюшенко.

— Образование Московского Резервного фронта надо рассматривать как временную меру, вызванную чрезвычайными обстоятельствами, — подытожил наш разговор Борис Михайлович. — Реорганизованный Западный фронт сможет взять на себя управление 5-й и другими армиями, которые занимают оборону на Можайском рубеже. Наша с вами задача использовать каждую минуту для насыщения Можайской линии войсками, выдвинув туда все, что возможно...

Обсуждение наших возможностей на тот момент продолжалось довольно долго. В изнеможении откинувшись на спинку кресла, Борис Михайлович на минуту задумался, потом вдруг сказал:

— А знаете, Александр Михайлович, почти три десятка лет назад мне довелось делать доклад юбилейного характера для офицерского состава лагерного сбора Туркестанского полка, в котором я проходил цензовое командование ротой. Доклад делал вечером 25 августа 1912 го-

да, а на другой день вся Россия отмечала юбилей — столетие Бородинского сражения. До этого, еще в период учебы в академии, пришлось готовить разработку и по теории военного искусства, связанную с сопоставлением сражений Отечественной войны 1812 года и русско-японской войны. Тема формулировалась так: «Подход к полю сражения и усиленная разведка на основании Бородино и Вафангоу».

Бородино! Я слушал рассказ Бориса Михайловича, и память воскрешала торжества в России в честь 100-летия Бородинского сражения. Объявленный сбор пожертвований на сооружение памятников, чтобы увековечить бессмертную славу русского оружия... Затем перед глазами вставало только что виденное всего лишь несколько дней назад на этом самом Бородинском поле, у Можайска... Грустный, с опавшей листвой, осенний лес вдаль. Фигуры бойцов, споро отбрасывающих землю на брустверы окопов и траншей. Предупреждающие команды «воздух!» при появлении в небе очередного воздушного разведчика врага.

Снова в памяти: густые колонны французов, развертывающиеся в боевой порядок, с развевающимися знаменами. Наполеон на коне на рекогносцировке. А теперь: Гитлер где-то в бункере, по дорогам громыхающие колонны танков с паучьей свастикой на бортах, в небе самолеты с той же свастикой. Вздрагивает земля от тяжелых ударов фугасных бомб. Солдаты в серо-зеленых шинелях, с автоматами, изрыгающими непрерывный поток смертельного огня... К Бородинскому полю, к полю русской ратной славы, вплотную подошла совсем другая война.

Как бы в тон моим мыслям Борис Михайлович закончил свое воспоминание:

— Вот уж, голубчик, не думал я тогда, что Бородино снова окажется в поле моего зрения. И отнюдь не в качестве темы юбилейного доклада. В такой войне, как теперь, все обстоит иначе. Но и мы ведь другие. Давайте продолжим...

10 октября Ставка оформила решения ГКО об объединении войск Западного и Резервного фронтов, о назначении Жукова командующим объединенным Западным фронтом, а Конева — его заместителем.

12 октября на заседании ГКО вновь рассматривались проблемы, связанные с обороной Москвы. Помню, каки-

ми уставшими и напряженными были лица участников заседания. Решался вопрос об укреплении ближних подступов к Москве, ГКО принял решение о строительстве непосредственно в районе столицы третьей оборонительной линии — Московской зоны обороны (первой была Вяземская, второй — Можайская). От имени Ставки Верховного Главнокомандования Сталин и Шапошников подписали директиву, основная идея которой была сформулирована в первых двух пунктах.

«Для лучшего объединения действий на западном направлении, — говорилось в директиве, — Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 23 час. 50 мин. 12 октября 1941 года слить Западный фронт с Московским Резервным фронтом.

2. Все войсковые части и учреждения Московского Резервного фронта подчинить командующему фронтом».

Руководство строительством рубежей, организация обороны и управление войсками Московской зоны были возложены на генерал-лейтенанта П. А. Артемьева, назначенного заместителем командующего Западным фронтом, и Военный совет Московского военного округа.

Пружина сжалась до отказа. Дни сливались с ночами. Мы забыли о сне и отдыхе. Все помыслы об одном — отстоять Москву. Ставка энергично наращивала силы Западного фронта. К 13 октября положение здесь было таково: на калининском направлении вели ожесточенные бои 29, 31 и 30-я армии; на волоколамском оборонялась воссозданная 16-я армия под командованием К. К. Рокоссовского; на можайском направлении стояла 5-я армия, которой после ранения Д. Д. Лелюшенко 16 октября стал командовать Л. А. Говоров; на наро-фоминском действовала 33-я армия генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова. На малоярославецком направлении сражалась 43-я армия генерал-майора К. Д. Голубева, на калужском — 49-я генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина.

14 октября враг, возобновив наступление, ворвался в Калинин. 17 октября Ставка создала новый, Калининский фронт под командованием генерал-полковника И. С. Конева (в него вошли три армии правого крыла Западного фронта и ряд соединений и частей из Северо-Западного фронта). Упорной обороной войска Калининского фронта остановили наступающего врага и заняли выгодное оперативное положение по отношению к его северной ударной группировке на московском направлении.

Наступила вторая половина октября. Гитлеровцы продолжали рваться к Москве. На всех основных направлениях к столице разгорелись ожесточенные бои. Опасность неизмеримо возросла. В связи с приближением линии фронта непосредственно к городу ГКО принял и осуществил в те грозные дни решение об эвакуации из Москвы некоторых правительственных учреждений, дипломатического корпуса, крупных оборонных заводов, а также научных и культурных учреждений столицы. В Москве оставались Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Главнокомандования и минимально необходимый для руководства страной и Вооруженными Силами партийный, правительственный и военный аппарат. Эвакуировался и Генеральный штаб. Сталин попросил непосредственно Шапошникова возглавить его работу на новом месте, с тем чтобы наладить в тылу страны запасной пункт управления, в более спокойной обстановке продумать все возможные меры и предложения, чтобы изыскать новые резервы и боевые средства для нанесения нарастающих ударов по врагу. Между начальником Генштаба по месту новой дислокации и Ставкой устанавливалась прочная, надежная и постоянная связь. Оставшийся в Москве первый эшелон Генштаба — оперативная группа для обслуживания Ставки не должна была превышать десяти человек. Возглавлять ее было поручено мне.

Вопросы об обязанностях, ответственности рабочей группы и ее персональном составе Борис Михайлович решал со мной, исходя из содержания задач, которыми ей надлежало заниматься. Говоря кратко, они формулировались таким образом: всесторонне знать и правильно оценивать события на фронте; постоянно и точно, но без лишней мелочности информировать о них Ставку; в связи с изменениями во фронтовой обстановке своевременно и правильно вырабатывать и докладывать Верховному Главнокомандованию свои предложения; в соответствии с принимаемыми Ставкой оперативно-стратегическими решениями быстро и точно разрабатывать планы и директивы; вести строгий и непрерывный контроль за выполнением всех решений Ставки, а также за боеготовностью и боеспособностью войск, формированием и подготовкой резервов, материально-боевым обеспечением войск. В состав группы были включены начальники основных оперативно-стратегических направлений Опера-

тивного управления и по одному работнику от основных управлений Генерального штаба.

16 октября должен был отбыть из Москвы Генеральный штаб. Я позвонил Сталину и попросил разрешения проводить на вокзал Шапошникова и других работников Генштаба. Однако в ответ получил указание прибыть в Ставку, где и проработал до поздней ночи. Так мы с Борисом Михайловичем и не попрощались. Почти не покидал я Ставку все последующие дни. Наша работа, безусловно, облегчалась тем, что в любом случае можно было опереться на совет и поддержку Шапошникова. Хотя в те дни его не было рядом, связь работала надежно, и я ежедневно поддерживал с ним контакт. Да и Сталин при рассмотрении очередных вопросов обычно спрашивал:

— Советовались с Борисом Михайловичем?

— Да, товарищ Сталин.

— Докладывайте.

К концу октября советские воины остановили врага на рубеже Волжского водохранилища, восточнее Волоколамска и далее по линии рек Нара и Ока, а на юго-западных подступах к Москве — в районе Тулы, где 50-ю армией стойко поддерживали отряды тульских рабочих.

Итоги октябрьских событий были очень тяжелы для нас. Армия понесла серьезные потери. Враг продвинулся вперед почти на 250 километров. Однако достичь целей, поставленных планом «Тайфун», ему не удалось. Стойкость и мужество защитников советской столицы, помощь тружеников тыла остановили фашистские полчища. Советские воины выстояли, сдержали натиск превосходившего нас численностью и вооружением врага. Большую роль в этом сыграла твердость руководства со стороны Центрального Комитета партии и ГКО. Они осуществляли неустанную деятельность по мобилизации и использованию сил страны.

Генеральный штаб, руководимый Шапошниковым, как рабочий орган Ставки Верховного Главнокомандования внес свою лепту в общее дело. Хочется с особой благодарностью сказать о том, что Советское правительство даже в эти исключительно тяжелые дни нашло возможным отметить работу нашей группы работников Генштаба, обслуживавших Ставку в оперативном отношении. 28 октября 1941 года постановлением СНК СССР четве-

рым из нашей оперативной группы были присвоены очередные воинские звания. Я никогда не спрашивал Бориса Михайловича и потому не могу сказать с уверенностью, но все же полагаю, что он содействовал принятию этого постановления. Сталин при решении вопросов о поощрении тех или иных работников обычно считался с мнением их старших начальников.

Внимание, проявленное к нам, тронуло нас до глубины души. Уже говорилось, что Сталин бывал и вспыльчив, и несдержан в гневе, тем более поразительной была эта забота в условиях крайне тяжелой обстановки. Это один из примеров противоречивости личности Сталина.

Остановив октябрьское наступление врага на Москву, советское командование использовало выигранное время для дальнейшего усиления войск Западного направления и укрепления оборонительных рубежей. Крупным мероприятием явилось завершение подготовки очередных и внеочередных резервных формирований. Немалый вклад в это дело внес начальник Генштаба Шапошников. В исходе Московской битвы решающее значение имело то, что партия и советский народ своевременно сформировали, вооружили, обучили и перебросили под столицу новые армии.

В Генеральном штабе не сомневались, что гитлеровское командование также готовит войска к возобновлению наступления. В течение первой половины ноября оно создало две мощные ударные группировки. 15—16 ноября они перешли в наступление, стремясь обойти Москву с севера, через Клин и Солнечногорск, и с юга, через Тулу и Каширу. Тяжелые для нас оборонительные бои продолжались всю вторую половину месяца. К концу ноября фашистским войскам удалось северо-западнее столицы продвинуться к каналу Москва — Волга и форсировать его у Яхромы, а на юго-востоке достичь района Каширы. Дальше враг не прошел, утратив свои наступательные возможности. Его соединения, стремившиеся овладеть советской столицей, в первых числах декабря всюду вынуждены были перейти к обороне. Этим завершился наиболее трудный для нас оборонительный период битвы под Москвой. Наши войска готовились к переходу в контрнаступление.

Сама идея контрнаступления под Москвой возникла в Ставке Верховного Главнокомандования еще в начале ноября, после того как была сорвана первая попытка про-

тивника прорваться к столице. Но от нее пришлось тогда отказаться вследствие нового фашистского натиска, для отражения которого потребовались имевшиеся у нас резервы. В конце ноября, когда враг окончательно выходя, а его ударные группировки оказались растянутыми на широком фронте и он не успел закрепиться на достигнутых рубежах, Ставка возвратилась к идее контрнаступления. Уверенность в успешности контрнаступления под Москвой была у ГКО и Ставки настолько велика, что 15 декабря, то есть через десять дней после его начала, было принято решение о возвращении в Москву аппарата ЦК и некоторых государственных учреждений. Что касается Генерального штаба, то он во главе с Шапошниковым возвратился уже в двадцатых числах ноября.

Борис Михайлович тут же включился в работу по подготовке контрнаступления. Следует подчеркнуть, что переход наших войск от обороны к наступлению под Москвой в значительной мере облегчили успешные наступательные действия, предпринятые в ноябре и декабре на севере — на тихвинском и на юге — на ростовском направлениях. Начальник Генерального штаба в глубокой тайне, с привлечением лишь двух-трех человек из Оперативного управления, в разгар оборонительных боев под Москвой изыскивал боевые средства и резервы, разрабатывал предложения для Ставки Верховного Главнокомандования о нанесении удара по врагу под Ростовом-на-Дону, Тихвином, а затем и под Москвой. В те дни Борис Михайлович мог отвести себе для сна не более двух-трех часов в сутки. В результате крайнего переутомления в конце ноября он заболел, ему пришлось прервать работу почти на две недели.

12 декабря, когда Борис Михайлович выздоровел, контрнаступление наших войск под Москвой было в разгаре. Все мы были бесконечно рады начавшемуся повороту в ходе ожесточенной борьбы на советско-германском фронте. К началу января 1942 года Западный фронт вышел на рубеж Наро-Фоминск, Малоярославец, селения западнее Калуги, Сухиничи, Белев. Это была первая в Великую Отечественную войну крупная наступательная операция стратегического значения, в итоге которой ударные группировки врага под Москвой были разгромлены и отброшены к западу на сто, а в ряде мест и до двухсот пятидесяти километров. Непосредственная угроза Москве и всему Московскому промышленному району была

ликвидирована, и контрнаступление под Москвой переросло в общее наступление советских войск на Западном направлении. Но в ходе контрнаступления под Москвой выявился и ряд крупных недостатков как в управлении войсками, так и в их действиях.

Используя свой многолетний опыт генштабиста, Борис Михайлович настойчиво, последовательно, шаг за шагом совершенствовал стиль и методы аппарата военно-стратегического и оперативного руководства. Он хорошо понимал, что успех боевых действий, находясь в прямой зависимости от имеющихся сил и средств, тем не менее может не дать нужного эффекта, если эти силы и средства используются неразумно и нет гибкого, целеустремленного руководства войсками. Вот почему Шапошников исключительное внимание уделял организации работы командования и штабов. Зимой и весной 1942 года Борис Михайлович по поручению Ставки отдал ряд директив о порядке планирования операций, о взаимодействии всех родов войск в ходе наступления, о противовоздушной обороне и т. д. Одновременно разрабатывался важнейший документ, который должен был сыграть и действительно сыграл в ходе войны несомненно положительную роль в установлении единых методов штабной работы, — «Наставление по полевой службе штабов Красной Армии». Оно было утверждено начальником Генерального штаба Шапошниковым 17 марта 1942 года и направлено в войска как руководство к действию.

В те же дни весны 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб должны были решить вопрос, которым определялся весь дальнейший ход борьбы с врагом: наступать или обороняться?

Чтобы читатель полностью представил обстановку того времени, сошлюсь на директивное письмо Ставки, посланное Военным советам фронтов и армий еще 10 января 1942 года. Инициатором его был Сталин. Во вступительной части письма Ставка обращала внимание на то, чтобы войска при переходе в общее наступление учли опыт, полученный при контрнаступлении под Москвой и в других зимних наступательных операциях 1941 года, и избежали бы недочетов, которые наблюдались там. Общая обстановка оценивалась в письме следующим образом: «После того как Красной Армией удалось достаточно измотать немецко-фашистские войска, она перешла

в контрнаступление и погнала на запад немецких захватчиков. Для того чтобы задержать наше наступление, немцы перешли на оборону и стали строить оборонительные рубежи с окопами, заграждениями, полевыми укреплениями. Немцы рассчитывают задержать таким образом наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти в наступление против Красной Армии. Немцы хотят, следовательно, выиграть время и получить передышку.

Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году».

В директивном письме правильно отмечалось, что наши войска уже приобрели немалый боевой опыт, опираясь на который и учитывая уязвимость вражеской обороны, могут гнать врага с нашей территории. Однако, правильно оценивая к началу 1942 года фронтную обстановку как благоприятную для продолжения наступления, Верховное Главнокомандование недостаточно полно учло реальные возможности Красной Армии. В результате имевшиеся в распоряжении Ставки девять армий резерва были почти равномерно распределены между всеми стратегическими направлениями. В ходе общего наступления зимой 1942 года советские войска истратили все с таким трудом созданные осенью и в начале зимы резервы. Поставленные задачи не удалось решить. Неоправданными оказались надежды, высказанные Сталиным в речи 7 ноября и в цитированном выше директивном письме, на то, что резервы Германии иссякнут к весне 1942 года. Да, мы все страстно желали этого, но действительность была суровее, и прогнозы не подтвердились.

В апреле 1942 года наши фронты перешли к обороне. Установилось некоторое затишье в боевых действиях. Мы стремились, закрепив успехи, сохранить за собой стратегическую инициативу, а фашисты хотели во что бы то ни стало вырвать ее из наших рук.

Вопрос о плане военных действий всесторонне обсуждался в Генштабе. Ни у кого из нас не было сомнений, что противник не позднее лета вновь предпримет серьезные активные действия, с тем чтобы, опять захватив инициативу, нанести нам поражение. Шапошников требовал

от нас критически проанализировать итоги зимы, точнее раскрыть замыслы врага на весну и лето 1942 года, по возможности четче определить стратегические направления, на которых суждено будет разыграться основными событиями. Только при этом условии Ставка Верховного Главнокомандования могла принять обоснованные решения. Все мы отлично понимали, что от результатов летней кампании 1942 года во многом будет зависеть дальнейшее развитие всей мировой войны, поведение Японии, Турции и т. д., а быть может, и исход войны в целом.

Итак, наступать или обороняться? В Генеральном штабе и Ставке считали, что основной ближайшей задачей советских войск должна быть временная стратегическая оборона. Ее цель — изматывать оборонительными боями на заранее подготовленных рубежах ударные группировки врага, и не только сорвать подготавливаемое фашистами летнее наступление, но и подорвать их силы и тем самым с наименьшими для нас потерями подготовить благоприятные условия для перехода Красной Армии в решительное наступление. К тому времени в основном был закончен перевод промышленности на военные рельсы. Удалось решить главную задачу — успешно завершить эвакуацию основных промышленных предприятий, материальных ценностей и рабочей силы на восток. В Поволжье, Средней Азии, на Урале и в Сибири были созданы новые предприятия и отрасли промышленности, преимущественно оборонной. Эти успехи, достигнутые титаническим трудом руководимого Коммунистической партией народа, позволили улучшить обеспечение армии оружием и военной техникой.

Разрабатывая план на лето 1942 года, Ставка исходила из того, что враг хотя и был отброшен от Москвы, но все еще продолжал угрожать ей. Наиболее крупная группировка гитлеровских войск (более 70 дивизий) находилась на московском направлении. Это мнение, как мне хорошо известно, разделяло командование большинства фронтов.

Верховный Главнокомандующий Сталин, не считая возможным развернуть в начале лета крупные наступательные операции, был также за активную стратегическую оборону. Но наряду с ней он полагал целесообразным провести частные наступательные операции в Крыму, в районе Харькова, на львовско-курском и смоленском направлениях, а также в районах Ленинграда и

Демянска. Начальник Генерального штаба Шапошников стоял на том, чтобы не переходить к широким контрнаступательным действиям до лета. Жуков, поддерживая в основном Шапошникова, считал в то же время крайне необходимым разгромить в начале лета ржевско-вяземскую группировку врага.

К середине марта Генеральный штаб завершил все обоснования и расчеты по плану операций на весну и начало лета 1942 года. Главная идея плана: активная стратегическая оборона, накопление резервов, а затем переход в решительное наступление. В моем присутствии Борис Михайлович доложил план Верховному Главнокомандующему, затем работа над планом продолжалась. Сталин согласился с предложениями и выводами начальника Генштаба. В то же время было принято решение: одновременно с переходом к стратегической обороне предусмотреть проведение на ряде направлений частных наступательных операций, что, по мнению Верховного Главнокомандующего, должно было закрепить успехи зимней кампании, улучшить оперативное положение наших войск, удержать стратегическую инициативу и сорвать мероприятия гитлеровцев по подготовке нового наступления летом 1942 года. Предполагалось, что все это в целом создаст благоприятные условия для развертывания летом еще более значительных наступательных операций Красной Армии на всем фронте от Балтики до Черного моря.

Борис Михайлович хотя и не рассматривал такое решение как оптимальное, не считал возможным отстаивать далее свое мнение. Он руководствовался правилом, которому учил и нас: начальник Генштаба располагает обширной информацией, но Верховный Главнокомандующий оценивает обстановку с более высоких, самых авторитетных позиций.

В конце марта Ставка рассматривала предложение командования Юго-Западного направления о проведении силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов широкой наступательной операции с целью разгрома крупной группировки противника на южном крыле советско-германского фронта. Командование направления просило у Ставки дополнительно значительных сил и средств. Шапошников доложил Сталину, что Генштаб не согласен с этим предложением. Сталин одобрил наше решение, но в то же время дал Тимошенко согласие на

разработку частной, более узкой, чем тот намечал, операции с целью разгрома харьковской группировки врага наличными силами и средствами Юго-Западного направления.

Этот переработанный план 10 апреля был направлен в Ставку.

Шапошников, учитывая рискованность наступления из оперативного мешка, каким являлся Барвенковский выступ для войск Юго-Западного фронта, предназначавшихся для этой операции, внес предложение воздержаться от ее проведения. Однако командование направления продолжало настаивать на своем предложении и заверило Сталина в полном успехе операции. Верховный дал разрешение на ее проведение и приказал Генштабу считать операцию внутренним делом направления и ни в какие вопросы по ней не вмешиваться.

12 мая, то есть в разгар неудачных для нас событий в Крыму, войска Юго-Западного фронта, упредив противника, перешли в наступление. Сначала оно развивалось успешно, и это дало Верховному Главнокомандующему повод бросить Генштабу резкий упрек в том, что по нашему настоянию он чуть было не отменил столь удачно развивающуюся операцию.

К сожалению, последовавшие вскоре события подтвердили опасения Шапошникова. Наступление нашего Юго-Западного фронта, как известно, оказалось неудачным. В результате и обстановка, и соотношение сил на юге резко изменились в пользу противника, причем изменились именно там, где враг наметил свое летнее наступление. Это и обеспечило ему успех прорыва к Сталинграду и на Кавказ.

Самого Бориса Михайловича в это время с нами в Генштабе уже не было. Напряженнейшая работа не могла не сказаться на его здоровье: весной 1942 года его болезнь обострилась. Врачи потребовали резко ограничить рабочее время. В конце первой декады мая я в связи с болезнью Бориса Михайловича вернулся по приказу Ставки в Москву из поездки на Северо-Западный фронт. Шапошников обратился в ГКО с просьбой перевести его на другой участок работы. 11 мая на меня было возложено временное исполнение обязанностей начальника Генерального штаба.

Государственный Комитет Обороны поручил Шапошникову, как заместителю народного комиссара обороны,

в меру своих сил оказывать содействие коллективам профессоров и преподавателей военных академий Генерального штаба и имени М. В. Фрунзе, организовать пересмотр старых и руководить разработкой новых боевых уставов и наставлений, обобщив в них опыт войны, возглавить работу по составлению истории Великой Отечественной войны. ГКО обязывал Шапошникова посвящать работе не более пяти-шести часов в сутки.

И на этом посту Борис Михайлович оставался верен себе, работая сколько мог. В короткий срок комиссия, которую он возглавлял, рассмотрела проекты нового Боевого устава пехоты, Полевого устава, боевых уставов родов войск. По его предложению в 1942 году в Генштабе был создан специальный отдел, который обобщал опыт войны и заботился о том, чтобы он полнее использовался в войсках. Затем отдел был развернут в управление, совместно с Военно-историческим отделом Генерального штаба заложившее основу научной разработки истории Великой Отечественной войны.

Борис Михайлович рассмотрел подготовленные Военно-историческим отделом материалы, обобщавшие зимние наступательные операции, проведенные Красной Армией в 1941/42 году. Он сделал обстоятельные замечания и рекомендовал более глубоко исследовать боевые действия зимой, сделать более четкие выводы и выработать практические рекомендации для войск. Под редакцией Шапошникова в это время опубликован ряд сборников, освещавших важнейшие операции Отечественной войны. Под его же непосредственным руководством и при прямом участии был создан трехтомный труд о битве под Москвой. Это была, по существу, первая монография по истории Великой Отечественной войны. Успевал он просматривать, кроме того, различные статьи и предложения, которые ему присылали на консультацию партийные и правительственные органы. Знакомился с работой архивных учреждений, давал советы о сборе и порядке хранения документальных материалов.

Осенью 1942 года, несмотря на тяжелую обстановку на фронте, руководители Коммунистической партии и Советского государства сочли необходимым торжественно отметить 60-летие Бориса Михайловича. В приветствии Шапошникову, опубликованном всеми газетами, ЦК ВКП(б) и Советское правительство охарактеризовали его как активного организатора и выдающегося

полковника Красной Армии. Юбилар был награжден вторым орденом Ленина (впервые Шапошников удостоен этой высокой награды в декабре 1939 года за успешную работу по руководству оперативной деятельностью Красной Армии). Имя маршала Шапошникова было присвоено Высшим стрелково-тактическим курсам «Выстрел» и Тамбовскому пехотному училищу.

С 25 июня 1943 года Шапошников являлся начальником Военной академии Генерального штаба (тогда она называлась Высшей военной академией имени К. Е. Ворошилова). Ни на минуту не прекращал он большой организационной и военно-теоретической работы, заботливо воспитывал офицеров и генералов, способных к оперативной работе в штабах и командованию крупными соединениями и объединениями войск. В короткие сроки академия подготовила не одну сотню высококвалифицированных генштабистов и военачальников, проявивших высокие боевые и моральные качества на фронтах Великой Отечественной войны. Его самоотверженную деятельность неутомимого труженика вновь и вновь отметили партия и правительство высокими наградами: в феврале 1944 года Шапошников был награжден орденом Суворова 1-й степени, в ноябре — орденом Красного Знамени (вторично), в феврале 1945 года — третьим орденом Ленина. Ранее он был награжден также двумя орденами Красной Звезды, медалями «XX лет РККА» и «За оборону Москвы».

На каждого из нас, кому вышло счастье работать и общаться с ним, он производил постоянное и неоценимое воздействие. И я всегда испытывал чувство гордости, когда Сталин, рассматривая тот или иной вопрос, говорил обо мне:

— А ну послушаем, что скажет нам шапошниковская школа!

Да, Бориса Михайловича по праву можно считать создателем советской школы генштабистов. Все свои знания и опыт, накопленные более чем за сорок лет военной службы, он отдал Родине, достижению победы над врагом. И всего лишь сорок четыре дня не дожидаясь светлого дня 9 мая 1945 года. Он скончался 26 марта 1945 года. Через день на Красной площади в Москве состоялись похороны Маршала Советского Союза Бориса Михайловича Шапошникова. В тот день война держала меня далеко от Москвы, в районе Кенигсберга. На командном

пункте 3-го Белорусского фронта, которым я тогда командовал, в глубокой тишине слушали мы слова приказа, которые доносило с Красной площади радио:

«...Армия и флот Советского Союза склоняют свои боевые знамена перед гробом Шапошникова и отдают честь одному из выдающихся полководцев Красной Армии.

Приказываю:

В час погребения Маршала Советского Союза Шапошникова отдать умершему последнюю воинскую почесть и произвести в столице нашей Родины Москве салют в двадцать четыре залпа из ста двадцати четырех орудий.

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза *И. Сталин*.

28 марта 1945 года».

А на другой день, 29 марта, над Москвой прозвучал еще один салют, как бы сливаясь с тем, что был отдан накануне в честь дорогого моего учителя и друга: наша столица салютовала войскам 3-го Белорусского фронта, одержавшим, как говорилось в приказе Верховного Главнокомандующего, «новую крупную победу. Они окончательно ликвидировали восточнопрусскую группировку немцев на побережье залива Фриш Гаф, перемолов в приморском «котле» полки и дивизии противника, на которые в свое время гитлеровское командование возлагало оборону северо-восточных границ Германии».

Советские войска неудержимо шли к победе, которую до последнего дня своей жизни ковал вместе с ними Борис Михайлович Шапошников.

Маршал Советского Союза
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

Генерал-полковник Михаил ГРОМАДИН

В жизни почти каждого человека бывает событие, которое на длительное время или даже навсегда определяет основное направление его дальнейшего жизненного пути. От него, от этого события, ведется затем отсчет самого значительного этапа в жизни человека. Иногда на первый взгляд кажется, что произошло оно случайно, что судьба или, проще, обстоятельства так сложились. Но, вдумавшись, убеждаешься, что не так уж всеслеплен «господин случай»: человек, сам порой до времени не сознавая этого, всем уже ранее им сделанным как бы исподволь подготавливается к этому событию.

У Михаила Степановича Громадина такое событие произошло 17 апреля 1935 года, когда он, начальник штаба 1-го территориального пулеметного полка, был назначен помощником начальника отдела ПВО Московского военного округа. С этого момента вся последующая жизнь Громадина была неразрывно связана с руководящей работой в войсках противовоздушной обороны страны — с их дальнейшим развитием и боевой деятельностью в годы Великой Отечественной войны.

И не случайно, совсем не случайно состоялось это назначение. Громадин принадлежал к тому поколению советских военных кадров, которые формировались вместе со становлением Вооруженных Сил Республики Советов. Начинать этим людям пришлось не с «университетов»: не имевшие никакой военной, а во многих случаях и сколько-нибудь обстоятельной общеобразовательной подготовки, рабочие и крестьянские парни по зову большевиков поднялись на защиту пролетарской революции и самоотверженно бились с белогвардейцами и интервентами. В горниле гражданской войны они приобретали не только богатейший военный опыт, становясь командирами подразделений молодой Красной Армии, но и несокрушимую волю к достижению цели, замечательные деловые и моральные качества. Потом прошли они и «уни-

верситеты» — военные училища и академии, где с той же страстностью, что и в боях на фронтах гражданской войны, овладевали военными знаниями, приобретали широкий общеобразовательный кругозор. Коммунистическая партия и Советское государство высоко ценили эти закаленные, проверенные в делах кадры, поручали им ответственные и трудные участки военного строительства.

Именно такой путь прошел и Михаил Степанович Громадин. Родился он 8 ноября 1899 года в селе Крайшевка ныне Базаро-Карабулакского района Саратовской области в семье крестьянина-бедняка. До 17 лет батрачил у помещика. Великая Октябрьская социалистическая революция избавила его от безысходной бедняцкой судьбы. Но революцию нужно было защищать. В сентябре 1918 года 19-летний юноша Громадин стал бойцом Красной Армии. Воевал на Южном фронте. В одном из боев был ранен. А когда вернулся из госпиталя, командир полка, убежденный сединой рабочий-большевик, сказал:

— Парень ты смекалистый, воюешь сноровисто, службу любишь. Учиться поедешь. Из тебя хороший командир может получиться.

В 1920 году Громадин окончил Саратовские курсы красных командиров и сразу же был направлен на Юго-Западный фронт помощником командира роты. Снова бой, и снова ранение, на этот раз очень тяжелое. Медики спасли жизнь молодого командира, однако настаивали на списании его из армии. Но за три года войны Громадин настолько сроднился с военной службой, ее жесткими, четкими законами и нелегким укладом, что не мыслил без нее свою дальнейшую жизнь. Он просил, убеждал, настаивал, и медики сдались — решили, что молодость преодолет последствия тяжелого ранения.

Командиром роты Громадин участвовал в ликвидации кулацкого мятежа на Тамбовщине, а затем банд басмачей в Туркестане. В боях не щадил себя, был всегда впереди, там, где наиболее трудно. И товарищи по оружию, войны-коммунисты 1-й Туркестанской дивизии оказали Громадину высокое доверие: он был принят в ряды ленинской партии, с которой навсегда связал свою жизнь, все свои дела и побуждения.

Лишь в 1925 году обстановка на юге страны позволила Громадину сменить винтовку на учебники. Он стал курсантом Киевской объединенной пехотной школы. По окончании ее в 1927 году Громадин вновь был назна-

чен командиром роты в 56-м стрелковом полку. Время летело быстро, еще быстрее росли люди. Обладавший богатым боевым опытом и достаточными теперь для своей должности знаниями, Громадин трудился с огоньком. Бойцы любили его за увлеченность делом, за справедливую требовательность. Ценили энергичного командира и коммунисты, избравшие Громадина членом бюро полковой партийной организации.

Однажды в начале 1930 года Громадина вызвал командир полка.

— За последнее время ты сильно вырос, — сказал он и, увидев краску смущения на лице стоящего навытяжку командира роты, тут же добавил: — Нет, нет, не в прямом смысле. Хотя эк какой вымахал. Действительно, Громадин.

Командир полка с удовлетворением осмотрел высокую, по-строевому подтянутую фигуру Громадина и, подавив добрую усмешку, продолжал:

— Из Москвы пришла разнарядка на учебу в академию. Предложено послать лучшего. Командование и парторганизация считают лучшим тебя. Так что сдавай роту — и в Москву.

В 1933 году Громадин окончил основной факультет Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе. Послали его служить в места знакомые, в Среднюю Азию, начальником штаба Краснознаменного Туркестанского горнострелкового полка. А через год он был вызван в Москву, в штаб столичного военного округа, для получения нового назначения — начальником штаба 1-го территориального пулеметного полка. И вот теперь такой крутой поворот в военной судьбе — переход в войска противовоздушной обороны.

Дело было новым, незнакомым. И не только для Громадина. Противовоздушная оборона в то время, по сути, только начинала разворачиваться в общегосударственном масштабе — шел поиск наилучших форм ее организации и путей развития. Нарастали и масштабы мероприятий партии и правительства по обеспечению надежной обороны страны от нападения с воздуха. Росло количество частей ПВО, усложнялись задачи ее специальных служб, конструкторы напряженно работали над созданием эффективных средств поражения воздушного противника.

Для быстрорастущих войск ПВО нужно было много командных кадров. Выдвигались не только те, кто уже

знал дело — их было очень мало, а главным образом те, кто мог быстро познать и развить его. Громадин проявил себя именно таким командиром, волевым, трудолюбивым, пытливым, умеющим смотреть вперед. Поэтому когда потребовалась кандидатура на должность помощника начальника отдела ПВО Московского военного округа, то выбор пал на Громадина.

На этот раз разговор в штабе округа был долгим: новые обязанности требовали от Громадина широкого кругозора в области организации противовоздушной обороны. Кое-что он, разумеется, знал. Но именно «кое-что».

Видимо, есть необходимость восстановить основное из этого разговора, чтобы представить те исходные рубежи, с которых началась руководящая работа Громадина в войсках ПВО. Количественный и качественный рост армий капиталистических стран вынуждал единственное в мире социалистическое государство всемерно повышать свою обороноспособность. При этом учитывалось возрастающее значение авиации, характер ее действий в будущей войне, опасность массированных налетов не только на группировки войск, но и на промышленные объекты, крупные политические и административные центры. Поэтому противовоздушная оборона организовывалась во всей так называемой «угрожаемой зоне», которая охватывала территорию от государственной границы на глубину досягаемости бомбардировочной авиации того времени. Вместе с тем имелось в виду, что глубина эта будет расти.

В 1928 году нарком по военным и морским делам ввел в действие первое положение о противовоздушной обороне СССР. Им определялось, что «противовоздушная оборона имеет назначением защиту Союза ССР от воздушных нападений, с использованием для этой цели сил и средств, принадлежащих как военному, так и гражданским ведомствам и соответствующим военным общественным организациям». Противовоздушная оборона страны приобретала, таким образом, общегосударственные масштабы. В апреле 1932 года СНК СССР специальным постановлением возложил руководство системой ПВО страны на Народный комиссариат по военным и морским делам, в составе которого учреждалось Управление ПВО РККА. Его начальником стал выдающийся советский военный деятель командарм 1-го ранга С. С. Каменев. Были образованы дивизии ПВО, увеличено количество зенитной артиллерии на прикрытии наиболее важных объ-

ектов. Успешное выполнение первой пятилетки позволило увеличить количество истребителей более чем в три раза; в 1932 году они составили в общем парке боевых самолетов 25 процентов. Более совершенными стали отечественные зенитные орудия. Словом, велась большая работа: создавались новые и совершенствовались старые виды вооружения. В середине 1934 года были созданы первые экспериментальные установки радиолокационных самолетов, положившие начало развитию отечественной радиолокационной техники.

Громадину рассказали о проведенном в 1932 году под руководством С. С. Каменева, И. П. Уборевича и А. И. Корка совместном учении частей противовоздушной обороны, на котором отрабатывалось отражение внезапного налета вражеской авиации на Москву. Учение выявило существенные недостатки: наблюдательные посты смогли развернуться лишь через сутки, зенитная артиллерия оказалась способной к бою только через 12—14 часов после объявления воздушной тревоги.

— Естественно, из всего этого сделаны надлежащие выводы, и многое уже выправлено, — сказал, завершая разговор, ответственный работник штаба округа. — Но нужно понять, что тут все новое: организация и способы действий. И всему нужно по ходу дела учиться.

Смысл слов «по ходу дела» Громадин понял сразу, как только приступил к выполнению новых обязанностей. Общевоинской командир, он должен был обстоятельно изучить авиацию, прежде всего истребительную, зенитную артиллерию и многое другое, доселе ему малоизвестное: прожекторы и аэростаты заграждения, различные устройства по заблаговременному обнаружению воздушного противника. Нужно было знать возможности и способы действий всех средств ПВО.

Разумеется, «по ходу дела» учились и начальники и подчиненные Громадина, все, кому довелось служить в войсках ПВО в ту пору. Служба тоже была для всех них постоянной упорной учебой. Учителя были одновременно учениками, учились и учили главному: использованию средств ПВО в совокупности, искали и находили наиболее эффективные и перспективные сочетания этих средств. И то, что находили, тут же внедряли в практику.

Громадин работал и учился «с переклестом» (так как-

то сказал о нем один из преподавателей еще в академии). Знания и опыт приобретал он и во время частых поездок в войска ПВО. Вечерами и в выходные дни изучал специальную литературу. Своеобразной формой было составление служебных документов: приказаний, докладов командованию, где обобщался опыт, суммировались коллективные знания. Конечно, была и жизнь личная, дом, семья, выпадали часы и даже дни отдыха. Но над всем превалировало веление времени — грозное, бескомпромиссное. С запада и востока уже доносились раскаты надвигающейся на мир войны: за Пиренеями фашистский зверь вцепился в горло республиканской Испании. В числе сражавшихся там советских добровольцев оказались и воины из частей ПВО Москвы: летчики-истребители, артиллеристы-зенитчики, прожектористы. И Громадин подал рапорт с просьбой послать его добровольцем сражаться в рядах испанской республиканской армии. Резолюция звучала весьма лаконично: «Отказать». Устно ему разъяснили: «Заменить вас сложно. Вы уже многое освоили, а ПВО столицы расширяется».

Но события в далекой Испании так или иначе отражались на деятельности Громадина. Ведь там на практике проверялись возможности современных средств ПВО, их взаимодействие. Варварские бомбардировки фашистской авиацией Мадрида заставляли задумываться о многом. Выяснилось, например, что отсутствие у республиканцев достаточного количества прожекторов позволяло фашистским самолетам прорываться по ночам к Мадриду на небольших высотах, что повышало точность бомбометания. Советское командование внимательно изучало опыт противовоздушной обороны Мадрида. Однажды морозным январским утром 1937 года Громадина вызвали к начальнику штаба округа. В просторном кабинете собралось еще несколько командиров.

— Товарищи, — обратился начальник штаба округа к собравшимся, — вашей группе предстоит подготовить чрезвычайно важный документ по противовоздушной обороне Москвы для доклада командующего войсками округа наркому обороны СССР. В нем должны найти отражение взгляды наших и зарубежных специалистов на боевое применение авиации в вооруженной борьбе, на опыт ПВО Мадрида. В документе необходимо всесторонне обосновать наши потребности для надежной защиты столицы с воз-

Сделав короткую паузу, начальник штаба округа тихо сказал:

— В случае войны Москву не должна постигнуть участь Мадрида.

В документе надо было критически рассмотреть состояние ПВО Москвы, учесть возможности нашей военной промышленности. Наиболее сложную часть документа — предложения, вытекающие из возможного характера действий авиации в будущей войне, пришлось исполнять Громадину. Он сумел отлично обосновать свои расчеты. Все единодушно сошлись, что заместитель начальника отдела ПВО успешно справился с порученным делом.

Изучив представленный доклад, командующий Московским военным округом командарм 1-го ранга И. П. Белов вызвал Громадина.

— В той части доклада, которую готовили вы, много внимания уделено недостаткам ПВО Москвы, — сказал он. — Не перебарщиваете ли? Есть ведь и положительное.

— Положительного больше, чем указано в докладе, — ответил Громадин. — Но оно останется с нами, а недостатки нужно устранять. Причем положительное больше касается выучки личного состава, а отрицательное — организации ПВО, ее возможностей. Тут нужны решительные меры.

Громадин открыто высказался обо всем, что наболело. Командующий войсками округа помолчал, что-то обдумывая, а в заключение сказал:

— Человек вы, я вижу, прямой и не боитесь правду говорить. Это хорошо. И дело свое знаете, вперед смотрите, с перспективой ко всему подходите. Вы правы — нужны решительные меры. Так и запишем.

В докладе, представленном Беловым наркому обороны СССР, указывалось: «Исходя из основной установки, что Москва, как важнейший административно-политический центр, как центр государственного управления Союза, несомненно, будет подвергнута действию больших масс бомбардировочной авиации в начальный период войны, вытекает необходимость решительного осуществления ряда мероприятий, направленных к усилению как авиазенитной, так и местной (пассивной) обороны».

Доклад этот рассмотрели в Наркомате обороны СССР, изучала его затем и специально созданная комиссия ЦК ВКП(б). Вскоре последовал ряд чрезвычайно важных мер по усилению противовоздушной обороны столицы и

некоторых других промышленных центров страны. Для прикрытия Москвы, Ленинграда, Баку было решено сформировать корпус ПВО, для обороны других центров — дивизии и отдельные бригады ПВО. Особое внимание уделялось отработке взаимодействия различных частей и служб ПВО.

20 марта 1938 года Громадин был назначен начальником отдела ПВО столичного округа. Он понимал: времени мало, фашистская Германия взяла курс на развязывание войны. Москва должна стать неуязвимой для воздушного противника.

Громадин с головой ушел в новые обязанности. Главной из них было создание столичного корпуса ПВО, объединявшего зенитную артиллерию, зенитные пулеметы, прожекторные части, аэростаты заграждения и подразделения ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение и связь). Корпус был усилен многими частями и подразделениями, прикрывавшими ранее другие города и объекты. В результате всех мероприятий 1-й корпус ПВО превратился в значительную боевую силу, способную защитить Москву от возможных ударов авиации вероятного противника.

Между тем международная обстановка стремительно накалялась. Подразделения столичной ПВО участвовали в боях у озера Хасан, в районе реки Халхин-Гол. Громадин принимал непосредственное участие в отборе воинов, направлявшихся для борьбы с японскими агрессорами, радовался их успехам, наградам, которыми удостоило их правительство за смелые и умелые действия.

Но главная угроза надвигалась с запада. Подписав Мюнхенское соглашение, Англия и Франция отдали Чехословакию на растерзание фашистской Германии. Этот вероломный акт предательства значительно усилил военный потенциал «третьего рейха». 1 сентября 1939 года нападением гитлеровской Германии на Польшу началась вторая мировая война.

Как и все советские люди, Михаил Степанович со скорбью следил за трагедией польского народа. Но он понимал, что огненный вал войны катится к границам Советского Союза. Поэтому на ход войны в Польше смотрел и профессионально, стараясь извлечь для себя практические выводы. Громадин имел примерное представление о силах и средствах ПВО Польши. Она располагала 40—50 зенитными батареями, могла использовать до 400 са-

молотов-истребителей. Но уже в первый день войны массированным ударом по аэродромам фашистская авиация вывела из строя значительную часть истребителей польских ВВС. Система ПВО Польши фактически перестала существовать и не могла воспрепятствовать варварскому массированному налету на Варшаву 27 сентября, в котором приняло участие 1150 вражеских самолетов. На следующий день польская столица капитулировала.

О многом вынуждала задуматься и ожесточенная воздушная битва, развернувшаяся в небе Англии с августа 1940 года. Геринг направил сюда не только основные бомбардировочные силы своих действующих воздушных флотов, но наиболее закаленные и опытные летные кадры. Особенно показательным явился налет гитлеровцев на Ковентри, один из крупнейших центров английской промышленности. Противовоздушная оборона Англии в некоторых случаях оказалась неспособной противостоять удару воздушного противника.

«В чем дело? Да, фашистская авиация превосходит английскую и особенно польскую, — размышлял Громадин. — Но и Англия, даже Польша могли оказать более эффективное сопротивление налетам фашистской авиации. Видимо, дело в разрозненности действий частей ПВО. Все — истребительная авиация, и зенитная артиллерия, и другие средства ПВО — должно быть под единым командованием, подчиняться единому замыслу. Необходимо и единый план ПВО каждого объекта». Эти и многие другие вопросы волновали всех, кто был связан с перспективами развития ПВО страны. Вскоре Центральным Комитетом партии и Советским правительством была намечена целая система мер для усиления противовоздушной обороны государства, в том числе и для укрепления войск ПВО наиболее подготовленными кадрами.

В январе 1940 года Громадина вызвал нарком обороны СССР Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко.

— Вы назначаетесь командиром 1-го корпуса ПВО, — сказал нарком. — Столичный корпус ПВО достаточно широкое поле для реализации всего нового. И учтите: время не ждет. Поэтому учите войска тому, что нужно на войне, и так, как этого требует современная война.

Штаб корпуса помещался в двухэтажном здании на территории Чернышевских казарм. Когда-то здесь была гарнизонная церковь. Кабинет командира корпуса находился на самом верху, где ранее был купол церкви. Обой-

дя служебные помещения, Михаил Степанович собрал штабных работников. Рассказал им о порядке работы, сообщил, что командование Московского военного округа выделило необходимые средства на постройку в центре столицы и оборудование в соответствии с современными требованиями специального здания для штаба и командного пункта корпуса.

Через несколько дней после назначения командиром корпуса Михаил Степанович выехал на полигон, где часть зенитных батарей выполняла учебно-боевые стрельбы по наземным целям прямой наводкой. Громадин обратил внимание на то, что отдельные командиры батарей относились к таким стрельбам как к второстепенному делу, о чем красноречиво говорили результаты стрельб. Собрав командиров, Михаил Степанович сказал им:

— Современная война — маневренная. И может статься так, что и зенитной артиллерии придется вести борьбу с наземным противником. Поэтому приказываю 15 процентов времени, отводимого на огневую подготовку, использовать для тренировок в стрельбе по танкам.

Громадин, как и многие командиры в то время, считал, что зенитную артиллерию с успехом можно применять против наземных целей особенно в борьбе с танками. И это убедительно подтвердила история Великой Отечественной войны: зенитная артиллерия высокоэффективно использовалась в борьбе с фашистскими танками.

Громадина радовало растущее мастерство воинов корпуса. В его составе были целые части и подразделения, которые по праву можно было назвать отличными. Все это хорошо, но как они будут действовать вместе? ПВО только тогда эффективна, когда все ее элементы работают слаженно, как единый механизм. Словом, нужны были учения. Своими мыслями Громадин не раз делился с руководящими работниками штаба округа, а однажды высказал их командующему. Поэтому, когда Михаила Степановича вызвали к командующему округом, у него мелькнула надежда. Возможно, разрешили провести корпусные учения!

— Рад поздравить вас с присвоением высокого звания, — приветствовал Громадина командующий. — Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 4 июня 1940 года вам присвоено звание генерал-майора.

Громадин, как полагается, по-военному ответил на приветствие и, отважившись, спросил:

— А учения? Когда можно провести корпусные учения?

— Вот ведь неугомонный, — засмеялся командующий. — Вы же генералом стали!

— А это как раз и следует оправдать, — в тон командующему ответил Громадин.

— Что верно, то верно, — сказал командующий. — Представьте конкретные предложения.

Учение состоялось осенью 1940 года. В нем участвовали все части 1-го корпуса ПВО и 24-й истребительной авиационной дивизии. Цель учений заключалась в том, чтобы проверить готовность к защите столицы от массированных налетов авиации противника, взаимодействие истребительной авиации, зенитной артиллерии, прожекторных зенитно-пулеметных частей и подразделений ВНОС. Условия учений были жесткими: учитывался опыт немецкой авиации на Западе в 1939—1940 годах, практически отработывались способы отражения массированных авиационных налетов с любых направлений и в любых условиях погоды, в дневное и ночное время.

Итогами учений Громадин мог быть доволен. Они не только показали, что достигнуто главное: ПВО столицы представляла собой технически оснащенный, слаженный единый механизм, способный обнаруживать и уничтожать вражеские самолеты за много километров до цели. Учения также выявили основные направления, по каким следовало совершенствовать оборону Москвы от внезапного нападения с воздуха.

Проведенные учения служили и своеобразной аттестацией самого Громадина как военачальника. Вот что писал о Громадине того времени сменивший его в дальнейшем на посту командира 1-го корпуса ПВО генерал-полковник артиллерии Д. А. Журавлев: «М. С. Громадин очень хорошо знал людей, отзывался о большинстве из них весьма доброжелательно. Отлично разбирался он и в вопросах боевого применения средств ПВО, ясно представлял себе характер боевых действий при обороне крупного пункта от нападения воздушного противника. Словом, передо мной был зрелый военачальник...»

В связи с надвигавшейся угрозой войны партия и правительство во всевозрастающих масштабах занимались укреплением обороноспособности страны. Важное место отводилось при этом усилению обороны страны от нападения с воздуха. В феврале 1941 года ЦК ВКП(б) и

СНК СССР приняли постановление «Об усилении противовоздушной обороны СССР». В соответствии с ним территория страны в пределах военных округов была разделена на зоны ПВО, зоны — на районы ПВО, а последние — на пункты ПВО. Каждую зону ПВО возглавлял помощник командующего военным округом, одновременно являющийся командующим этой зоной. Такая организация вполне отвечала своему времени, делала противовоздушную оборону страны более устойчивой и управляемой.

В числе 13 зон была образована и Московская зона ПВО. Ее возглавил генерал-майор Михаил Степанович Громадин. Помимо 1-го корпуса ПВО и 6-го истребительного авиационного корпуса, в состав зоны вошли Калининский и Тульский бригадные районы ПВО. Иными словами, на Громадина была возложена обязанность подготовить территорию Московского военного округа, включавшую в себя несколько областей РСФСР, к эффективной противовоздушной обороне.

Через несколько дней после назначения на новую должность Громадина вызвали к С. М. Буденному. Маршал оказался не один. В его кабинете находился секретарь ЦК, МК и МГК партии А. С. Щербаков.

— Мы пригласили вас, — сказал Буденный, — чтобы обсудить дальнейшие меры по укреплению ПВО столицы. Партийные и советские органы Москвы и области окажут нам всемерную помощь, материальную и людьми. Но нужен четкий, продуманный во всех деталях план. Контуры его мы наметили сейчас.

Разговор получился долгим и весьма плодотворным. Были обсуждены и контуры плана, и многие его детали. Подробно рассмотрены вопросы, связанные с созданием МПВО — местной противовоздушной обороны, предназначенной для ликвидации последствий налетов вражеской авиации. Прощаясь, Щербаков сказал Громадину:

— Чаще информируйте меня о ходе дел, обращайтесь за помощью. Впрочем, я и сам вас в покое не оставлю.

Позже в своей автобиографии Михаил Степанович писал: «В этот период я работал под непосредственным руководством тт. Буденного и Щербакова, которые очень много мне помогали и сами провели большие мероприятия в подготовке Москвы к противовоздушной обороне. Под их руководством были подготовлены аэродромы, установлена постоянная связь — проволочная и радио — с

системой ВНОС в радиусе 250 км от столицы, со всеми аэродромами, построена связь и с огневыми позициями всей зенитной артиллерии».

Щербаков действительно «не оставлял в покое» Громадина. Он интересовался малейшими деталями, давал советы, в необходимых случаях мобилизовывал в помощь столичной ПВО материальные и людские ресурсы Москвы и области. Иногда, заканчивая разговор, он сокрушенно вздыхал:

— Времени мало, очень мало.

Да, времени действительно оказалось мало. Многого еще нужно было бы сделать. Но наступало роковое 22 июня 1941 года.

В ночь на 22 июня Михаил Степанович находился в своем рабочем кабинете. Он сидел, устало прикрыв глаза, подробно перебирая в памяти все сделанное за день. Давно, еще со времени учебы в академии, подводить итоги прожитого дня стало для него привычкой. Про себя он ее называл «совещанием с самим собой». «Посидишь вот так сам с собой, разложишь все по полочкам, — говорил Громадин друзьям, — и ясно становится, где чего недоделал, а где, может быть, понапрасну время тратил. На следующий день работаешь сосредоточеннее, устремленнее».

Вот и сейчас Михаил Степанович подводил итоги не легкого дня, вычленил главное, на чем нужно было сосредоточиться завтра. А подумать было о чем. 21 июня нарком обороны С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба Г. К. Жуков направили в западные округа директиву, предупреждавшую о возможном нападении фашистской Германии на СССР в течение 22—23 июня. Сведения, послужившие основанием для этой директивы, были известны немногим. Но так или иначе еще до директивы они отражались на работе Наркомата обороны и штаба столичного военного округа. Поэтому Громадин и его аппарат уже более недели почти круглосуточно находились на службе: проверяли готовность построенных аэродромов, состояние зенитных частей, еще и еще раз изучали возможности мобилизационного развертывания войск.

Мысли Михаила Степановича прервал резкий телефонный звонок. Командующий войсками Московского воен-

ного округа генерал армии И. В. Тюленев приказал Громадину вызвать из лагерей и поставить на огневые позиции 20 процентов всех имевшихся там частей. И почти тут же последовал новый приказ — вызвать из лагерей уже половину.

Командующий войсками округа не объяснил мотивов своих приказаний, и, может быть, именно поэтому Михаил Степанович всем нутром своим ясно ощутил: «Война!»

Громадин сразу же направился в штаб 1-го корпуса. Уже освещенная ранним утренним светом, но еще безлюдная Москва казалась особенно свежей, как бы умытой. Вглядываясь в проносившиеся мимо улицы и площади, Михаил Степанович вспоминал кадры кинохроники — разрушения в Мадриде, причиненные фашистской авиацией: «Ну нет, здесь этому не бывать!»

Штаб корпуса помещался теперь в центре города, в новом здании. На его командном пункте непрерывно звонили телефоны — командиры докладывали о ходе подготовки к намеченным на это время корпусным учениям. Командир корпуса комбриг Журавлев, доложив о начавшемся выводе половины войск на огневые позиции, с досадой сказал:

— Кто-то наверху, видимо, решил поломать схему учений. Зачем? И так все максимально приближено к боевым условиям.

Громадин хотел что-то ответить, но его прервал новый приказ: выводить на боевые позиции всю зенитную артиллерию.

Вскоре на КП корпуса стали поступать донесения о налетах фашистской авиации на приграничные города.

— Война?! — не то спросил, не то констатировал факт Журавлев.

И как бы в ответ властно зазвенел телефон внутренней правительственной связи: Громадину официально сообщили о вероломном нападении фашистской Германии на СССР. Отдав необходимые распоряжения, он поспешил в штаб округа.

В 4 часа 40 минут командующий Московской зоной ПВО Громадин отдал приказ на занятие боевых позиций зенитной артиллерией и прожекторными частями, выдвижение истребительных авиационных полков на передовые аэродромы. Система ПВО столицы и Московского про-

мышленного района приводилась в наивысшую боевую готовность. Так для командующего и воинов Московской зоны ПВО началась Великая Отечественная война.

Противовоздушная оборона Москвы и Московского промышленного района в годы войны занимала особое место в комплексе боевых действий Войск ПВО страны. Это обуславливалось важностью самого обороняемого объекта: Москва — столица нашего социалистического государства, крупнейший политический, экономический, административный и культурный центр Советского Союза. Организацией ее надежного прикрытия от ударов с воздуха с первых дней войны занимались Центральный Комитет партии, Государственный Комитет Оборона, Ставка Верховного Главнокомандования. Много внимания противовоздушной обороне столицы непосредственно уделяли И. В. Сталин, А. С. Щербаков, Н. А. Вознесенский, А. И. Микоян. Они рассматривали и решали вопросы, связанные с укреплением материально-технической базы столичной ПВО, обеспечением ее соединений командными и политическими кадрами, совершенствованием ее организационной структуры.

Многое, очень многое и в самый короткий срок нужно было сделать, чтобы привести ПВО Москвы и Московского промышленного района в полное соответствие с условиями военного времени. Громадин и работники его аппарата почти постоянно были на местах, направляя работы по усовершенствованию старых и постройке новых боевых позиций и командных пунктов, складов для боеприпасов, укрытий для людей и материальной части.

Чрезвычайно остро встала задача организации четкого взаимодействия войск ПВО с авиацией дальнего действия, а затем и фронтовой. Актуальность этой задачи выявилась буквально на третий день войны. Ранним утром 24 июня Громадину доложили, что группа наших бомбардировщиков, возвращаясь с боевого задания, потеряла ориентировку и была обстреляна зенитными батареями 1-го корпуса ПВО. Что и говорить, случай из ряда вон выходящий! То, что повинны в нем были прежде всего сами авиаторы, не утешало.

— Хорошо, что без жертв обошлось, — раздраженно сказал Громадин по телефону командиру корпуса Журавлеву. — А где гарантия на будущее? Мы не можем стрелять по своим, даже если они сами виноваты

в этом! Нужно научиться отличать свои самолеты от вражеских.

Положив трубку и несколько успокоившись, Громадин устыдился: ведь не Журавлев, а он, командующий зоной ПВО, главным образом повинен в случившемся. Ему прежде всего нужно было обеспечить надежное определение службой ВНОС своих и вражеских самолетов. Обдумывая, как это сделать, Михаил Степанович не сразу взял трубку зазвонившего телефона.

— Если вы не можете, к телефону должен подойти дежурный, — резко сказал Тюленев. — Вас вызовут для доклада о ночном эпизоде. Когда конкретно, вам скажут. Подготовьтесь обстоятельно.

Днем Громадина вызвали в Кремль, к Сталину. Сталин задавал вопросы ровным и спокойным голосом, касаясь деталей, внимательно выслушивал ответы. В заключение он предложил разобрать происшедший случай с командирами всех степеней и принять меры к тому, чтобы подобное больше не повторилось. Когда Громадин все же нашел возможность сказать о своей личной ответственности, Сталин пристально посмотрел на него и ответил:

— Будем считать это учебной тревогой противовоздушной обороны. — И, помедлив, добавил: — На этот раз, конечно.

На следующий же день Громадин провел инструктивное совещание с командным составом 1-го корпуса ПВО. Через несколько дней им была подписана специальная инструкция постам ВНОС о том, как своевременно обнаруживать самолеты противника, как определять курс, количество и типы вражеских и своих самолетов. Инструкция предлагала сообщать эти данные на главный пост ВНОС, частям истребительной авиации, зенитной артиллерии и соседним районам ПВО.

Были приняты меры и по линии Наркомата обороны СССР: установлен строгий режим полетов над Москвой, для частей ВВС определены воздушные коридоры в зоне, охраняемой столичной ПВО. Громадин связался с командованием ВВС и попросил выделить для ПВО специалистов по опознаванию самолетов. Вопрос был согласован в Генеральном штабе, и в войска ПВО были направлены 150 работников ЦАГИ для обучения воинов различных родов войск безошибочному опознаванию самолетов в воздухе.

Принятые меры оказались весьма своевременными.

Первые разведывательные полеты вражеской авиации в пределах Московской зоны ПВО были зафиксированы постами ВНОС уже 1 июля 1941 года: в 17 часов 59 минут «Юнкерс-88» появился над Вязьмой. На следующий день Громадин доложил о разведывательном полете самолета противника над железнодорожным узлом Ржев. Еще через день фашистский самолет-разведчик достиг западных границ столицы. А всего за три недели, с 1 по 21 июля, посты ВНОС зафиксировали около сотни пролетов самолетов противника в границах Московской зоны ПВО. Было ясно, что вражеское командование разведывает наши железнодорожные перевозки, расположение аэродромов, военно-промышленных и других объектов и, конечно же, саму систему ПВО Москвы.

Как стало известно после войны, главное командование гитлеровских ВВС (ОКЛ) в соответствии с установками главарей «третьего рейха» сосредоточило почти все силы «бомбардировочной авиации дальнего действия для удара по важнейшему политическому, хозяйственному и культурному центру Советского Союза — Москве, имея в виду подготовить этот город к последующему решительному штурму». 14 июля 1941 года Гитлером была сформулирована цель воздушной операции по уничтожению советской столицы; ее смысл состоял в том, чтобы «нанести удар по центру большевистского сопротивления и воспрепятствовать организованной эвакуации правительственного аппарата». Спустя пять дней в директиве № 33 от 19 июля «О дальнейшем ведении войны на Востоке» Гитлер потребовал «быстрее начать силами 2-го воздушного флота, усиленного бомбардировочной авиацией с запада, воздушные налеты на Москву».

Конечно, в то время Громадин не знал об этих секретных гитлеровских приказах. Но главным было ясно: враг намерен подвергнуть Москву и Московский промышленный район систематическим массированным бомбардировкам.

Как-то в разговоре со Щербаковым Громадин посетовал на нехватку аэростатов, отсутствие кадров для укрепления постов ВНОС, медленный ход работ на строительстве объектов. Щербаков обещал помощь городской партийной организации.

Михаил Степанович встретился с секретарями и другими ответственными работниками МГК. Помощь оказалась весьма существенной. По указанию МГК тысячи

трудящихся столицы были направлены на строительство и оборудование аэродромов и взлетно-посадочных полос, 600 коммунистов-москвичей посланы на укрепление партийных организаций постов ВНОС, рабочие завода «Каучук» и фабрики «Красная Роза» досрочно выполнили заказ по производству аэростатов заграждения.

В начале июля Громадина вызвал начальник Главного управления ПВО Красной Армии генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов и приказал подготовить для Государственного Комитета Обороны соображения по дальнейшему укреплению ПВО столицы.

— Учтите, Москва должна быть защищена самым надежным образом, — закончил разговор Воронов.

Возвратившись к себе, Громадин пригласил командира 1-го корпуса Журавлева и других ответственных работников ПВО столицы. Сразу же приступили к расчетам. Их вели весьма скрупулезно, определяя каждую батарею, необходимую на том или ином направлении. Были учтены данные о средствах ПВО зарубежных столиц. Более суток не покидали кабинет генералы и их помощники. Наконец все расчеты были обоснованы, завершены и сведены в стройный документ. Его положения легли в основу постановления ГКО от 9 июля 1941 года «О противовоздушной обороне г. Москвы».

Громадин имел все основания быть довольным. В постановлении была намечена и сразу же стала претворяться в жизнь широкая программа увеличения сил и средств ПВО столицы. К концу июля в составе войск ПВО, непосредственно прикрывавших Москву, имелось 1044 зенитных орудия, 336 счетверенных зенитных пулеметов, 602 самолета-истребителя, 612 прожекторных станций, 124 поста аэростатов заграждения и 702 поста ВНОС. В каждом районе Москвы были созданы батальоны МПВО. Все это, вместе взятое, по тому времени составляло внушительную силу, способную надежно защитить столицу от воздушного нападения. Задача теперь состояла в том, чтобы умело, наиболее эффективно использовать эту силу, обеспечить тесное взаимодействие истребительной авиации и зенитной артиллерии, максимально учесть их боевые возможности.

Глубина стиличной ПВО благодаря продуманному эшелонированию сил и средств составила 200—250 километров, что позволяло встречать противника на дальних подступах к Москве.

Непосредственные подступы к столице на глубину до 32 километров от ее центра прикрывались зенитной артиллерией среднего калибра. Зона аэростатов заграждения располагалась вокруг центра города в радиусе 5—6 километров. На западной и южной окраинах Москвы имелась полоса аэростатного заграждения глубиной 2—4 километра. Столица была опоясана тремя полосами наблюдения, на линии Ржев — Вязьма располагались радиолокационные станции обнаружения.

— Да, дело теперь за вами, за войсками ПВО, — сказал Щербаков, выслушав доклад Громадина о том, как выполняется постановление ГКО. — Страна дала вам все необходимое. И организовали вы все продуманно. Теперь все нужно отработать, слить в единый механизм.

В середине июля Громадину через Генеральный штаб было приказано подготовить разработку командно-штабного учения по отражению массированного налета авиации на Москву в дневных условиях. Вместе с начальником штаба зоны ПВО генерал-майором артиллерии А. В. Герасимовым Громадин в течение двух суток работал над заданием, а когда доложил о его выполнении, то в Генеральном штабе сказали, что командно-штабное учение будет проведено в присутствии Сталина, членов ГКО и начальника Генерального штаба Жукова.

Учение началось в пять часов вечера 21 июля в кабинете Верховного Главнокомандующего. Из работников ПВО в нем участвовали Громадин, Герасимов, Журавлев, командир 6-го авиационного корпуса Климов, начальник оперативного отдела 1-го корпуса Курьянов и операторы-авиаторы. Когда операторы разложили карты и доложили о готовности к работе, Сталин сказал:

— Покажите нам, как будете отражать массированный дневной налет авиации противника на Москву. Начинаяте, товарищ Громадин.

Разработанные штабом Московской зоны ПВО данные представители корпусов наносили на карты, принимали необходимые решения, отдавали приказы на ведение боевых действий. Игра длилась около полутора часов. Громадин сумел создать весьма сложную обстановку: согласно его данным авиация противника пыталась прорваться к столице тремя большими группами, эшелонированными по высоте и времени. Командирам корпусов пришлось изрядно потрудиться, чтобы не допустить условного удара противника по Москве.

Когда игра была завершена, Сталин, внимательно наблюдавший за ее ходом, сделал несколько общих замечаний. Итоги подвел Жуков. В целом он положительно оценил действия Громадина и командиров корпусов.

После разбора Сталин сказал:

— Завтра вы нам покажете отражение ночного налета на Москву.

Но вместо штабной игры командованию столичной ПВО 22 июля пришлось руководить отражением действительного ночного налета вражеской авиации на Москву.

Днем все было спокойно, и Громадин вместе с помощниками, окончив все приготовления к предстоящей игре, ждал вызова к Сталину. Около 22 часов на главный пост ВНОС поступили донесения о движении большой группы самолетов противника в сторону столицы. Их насчитывалось свыше двухсот. Громадин доложил об этом непосредственно Сталину и попросил отменить учение.

— Я и члены ГКО будем на вашем КП, — последовал ответ.

Громадин в первую секунду растерялся: руководить отражением первого массированного налета на Москву в присутствии самого Сталина! Но на чувства не было времени. Встретив Сталина и других членов ГКО, Громадин проводил их на командный пункт. Докладывая обстановку, он сообщил, что головная группа противника уже достигла Можайска.

Опасения Громадина оказались напрасными: присутствие Сталина не сковало его. Сосредоточенный на руководстве приведенной в движение огромной машиной ПВО, Громадин полностью отключился от всего иного.

На КП продолжали поступать доклады, из которых вырисовывалась общая картина. Противник производил налет четырьмя последовательными эшелонами. Вражеские бомбардировщики шли через Минск — Оршу. На пути следования, как стало известно позже, они использовали радиомаяки и световые сигналы — вращающиеся прожекторы, служившие ориентирами.

В течение пяти часов длился первый налет фашистской авиации на Москву. И всюду вражеские бомбардировщики наталкивались на активное противодействие. Все звенья ПВО работали слаженно и умело. Громадин последовательно вводил в действие все новые силы, создавая на пути врага мощный заслон противовоздушной обороны. В хо-

де ожесточенных боев войны Московской зоны ПВО совершили десятки героических подвигов. Высокое летное и боевое мастерство продемонстрировал командир эскадрильи 11-го истребительного авиационного полка капитан К. Н. Титенков. В ночном бою он уничтожил лидера группы вражеских самолетов — флагманский бомбардировщик «Хейнкель-111». Летчик-истребитель младший лейтенант А. Г. Лукьянов, обнаружив в лучах прожектора вражеский бомбардировщик, атаковал и уничтожил его. Отличились и зенитчики. Воины 1-й батареи 176-го зенитного артполка под командованием лейтенанта А. Е. Турукало сбили в ночном бою два самолета. 5-я батарея 251-го зенитного артполка, которой командовал старший лейтенант И. В. Клец, уничтожила два фашистских бомбардировщика. Всего в ожесточенных боях было сбито 22 самолета. Главное же состояло в том, что войны ПВО не допустили к Москве вражескую армаду. Лишь отдельные самолеты прорвались к столице, но и они не смогли произвести прицельное бомбометание.

Отражение первого ночного налета на Москву явилось серьезной проверкой готовности всех звеньев ПВО Московской зоны к выполнению боевых задач, подлинным экзаменом для ее руководителей. На следующий день в печати был опубликован приказ народного комиссара обороны И. В. Сталина. В нем, в частности, говорилось: «За умелую организацию отражения налета вражеских самолетов на Москву объявляю благодарность командующему Московской зоной ПВО генерал-майору Громадину».

Провал первого массированного воздушного налета на Москву не отрезвил вражеское командование. Оно упорно продолжало воздушное наступление на столицу СССР. В течение июля — сентября 1941 года противник принял 36 массированных налетов на Москву, в которых в общей сложности участвовало более 4200 фашистских самолетов, 200 из них были сбиты. И каждый раз достигалось главное: к городу удавалось пробиваться лишь одиночными самолетами. Чувствительные потери в самолетах и непреодолимость ПВО Москвы вынудили противника временно отказаться от массированных налетов на столицу и перейти к беспокоящим действиям небольшими группами и даже одиночными самолетами, которые продолжались до конца сентября.

В это время особенно напряженная обстановка в воз-

духе складывалась у Тулы и Каширы. А. С. Щербаков настойчиво требовал прикрыть Шатуру и Подмосковный угольный бассейн, которые снабжали столицу электроэнергией и топливом. Нужно было также усилить оборону Серпухова и Электростали, важнейших железнодорожных мостов в окрестностях столицы.

— Поспевайте, поспевайте, Михаил Степанович, — говорил при встречах Щербаков.

И Громадин со своими помощниками поспевал. Воспользовавшись паузой в налетах на Москву, он выехал в Тулу. Вместе с командующим Тульским бригадным районом ПВО генерал-майором М. Н. Овчинниковым Громадин пересмотрел расположение огневых позиций зенитной артиллерии в связи с прибытием новых батарей, проверил систему взаимодействия зенитчиков с находившимися на южных подступах к столице полками 6-го истребительного авиационного корпуса ПВО.

Перед поездкой в Тулу Громадин имел обстоятельный разговор с начальником Главного управления ПВО Красной Армии генерал-полковником Н. Н. Вороновым. Речь шла на первый взгляд о необычном: об использовании зенитной артиллерии в борьбе с танками. Обобщая уже имевшийся опыт, Воронов еще 5 июля 1941 года направил командующим зонами ПВО директиву, в которой предлагалось вести дело так, чтобы «противовоздушная оборона была и противотанковой». На отдельных этапах операций, указывалось в директиве, «противотанковая оборона становится первостепенной и требует переключения зенитных средств на противотанковую оборону... Для противодействия танкам противника использовать все зенитные орудия, создавая мощный заслон».

— На Тулу наступает Гудериан, создатель теории о решающей роли танков в современной войне, — сказал Воронов. — Теория, конечно, авантюристическая. Но в применении танков Гудериан искусен. Помогите на месте организовать использование зенитной артиллерии для борьбы с танками.

Организуя прикрытие города русских оружейников, Громадин многое сделал для выполнения указаний Воронова. На танкоопасные направления — южные подступы к Туле — было выдвинуто несколько зенитных батарей среднего калибра. Была организована подготовка артиллеристов к встрече с наземным врагом, проведено соответ-

ствующее инженерное оборудование огневых позиций зенитной артиллерии.

Развернувшиеся вскоре у Тулы ожесточенные бои подтвердили правильность принятых решений. Воины ПВО проявили массовый героизм и благодаря своевременно полученному подкреплению совместно с сухопутными войсками остановили механизированные колонны противника, рвавшиеся к Москве. Гудериан впоследствии писал в своих мемуарах: «29 октября наши головные танковые подразделения достигли пункта, отстоящего на 4 км от Тулы. Попытка захватить город с ходу натолкнулась на сильную противотанковую и противовоздушную оборону и окончилась провалом, причем мы понесли значительные потери в танках и в офицерском составе». К этому остается добавить, что только за четыре дня боев воины 732-го зенитного артполка, оборонявшего Тулу, уничтожили более 40 танков и много живой силы врага.

В середине октября Громадина вновь вызвал Щербаков. Разговор оказался долгим и на этот раз касался не столько насущных нужд столичной ПВО, сколько общих, чуть ли не теоретических вопросов, связанных с организацией противовоздушной обороны всей страны и ее ближайших перспектив. Михаил Степанович, уже хорошо знавший Щербакова, недоумевал: «Москва под угрозой, а тут общие рассуждения. Так непохоже на Щербакова — делового, не терпящего пустословия человека». Но, вдумавшись в то, что говорил Щербаков, Громадин изумился: тот хорошо знал не только состояние ПВО Москвы, а по сути, и всей советской территории, находившейся в зоне досягаемости вражеской авиации.

Необычный характер беседы оказался для Громадина кстати. У него давно, что говорится, наболело на душе. Войска ПВО не были объединены под единым командованием. Например, авиация лишь придавалась командованию ПВО, а это усложняло дело. Однако раньше высказать свои сомнения и предложения Громадин не решался: боялся, что его поймут не так, сочтут, что он о своем престиже заботится. Теперь был удобный случай. В общих рассуждениях можно и высказаться. Громадин изложил все, что уж не раз обдумал.

— Все нужно свое. И командование, и штаб, и тыл, — говорил Михаил Степанович.

— Вы что же, о специальном виде Вооруженных Сил думаете? — спросил Щербаков.

Громадин сник: «Ну вот, теперь и за карьериста сойду». Но вслух твердо сказал:

— Думаю. Время требует. А я что? Я буду делать то, что поручат.

— А ведь не вы один так рассуждаете. В ваших рассуждениях много назревшего. Обдумайте все основательно. Возможно, вам придется все высказать еще раз. И не мне одному.

Вскоре у Громадина состоялась беседа в Генштабе. Разговор был таким же, что и со Щербаковым, только конкретнее. Перед беседовавшим с ним генералом лежали справки о состоянии ПВО в различных районах.

— У меня побывали начальники ПВО из многих мест, — сказал генерал. — Мнения у всех вас в основном сходятся. ПВО нужно решительным образом перестраивать. Вопрос будет рассматриваться на ГКО. Будьте готовы. Столичная ПВО — центральная. Если что понадобится, к вам первому обратятся.

Дело заворачивалось круто. Урывая время, Громадин подытожил свои взгляды, обдумал конкретные предложения. Но шли дни, и никто его больше не вызывал. Противник подошел к самой Москве. Поэтому и казалось, что сейчас не время для реорганизаций.

В круговерти событий, решая подчас одновременно несколько задач, Громадин, как и все в те горячие дни и ночи, забывал обо всем личном. Поэтому, когда ответственный работник Генштаба поздравил его по телефону с присвоением очередного воинского звания, Громадин, не ожидавший в такое время ничего подобного, переспросил:

— Что? Что?

— 28 октября 1941 года вам присвоено звание генерал-лейтенанта. Поздравляю! — пророкотал густой бас из трубки.

Что и говорить, известие было приятным. Но даже и для этой законной для военного человека радости времени не было.

— Благодарю, — сказал Громадин в ответ на поздравления находившегося у него в кабинете Журавлева. — Вот отстоим Москву, тогда отметим как надо.

30 октября Громадина срочно вызвали к Буденному. Считая, что речь пойдет о предстоящем заседании ГКО, Михаил Степанович захватил необходимые данные. Но маршал сразу же ошеломил его.

— Седьмого ноября на Красной площади состоится парад войск, — сказал Буденный и, как бы отвечая на недоуменный взгляд Громадина, добавил: — Да, да, как всегда, 29 октября ЦК и правительство приняли специальное решение. Этот парад явится огромным ударом по престижу противника. Геббельс весь извертелся, доказывая, что Москва выдохлась и вот-вот падет. Кое-кто из нейтралов клюет на эту стряпню. Да и союзники наши не очень-то верят в наши возможности отстоять столицу. И в народе парад укрепит уверенность в наших силах. Мудрое, очень мудрое решение.

Изменив тон, уже в приказной форме маршал сказал:

— На нас это постановление налагает особую ответственность. Нужно, чтобы во время парада ни один самолет не прорвался в Москву. Дело это большой политической важности. Тщательно продумайте мероприятия.

Буденный помолчал, а затем спросил:

— В частях давно были? — И, не дожидаясь ответа, сказал: — Я завтра поеду к летчикам в Кузьминки. Нужно, чтобы и вы и Журавлев, не говоря уже о работниках политотдела 1-го корпуса ПВО, перед праздниками побывали в войсках.

Вопрос Буденного «В частях давно были?» задел Громадина. Конечно, он часто бывал в частях, объехал многие из них и перед праздником. Но в этих поездках у него был свой метод. По прошлой работе в полковом звене он знал, как порой нервируют людей приезды больших начальников, чтобы «посмотреть, как идут дела». Он ездил в части с конкретными целями и не столько занимался общими проверками, сколько разрешал на месте с командирами частей вопросы, которые те по своему положению не могли решить сами. Иногда эти вопросы носили общий характер, и тогда Громадин тщательно анализировал их и разрешал с вышестоящим командованием.

Позже Громадин узнал о поездке в Кузьминки Буденного. Маршал рассказал летчикам о положении на фронтах, побеседовал об их нуждах, а затем сказал:

— 7 ноября — наш великий революционный праздник. Нельзя допустить, чтобы в этот день фашистские самолеты сбросили на Москву бомбы.

— Не пропустим врага к Москве! Если нужно, будем таранить, — заявили летчики.

— Можно ли об этом с уверенностью доложить правительству?

— Докладывайте, товарищ маршал, мы не подведем.

«Вот этого-то мне и не хватает, — отметил Громадин. — Мало с людьми беседую. И все о конкретных делах. А наши люди особые! Каждый рядовой боец желает знать не только свои обязанности, его интересует ход дел на фронтах, в стране в целом. Надо находить время для живого общения с людьми». После этого очередного «совещания с самим собой» Громадин взял за правило при посещении частей беседовать с личным составом. Со временем это правило стало осознанной привычкой, характерной чертой деятельности Громадина как военачальника.

Организацией противовоздушной обороны Москвы в дни праздника тщательно занимались и в Генштабе. Разработанные Громадиным совместно с командиром 1-го корпуса ПВО Журавлевым мероприятия были там одобрены и значительно расширены. Узнав, что для обороны Москвы в праздничные дни выделяются дополнительные части ВВС, Громадин загорелся: ведь можно от обороны перейти в наступление, нанести по врагу опережающие удары. Видно, не одному Громадину пришла в голову эта мысль, потому что его предложение было принято как само собой разумеющееся. Было решено: истребительной авиации не только бороться с самолетами противника в воздухе, но и уничтожать их на аэродромах.

В первых числах ноября была совершена серия налетов на вражеские аэродромы. Особенно сильный удар советские летчики нанесли по аэродрому, находившемуся южнее Калинина. На нем базировалось большое количество истребителей, обычно сопровождавших фашистские бомбардировщики в налетах на Москву. Удар нанесен внезапно — на рассвете 30 советских истребителей, вынырнув из-под облаков, забросали зажигательными бомбами стоявшие на земле самолеты, а затем прошли их пулеметными очередями и без потерь вернулись на свой аэродром. Противник потерял 40 боевых машин. Весьма эффективными оказались налеты на аэродромы Юхнов, Инютино и другие. Результат превзошел ожидания: налеты советских истребителей на аэродромы противника вынудили гитлеровцев отодвинуть базы своей авиации от Москвы.

И все же враг пытался во что бы то ни стало про-

рваться к Москве. Гитлеровскому командованию, разумеется, не было известно о намеченном на 7 ноября параде на Красной площади, но оно все равно намеревалось именно в великий праздник нашего народа подвергнуть советскую столицу массовой бомбардировке. С середины дня 6 ноября с разных направлений и на разных высотах фашистские бомбардировщики устремились к Москве. Начались ожесточенные воздушные бои. 250 фашистских самолетов пытались прорваться к советской столице. То встречая яростные атаки советских истребителей, то попадая в зоны плотного огня зенитной артиллерии, самолеты противника не выдерживали, сходили с курса, поворачивали назад. 34 машины потеряли фашисты в этот день на подступах к Москве, и ни один вражеский бомбардировщик не смог пробиться к ней. В 18 часов 40 минут в Москве был дан отбой воздушной тревоги, а в 19 часов, как и было намечено, на станции метро «Маяковская» началось торжественное заседание Московского Совета, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

7 ноября на Красной площади состоялся ставший историческим военный парад. Ни один вражеский самолет не смог в этот день произвести налет на Москву.

На другое утро Громадин был вызван в Генеральный штаб. Снова произошел обстоятельный разговор о состоянии и перспективах противовоздушной обороны страны. Но характер его был уже иным. Работники Генштаба говорили так, будто войска ПВО уже самостоятельная система, и касались больше вопросов их организации и управления.

Громадин не выдержал:

— Всего этого ведь нет. Зачем же об этом говорить? Войска подчинены своим командующим: авиация — своим, зенитчики — своим и так далее. Это мешает управлению ими в боевой обстановке. Я уже много раз об этом говорил. Да что я! Это же общее мнение!

— Вот именно, Михаил Степанович, это действительно общее мнение, — сказал ответственный работник Генштаба. — Его мы и доложили наверху. В ближайшее время ГКО будет рассматривать этот вопрос. Пока из Москвы не отлучайтесь. Можете понадобиться.

«Ближайшим временем» оказался следующий день. На состоявшемся 9 ноября 1941 года заседании ГКО было обсуждено состояние ПВО страны. На основе подготов-

ленного Генеральным штабом доклада Государственный Комитет Обороны вынес постановление «Об усилении и укреплении противовоздушной обороны территории Советского Союза». Согласно этому постановлению войска ПВО выводилась из подчинения командующих войсками военных округов и фронтов. Учреждалась должность командующего войсками ПВО страны — заместителя народного комиссара обороны СССР по ПВО. На эту должность был назначен генерал-лейтенант М. С. Громадин.

Несколько ошеломленный случившимся, Громадин вспомнил слова ответственного работника Генштаба: «Из Москвы не отлучайтесь. Можете понадобиться». «Знал, значит, — усмехнулся Михаил Степанович. — Впрочем, обижаться не на что. Не имел он права заранее предупреждать меня».

Новые обязанности сразу же захлестнули Громадина. Он имел считанные дни, чтобы провести все организационные мероприятия, намеченные постановлением ГКО. Они представляли собой обширный комплекс. Для руководства Войсками ПВО страны при командующем были созданы органы управления: штаб, управление истребительной авиацией, управление зенитной артиллерией и другие. Новые органы управления ПВО страны совместно с соответствующими службами Генерального штаба провели большую работу; необходимо было разъединить силы и средства ПВО страны и сухопутных войск. Здесь не обошлось без сложностей. Высказывалось мнение, что военные округа и фронты должны иметь собственные войска ПВО. Но как, в какой пропорции поделить войска?

— Распылять силы и средства — это бороться с врагом растопыренными пальцами, — горячился Громадин. — А нужен кулак, и увесистый.

В конце концов необходимые пропорции были найдены. К ПВО страны отошли все соединения ПВО — корпуса, дивизии, бригады, более 90 процентов зенитных артиллерийских полков, значительная часть других войск и специальных частей. Все это сводилось в крупные соединения войск ПВО — корпусные и дивизионные районы ПВО, подчинявшиеся непосредственно командующему Войсками ПВО территории страны. К концу ноября все эти мероприятия были в основном завершены.

— Эко, батенька, размахнулись! — приветствовал Громадина Щербаков, встретившись с ним в Наркомате

обороны. — Ну что? Теперь все идет к тому, за что вы ратовали? Но оборону Москвы продолжайте держать в центре своего внимания. Конечно, сейчас. Особенно сейчас.

Да, противовоздушная оборона Москвы продолжала оставаться в центре внимания. В середине ноября после двухнедельной подготовки фашистские войска перешли в новое, теперь, как говорилось в приказах Гитлера, «решительное» наступление на Москву. Вражеские наземные войска поддерживала авиация. Прикрываясь истребителями, бомбардировщики противника попытались вновь подвергнуть советскую столицу массированным налетам.

Совместно с командованием Московского корпусного района ПВО Громадин и его штаб принимали деятельное участие в организации отражения налетов противника на Москву. Громадин брал на себя наиболее сложные задачи. А их было предостаточно. С приближением линии фронта к столице сокращалось количество аэродромов, огневых позиций зенитных артиллерийских подразделений и постов ВНОС. В этих условиях противник имел преимущество в тактической внезапности и мог уже по нескольку раз в сутки посылать свои бомбардировщики к Москве.

Громадин стремился сохранить главное, что обеспечивало успех ПВО Москвы в июле — августе, — глубоко эшелонированную круговую оборону, массирование сил и средств, их взаимодействие при централизованном управлении. Достигать этого становилось все труднее. Приходилось почти постоянно менять позиции зенитной артиллерии, перебазировать аэродромы истребительной авиации на восток от города.

Мероприятия командования усиливались стойкостью и героизмом бойцов и командиров. Вражеское командование во что бы то ни стало стремилось достичь Москвы с воздуха. Несколько раз в сутки оно посылало к городу на разной высоте и с разных направлений по 20—50 самолетов. Но каждый раз совместными усилиями советских летчиков-истребителей и артиллеристов-зенитчиков бомбардировщики противника рассеивались.

Один из весьма крупных налетов на Москву фашистская авиация предприняла 14 ноября. Он длился с 13 часов 40 минут до 16 часов. Участвовало в нем более 120 бомбардировщиков и истребителей. Самолеты

врага шли к Москве с запада и юго-запада одиночно и небольшими группами. На отражение налета в воздух поднялось 250 советских истребителей. Взаимодействуя с зенитной артиллерией, они теснили вражеские самолеты. Там, где образовывались их скопления, завязывались ожесточенные воздушные бои. Один из таких боев разгорелся в треугольнике Красногорск — Центральный аэродром — Кунцево, то есть, по сути, в черте города. Москвичи с восхищением наблюдали бой советских истребителей с фашистскими стервятниками: было сбито 43 самолета противника.

Вражеский налет был отражен. После своего провала 14 ноября враг окончательно отказался от дневных налетов на столицу нашего государства.

Отражение воздушных налетов на Москву было главной, но не единственной задачей столичной ПВО. Она активно участвовала в борьбе с наземными войсками противника, уничтожая вражеские танки, самоходные орудия, бронетранспортеры и автомашины. Использование зенитной артиллерии для решения задач наземных операций было столь эффективным и приобрело такие широкие масштабы, что Громадин воспринял как естественное дело, когда ему позвонил Сталин и приказал удержать Каширу.

— Опасаясь, что Каширская электростанция попадет в руки врага, некоторые товарищи предлагают взорвать ее, — сказал Сталин. — Так вот: Каширскую электростанцию взрывать не будем. Каширу удержать во что бы то ни стало. Продержаться до утра. Корпус Белова на подходе.

В Кашире в это время находились только 352-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион и 445-й истребительный авиационный полк. К городу же провралась танковая дивизия гитлеровцев. Вместе с начальником штаба Войск ПВО страны генерал-майором Н. Н. Нагорным Громадин разработал конкретные указания по обороне Каширы, направил туда боеприпасы. Зенитчики били вражеские танки на земле, летчики штурмовали их с воздуха. Рубежи обороны под Каширой были удержаны до подхода кавалерийских и танковых соединений советских войск.

И так было всюду — в воздухе и на земле войска ПВО активно участвовали в обороне советской столицы.

Общий итог их боевой деятельности весьма внушителен. За все время битвы за Москву, включая и контрнаступление советских войск, они уничтожили свыше 1300 вражеских самолетов, 450 танков, более 250 артиллерийских и минометных батарей, около 5 тысяч автомашин и до 50 тысяч гитлеровских солдат и офицеров. Хорошо работали и подразделения МПВО, организации и обучению которых Громадин постоянно уделял внимание с самого начала войны. Все пожары, возникшие в черте города при вражеских налетах, немедленно были ликвидированы подразделениями МПВО.

Если же говорить о наиболее важном итоге боевой деятельности войск Московской зоны ПВО, то прежде всего следует подчеркнуть, что Москва оказалась единственной из столиц, которая в годы второй мировой войны не понесла при налетах вражеской авиации существенных разрушений и значительных человеческих жертв. А ведь она в отличие от других столиц длительное время находилась непосредственно в прифронтовой полосе. Заслуга в этом принадлежит всем, кто на земле и в небе насмерть бился, защищая Москву. В их усилиях немалая роль принадлежит незаурядным организаторским способностям Михаила Степановича Громадина, его воле и неиссякаемой энергии.

Сосредоточенный на руководстве ПВО Москвы, Громадин находил время и силы (теперь это был его прямой долг) заниматься организацией противовоздушной обороны всей страны. Особенностью его стиля руководства было умение находить во множестве решавшихся им вопросов главные, перспективные и на них заблаговременно концентрировать усилия.

Еще в период контрнаступления советских войск зимой 1941/42 года его мысли все чаще и чаще задерживались на северном фланге советско-германского фронта. Дело в том, что советская промышленность, еще перестраивавшаяся на военное производство, не могла в полной мере удовлетворить потребность войск и флота в военной технике. В какой-то мере временно решению этой проблемы могли способствовать поставки союзников по антигитлеровской коалиции. С 29 сентября по 1 октября 1941 года в Москве состоялась конференция трех держав — СССР, США и Англии, в итоге которой было подписано трехстороннее соглашение — протокол о поставках, а 7 ноября 1941 года президент США Ф. Руз-

вельт официально распространил на СССР закон о ленд-лизе. Поставки стратегического сырья и вооружения нашей стране осуществлялись главным образом по северным морским коммуникациям, конечными пунктами которых были Мурманск, Архангельск и другие порты.

Ближайшие подчиненные Громадина вначале были немало удивлены, когда на одном из совещаний он поставил на обсуждение совсем не связанный с контрнаступлением под Москвой вопрос.

— Сегодня обсудим предварительно, а через неделю нужно будет иметь конкретный план усиления ПВО Мурманска, Архангельска и других северных портов, — сказал Громадин.

Михаил Степанович проинформировал своих помощников об объеме предстоящих поставок в СССР через северные порты и особенностях ближайших морских путей к ним.

— Таким образом, — закончил Громадин свое сообщение, — значимость северного морского театра определяется теперь тем, что Белое и Баренцево моря и порты на их побережьях становятся узлом важных для СССР коммуникаций со всеми вытекающими для ПВО задачами. Разумеется, и противник учтет это обстоятельство.

Через несколько дней штаб Войск ПВО страны направил в Архангельский дивизионный район ПВО проинструктированную Громадиным комиссию. Комиссии предстояло проверить боевую готовность частей и оказать им помощь в боевой подготовке. Громадин внимательно следил за ее работой, требовал подробную информацию, направлял ее конкретными установками. Устранение недостатков, выявленных комиссией, повысило надежность прикрытия архангельского порта. Одновременно по настоянию Громадина Мурманский бригадный район ПВО был выведен из оперативного подчинения Карельскому фронту и развернут в дивизионный район ПВО. Громадин добился, чтобы району была придана 122-я истребительная авиационная дивизия.

Предпринятые Громадиным меры полностью себя оправдали. Несмотря на интенсивные налеты фашистской авиации, мурманский и архангельский порты рабо-

тали в течение всей войны без серьезных перебоев. Войска ПВО уничтожили в северном небе более 420 вражеских самолетов. Фашистская авиация оказалась неспособной преодолеть противоздушную оборону советского Заполярья и сорвать союзнические поставки СССР.

Однако слабым звеном в системе ПВО советского Заполярья в начале 1942 года, как, впрочем, и в других соединениях ПВО, продолжало оставаться оповещение о подлете воздушного противника к обороняемым портам со стороны моря, а также отсутствие в достаточном количестве радиолокационных станций, позволяющих наводить нашу истребительную авиацию на самолеты противника. Громадин обратился в Генеральный штаб с просьбой приобрести английские радиолокационные станции МРУ. Вскоре из английского посольства в отдел внешних сношений НКО СССР последовал ответ о том, что Черчилль дал согласие на отпуск СССР МРУ лишь при условии, если англичане будут ознакомлены с системой ПВО Москвы и радиолокационными станциями РУС-2.

Дело приобретало сложный и затяжной характер.

— Без согласия Председателя ГКО этот вопрос не решить, — сказал Щербаков, выслушав доводы Громадина. — Обратитесь прямо к нему. Вы же заместитель наркома обороны.

21 марта 1942 года Громадин обратился к Сталину с докладной запиской. Он указал в ней, что, располагая в достатке станциями МРУ, можно наполовину сократить ночную авиацию и зенитные прожекторы. Разрешение на ознакомление англичан с радиолокационными станциями РУС-2 вскоре было получено, и в мурманский порт стали прибывать первые станции МРУ. Затем союзники поставили станции орудийной наводки, самолеты-истребители, зенитные орудия и зенитные пулеметы. Однако Громадину докладывали, что отдельные узлы самолетов-истребителей нередко поступали в наши порты на разных судах, что при сборке зенитных орудий зачастую недоставало тех или иных деталей. Да и само заокеанское оружие стало поступать в сколько-нибудь значительном количестве, когда советская промышленность (к осени 1942 года) смогла выпустить и отправить в войска свыше 260 среднекалиберных и 3500 малокалиберных зенитных орудий. В последующие годы выпуск отечественного зе-

нитного вооружения, равно как и истребителей, непрерывно возрастал, и Войска ПВО территории страны, по сути дела, собственными средствами вели ожесточенную борьбу с люфтваффе.

Еще в конце 1941 года в Войсках ПВО страны был создан Военный совет. Членом его стал политработник генерал И. А. Орлов. С первых дней совместной работы Михаил Степанович почувствовал его разностороннюю помощь. Они работали в тесном контакте и нередко вместе находили решение сложных вопросов.

В связи с расширением Войск ПВО страны остро встал вопрос о пополнении их личным составом. Пополнения были нужны и другим войскам. Вместе с тем необходимо было оставить значительное количество мужчин-специалистов в народном хозяйстве. И хоть людские ресурсы нашей страны были велики, проблема удовлетворения фронта и тыла в людях решалась с большими трудностями. Громадин хорошо понимал это, да и заявки на пополнения выполнялись не полностью и с перебоями. «Как же быть?»

Однажды, обсуждая с Орловым эту проблему, Громадин вскользь упомянул о женщинах, служивших в подразделениях МПВО.

— А что, если использовать их в наших войсках? — предложил Орлов. Громадин вспомнил, как бесстрашно и сноровисто действовали девушки в подразделениях МПВО — сандружинницы, пожарные.

— А ведь там не легче, — сказал он. — Работали под бомбежками в завалах, горящих зданиях. В ПВО они многое могут не хуже мужчин делать.

Не откладывая на потом, решили позвонить в Московский горком комсомола:

— У вас много заявлений от молодежи с просьбой послать в действующую армию?

— Много.

— И что же?

— Кого можно было, послали. Остались те, кто на броне, да девушки.

— А много заявлений от девушек?

— Много. Очень много.

Громадин пригласил Нагорного.

— Ну что, с пополнением все так же туго? — почти весело спросил Михаил Степанович.

Нагорный, удивленный тоном командующего, хму-ро ответил:

— Что ж могло измениться? Туго, конечно.

Громадин рассказал о родившихся предложениях, о разговоре с работником горкома комсомола.

— А ведь это действительно идея, — загорелся Нагорный. — Девушки-добровольцы с успехом могут выполнять многие операции в подразделениях ПВО.

— Дайте задание продумать, какие операции могут выполнять девушки, и подсчитать, какой общий эффект это даст, — распорядился Громадин.

Через несколько дней вечером Нагорный доложил Громадину:

— Идея-то эта в дело большой государственной важности оборачивается. Если ее осуществить, то мы не только свои нужды покроем, но и дадим из высвободившихся бойцов двенадцать дивизий. Вот посмотрите.

Генералы углубились в принесенные Нагорным справки, а потом засели за докладную записку. К полуночи она была готова. 20 марта 1942 года Громадин направил ее в Наркомат обороны СССР. В докладной записке указывалось, что женщины могут исполнять обязанности в приборных отделениях зенитной артиллерии 8 из 11, в расчетах зенитных пулеметов 3 из 5, в составе постов ВНОС 5 из 6, в расчетах прожекторных станций 3 из 11 номеров. Девушки могли полностью выполнять обязанности рядового и младшего начальствующего состава административной, хозяйственной, технической и санитарной служб частей и подразделений. «Произведенная таким образом замена, — указывал Громадин в докладной записке, — высвободит в частях ПВО территории страны 94 тысячи хорошо обученных и боеспособных бойцов, позволит дать фронту 12 стрелковых дивизий». Касаясь принципа комплектования частей ПВО женщинами, Громадин предлагал: «Комплектование частей ПВО женщинами целесообразно производить на добровольных началах из числа комсомолок в возрасте 18—27 лет. Призываемые женщины должны быть с образованием: до 40% из общего числа призываемых — со средним, остальные 60% — 5—7 классов. Набор женщин-комсомолок в части ПВО возложить на ЦК ВЛКСМ».

Предложения Громадина были обсуждены в Наркома-

те обороны и легли в основу первого массового призыва женщин-добровольцев в Войска ПВО страны. 28 марта 1942 года ЦК ВЛКСМ принял постановление, в котором рекомендовал обкомам, крайкомам и ЦК комсомола союзных республик до 10 апреля совместно с соответствующими военкоматами призвать на добровольных началах в Войска ПВО страны 100 тысяч девушек-комсомолок. К январю 1943 года их число значительно превысило ранее запланированное и составило 123 884 человека. Всего с апреля 1942 года по май 1945 года в войсках ПВО прошли службу около 300 тысяч женщин, и примерно столько же военнослужащих мужчин было высвобождено для укрепления действующей армии. Нужно ли говорить, какую роль в тех нелегких для страны условиях сыграло предложение Громадина.

До предела загруженный множеством практических вопросов, как правило, всегда неотложных, Михаил Степанович тем не менее выкраивал время, чтобы подумать о дальнейших путях организационного совершенствования Войск ПВО страны.

— Крупные оперативные объединения, — вот что нам нужно, — не раз делился мыслями с Нагорным Громадин. — Войска растут. Из Москвы ими руководить все сложнее. Да и руководство наше сейчас не до всех деталей доходит. А эти детальные вопросы надо на местах решать. Нам же нужно заниматься делами принципиальными, если хотите, стратегическими.

Своими соображениями Громадин делился в Генеральном штабе, со Щербаковым. Слушали сочувственно, нередко дополняли его доводы. Было ясно, что не он, Громадин, один так думает. А однажды Щербаков официально предложил ему составить докладную записку со всеми необходимыми расчетами.

— Товарищ Сталин поручил мне доложить на заседании ГКО предложения о дальнейшем усилении ПВО страны, — пояснил Щербаков. — Не скрою: товарищ Сталин высказывал, правда, в самой общей форме мысль о целесообразности создания оперативных объединений Войск ПВО страны.

С огромным воодушевлением работали Громадин и Нагорный над докладной запиской. Дело шло быстро, споро — мысли ведь были выношены, не раз вдвоем обговорены. Просмотрев ее, Щербаков сказал:

— Собственно, мне и говорить на ГКО будет нечего. Возьму главное из вашей записки.

5 апреля 1942 года состоялось очередное заседание ГКО. На нем были всесторонне обсуждены последние итоги боевой деятельности противовоздушной обороны страны против бомбардировочных эскадр фашистских воздушных флотов. В целом действия Войск ПВО территории страны были оценены Щербаковым, который делал доклад, положительно. Была подчеркнута и роль в этом централизованного руководства, командования этих войск. В основу обсуждения вопросов дальнейшего усиления противовоздушной обороны была положена докладная записка Громадина и Нагорного.

Подводя итоги, Сталин предложил преобразовать Московский корпусной район ПВО в Московский фронт противовоздушной обороны, а также создать Ленинградскую и Бакинскую армии ПВО. Это было как раз то, о чем так много думал Громадин, размышляя о путях усиления эффективности ПВО страны.

Решение ГКО было реализовано в кратчайший срок. Оперативные объединения войск ПВО в дальнейшем сыграли важную роль в обороне крупнейших промышленно-экономических и административно-политических центров страны. Положительно сказалось оно и на деятельности Громадина и его штаба. Обладая более широкими правами, командование оперативных объединений могло теперь самостоятельно решать вопросы, которыми ранее был перегружен штаб войск ПВО территории страны. Это, конечно, не означало, что у Громадина и его штаба стало меньше работы. Ее даже прибавилось. Но сами дела стали во многом иными — можно было более обстоятельно заниматься перспективными вопросами боевого применения войск ПВО, конкретнее и опять же с перспективой направлять действия каждого оперативного объединения. Появилась возможность чаще и на более длительные сроки выезжать на места. И задачи командироваемым в войска работникам Громадин ставил теперь иные: «не только дыры латать, решать кардинальные вопросы».

Свое большое наступление 1942 года на южном крыле советско-германского фронта гитлеровское командование решило начать ударом на воронежском направлении. Армейская группа «Вейхс», преодолев оборону советских войск, быстро продвигалась вперед. Создалась угро-

за прорыва вражеских войск к Дону и захвата ими Воронежа. Наступление наземных войск противника подерживал 4-й воздушный флот.

Противовоздушную оборону Воронежа осуществляли Воронежско-Борисоглебский дивизионный район ПВО, 3-я дивизия ПВО и 101-я истребительная авиационная дивизия ПВО. Этим незначительным, если учесть масштабы развернувшихся боев, силам пришлось действовать в крайне тяжелых условиях. Воздушные налеты противника на войска и город с каждым разом становились ожесточеннее, в них участвовало все больше самолетов. К тому же зенитной артиллерии нужно было бороться не только с воздушным, но и наземным противником — с фашистскими танками. В течение двух наиболее напряженных суток 5 и 6 июля 1942 года войска ПВО совместно с малочисленными частями гарнизона отразили 16 танковых атак противника и 25 воздушных налетов, в которых участвовало в общей сложности до 2 тысяч вражеских самолетов.

Несмотря на тяжелые потери, враг остервенело рвался вперед, стремясь реализовать свое численное и техническое превосходство на этом участке фронта. 6 июля его передовые подразделения начали просачиваться на окраины Воронежа, обходя с флангов и с тыла зенитные батареи. В связи с этим командование Воронежско-Борисоглебского дивизионного района ПВО отдало приказ частям 3-й дивизии ПВО оставить город и отступить на восток.

Внимательно следивший за обстановкой на воронежском направлении, Громадин решил разобраться во всем на месте.

— Осторожнее будьте, Михаил Степанович, — напутствовал Громадина Нагорный. — Воронеж — это почти передовая.

— Не одним же солдатам быть там. И генералам следует бывать на передовой, — ответил Громадин. — Распорядитесь, чтобы подбросили в Воронеж боеприпасов для зенитчиков. Дела там жаркие, боеприпасы расходуются быстро.

Уже в самолете, вспомнив разговор с Нагорным, Громадин устыдился. «Вроде бравады вышло, — досадовал он. — Вот, мол, какой я смелый, на передовую рвусь! Нехорошо». Он глубоко уважал Нагорного, знал,

что и тот пойдет на любую опасность, если надо. Но надо и другое: без нужды в пекло не лезть. Он командующий войсками, и его долг руководить этими войсками, заботясь при этом (что также часть его служебного долга) и о своей личной безопасности. Громадин понимал это, но не всегда соблюдал: бывало, летал (как-то раз даже в учебном самолете) в прифронтовой зоне без сопровождения истребителей, ездил по фронтовым дорогам без охраны. Каждый раз он оправдывал себя: «Это исключительный случай. Долечу и без сопровождения истребителей. Обойдется». Действительно, обходилось. Но могло и не обойтись. Громадин понимал, что Нагорный, провозжая его, намекнул именно на это. Вспомнились и общие (но тоже с намеком) рассуждения Нагорного: «Личное мужество военачальника не в том, чтобы с автоматом ринуться в атаку. Это может сделать даже лучше рядовой боец. Личное мужество военачальника в способности смело, не страшась ответственности, принимать принципиальные решения и добиваться их осуществления».

Поездка в Воронеж была необходима. А опасности? «Осторожней будьте», — повторил про себя Громадин слова Нагорного и усмехнулся: «А как? Как на войне быть осторожным?» Но он знал, что в главном Нагорный прав: военачальник не имеет права рисковать своей жизнью. «Э! — отбросил от себя досадные мысли Громадин. — Должен, не подумает же Нагорный в самом деле, что я рисовался».

Мнения о нем, о его поступках людей, которых он уважал, для Громадина многое значили. Он каждый раз обстоятельно осмысливал замечания товарища, нередко поедом ел самого себя за необдуманный поступок или слова и всегда учитывал в дальнейшем прошлые промахи. Поэтому, по сути, самый обычный, заурядный разговор с Нагорным и на этот раз вызвал в нем «прилив самокритики», как называл Михаил Степанович свои podobные раздумья и чувства.

В Воронеж Громадин прибыл 7 июля — в самый напряженный момент оборонительного сражения за город. Разобравшись в обстановке, он отменил отвод 3-й дивизии ПВО, которая по его приказу заняла боевой порядок на восточном берегу реки Воронеж, поставил конкретные задачи авиационным истребительным частям. По его распоряжению была создана зенитно-артиллерийская

группа для непосредственной поддержки контратак стрелковых частей.

Громадин быстро принял и многие другие меры. В сумме они позволили резко изменить обстановку в войсках ПВО Воронежа. До середины июля продолжались непрерывные бои на земле и в воздухе. Войска ПВО во главе со своим командующим оказали значительную поддержку сухопутным войскам, оборонявшим город. Только за июнь и июль части 3-й дивизии ПВО сбили 192 самолета, подавили 33 огневые точки, уничтожили 46 танков, 20 орудий, много минометов и другой техники, а также 3500 солдат и офицеров противника. Бои за Воронеж — одна из славных страниц истории Войск ПВО страны в годы Великой Отечественной войны, боевой биографии их командующего Михаила Степановича Громадина.

Когда в середине июля с подходом других советских войск положение под Воронежем стабилизировалось, Громадин возвратился в Москву.

Сталинград прикрывали части Сталинградского дивизионного района ПВО; истребительная авиационная дивизия ПВО в составе пяти полков обеспечивала перехват и уничтожение ВВС противника на дальних и ближних подступах к городу, обороняла Астрахань, железнодорожные и водные пути сообщения в границах дивизионного района ПВО.

Когда в Сталинград прибыл Громадин, ПВО была сосредоточена на уничтожении самолетов-разведчиков и отражении отдельных бомбардировочных налетов на город. Но по всему чувствовалось приближение грандиозной битвы. 25 августа Сталинград был объявлен на осадном положении. Городской комитет обороны обратился к населению с пламенным призывом отстоять родной город.

Громадин обстоятельно изучил, внося по ходу дела необходимые коррективы, построение боевых порядков частей ПВО и организацию их взаимодействия с войсками фронтов. Проверив позиции нескольких зенитных артиллерийских дивизионов, он собрал совещание командования.

— Обстановка усложняется с каждым часом, — сказал Громадин. — Это вы сами видите. И если смотреть правде в глаза, то совершенно очевидно, что враг еще будет продвигаться. Дойдет он и до ваших позиций.

А что же можно сказать о них? Для борьбы с воздушным противником они оборудованы хорошо, а для борьбы с наземным — плохо. А стоять нужно будет насмерть. Призыв «Ни шагу назад!» — это приказ Родины.

Громадин рассказал, как использовалась зенитная артиллерия в боях под Москвой, Тулой, Воронежем, и приказал до его отъезда подготовить позиции зенитной артиллерии к борьбе с наземным противником. Проверку исполнения своего приказа Громадин возложил на командование дивизионного ПВО, сам же, как это он делал почти всегда, выборочно проверил несколько дивизионов. Всюду кипела работа. Разгоревшиеся вскоре бои на подступах к Сталинграду показали, насколько своевременно была осуществлена эта перестройка. Зенитчики успешно боролись с вражескими танками.

Еще перед отъездом Громадина в Сталинград ему сообщили в Генеральном штабе, что в ближайшее время в город будут направлены боеприпасы для войск ПВО.

«Ближайшее время» в Сталинграде исчислялось часами и днями. У летчиков и зенитчиков боеприпасы были на исходе. Громадин встретился с председателем городского комитета обороны, первым секретарем Сталинградского обкома партии А. С. Чуяновым.

— Знаю, знаю, — сказал Чуянов. — И сверху тоже теребят.

Он показал телефонограмму из ЦК ВКП(б) о том, чтобы городская партийная организация добилась еще большего выпуска предприятиями города военной продукции и боеприпасов. Далее Чуянов рассказал, что некоторые предприятия пуждаются в автотранспорте, чтобы перевозить необходимый для производства снарядов и патронов металлолом. Громадин распорядился выделить автомашины с водителями из некоторых частей ПВО. Еще до отъезда из Сталинграда Громадин убедился, что предприятия города резко увеличили выпуск боеприпасов.

Продланная Громадиным работа в Сталинграде слилась с общими усилиями его защитников. Только с июля по декабрь 1942 года войска Сталинградского района ПВО уничтожили 700 вражеских самолетов — почти четверть из всех сбитых в сталинградском небе.

В сентябре 1942 года последовала длительная поезд-

Семья Б. М. Шапошникова. Златоуст, 1887 г. Стоят (слева направо): дядя Бориса Михайловича — В. К. Ледомский, отец — М. П. Шапошников, старший дядя М. К. Ледомский; сидят (слева направо): тетя Л. К. Ледомская, бабушка Ю. Н. Ледомская, Борис (в возрасте 5 лет), мать П. К. Шапошникова.

Поручик
Б. М. Шапошников.
1907 г.

Подполковник Б. М. Шапошников в оперативном отделе Юго-Западного фронта в годы первой мировой войны.

Б. М. Шапошников среди солдат. 1914 г.

Б. М. Шапошников среди военных деятелей гражданской войны. Сидят (слева направо): главком С. С. Каменев, член Реввоенсовета Республики С. И. Гусев, командующий войсками Юго-Западного фронта А. И. Егоров, член Реввоенсовета Первой Конной армии К. Е. Ворошилов; стоят: начальник Полевого штаба РВСР П. П. Лебедев, начальник штаба Юго-Западного фронта Н. Н. Петин, командующий Первой Конной армией С. М. Буденный, начальник оперативного отдела Полевого штаба РВСР Б. М. Шапошников.

Б. М. Шапошников, М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский. 1922 г.

М. В. Фрунзе и Б. М. Шапошников. Ленинград, 1925 г.

Командующий войсками Московского военного округа на военном параде. Москва, май 1928 г.

Б. М. Шапошников с женой Марией Александровной и сыном Игорем. 1936 г.

Б. М. Шапошников на докладе у И. В. Сталина.
1938 г.

Б. М. Шапошников, К. Е. Ворошилов, Н. Н. Воронов и представитель английской военной миссии на смотре боевой техники Красной Армии. Подмосковье.

Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников.

М. С. Громадин.

М. С. Громадин и А. Г. Стаханов на приеме подшефных частей РККА в Промакадемии. 18 февраля 1940 г.

М. С. Громадин. 1939 г.

М. С. Громадин на аэродроме вручает правительственные награды отличившимся в боях. Курская дуга, 1943 г.

М. С. Громадин
в первые дни
Великой
Отечественной
войны. 1941 г.

Генерал-
полковник
М. С. Громадин.

М. С. Громадин
среди
советских офицеров.
Берлин, 1945 г.

М. С. Громадин
среди летчиков.

М. С. Громадин
на охоте. 50-е годы.

В. И. Казаков с группой
товарищей-однополчан.

М. С. Громадин
с сыном Олегом.
1951 г.

В. И. Казаков.

В. И. Казаков в дни боев под Москвой. Деревня Игнатково Московской области, октябрь 1941 г.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования Н. Н. Воронов и Военный совет Донского фронта за разработкой плана операции. Слева направо: А. А. Новиков, К. К. Рокоссовский, Н. Н. Воронов, К. Ф. Телегин, М. С. Калинин, В. И. Казаков.

Командующий Центральным фронтом К. К. Рокоссовский, начальник штаба М. С. Калинин и командующий артиллерией фронта В. И. Казаков на командном пункте, 1943 г.

В. И. Казаков и К. К. Рокоссовский рассматривают броневой снаряд.

В. И. Казаков с женой.

Маршал артиллерии
В. И. Казаков.

ка на Кавказ и в Закавказье. Объехать эти районы вынуждала сама обстановка. Развертывая наступление на кавказском направлении, гитлеровцы стремились прежде всего овладеть кавказскими нефтяными источниками СССР, а в случае неудачи уничтожить их, чтобы сорвать снабжение Красной Армии горючим. Наступление их сухопутных войск поддерживалось значительной авиационной группировкой, которая со второй половины 1942 года все более проявляла активность. Только в пределах Закавказья с июля по декабрь было зафиксировано почти 7,5 тысячи самолетов-пролетов.

Основные объекты Кавказа и Закавказья оборонялись войсками Закавказской зоны, Грозненским, Ростовским и Краснодарским дивизионными районами ПВО, перед которыми стояла чрезвычайно важная задача — прикрыть от ударов с воздуха нефтедобывающие районы Азербайджана, прежде всего Баку. Их противовоздушную оборону осуществляла Бакинская армия ПВО (свыше 500 зенитных орудий среднего и малого калибров, более 370 самолетов-истребителей). Объекты в Тбилиси, Ереване, Орджоникидзе прикрывались зенитными артиллерийскими полками и частично истребительной авиацией.

Громадин и сопровождавшие его работники штаба и управлений ПВО страны прежде всего занялись проверкой системы противовоздушной обороны юга нашего государства, ее боевой готовности, способности частей и соединений отражать удары воздушного противника. Недостатки сразу же устранялись. Инструктируя своих помощников, Громадин обязал выступать их перед личным составом с докладами об опыте действия войск ПВО Москвы, Ленинграда, Тулы, Воронежа. «Здесь ведь еще по-настоящему и пороха не нюхали. Им нужно передать боевой опыт». Громадин сам, используя для этого совещания командного состава, много внимания уделял популяризации сложившегося уже опыта боевого применения Войск ПВО страны.

Доклад командующего Закавказской зоной ПВО генерал-лейтенанта артиллерии П. Е. Гудыменко пожелал выслушать и командующий Северо-Кавказским фронтом Маршал Советского Союза Буденный. Поэтому он состоялся в кабинете маршала. Гудыменко доложил о построении боевых порядков, о том, какие силы и средства сосредоточены на прикрытии объектов, как действует воз-

душный противник и как сражаются с ним войны ПВО, сообщил и о единичных безнаказанных пролетах вражеских самолетов.

Последнее встревожило Громадина.

— Вы имеете все необходимое, чтобы не допускать этого, — сказал он.

Внимательно слушавший доклад Буденный вмешался в разговор. В целом положительно оценив противовоздушную оборону объектов Кавказа, он отметил, что командование фронта беспокоит сейчас воздушная обстановка в Грозном и Махачкале: вражеская авиация все больше и больше проявляет тут активность.

Названные Буденным объекты входили в планы командировки Громадина и его группы. Уже на следующий день Михаил Степанович был в Грозном. Встретивший его командующий дивизионным районом ПВО генерал-майор артиллерии Марков доложил, что боевые действия ПВО протекают в сложных прифронтовых условиях: расстояние от города до переднего края по прямой не превышает 50 километров, поэтому подлетное время бомбардировщиков противника исчисляется 12—15 минутами, и они появляются внезапно над нефтеперегонными заводами — основной целью врага.

Громадин распорядился собрать руководящий состав района ПВО — командиров частей и штабных работников.

— Надо во что бы то ни стало сохранить в целости важнейшие объекты Грозного, — обратился он к участникам совещания. — Они питают топливом нашу армию и промышленность.

На совещании была всесторонне проанализирована сложившаяся воздушная обстановка, оценены возможные силы и средства противника, намечено, что можно сделать для повышения эффективности ПВО. Громадин приказал всем расчетам постоянно находиться у орудий, а командирам на командных пунктах. Там спать и есть.

— Считайте, что над вами постоянно висят самолеты противника, — пояснил он свой приказ. — Ведь что такое 12—15 минут подлета? Ничто. А у вас, когда нет налетов, люди находятся в блиндажах. Как бы споривсты они ни были, вовремя к орудиям они не всегда успеют. Чтобы они постоянно находились у орудий, как это было под Москвой.

Результаты деятельности Громадина вскоре сказались. Гитлеровцы натолкнулись у Грозного на непреодолимый воздушный щит.

При непосредственном участии Громадина была значительно усилена противовоздушная оборона Махачкалы, Орджоникидзе, Тбилиси, Батуми, Сухуми, Баку и других объектов Кавказа и Закавказья. Вражеской авиации не удалось вывести из строя нефтедобывающие предприятия Баку, разрушить важнейшие нефтеносные объекты Кавказа. В 1942 году Громадин побывал также в Ростове-на-Дону, Куйбышеве, Саратове и в других городах.

Возвращаясь из командировок, Громадин, как правило, проводил совещания руководящего состава штаба и управлений Войск ПВО страны.

— Не многовато ли для военного времени заседаете? — спросил его как-то Щербаков.

— Не знаю, как это назвать, — ответил Громадин. — Но это не совещания в принятом смысле. Я объехал огромный регион, побывал в десятках городов. Где-то я выявил недостатки и устранил их. Или, наоборот, где-то я поддержал хорошее начинание. Но это же все полдела. Нужно, чтобы этого недостатка не было в других частях, чтобы хорошее начинание распространилось повсеместно. Нужно, наконец, чтобы подчиненные знали, что и почему я там-то и там-то сделал.

— Получается нечто вроде семинара, — заметил Щербаков.

— Может быть, и так, — ответил Громадин. — Мы все коллективно обсуждаем, отбираем характерное, а затем то, что нужно, доводим разными путями до всех объединений войск ПВО. Обсуждаем мы, если хотите, и вопросы военного искусства. Ведь опыт войск ПВО начал складываться только во время войны. Готового у нас нет. Коллективный опыт, коллективная разработка наиболее эффективных способов боевого применения войск ПВО для нас очень важны.

— И к каким же выводам приходите? — заинтересовался Щербаков.

— Основной вывод ясен и подтвержден практикой, — доложил Громадин. — Это массирование сил и средств, взаимодействие между ними, что и является нашей постоянной заботой во время поездок на места. Сейчас мы обдумываем, как это лучше делать. А тут вариантов мно-

жество, важно вычленил из них основные принципы и внедрить их в войска. Должен сказать, что такие совещания вооружают и наших работников для поездок на места. Словом, про заседавшимися, по Маяковскому, мы не станем.

Аналогичные совещания Громадин проводил и на местах. На них коллективно обобщался положительный опыт, выявлялись характерные недостатки. Это была своеобразная учеба, позволявшая одновременно решать практические вопросы и повышать специальные знания командного состава.

Знать мнение подчиненных по тому или иному вопросу было правилом в деятельности Громадина. И не только на совещаниях и официальных докладах, но всем своим подходом к людям он добивался того, что его подчиненные, особенно работники штаба и управлений, не просто выполняли какое-либо решение, но и в какой-то мере участвовали в его выработке. В этих условиях трудно было быть только исполнителем, ибо к каждому мог быть обращен вопрос командующего: «А вы как думаете?» или «А что вы предлагаете?»

17 февраля 1943 года оказалось для Громадина особенно утомительным днем. Вопросы решались обычные, но их было много и все по-военному срочные. Войска ПВО почти всюду вели напряженные бои, и во многих случаях требовались решения командующего или доклады ему. Телефоны звонили почти непрерывно.

— Как дела? — раздался из трубки голос товарища — генерала из Генерального штаба.

«Находит же время», — досадливо подумал Громадин и ответил:

— Не понимаю, слишком общий вопрос.

— Любишь конкретное?

— Сейчас, по крайней мере.

— Ну что ж, получай и конкретное. Сегодня тебе присвоено звание генерал-полковника. Поздравляю, Михаил Степанович.

— Спасибо.

— Мне тоже очередное присвоили. Отмечать-то когда будем?

— Поздравляю и тебя. А отмечать? Отмечать будем, как все, наверное, после войны. Скромненько, конечно, можно и сейчас. Вот только немного потише станет.

— А думаешь, станет? Когда?

— А черт его знает. Наверное, и вправду после войны, — рассмеялся Громадин.

В ночь на 5 июня Громадину позвонили из Горького. Командующий Горьковским корпусным районом ПВО генерал-майор артиллерии Осипов доложил, что только что противник силами до 45 самолетов совершил неожиданный налет на город. Ему удалось сбросить бомбы и причинить ущерб промышленным предприятиям Горького.

«Неожиданный налет. На войне не может быть неожиданных налетов. Их всегда нужно ожидать», — досадовал Громадин, отдавая распоряжение о срочной подготовке самолета и группы работников штаба для вылета в Горький.

С аэродрома Громадин и прибывшие с ним офицеры вместе с генералом Осиповым сразу же направились на позиции зенитной артиллерии, затем побывали в истребительных авиационных частях. Многое уже прояснилось здесь. Было ясно — люди свыклись с мыслью, что гитлеровцам теперь не до налетов на такие города, как Горький. Москва, мол, ближе к фронту и важнее как цель, но и на нее фашисты не отваживаются совершать массированные налеты. Были вскрыты и недостатки в организации ПВО города. «Собирался же я сюда, — упрекал себя Громадин, — не дошли руки, и вот получай».

Впрочем, недостатки оказались не столь уж существенными и были быстро устранены. Громадин вместе со своими офицерами помог генералу Осипову и его штабу кое-что изменить в организации противовоздушной обороны города.

Между тем, ободренные успехом первого налета, гитлеровцы еще шесть раз подряд пытались подвергнуть Горький массовой бомбардировке. Но теперь они каждый раз встречали эффективное противодействие зенитчиков и летчиков Горьковского корпусного района ПВО.

В это же время, с 12 по 27 июня, авиация противника совершила девять ночных налетов на Саратов, в которых участвовало более 400 бомбардировщиков. Одновременно было совершено два массированных налета на Ярославль. Войска ПВО страны действовали здесь более организованно, однако были и здесь серьезные недостат-

ки, особенно в руководстве боевыми действиями частей и подразделений. Для выяснения причин неудач при отражении налетов вражеской авиации на важные экономические районы была создана правительственная комиссия во главе с А. С. Щербаковым. Вот что вспоминает о конечных результатах работы комиссии генерал-полковник артиллерии Журавлев:

«Итоги проверки разбирались при участии руководителей партии и правительства. И. В. Сталин, проводивший заседание, спросил М. С. Громадина:

— Что собой представляет командир Горьковского корпусного района?

Характеристика Михаила Степановича могла решающим образом повлиять на судьбу старого, заслуженного генерала А. А. Осипова. Обычно весьма осторожный в выступлениях на столь высоком уровне, на этот раз Громадин ответил твердо:

— Товарищ Сталин, генерал-майор артиллерии Осипов — очень честный и знающий дело командир, один из старейших зенитчиков страны. Он, безусловно, допустил ошибку, однако ему можно полностью доверять...

К вопросу о наказании руководителей противовоздушной обороны Горького участники совещания больше не возвращались. Стали обсуждаться меры, которые необходимо было предпринять, чтобы обеспечить более надежное прикрытие всех наших городов от нападения с воздуха. Кто-то предложил создать Координационный комитет ПВО. Это предложение привяли.

Сразу же был утвержден и состав нового органа. Председателем его стал Маршал Советского Союза А. М. Василевский, членами — маршал артиллерии Н. Н. Воронов, маршалы авиации А. А. Новиков, А. Е. Голованов, генерал-полковник М. С. Громадин и я.

26 июня 1943 года состоялось первое и, кажется, единственное заседание Координационного комитета. Вскоре все его функции перешли к Управлению командующего Войсками ПВО страны».

В связи с начавшимся массовым изгнанием фашистских захватчиков с советской территории перед Войсками ПВО страны встали новые задачи. Многие районы стали уже недосягаемыми для вражеской авиации. Вместе с тем нужно было организовать противовоздушную оборону объектов и коммуникаций на освобождаемой от не-

мецко-фашистских захватчиков территории. 29 июня Государственный Комитет Обороны рассмотрел на своем заседании «Вопросы противовоздушной обороны территории страны». В соответствии с принятым постановлением Войска ПВО территории страны были разделены на два фронта ПВО — Западный и Восточный.

Громадин был назначен командующим войсками Западного фронта ПВО, на который возлагалась оборона Москвы и Московского промышленного района, Мурманска, Ярославского промышленного района, а также соответствующих прифронтовых объектов и коммуникаций. Новые задачи вызвали необходимость новых решений. Во-первых, границы прифронтовых районов ПВО непрерывно отодвигались на запад. Сначала на освобождаемую территорию двигались зенитные бронепоезда, зенитные пулеметные части, полки зенитной артиллерии малого калибра и подразделения ВНОС; затем передислоцировалась зенитная артиллерия среднего калибра и части истребительной авиации ПВО. Во-вторых, на освобождаемой территории создавались новые районы ПВО. Они формировались за счет частей, перебрасываемых из состава Восточного фронта ПВО, объекты которого к этому времени находились вне досягаемости бомбардировочной авиации противника.

Вся эта организаторская работа требовала от Громадина постоянного присутствия в самых различных местах. В Москве он бывал редко. В начале августа вызов в Генеральный штаб прервал его очередную поездку в войска.

В Генеральном штабе Громадин получил необычайное задание: организовать артиллерийский салют в ознаменование освобождения советскими войсками городов Орла и Белгорода.

Вместе с командующим столичной ПВО генералом Журавлевым Громадин составил конкретный план, непосредственную организацию салюта он поручил Журавлеву. В Москву было доставлено 100 зенитных орудий, к ним присоединили еще 24 горные пушки, находившиеся в Кремле. План салюта и ход его подготовки были доложены Сталину и одобрены им.

— Наверняка это станет замечательной традицией, — сказал Громадину встретивший его в Генеральном штабе Нагорный.

— Точнее, возродит былые традиции, — ответил Громадин. — Еще при Петре Первом победы и знаменательные события отмечались артиллерийскими салютами.

— На своего конька сели? — улыбнулся Нагорный, знавший увлечение Громадина военной историей России, традициями ее армии.

— Конек-то общий, — загорелся Громадин. — Все лучшее из старого мы уже берем и развиваем в новых условиях. Это лучшее народа достояние. Он ведь воевал. А посмотрите, как служит нашему делу возрождение славы Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова! И артиллерийский салют тоже будет нам служить, сплачивать наш народ в особо торжественные дни.

5 августа 1943 года, как только по радио был передан приказ Верховного Главнокомандующего в связи с освобождением Орла и Белгорода, над Москвой прогремело 12 залпов с интервалами в 30 секунд. Впоследствии при проведении салютов менялось количество участвовавших в нем орудий и число залпов. Эффект стали усиливать ракетным фейерверком.

Первый артиллерийский салют в Москве как бы символизировал решающие успехи Советской Армии. Стратегическая инициатива теперь прочно находилась в руках советского командования. В 1944 году Ставка наметила провести ряд мощных последовательных стратегических операций в разное время, на отдельных, удаленных друг от друга участках советско-германского фронта. В связи с этим происходило дальнейшее расширение системы ПВО. Существовавшие Западный и Восточный фронты ПВО уже не обеспечивали мобильное прикрытие новых объектов. 29 марта 1944 года Государственный Комитет Обороны принял постановление «О мероприятиях по улучшению управления действующими войсками ПВО Красной Армии». В соответствии с ним Западный и Восточный фронты ПВО, а также Закавказская зона ПВО были реорганизованы; на их базе создавались три фронта ПВО: Северный, Южный и Закавказский. Границы между фронтами ПВО устанавливались таким образом, чтобы обеспечить каждому из них наилучшие условия взаимодействия с группой фронтов сухопутных войск на одном из стратегических направлений.

Громадин был назначен командующим Северным

фронтом ПВО. В этой должности он участвовал в Белорусской наступательной операции. Под его руководством были сосредоточены крупные силы войск ПВО для обороны объектов прифронтовой полосы. Это позволило до 80 процентов средств ПВО сухопутных войск использовать на прикрытие наступающих соединений. Многие были сделаны Громадиным, чтобы усилить противовоздушную оборону советского Заполярья и улучшить взаимодействие Мурманского корпусного района ПВО с войсками Карельского фронта, которые осенью 1944 года изгнали фашистских захватчиков с Крайнего Севера.

Заправилы «третьего рейха» лихорадочно искали выход из безнадежного для фашистской Германии положения. Они форсировали создание «нового секретного оружия огромной разрушительной силы», как потом выяснилось, атомной бомбы. Но пока это были лишь упования.

Реальным же новым оружием у гитлеровцев стало ракетное оружие — пресловутые «фау». В разгар наступательных операций советских войск в 1944 году планы варварских ударов по советским городам с помощью самолетов-снарядов «фау-1» и ракеты «фау-2» стали рассматриваться гитлеровским командованием в практическом плане. Учитывая, что самолеты-снаряды «фау-1» имели очень невысокую точность попадания, гитлеровцы намеревались использовать летчиков-смертников. По их замыслу, пилотируемые смертниками самолеты-снаряды могли «наилучшим образом поразить и парализовать наиболее чувствительные центры русской промышленности и снабжения».

Первые удары самолетами-снарядами были произведены гитлеровцами по Лондону 13 июня 1944 года. Советское командование, внимательно следившее за применением нового оружия противника, предпринимало необходимые меры для отражения его возможного использования против СССР. Громадин принимал самое активное участие в определении объектов, могущих подвергнуться ударам самолетов-снарядов. Его мнение совпадало с точкой зрения начальника Центрального штаба ПВО генерала Нагорного: наиболее вероятным объектом ракетных ударов может стать Ленинград. Город на Неве представлял для гитлеровцев важную в политическом и экономическом отношении цель. Балтийское море обеспечивало самолетам-носителям скрытый подход к городу

на малых высотах, расширяя возможности для внезапных ударов.

Генеральным штабом было принято решение разработать предварительные указания по борьбе с самолетами-снарядами. Активное участие в подготовке этих указаний принял и Громадин. В июле 1944 года предварительные указания были утверждены Военным советом артиллерии Красной Армии. В них формулировались основные принципы организации системы обороны объектов при отражении беспилотных средств воздушного нападения. давались конкретные рекомендации войскам по использованию имевшихся средств ПВО для уничтожения нового оружия врага. По рекомендации Громадина командование Ленинградской армии ПВО на основе этих указаний разработало конкретный план борьбы с беспилотными средствами нападения. Затем было проведено несколько учений Ленинградской армии ПВО по отражению массированных налетов самолетов-снарядов.

Осенью 1944 года гитлеровские войска были выброшены из Эстонии и Моонзундских островов, вышла из войны Финляндия. Линия фронта так далеко отодвинулась от Ленинграда, что он стал недосягаемым для самолетов-снарядов врага. Такова малоизвестная страница в истории противовоздушной обороны страны и в военной биографии Громадина — непосредственного участника создания первой в стране системы борьбы с беспилотными средствами нападения.

24 декабря 1944 года Государственный Комитет Обороны принял постановление «О реорганизации фронтов ПВО и передислокации штабов фронтов ПВО». Для приближения органов оперативного руководства к действующим войскам Северный фронт ПВО преобразовался в Западный фронт ПВО, и его штаб передислоцировался в город Вильнюс, Южный фронт ПВО — в Юго-Западный, и его штаб передислоцировался в город Львов; наконец, на базе Особой Московской армии ПВО создавался Центральный фронт ПВО для прикрытия объектов тыла страны. Его командующим был назначен Громадин. В состав фронта, помимо Особой Московской армии ПВО, вошли Ленинградская армия ПВО со 2-м гвардейским Ленинградским истребительным авиационным корпусом и Выборгским бригадным районом ПВО, 1-й и 3-й корпуса ПВО, 78, 80, 82-я дивизии ПВО и 16-я отдельная бригада ПВО.

С некоторыми соединениями, вошедшими в состав фронта, Громадин еще не был знаком. Поэтому вместе с членом Военного совета фронта генерал-лейтенантом Орловым и отправился в инспекторскую поездку.

— Для нас война, видимо, уже кончилась, — сказал Громадин Орлову. — Вот и задачи войскам мы теперь будем ставить, по сути, мирные. Главное теперь для нашего фронта — это учеба, совершенствование боевого мастерства.

Оказалось, однако, что для Громадина война еще не кончилась. Возвратившись из поездки, он получил ответственное задание Ставки: на базе частей фронта в сжатые сроки сформировать зенитную артиллерийскую дивизию, передислоцировать ее в Варшаву и образовать в столице Польши пункт ПВО. Выполнив это задание, Громадин получил новое, связанное с подготовкой частей и соединений для передислокации в район Берлина и непосредственного их участия в Берлинской наступательной операции. Затем он организовывал противовоздушную оборону объектов Люблина, Белостока, Познани, а при взятии советскими войсками Берлина — прикрытия столицы Германии от возможных ударов с воздуха.

...Ранним утром 9 мая 1945 года Громадина вызвали в Генеральный штаб и от имени Верховного Главнокомандующего приказали организовать и провести в столице нашей Родины — Москве исторический салют Победы. Сразу же вспомнился первый салют 5 августа 1943 года, хлопоты, связанные с его организацией. Но первый салют по масштабам не имел ничего общего с тем, которым Родина намерена была ознаменовать свою историческую победу в величайшей из всех войн, какие знало человечество. В столицу нужно было стянуть множество орудий и большое количество прожекторов. По распоряжению Громадина 9 мая к 12.00 в городе была сосредоточена 1-я зенитно-прожекторная дивизия в составе 160 прожекторов, подготовлена для участия в салюте тысяча зенитных орудий. «Во время войны так не волновался», — отметил про себя Громадин, проверяя готовность зенитчиков и прожектористов к выполнению ответственного задания в этот первый мирный день. А в 22 часа, как только начали бить кремлевские куранты, раздался первый громовой залп. Небо столицы прорезали лучи прожекторов, образовав сказочный свето-

вой шатер, в котором высоко алело Знамя Победы. Это было невиданное по красоте зрелище, и Михаил Степанович, находившийся на Красной площади, как и тысячи москвичей, думал в эти минуты о боевом и трудовом бессмертии подвига нашего великого народа, защитившего свободу, честь и независимость первого в мире социалистического государства.

Не менее волнующим и незабываемым событием для Михаила Степановича явился парад Победы. Под его непосредственным руководством готовились к параду части Центрального фронта ПВО: колонна зенитчиков из 1-й гвардейской зенитной артиллерийской дивизии и колонна прожектористов из 1-й зенитно-прожекторной дивизии. Воины-фронтовики ПВО тренировались с небывалым подъемом. Они образцово подготовили технику к маршу. Командующий фронтом ПВО остался доволен выучкой подчиненных.

Накануне парада Громадин поехал к командующему артиллерией Красной Армии главному маршалу артиллерии Н. Н. Воронову и доложил ему о готовности сводных колонн фронта к параду Победы. Воронов решил лично убедиться в выучке артиллеристов-зенитчиков и прожектористов. Когда завершился марш колонн, Николай Николаевич, обращаясь к Громадину, коротко резюмировал:

— Молодцы, подготовлены хорошо!

Состоялся парад Победы 24 июня. Полки десяти фронтов шли мимо Мавзолея. Были здесь и представители воинов ПВО. Они в четком строю проехали по Красной площади, демонстрируя силу и несокрушимую мощь противовоздушной обороны нашей страны. А рядом с Мавзолеем В. И. Ленина вместе с другими прославленными генералами стоял один из активных организаторов боевой деятельности войск ПВО в годы Великой Отечественной войны, генерал-полковник Михаил Степанович Громадин. На его парадном мундире сияли боевые награды: два ордена Ленина, орден Красного Знамени, орден Суворова I степени, два ордена Кутузова I степени, медали.

Вечером этого же дня зенитчики столицы произвели праздничный салют, организовали красочную иллюминацию. Лучи прожекторов осветили высоко поднятое над Москвой полотнище с портретом Владимира Ильича

Ленина — вождя нашей партии, основателя социалистического государства, с именем которого советский народ бился с заклятым врагом, пришел к долгожданной исторической победе над фашизмом.

После окончания Великой Отечественной войны генерал-полковник Громадин напряженно трудился на различной руководящей работе в войсках ПВО. А когда на Западе империалисты вновь забряцали оружием, Советское правительство восстановило должность командующего Войсками ПВО страны. Им снова стал Михаил Степанович Громадин. Это было время, когда все отчетливее проявлялось стремление западных стран превратить свои военно-воздушные силы в главное средство решения задач будущей войны. По мнению их политического и военного руководства, авиация, оснащенная ядерным оружием, должна была внезапными ударами разрушить и уничтожить политические и экономические центры, стратегические коммуникации и другие важные объекты, с тем чтобы парализовать жизнь государства, предрешив этим исход войны в свою пользу.

Естественно, что в таких условиях роль и значение противовоздушной обороны страны возрастали, ее задачи по сравнению с периодом войны усложнялись. Для борьбы с новыми средствами воздушного нападения были необходимы и новые средства противовоздушной обороны, новые способы управления, новые организационные формы войск. Решая эти задачи, Громадин участвовал в оценке многих новых видов оружия, в том числе реактивных истребителей, принимал непосредственное участие в теоретической разработке вопросов боевого применения авиации ПВО. Большое внимание Михаил Степанович уделял развитию зенитной артиллерии; особенно 100-миллиметровому зенитному артиллерийскому комплексу, предназначенному для борьбы с воздушными целями на высоте до 12 000 метров, а также 57-миллиметровому зенитному артиллерийскому комплексу для уничтожения противника на высотах до 5 тысяч метров. Созданые и внедренные эти комплексы повышали эффективность зенитной стрельбы. Приходилось вникать Громадину и в вопросы, связанные с поступлением в войска радиолокационной техники, необходимой для обеспечения боевой

деятельности истребительной авиации и зенитной артиллерии.

Дело развивалось быстро, становилось очевидным, что новым эффективным средством борьбы с авиацией противника в ближайшее время станут зенитные управляемые ракеты, всепогодные истребители-перехватчики дальнего действия, сложные радиотехнические системы.

Новая техника требовала новых знаний, разработки на их основе новых принципов и способов боевого применения войск ПВО. Таких знаний у Громадина не было, и он хорошо понимал это. Он считал, что не может быть командующим, что его опыт был полезен на старой технической основе. На новой же он может оказаться даже вредным. Неминуемо скажется сила инерции.

В Генеральном штабе нашли, что Михаил Степанович еще молод, ему и пятидесяти нет. Так что не поздно и подучиться.

В мае 1949 года Громадин стал слушателем Высших академических курсов при Военной академии Генштаба. Однако стало резко сдавать здоровье. Поэтому после окончания курсов Громадин был назначен генерал-инспектором при Главной инспекции Министерства обороны СССР.

На новой должности было, конечно, легче. «Заболею, так ничего не торможу, — с грустью говорил он друзьям. — А вечно болеющий командующий войсками — это же обуза для дела». Болезнь прогрессировала. В периоды улучшения Громадин вновь становился бодрым и целеустремленным. Его инспекционные поездки в войска всегда были весьма плодотворны. «Работая генерал-инспектором по ПВО, показал себя подготовленным к этой должности, — говорилось в служебной аттестации, утвержденной 24 февраля 1953 года Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым. — Умеет практически правильно вскрывать как недостатки, так и положительные стороны в боевой и политической подготовке войск ПВО».

1 сентября 1954 года Громадин был уволен из кадров Советской Армии в отставку по болезни. Но полностью порвать со своим делом он не мог. Когда позволяло здоровье, он приезжал в части ПВО, встречался с офицерами, солдатами, допризывниками. Он передавал им то нетленное, чем всегда были и будут сильны наши Вооруженные Силы, — горячую любовь к Родине, преданность

делу Коммунистической партии, осознание необходимости защиты социалистических завоеваний советского народа.

4 июня 1962 года Михаила Степановича Громадина не стало. Все люди смертны. Бессмертно то, что они делают для жизни на земле. Коммунист Михаил Степанович Громадин защищал жизнь советских людей, их свободу, их коммунистические идеалы.

Полковник Н. КОМАРОВ

Маршал артиллерии Василий КАЗАКОВ

Замечательный военачальник Великой Отечественной войны маршал артиллерии Василий Иванович Казаков был моим другом. Но не только и не столько дружеские чувства побудили меня написать о нем настоящий очерк. Василий Иванович принадлежал к числу тех людей, которые, окончив свой жизненный путь, благодаря своим личным качествам, а главное, благодаря всему содеянному ими продолжают жить, их дела не уходят с ними. Живые и прежде всего молодежь должны знать о них: ведь нельзя продолжать великие дела старших поколений, не участь и не воспитываясь на их богатейшем опыте.

Имя и дела Василия Ивановича Казакова неразрывно связаны с проведением многих важнейших операций Советской Армии против фашистских захватчиков, с организацией и боевым применением в этих операциях — в Московской, Сталинградской, Курской и Берлинской битвах — артиллерии, являвшейся главной огневой ударной силой наших войск. И если, оценивая роль советской артиллерии в разгроме фашистского вермахта, ее по праву образно называли «богом войны», то заслуга в этом в значительной мере принадлежит ее замечательным кадрам, тем, кто своим искусным руководством добивался максимально эффективного использования всех ее возможностей. Этим искусством мастерски владел маршал артиллерии Василий Иванович Казаков — один из выдающихся организаторов крупномасштабного боевого применения артиллерии в годы минувшей войны.

Великая Отечественная война была затяжной. Длилась она без малого четыре года. Но это все же не такой срок, чтобы в течение его мог сложиться и вырасти крупный современный полководец или военачальник. Правильнее будет сказать, что минувшая война раскрыла, развила и умножила все то, что было достигнуто ранее

упорным трудом и напряженной учебной подготовкой будущих ее полководцев и военачальников.

Именно такую роль в становлении Василия Ивановича Казакова как военачальника сыграла его предвоенная служба в рядах Советской Армии. Вся она представляла собой процесс непрерывного наращивания того потенциала знаний и опыта, той зрелости и дерзости мысли, непререкаемой воли к достижению цели, которые столь ярко и плодотворно раскрылись в деятельности Казакова на ответственных постах в Советских Вооруженных Силах в многотрудные годы Великой Отечественной войны.

Познакомились мы с Василием Ивановичем и крепко сдружились еще в 30-х годах, когда оба служили в Московской Пролетарской стрелковой дивизии: он командовал артиллерийским полком, а я 3-м стрелковым. При всякой возможности мы старались быть вместе, даже вдвоем ходили к командиру дивизии Л. Г. Петровскому, когда тот вызывал одного из нас, заметив какие-либо неполадки. «Опять вдвоем?» — прятая усмешку, говорил командир дивизии, на что Василий Иванович неизменно отвечал: «Взаимодействие, товарищ комдив!»

Первые впечатления живучи. Вспоминая Казакова, я чаще всего вижу его таким, каким он был в далеких 30-х годах. Небольшого роста, как говорится, ладно скроенный и крепко спитый, подтянутый, энергичный, он неизменно сразу же вызывал симпатию к себе, заражал окружающих свойственной ему жизненной бодростью. Впрочем, почти таким же он оставался и в зрелом возрасте.

Как обычно и бывает между друзьями, мы вместе вспоминали прошлое, делились мыслями, думами о будущем. Оказалось, что биографии наши во многом схожи. Мы были почти ровесниками: Казаков родился 17 июля 1898 года, а я годом раньше — 1 июня 1897 года, оба были выходцами из бедных крестьянских семей, его и меня в один и тот же 1916 год призвали в старую армию и опять же в один и тот же 1918 год мы добровольцами вступили в ряды Красной Армии. И в дальнейшем наши судьбы напоминали одна другую. Видимо, так и должно было быть — по одной ведь дороге шли.

Уже в годы гражданской войны определилась военная специальность, а правильнее — дело, которому Ва-

сильий Иванович посвятил всю свою жизнь. В 1918 году он окончил 2-е Петроградские артиллерийские курсы и, командуя батареей, сражался с белогвардейцами и интервентами на Северном и Западном фронтах.

«Кончилась гражданская, — рассказывал Василий Иванович, — и я задумался: как дальше быть? К артиллерии уже сердцем присох, а грамотишки и знаний у меня кот наплакал. Стал проситься на учебу. Направили меня в артиллерийскую школу. И намучился же я там! В учебниках полно иностранных терминов, а мы тогда и в своих, российских, не ахти как разбирались. А математика, баллистика, расчеты разные! Я ее, свою малограмотность, как контру на фронте, выкорчевывал, науку где штурмом, где осадой брал. В 1925 году окончил школу — легче стало. Но в школе я понял: не будешь сам буквально каждый день учиться, ничего из тебя не получится. Вывод, как сам понимаешь, не новый, но верный».

Разговор этот состоялся, когда Василий Иванович стал уже всесторонне подготовленным командиром-артиллеристом, человеком большой общей эрудиции. За его плечами был курс Военной академии имени М. В. Фрунзе, которую он окончил в 1934 году. Кроме того, дважды — в 1929 и 1936 годах он занимался на курсах усовершенствования начсостава РККА. Побывал он и командиром артиллерийского дивизиона, стал командиром артиллерийского полка. И право, если бы Василий Иванович на этом успокоился, то можно было бы подумать, что он несколько рисуется достигнутым. Но и тогда — в 30-х годах — и позже, став военачальником и общепризнанным специалистом в области боевого использования артиллерии, Казаков не переставал науку «где штурмом, где осадой брать». Постоянное самообразование было нормой всей его жизни. И теперь, как напутствие молодым, я могу повторить его слова: «Не будешь сам буквально каждый день учиться, ничего из тебя не получится».

На протяжении всей службы в Советских Вооруженных Силах Казакова отличала ставшая его подлинной сущностью, глубоко осознанная партийность, стремление абсолютно во всем быть достойным своей принадлежности к ленинской партии коммунистов, членом которой он стал в 1932 году.

— Я мог бы и раньше вступить в партию, — рассказывал Василий Иванович, — но думал: чем я отличаюсь

от других? Потом понял, что отличаться и не нужно, следует только всегда, во всем быть коммунистом, не делить жизнь на две части: это для партии, тут по-партийному, а это для себя, тут как вздумается. Коммунист — это целостный человек.

Василий Иванович обладал завидной способностью во всем поспевать: в службе, учебе, общественной жизни. Он много читал, находил время посещать театры и кино, с увлечением заниматься спортом. Внешне эта способность подчинять себе время казалась каким-то врожденным даром. Но, присмотревшись, я понял: это была суровая, бескомпромиссная самодисциплина или то, что у нас в армии принято называть требовательностью к себе.

Это необходимое для каждого человека и особенно для военнослужащего качество Казаков настойчиво воспитывал у подчиненных. Помню, как на одном из совещаний командсостава артиллерийского полка (иногда мы ходили друг к другу на совещания) Василий Иванович вместе того, чтобы похвалить кого-то из командиров за в общем-то хорошо выполненное задание, отчитал его:

— Сделали вы все хорошо и правильно, но затратили на это неоправданно много времени.

— Но вы не указали срок, да и дело было неспешным, — с ноткой обиды в голосе оправдывался командир.

— Суть не в сроке и спешности, — прервал командира Казаков. — Просто на каждое дело нужно тратить минимум необходимого для этого времени. А еще лучше найти способ сократить этот минимум. Мы, люди военные, лучше других должны понимать это. Война на все будет свои минимумы устанавливать. Нужно научиться поворачиваться.

И, изменив тон, дружески-участливо Василий Иванович сказал командиру:

— И вообще, это же и для жизни нужно. Больше успеете, познаете, прочувствуете. Говорят, жизнь коротка. Ерунда! От человека зависит, сколько он настоящей жизни вложит в суженный ему срок. Это как в математике: десять плюс десять будет двадцать, а десять помножить на десять — уже сто.

Рассмеявшись, Казаков обратился ко всем командирам:

— Так что давайте жизнь строить не по арифметической, а по геометрической прогрессии. Тогда и сделать

можно больше, и жизнь полнее будет. Говорят же про иных людей: «За одну жизнь две прожил».

Воспитание подчиненных Казаков ставил во главу угла всей своей работы и понимал его очень широко. «В армии отношения между людьми должны быть предельно ясными, — часто говорил он, — и главное, никакой фальши, скрытности. Я должен до конца знать каждого, с кем служу, и меня также все должны знать. Ведь очень важно, с кем рядом будешь воевать: с тем, кто техникой и уставами хорошо овладел, или с тем, кто к тому же и понимает необходимость чувства локтя, в кого ты веришь, как в самого себя, или по крайней мере хорошо знаешь, на что он способен».

В воспитании подчиненных для Казакова не было мелочей. Помню такой случай. Я вошел к Казакову, когда он, расхаживая по кабинету, взволнованно говорил стоявшему перед ним навытяжку командиру батареи:

— Виновного я накажу. Но вынужден и вам сделать замечание. Вы предлагаете наложить взыскание за сам проступок, и только?

— За что же еще? — недоуменно спросил командир роты.

— Как «за что же еще?»! — горячился Казаков. — Подчиненный лгал вам, вынудил провести целое расследование, чтобы докопаться до истины. Вы зло видите только в самом нарушении подчиненным дисциплины. А я вижу и другое, более опасное. Ложь! Вот главное в этом проступке! Заготовьте новый проект приказа о наказании. Упор сделайте на неискренность провинившегося.

Отпустив командира батареи и не остыв еще, Василий Иванович обратился ко мне:

— Многие могу простить подчиненному, если он искренен, но ложь никогда! И этот командир хорош! Почему ему подчиненные лгут? Плохо их знает? Не нашел контакта с ними? А может, строгостью отпугивает, вынуждает людей унижаться ложью?

— Ты против строгости? — спросил я. — Это что-то новое в тебе.

— Строгость разная бывает, — все еще горячился Казаков. — Одна из интересов дела исходит, из уважения к людям, тогда тебе подчиненные не лгут, другая — из формализма, от равнодушия к людям, тут ложь неизбежна.

Продолжая волноваться, Казаков говорил:

— Тут и я виноват. Командир этот недавно у нас. Надо бы поинтересоваться, помочь ему в работе с людьми. Может, и хороший командир. Разобраться нужно.

Дальше началось то, что в артиллерийском полку называлось «командирской раскруткой». Досталось всем, кто так или иначе имел отношение к воспитательной работе в батарее, где произошло нарушение дисциплины.

Сам Казаков отличался и строгостью, и требовательностью, и взыскательностью. Без этого нельзя быть командиром в армии, да и вообще руководить любым делом. Но в строгости своей Василий Иванович неизменно был справедлив. Такая строгость не унижает подчиненных, не отпугивает их от командира, наоборот, помогает им становиться лучше, повышает командирский авторитет. И естественно, что одновременно Василий Иванович был чуток, доброжелателен к людям, внимателен к их нуждам.

Все это — строгость и чуткость, требовательность и сердечность, сосредоточение на воспитании у личного состава высоких моральных качеств, умение объединить самых разнохарактерных, с различными способностями людей — делало большое дело: артиллерийский полк представлял собой сплоченный воинский коллектив, живший единой жизнью, едиными задачами.

А задачи артиллерийского полка, особенно в боевой и политической подготовке личного состава, были сложными. Общеобразовательный уровень бойцов в то время был невысок. Семилетка считалась роскошью. А артиллерийская техника требовала от бойцов-артиллеристов многих знаний, которые нынешние солдаты приобретают еще до призыва в армию — в средних школах. Недостаток образования восполнялся напряженной учебой.

И здесь, в боевой подготовке полка, Казаков был буквально неутомим. Его страстная увлеченность артиллерийским делом какими-то незримыми токами передавалась подчиненным, увлекала их. Казаков не жалел ни сил, ни времени для повышения знаний и тактической подготовки командиров и делал это так, что заражал их своей привязанностью к артиллерии. Думаю, что это обстоятельство сыграло важную роль в том, что многие служившие с Казаковым в артиллерийском полку командиры в годы Великой Отечественной войны командовали артил-

лерийскими соединениями, занимали высокие посты в армейских и фронтовых органах управления артиллерией.

От командиров «казаковские импульсы» шли к бойцам. Любо было смотреть на бойцов артиллерийского полка, когда они, ладные, подтянутые, споровисто и четко работали у орудий. На учениях и поверках боевой и политической подготовки артиллерийский полк всегда оказывался в числе лучших.

За заслуги в боевой и политической подготовке артиллерийского полка Василий Иванович Казаков в 1936 году был удостоен первой правительственной награды — ордена Красной Звезды.

Я остановился на Казакове — командире артиллерийского полка потому, что сам он впоследствии нередко говорил, что тому, кто не получил закалки в командовании полком, трудно командовать войсками или занимать высокие начальствующие должности в армии. Да, это так. Командование полком в миниатюре содержит все элементы того, что необходимо военачальнику для командования крупными войсковыми соединениями и объединениями, для руководства родами войск в армейских и фронтовых масштабах.

Должен сказать, что в этом смысле — в смысле приобретения опыта для дальнейшей более ответственной деятельности — командование артиллерийским полком оказалось для Казакова весьма плодотворным. Много, очень много, что было свойственно Казакову — командиру артиллерийского полка в 30-х годах, отличало в дальнейшем Казакова — командующего артиллерией армии, а затем фронта в годы Великой Отечественной войны: те же, теперь уже помноженные на опыт, высокая личная ответственность за порученное дело, умение подбирать и выращивать трудолюбивых, энергичных работников, способность развязывать инициативу подчиненных, сколачивать исключительно работоспособные, слаженные коллективы помощников. И все тот же поиск наиболее рациональных и эффективных путей решения новых, то и дело возникавших задач.

Во время службы в Московской Пролетарской стрелковой дивизии Казакову, что говорится, повезло: он работал под руководством Николая Николаевича Воронова — выдающегося советского артиллерийского командира, впоследствии Главного маршала артиллерии. Василий Иванович был командиром дивизиона артиллерийского

полка этой дивизии, когда в 1930 году командиром полка стал Воронов. Он быстро отметил Казакова и всемерно помогал ему формироваться, вырабатывать командирские навыки, умножать знания. Вскоре Василий Иванович стал командиром учебного дивизиона, затем помощником командира полка. А когда Воронов был назначен начальником артиллерии дивизии, то рекомендовал на прежнюю свою должность Казакова. И в дальнейшем Воронов не оставлял внимания Василия Ивановича.

Во время Великой Отечественной войны Казакову везло и со многими другими начальниками. На него обратил внимание, выдвинул и не расставался с ним почти всю войну Рокоссовский, выделял его Жуков. Но достаточно ли в данном случае слова «везло»? Все ли оно выражает? Думаю, что нет. Конечно, это везенье — служить и воевать под руководством таких выдающихся военачальников и полководцев. Однако никаким везеньем не объяснить, почему Воронов выдвинул Казакова и заботился о дальнейшем его росте, почему его столь высоко ценили Рокоссовский и Жуков. Здесь уместно перефразировать известную поговорку, выразив ее примерно так: «Скажи, кто тебя ценил, и я скажу, кто ты». Внимание Воронова, Рокоссовского, Жукова — это высшая аттестация незаурядным деловым достоинствам и организаторским способностям Казакова.

Служба в Московской Пролетарской стрелковой дивизии дала Казакову гораздо больше, чем опыт командования артиллерийским полком. Здесь он активно участвовал в проводимых Наркоматом обороны опытных учениях и стрельбах, в войсковых испытаниях новых образцов артиллерийского оружия. Председатель комиссии на этих испытаниях, заместитель наркома обороны Тухачевский, высоко оценивший Казакова, требовал, чтобы тот присутствовал буквально на всех стадиях испытаний и разборе их результатов. Это позволяло Казакову лучше видеть перспективы развития и боевого применения артиллерии. Главное же состояло в том, что Казаков постоянно общался с Вороновым, уже пользовавшимся большим авторитетом у руководящих работников Наркомата обороны, которые поручали ему ответственные задания. В 1932 году Воронов в составе советской военной миссии ездил в Италию на войсковые маневры, он участвовал в составлении документов по организации и боевому использованию артиллерии, в работе уставной комиссии по разра-

ботке Боевого устава артиллерии. Словом, круг занятий Воронова был значительно шире его служебных обязанностей как начальника артиллерии дивизии. Своими наблюдениями, сомнениями и мыслями Николай Николаевич делился с Казаковым. И это явилось для Василия Ивановича своеобразной, весьма ценной теоретической школой.

Бывало, под вечер пропадет Казаков, нигде его не сыскать. А он за полночь сидит у начальника артиллерии дивизии. И разговоры у них отнюдь не сугубо служебные. Воронов излагал Казакову свои взгляды на возможности артиллерии в будущей войне, проверял на нем убедительность своей аргументации. И кто знает, может быть, именно тогда зародились и начали зреть новаторские принципы организации и боевого использования артиллерии, столь успешно примененные во время Великой Отечественной войны Вороновым и его талантливым учеником — Казаковым.

Василия Ивановича глубоко волновали появившиеся в 30-х годах в нашей военно-теоретической литературе высказывания о неизбежном снижении роли артиллерии в современной (для того времени) войне. Кое-кто из теоретиков полагал, что танки и самолеты в гораздо большей эффективности могут заменить артиллерию. Некоторые из них предлагали в расчете потребных огневых средств артиллерию прямо заменять авиацией: скажем, один артиллерийский дивизион одной эскадрильей легких бомбардировщиков.

— Какие тут могут быть замены? — горячо говорил мне Василий Иванович. — Если танки и авиация получают развитие, то нужно и артиллерию всячески развивать!

— А почему? Докажи. Горячность и декламации тут ни к чему, — иногда подзадоривал я друга, чтобы еще раз выслушать его доводы.

Доводы Казакова становились все убедительнее. Чувствовалось, что он обстоятельно штудирует специальную литературу, много думает, да и беседы с Вороновым идут ему впрок, оставляя след в его сознании. Словом, нет худа без добра. Борьба мнений о перспективах артиллерии явно пошла на пользу Василию Ивановичу. Он свободно оперировал глубоко осмысленными и прочувствованными соображениями и данными, аргументами и выводами, которые по своей масштабности далеко выходили

за круг знаний и понятий, необходимых командиру артиллерийского полка.

В 1934 году Воронов убыл к новому месту службы. Василий Иванович на какое-то время замкнулся — видимо, тяжело переживал разлуку с любимым начальником и наставником. Вскоре у него, как в свое время у Воронова, стали собираться энтузиасты-артиллеристы.

Время шло. В 1936 году на Западе зарождались первые громовые раскаты надвигающейся на мир войны: фашизм пробовал клыки на республиканской Испании. Помочь испанскому народу, сражаться вместе с ним против фашизма стремились многие. Удавалось же это далеко не всем желающим. Мне удалось. В Испании я встретил Воронова, бывшего там в качестве старшего артиллерийского советника при командовании республиканских войск. Виделись мы редко, разговаривали еще реже.

В одну из встреч Воронов сказал: «Как-то там Казаков? Завидует, наверное, нам. Ему бы здесь надо быть. Боевой командир и голова светлая. Мыслит творчески и масштабно». Приятно было слышать такой отзыв о друге, да еще от Воронова, авторитет которого быстро креп.

Когда после возвращения в 1937 году из Испании я несколько раз встретился с Казаковым, то поразился тому, насколько он вырос в теории, и сказал ему об этом. Василий Иванович махнул рукой: «Это потому, что не виделись два года. Был бы на глазах, не поражался бы». Он подробно расспрашивал меня о ходе войны в Испании, особо интересовался боееспособностью фашистских войск, их авиацией и танками. По характеру его вопросов чувствовалось, что они подчинены единой мысли. Большинство их касалось взаимодействия родов войск, места и роли в этом взаимодействии артиллерии.

Расспрашивая, Василий Иванович высказал свои взгляды на роль артиллерии в современной войне, на возможности ее взаимодействия с другими родами войск, критиковал устарелые взгляды и шаблоны. Я не ошибусь, если скажу, что он уже тогда начал мыслить как крупный организатор боевого применения артиллерии, каким стал в годы Великой Отечественной войны.

Новым импульсом для творческих исканий Казакова явилось разрешение затянувшихся разногласий о перспективах артиллерии. Сталин, указав на огромную роль артиллерии в современной войне, поставил задачу пре-

вратить ее в могучий род войск, создать первоклассную артиллерийскую технику. Но уже был и другой грозный импульс — все более очевидная угроза новой мировой войны.

За два предвоенных года произошли серьезные изменения в служебном положении Василия Ивановича. В марте 1939 года он был назначен начальником артиллерии Московской Пролетарской стрелковой дивизии, в этом же году — в августе — начальником артиллерии 57-го стрелкового корпуса. В петлицах Казакова появился ромб — в 1939 году ему было присвоено звание комбрига, а через год, в июне 1940 года, — с введением в Советской Армии генеральских званий — звание генерал-майора артиллерии. В июле 1940 года Василий Иванович Казаков был назначен начальником артиллерии 7-го механизированного корпуса.

Предвоенная судьба Казакова как бы отражала происходившие в то время качественные изменения Советских Вооруженных Сил — они росли численно, укреплялись организационно, их оснащали новой боевой техникой, механизировали. Но грозные военные испытания приближались быстрее, чем происходили эти изменения.

Начало Великой Отечественной войны застало Казакова в Москве. И здесь, далеко от границы, где уже развернулись ожесточенные бои, жизнь в войсках сразу же приобрела фронтовой характер. Через сутки части и соединения 7-го механизированного корпуса были приведены в боевую готовность, а вечером 24 июня направлены в Белоруссию — навстречу врагу.

Горестно вспоминал Казаков первые бои корпуса. Стойко, героически сражались бойцы и командиры. Врагу был нанесен значительный ущерб. Но исход боев определялся общим превосходством немецко-фашистских войск на фронте. Корпус понес большие потери, его части и соединения были выведены в район Орши на формирование. «Оставалось утешаться поговоркой: «За одного битого двух небитых дают», — с грустью говорил Казаков, рассказывая мне впоследствии о своем боевом крещении.

21 июля приказом командующего Западным фронтом управление корпуса было передано в «группу войск генерала Рокоссовского». Верилось, что это крупное соеди-

нение, способное решать большие задачи. Но смущало: почему такое соединение не имеет своего управления? На самом же деле «группа войск генерала Рокоссовского» оказалась действительно весьма солидной, но импровизированной организацией. Рокоссовскому было приказано подчинять себе все части и соединения на ярцевском направлении и организовывать там противодействие врагу. За короткий срок было собрано значительное количество бойцов и командиров всех родов войск. Набралось немало военной техники и автомашин. Узнав, что в районе Ярцева формируются части, которые должны тут же вступить в бой, к Рокоссовскому непрерывно шли люди — в одиночку и группами. Приходили подразделения и целые части, отбившиеся от своих соединений. Люди хотели воевать и искали руководства. Всю эту массу людей нужно было организовать, разбить по родам войск, свести в подразделения и части и при первой же возможности повести их в бой. Для всего этого необходим был налаженный аппарат управления. Им и стало управление 7-го механизированного корпуса. Рокоссовский сразу же отметил Казакова. Впоследствии он писал: «Хорошее впечатление произвел на меня начальник артиллерии 7-го мехкорпуса генерал-майор Василий Иванович Казаков. Он сразу отправился на огневые позиции — по-хозяйски оценить, что у нас и где имеется, каковы кадры. Короче говоря, генерал отдался делу...»

В августе Рокоссовский был назначен командующим 16-й армией. Фактически же произошло объединение сильно поредевшей в жестоких боях в районе Смоленска 16-й армии и «группы войск генерала Рокоссовского». И хотя армия имела свое управление, Рокоссовский добился, чтобы на основные должности в этом управлении были назначены работники, которых он уже успел оценить по достоинству. Начальником артиллерии армии стал Казаков.

В августе и начале сентября 16-я армия занимала оборону под Ярцевом. Ее кадровые артиллерийские полки были хорошо подготовлены в мирное время и теперь успешно справлялись с боевыми задачами в сложных условиях. Их огонь наносил большой урон противнику в первых частных операциях. Но Казакова это не удовлетворяло. Предстояли тяжелые бои с врагом, рвавшимся к Москве. Казаков считал, что в этих боях артиллерия должна сделать гораздо больше, чем принято от нее ожи-

дать. «Противник силен превосходством в танках, — говорил он. — Кто их уничтожит? Артиллерия, причем всякая, а не только противотанковая. Она же должна ослабить наступательные возможности вражеской пехоты. И другое: противник превосходит нас в авиации. Чем преодолеть это превосходство? Артиллерией».

Иногда Казакову возражали:

— У нас и в артиллерии нет превосходства.

— Численного, — парировал Казаков. — Но в умелых руках одно орудие двух стоит. Важно и правильно организовать использование артиллерии.

Большую часть времени Василий Иванович проводил в войсках, по несколько раз побывал не только в каждом артиллерийском полку, но буквально на каждой батарее, и там каким-то присущим лишь ему чутьем находил тех, в чьих руках «одно орудие двух стоит». Бывал он и в стрелковых частях, чего требовал и от других артиллерийских командиров. «Взаимодействие закладывается раньше, до боя», — говорил он.

Возвращаясь в штаб армии, Василий Иванович глубоко анализировал результаты своих поездок. На основе этих анализов он вносил командующему армией предложения по организации и расположению артиллерии, способствующие наиболее эффективному применению артиллерийского огня, максимальному использованию его возможностей. Вспоминая то время, Рокоссовский отмечал: «Мне нравилось, что мои помощники, люди образованные и влюбленные в военное дело, умели отстаивать свое мнение». В ряду этих людей Рокоссовский особо выделял Казакова. «Ценнейшим человеком оказался генерал Василий Иванович Казаков, — писал Рокоссовский. — У генерала были и глубокие знания, и интуиция, и умение работать с людьми. Вот уж кого любили в войсках!»

Кто знает, может быть, Казаков и Рокоссовского увлек своей верой в еще не полностью раскрытые и недостаточно используемые возможности артиллерии. Во многих случаях командующий армией выезжал в войска и на передовую вместе с Казаковым, чаще всего пользовался НП, оборудованными артиллеристами, и каждый раз неизменно интересовался состоянием артиллерии.

В конце июня в армию прибыла батарея «катюш». Казаков хотел было тут же осмотреть это новое и грозное для того времени оружие. Но «катюши» оказались «недо-

трогами»: доступ к ним разрешался только командующему армией и члену Военного совета. Рокоссовский, человек решительный, не терпевший формализма, взял на себя ответственность и не только разрешил Казакову ознакомиться с «катюшами», но и организовать их залп по противнику.

Объектом удара Казаков выбрал Ярцевский вокзал. 64 мины понеслись в расположение врага. Присутствовавшие хорошо видели в воздухе темные снаряды с огненными хвостами. Через несколько десятков секунд послышался грохот, подобный грозным раскатам грома в сильную грозу. Участок обстрела покрылся шапками разрывов. Эффект превзошел все ожидания. Фашисты побежали даже со смежных участков. Наши пехотные части без боя захватили вокзал и находившееся рядом здание школы. Пленные на вопрос, как им понравились «катюши», отвечали односложно, но предельно ясно:

— О-о-о!!!

Вечером за ужином удар «катюш» был предметом оживленных разговоров. Кто-то спросил Казакова:

— Почему их «катюшами» называли? По песне «Катюша», что ли?

— Кто знает, может быть, и не по песне, — ответил Казаков. — Думаю, что это бойцы из обслуги реактивных установок придумали. Марки установок засекречены, но на них стоит клеймо «К» завода «Компрессор». Вот вам и «катюша». Важно же здесь другое: значит, не унывают бойцы, сживаются с войной, всерьез и надолго воевать намерены, если ласковые названия побывшему оружию дают.

Затем разговор перешел на ближайшие перспективы. А они были тревожными. Враг скапливал значительные силы на ярцевском направлении. Отсюда путь вел на Москву.

— В полосе нашей армии противник наиболее вероятно будет наступать на правом фланге, вдоль автодороги Минск — Москва, — сказал Рокоссовский. — Танков у нас мало, в воздухе господствует фашистская авиация. В связи с этим возрастает роль артиллерии, хотя орудий и минометов у нас тоже маловато, даже с учетом подошедших полков резерва Верховного Главнокомандования и еще нескольких батарей «катюш» — их у нас полк. Нужно добиться наиболее эффективного использования огня всей артиллерии в сочетании с огнем пехотного ору-

ния, найти какой-то особый способ своевременного подавления всех важнейших объектов в расположении противника, Что скажете, Василий Иванович?

— Я уже давно обдумываю эту головоломку, — ответил Казаков. — Разрешите завтра доложить конкретные предложения.

Согласно предложенному Казаковым плану на вероятное (подтвержденное разведкой) направление наступления противника была выдвинута вся находившаяся в распоряжении командования армии артиллерия резерва Верховного Главнокомандования — пять полков, значительная часть артиллерии входивших в 16-ю армию дивизий. Таким образом при общем недостатке артиллерии и отсутствии авиации командование 16-й армии получало мощный ударный кулак на главном направлении. Иными словами, речь шла о массировании артиллерии на решающем участке. Но важно было правильно, с наибольшей эффективностью рассчитать удар этого кулака. И здесь Казаков предложил отступить от канонов. Считалось, что артиллерия должна в первую очередь нанести удар по переднему краю расположения врага, разбивать его наступающие войска. Казаков предложил другое решение. Позже он писал: «Поступив против всяких правил, мы решили начинать контрподготовку огнем налетом по вражеской артиллерии и другим объектам, удаленным на 6—8 километров от переднего края. После этого намечалось переносить огонь из глубины по рубежам скачками через 300—400—500 метров и таким образом сближать его с огнем пехотного оружия». Что достигалось этим? Удар по вражеской артиллерии должен был, во-первых, помешать ей разрушать передний край обороны советских войск, во-вторых, дезорганизовать управление и снабжение наступающих частей. А перенесение артиллерийского огня по рубежам из тыла противника к его переднему краю имело целью расстроить боевые порядки наступающих войск и значительно ослабить их еще до подхода к обороне частей 16-й армии.

Так и произошло. На рассвете гитлеровские войска начали наступление на том именно участке, где предполагало командование 16-й армии, то есть вдоль автостроды Москва — Минск. Сразу же открыли огонь все орудия, намеченные планом Казакова для контрартиллерийской подготовки. Благодаря массированию и точности

огонь советской артиллерии оказался для противника неожиданно мощным. Прямой наводкой били противотанковые батареи. «Катюши» целым полком обрушивались залпами на вылезших из окопов вражеских солдат. Губительный шквал артиллерийского огня расстроил, а местами смял наступающие части противника. Дело завершили пехотинцы, плотным огнем встретившие прорвавшихся к переднему краю цепи гитлеровцев. На отдельных участках дело дошло до рукопашных схваток. В полдень бой закончился. Понесся большие потери в людях и технике, противник никакого успеха на ярцевском направлении не добился.

В дальнейшем Казакову довелось руководить артиллерией в крупнейших сражениях с фашистскими агрессорами. Но бой под Ярцевом он запомнил навсегда и охотно вспоминал его. Это был первый и успешный бой, где Василий Иванович смог на практике осуществить свои взгляды на организацию и боевое использование артиллерии.

Удар 16-й армии под Ярцевом оказался настолько сильным, что враг отказался от дальнейших попыток активных действий на этом направлении и стал искать обходные пути. Вскоре согласно приказу штаба Западного фронта участок обороны вместе с войсками был передан 20-й армии, командование и штаб 16-й армии направлены в Вязьму, оттуда они прибыли в Можайск. Находившийся в городе новый командующий Западным фронтом Жуков приказал Рокоссовскому выйти со штабом в район Волоколамска и подчинить себе все части, расположенные на фронте от Московского моря до Рузы. Так начался боевой путь 16-й армии в обновленном составе.

Сразу же была развернута подготовка к упорной обороне. Казакова радовало наличие в армии весьма значительной по тому времени артиллерии: два истребительно-противотанковых артиллерийских полка, два пушечных артиллерийских полка, два дивизиона Московского артиллерийского училища, два полка и три дивизиона «катюш». Верный своему принципу: «техника сильна людьми, которые ею управляют», Казаков с работниками штаба артиллерии объехал все артиллерийские части, изучая их командный состав и боеспособность. Во всех полках и отдельных дивизионах прошли митинги, партийные и комсомольские собрания. На некоторых из них побывал

Казаков. Говорил он о том же, что и все: Москву нужно во что бы то ни стало отстоять. Касаясь чувств и мыслей, которые владели тогда воинами 16-й армии, Казаков писал после войны: «Московское море, Волоколамск, Руза... Все эти дорогие сердцу места становились полем жестокого сражения, до них докатилась война! И совсем, совсем близко Москва! Эта мысль была невыносимо тягостной и заставляла нас действовать решительнее, чем когда-либо. И мы, несмотря на постигшие нас неудачи в начале войны, не сомневались, что не отдадим Москву врагу».

Волоколамское направление! Во время битвы за Москву оно почти ежедневно упоминалось в сводках Советского информационного бюро. Здесь встала насмерть 16-я армия, стяжавшая себе легендарную славу в боях под Москвой. Враг сосредоточил на волоколамском направлении до 20 дивизий и стал готовить их для рывка на Москву.

Положение оборонявшихся было тяжелым. Сколь угодно серьезных естественных препятствий и противотанковых сооружений на рубеже 16-й армии не было. Вся тяжесть и ответственность за противотанковую оборону ложилась на артиллерию. Казаков и его штаб немало потрудились, чтобы артиллерия принесла максимальную пользу в предстоящих боях. Главное, что тревожило Казакова, это растянутость фронта. Той артиллерией, которой располагала армия, нельзя было обеспечить достаточную плотность артиллерийского огня на всем стокилометровом фронте. Было решено массировать артиллерию прежде всего на танкоопасных направлениях и организовать маневрирование ею, с тем чтобы на наиболее важных участках предстоящих боев обеспечивать мощный артиллерийский огонь.

Утром 16 октября войска противника начали наступление, сначала на левом фланге, а затем и по всему фронту. Всюду они несли огромные потери в людях и танках. И всюду успех обороны советских войск во многом обеспечивался массированным разящим артиллерийским огнем. 17 октября гитлеровцы бросили на один из полков 316-й дивизии до ста танков. Им удалось потеснить здесь обороняющихся. Пытаясь развить успех, они усилили натиск, но были встречены стянутой сюда с других участков артиллерией и с большими потерями отошли. На следующий день позиции полка атаковали

150 танков и полк мотопехоты. Стальная лавина была остановлена выдвинутой сюда противотанковой артиллерией, пушечными батареями и «катюшами». Тогда противник почти сразу ввел в бой еще 100 танков. И снова маневр артиллерии спас положение. И так было изо дня в день на всем фронте 16-й армии. Искусное управление артиллерией, мастерство и героизм ее бойцов и командиров делали, казалось бы, невозможное: противник обладал значительным превосходством, в том числе в артиллерии, а практически артиллерия 16-й армии действовала значительно эффективнее вражеской и во многих случаях решала исход непрерывных боев. «Очень многое сделали в эти дни генерал Василий Иванович Казаков и его артиллеристы», — писал Рокоссовский.

Противник настойчиво продолжал натиск. Его командование знало, что за 16-й армией войск, прикрывавших Москву, было мало. Здесь, по Волоколамскому шоссе, оно рассчитывало вырваться к нашей столице и не считалось с потерями. 16-я армия с боями отходила. Ее отступление было хорошо организованным, рассчитанным на выматывание врага, сведением на нет его наступательных возможностей. «...глубоко эшелонированная артиллерийская и противотанковая оборона и хорошо организованное взаимодействие всех родов войск, — отмечал Жуков, — не позволили противнику прорваться через боевые порядки 16-й армии. Медленно, но в полном порядке эта армия отводилась на заранее подготовленные и уже занятые артиллерией рубежи, где вновь ее части упорно дрались, отражая атаки гитлеровцев».

И так было еще долго, мучительно долго. Однажды из Ставки Верховного Главнокомандования сообщили, что гитлеровцы заняли Красную Поляну и устанавливают там дальнобойные орудия для обстрела Кремля. Ставка поставила задачу: артиллерии 16-й армии воспрепятствовать обстрелу Кремля, вывести из строя вражеские дальнобойные орудия в Красной Поляне. Рокоссовский принял иное, максимальное решение: освободить Красную Поляну. Войска скрытно подошли к поселку, и на рассвете на врага, засевшего в Красной Поляне, обрушился мощный огонь орудий и «катюш». Артиллерия противника пыталась было ответить, но огневое превосходство советских войск было бесспорным. Казаков четко и умело спланировал действия артиллерии. Она была активной участницей боя на всем его протяжении. В конце кон-

цов советские танкисты, поддерживаемые артиллерией, ворвались в город, захватив много пленных и техники, в том числе и орудия, предназначавшиеся для обстрела Кремля.

Однако это был частный случай. Тягостное, выматывающее душу отступление продолжалось. «Знаешь, — рассказывал мне впоследствии Казаков, — опущение было такое, будто мы спинами к стенам Москвы прижаты. Еще несколько дней, и отступить было бы нельзя. Но уже чувствовалась близость перемен. К нам стали поступать свежие войска».

Признаки перемен были весьма внушительными. 16-я армия пополнилась значительным количеством войск. Особенно доволен был Казаков. В его распоряжении было более 900 орудий и минометов, 70 установок «катюш». Такой артиллерии в то время не было ни в одной армии, сражавшейся под Москвой.

И наконец пришло долгожданное. 6 декабря командующий 16-й армией Рокоссовский отдал приказ о переходе армии в наступление по всему фронту. Силы бойцов и командиров удесятились. Враг пытался контратаковать. Стоило ему это дорого: потери его были огромными. Особенно успешно действовали «катюши», названные гитлеровцами «пушками смерти». Многие населенные пункты после налетов нашей артиллерии советские войска занимали, не встречая сопротивления. Да и кому было сопротивляться: в населенном пункте Нефедьево было найдено 1000, в Лунево и Владычине — 400 трупов вражеских солдат и офицеров.

Наступление стремительно нарастало. Руководя артиллерией армии, Казаков, как и в оборонительных боях, на практике убеждался в правоте того, о чем еще до войны говорил Воронов, что он сам вынашивал в себе в предвоенные годы: артиллерию можно и нужно более эффективно использовать на всем протяжении боев — оборонительных и наступательных, на всех их стадиях. Однако «развернуться во всю ширь» Казаков еще не мог. Не было опыта организации полного, всеохватывающего использования артиллерии, он только приобретался, а главное, не хватало самой артиллерии, особенно боеприпасов к ней. Сейчас в это трудно поверить, но факт: в разгар наступления под Москвой были установлены нормы расхода артиллерийских боеприпасов, нередко менее десяти выстрелов на орудие в сутки. Как искусно

нужно было организовать использование артиллерии, сколько мастерства требовалось от артиллеристов, чтобы в условиях столь острого снарядового голода обеспечивать эффективность огня, да еще в наступлении!

Во второй половине января 1942 года штаб 16-й армии без войск перебросили под Сухиничи, где он должен был принять под свое командование часть войск 10-й армии. Здесь произошел довольно лестный для командования 16-й армии случай: гитлеровцы внезапно оставили свои позиции и отошли на семь-восемь километров. Казалось, в действиях противника не было смысла. Но позже выяснилось, что до гитлеровцев дошел слух о прибытии под Сухиничи 16-й армии. Имя ее командующего уже приобрело у командования противника достаточную известность, и оно сочло за благо вывести свои войска на более подготовленный рубеж.

Вскоре после взятия Сухиничей — 8 марта случилась беда: во время артобстрела города, прямо в помещении штаба армии, осколком снаряда был тяжело ранен Рокоссовский. К счастью, усилия врачей быстро принесли плоды, и в конце мая Константин Константинович вернулся в родную армию. Но радоваться его возвращению пришлось недолго. В июне Рокоссовский был назначен командующим Брянским фронтом. Казаков гордился выдвижением своего боевого командира. Однако расставаться с ним Василию Ивановичу было тяжело. Он искренне полюбил Рокоссовского и, как позже признавался, опасался, что новый командующий армией не будет так вникать в нужды артиллерии, так смело поддерживать его, Казакова, начинания, как это делал Рокоссовский.

Однако и Рокоссовский был не менее привязан к своим боевым помощникам. Вскоре он позвонил в 16-ю армию и предложил начальнику штаба Малинину и Казакову продолжать воевать вместе. Нужно ли говорить, как обрадовались друзья! Но судьбы военные стремительны и переменчивы. Не успел Малинин стать начальником штаба, а Казаков начальником артиллерии Брянского фронта, как через два с половиной месяца они вместе с Рокоссовским были откомандированы на Донской фронт: Рокоссовский — командующим, Малинин — начальником штаба, Казаков — начальником артиллерии фронта.

Первые впечатления на Донском фронте ошеломили Казакова. В составе фронта действовало 102 артиллерий-

ских и минометных полка, в том числе 50 полков резерва Верховного Главнокомандования, из них 13 зенитных артиллерийских полков. Всего на фронте насчитывалось около 3 тысяч орудий и минометов, 218 установок «капюш». С такой машиной Казакову еще не приходилось иметь дело. Управлять ею без хорошего, возглавляемого опытными энергичными работниками штаба было бы невозможно. А со штабом артиллерии дело поначалу складывалось очень плохо. Незадолго до приезда Казакова на фронте побывали по поручению Ставки Верховного Главнокомандования Жуков, Василевский и Воронов. У них сложилось неблагоприятное мнение о некоторых работниках штаба артиллерии и артиллерийских начальниках фронта. «Снимать их надо», — сказал Рокоссовский, встретившись с Казаковым. Но Василий Иванович, находясь под впечатлением объемов предстоящей работы, попросил не спешить. «Начальство здесь было наездом, могло не вникнуть во все, а обстановка нервная, — сказал он. — Я хочу сам разобраться в людях». Командующий фронтом не возражал.

Самому разобраться в людях! Эта черта, всегда свойственная Казакову, явилась важнейшим принципом его деятельности, когда он стал занимать высокие посты в Вооруженных Силах. Казаков познакомился со своими будущими помощниками, присмотрелся к их работе и пришел к выводу, что все они способные, добросовестные работники. Позже он писал о начальнике штаба артиллерии Донского фронта Г. С. Надысеве: «Георгий Семенович сколотил впоследствии великолепный штаб артиллерии, завоевавший признание в войсках».

В октябре началась подготовка наступательной операции, целью которой было окружение группировки вражеских войск под Сталинградом. Получив свою задачу в этой операции, командование Донского фронта разработало конкретный план подготовительных мероприятий. Им предусматривалась перегруппировка артиллерии и обеспечение ее боеприпасами. Нужно было переместить и определить в намеченных местах артиллерийские соединения и части, и сделать это скрытно от противника.

В это напряженное время Казаков и работники штаба артиллерии постоянно находились в войсках. Дело двигалось, но трудности встречались невероятные. Шли дожди, непрерывно дули сильные степные ветры. Дороги были разбиты, тягачей не хватало, корм лошадям подво-

зился с перебоями. Объехав несколько колонн, Надысев доложил:

— Плохо, очень плохо с конной тягой. Лошади голодны, едва плетутся.

— А люди? Люди как переносят невзгоды? — спросил Казаков.

Надысев с восторгом рассказал, что, когда он подошел к группе бойцов и спросил о настроении, какой-то балагур, выглянув из-под капюшона плаща, весело ответил:

— Настроение у нас подходящее. Вот только коняг жалко. Не приучены они у нас без овса и сена обходиться, вот и скучают. А нам что, нас ветрюгой не проймешь, мы двужильные!

Другой боец добавил:

— Нам бы только до фрица добраться. Тогда и сами согреемся, и ему жару дадим.

Казаков не выразил, однако, удовлетворения услышанным.

— Это хорошо, что настроение подходящее... Но нам-то с вами надо подумать, как сделать, чтобы они на первом же привале смогли обогреться и поесть, — жестко сказал Василий Иванович.

С изумительной самоотверженностью бойцов и командиров он сталкивался повсюду ежедневно и ежечасно. Именно потому и строже относился к себе как начальнику и к своим помощникам, требуя, чтобы при всех неотложных заботах в центре внимания всегда находился солдат. Люди работали, не зная сна и отдыха. Казавшиеся неутомимыми, водители почти сутками не отрывались от баранок и по трудным дорогам в любую погоду доставляли к фронту сотни и тысячи тонн грузов. Чтобы читатель мог хоть приблизительно представить себе труд работников артиллерийского тыла, необходимо привести несколько цифр. Для подвоза только одного боевого комплекта снарядов и мин для всей артиллерии фронта требовалось более пяти тысяч полутоннажных автомашин. А к началу операции нужно было подвезти до трех боевых комплектов — около трех миллионов снарядов и мин. Иной неискушенный читатель спросит: а что три миллиона снарядов — это очень много? Убедительным ответом на этот вопрос может служить следующее сравнение: это чуть меньше половины снарядов всех калибров, которыми располагала Россия, вступая в первую мировую войну.

Посещая войска, Казаков часто бывал у меня, в 65-й армии, командующим которой я незадолго до того был назначен. В первую нашу встречу, когда я прибыл на Донской фронт, разговор у нас получился таким, каким он обычно бывает после долгой разлуки друзей, — сбивчивым, несобранным. Перескакивая с события на событие и перебивая друг друга, мы быстро поделились пережитым за время разлуки, обменялись мыслями о сегодняшних делах. Василий Иванович казался прежним, но прежнее — его отношение к роли артиллерии в войне, взгляды на ее организацию и боевое применение — как бы раздвинулось в масштабах. По всему было видно, что огромная ответственность, сложные обязанности начальника артиллерии фронта по плечу моему другу, больше того, что именно теперь он в своей стихии. Это мое впечатление укрепилось в последующие приезды Василия Ивановича в нашу армию. И еще одно ценное, на мой взгляд, наблюдение: широкие масштабы обязанностей командующего артиллерией фронта не отдалили Казакова от, казалось, мелких теперь для него дел. Его можно было видеть не только в артиллерийских соединениях и частях, а и в дивизионах и на батареях, беседующим с крупными начальниками и с рядовыми бойцами. В большинстве случаев он всегда выносил из своих поездок в войска что-нибудь общее для всех.

— Ориентируй своих артиллеристов на огонь прямой наводкой, — сказал он мне как-то. — Я таких мастеров этого дела узнал. Бьют как снайперы. Для ликвидации неподавленных огневых точек противника во время наступления прямая наводка — эффективнейшее дело.

Убедившись в полезности чего-либо, Казаков настойчиво внедрял его в масштабах всего фронта. Так было и со стрельбой прямой наводкой. Он не жалел времени для бесед с командирами, бойцами батарей, доказывая им необходимость и важность этого способа применения артиллерии. И таким уж был Василий Иванович — умел заражать людей своими идеями. Не знаю, как обстояло дело в других армиях фронта, а в нашей 65-й армии стрельба прямой наводкой широко применялась.

Чем ближе подходил предусмотренный планом момент начала операции, тем чаще Казаков бывал в нашей армии, так как именно ей предстояло нанести основной удар. И право, дела в армии он знал не хуже, чем я — ее командующий. С помощью Казакова было много сде-

лано для обеспечения высокой эффективности артиллерийского огня нашей армии в момент начала наступления.

И вот настало раннее утро 19 ноября — на этот день было намечено начало операции. Погода была крайне неблагоприятной. Над землей висел густой туман. За двадцать минут до начала артиллерийской подготовки на командный пункт 65-й армии прибыл Рокоссовский. Его сопровождали Казаков, командующий 16-й воздушной армией С. И. Руденко и другие начальники, а также штабные работники. Когда все расположились и я доложил о готовности армии начать наступление, Руденко сокрушенно сказал:

— Погода нелетная, авиация действовать не может.

— Что же, — ответил Рокоссовский. — Успех прорыва вражеской обороны теперь в гораздо большей степени будет зависеть от артиллерии, от ее организованности, мощности и точности огня. Артиллерийскую подготовку начать в назначенное время.

Чтобы добиться одновременного открытия огня всей имеющейся артиллерией, были введены некоторые неуставные команды, которые затем применялись до конца войны. За пять минут до начала артиллерийской подготовки была подана команда: «Оперативно!», означавшая прекращение переговоров по всем линиям связи. Затем последовала команда: «Зарядить!», за ней другая команда: «Натянуть шнуры!»

Это был волнующий момент. Тысячи расчетов застыли у орудий, ожидая конечной команды «Огонь!». За двадцать секунд до назначенного времени прозвучала и эта команда. Ее тут же продублировали взмывшие в небо ракеты. Ровно в 7 часов 30 минут тихое туманное утро было потрясено гигантским ураганом артиллерийского огня. Никто из нас до этого не был свидетелем артиллерийской подготовки такой силы. Воздух и земля содрогались от грохота многих тысяч выстрелов и вторивших им разрывов. И было от чего содрогаться: во время первого огневого налета каждую минуту производилось по пять-шесть тысяч выстрелов.

С наблюдательного пункта было видно, как наша артиллерия перепыхивала оборону противника. В воздух взлетали столбы пыли и земли, обломки наблюдательных пунктов, блиндажей и землянок. Все мы как замороженные смотрели на эту феерическую картину. Подойдя ко

мне, Казаков с восторгом сказал: «Можно представить, что делается на соседнем фронте, там артиллерии намного больше, чем у нас».

Да, это было торжество артиллерии, ее мощи! И право, много дня для установления праздника — День артиллерии выбрать было нельзя. Им и стало 19 ноября. Но тогда, конечно, никто из нас об этом и не думал.

Уже к середине артиллерийской подготовки многие подразделения противника начали покидать окопы и блиндажи, ища спасения в глубине своей обороны. В 8 часов 50 минут в атаку пошла пехота. Первую линию вражеской обороны, значительно разрушенную артиллерийской подготовкой, она взяла с ходу. Однако отошедшие части противника закрепились на заранее подготовленном рубеже. Вновь в дело была пущена артиллерия. Тяжелые орудия поражали противника с закрытых позиций. Большое количество других орудий было выдвинуто в боевые порядки пехоты. Артиллеристы крушили врага в упор.

— Вот она, прямая наводка! Видишь итоги? Каково? А? — восхищенно говорил мне Казаков. — Обязательно нужно еще шире популяризировать это дело.

Наступление продолжалось и на следующий и в последующие дни. Погода не улучшалась, авиация действовать не могла, и вся тяжесть огневой поддержки пехоты лежала на артиллерии. Она крушила оборону врага мощными огневыми налетами.

И так было каждый день во всех армиях Донского фронта, пока, наконец, вражеская группировка в районе Сталинграда не была окружена и стянута силами трех фронтов.

В ноябрьских боях артиллерия Донского фронта сыграла огромную роль. Но как по достоинству оценить масштабы и результативность ее действий? Вот некоторые данные, составленные в свое время самим Казаковым. За 12 дней наступления артиллерия Донского фронта выпустила свыше полумиллиона снарядов и мин. Это более 5,5 тысячи тонн металла и взрывчатого вещества. Если бы такое количество боеприпасов было подвезено одним рейсом, то потребовалось бы около 14 тысяч полутоннажных автомобилей — такая автоколонна растянулась бы на 400 километров.

Только учтенные прямые потери противника от артиллерии Донского фронта составили 1300 различных

уничтоженных целей, в том числе 570 дзотов и блиндажей, 50 артиллерийских и минометных батарей, 370 пулеметов, 125 самолетов, большое количество живой силы. Но цифры эти весьма и весьма приблизительны. И вообще для оценки действий артиллерии существенны не только физические, материальные результаты. Артиллерия срывала или значительно ослабляла подготовку вражеских атак. Здесь важен прежде всего сам срыв атак, а какие потери понес при этом враг, в большинстве случаев и установить не удастся. Артиллерия производила так называемые дальние огневые нападения. Она наносила удары по дорогам и мостам, движущимся по ним колоннам войск. Прямой результат этих нападений установить вообще невозможно. Но вражеские резервы подходили к передовой с запозданием и изрядно потрепанными — значит, дальние огневые налеты нашей артиллерии были успешными.

С середины декабря началась подготовка к уничтожению окруженной под Сталинградом группировки противника. На этот раз основная роль в этой операции была возложена на Донской фронт, который усиленно пополнялся войсками и техникой. К 10 января на фронте имелось более 120 артиллерийских полков — около 7,5 тысячи орудий и минометов. Резко возросло количество «катюш», появились и их братья — «андрюши», посылавшие на голову противника тяжелые 300-миллиметровые мины.

Сообщив в один из приездов ко мне эти цифры, Казаков взволнованно сказал:

— Всю эту огромную разнокалиберную армаду артиллерии и минометов нужно в кратчайший срок подготовить к гигантскому сражению, организовать четкое управление ею в бою.

— Нужно, нужно, Василий Иванович. Тебя что, масштабы смущают? — спросил я.

— Немножко. Но я сейчас в себя верю, — убежденно сказал Казаков. — Не будь за моими плечами опыта командования артиллерией 16-й армии в сражении под Москвой и аттестата зрелости, полученного в ноябре 1942 года на Донском фронте, то я, может быть, и смущался бы. А ты, ты не смущен? Твоя армия тоже махиной стала.

— А я, как ты, — ответил я. — Вместе ведь аттестат зрелости получали.

В период подготовки операции Казаков часто бывал в нашей армии, и я видел: по плечу, в полной мере по плечу ему эта, как он говорил, огромная артиллерийская армада. Я любовался Казаковым. Работал он не просто хорошо и увлеченно, а, я бы сказал, творчески. Об этом говорили и поступавшие из штаба артиллерии фронта указания. Кое-кто считал, что Казаков обременяет штабы армий документами. Но большинство придерживалось иного мнения. Не во всех штабах соединений и частей имелись нужные наставления, да и они во многом устарели. Между тем ход военных действий, количественный и качественный рост артиллерии выдвигали все новые и новые проблемы, раскрывали новые перспективы в использовании артиллерийского огня. И можно без преувеличения сказать, что штаб артиллерии Донского фронта представлял собой не только орган управления, но и своеобразную научную лабораторию, где под руководством Казакова непрерывно велась большая творческая работа. Мне особенно запомнились поступившие к нам в середине декабря указания штаба артиллерии фронта об использовании артиллерии в армейских наступательных операциях.

О том, насколько прав был Казаков в своем стремлении осмысливать происходящие перемены и делать из этого необходимые практические выводы, можно судить по такому примеру. Где-то в конце декабря Василий Иванович приехал ко мне очень взволнованным. Оказалось, что в штаб фронта прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования начальник артиллерии Советской Армии Воронов. К этому времени Казаков со своим штабом заканчивал разработку плана артиллерийской подготовки в предстоящей операции. Двое прибывших с Вороновым генералов потребовали изменить график артиллерийской подготовки с 55 минут, как планировал Казаков, до 2 часов 30 минут. Расход же боеприпасов они оставляли прежним.

— Что же получается? — возмущенно говорил Казаков. — Я хочу противника сбить с ног одним сокрушительным ударом увесистого кулака, а они предлагают тратить два с половиной часа на слабые пощечины, от которых можно быстро оправиться!

— Но ведь тут Воронов, можно сказать, твой учитель, — ответил я.

— То-то и оно, — волновался Василий Иванович. —

Ведь наш план на его же идеях построен! Ничего не понимаю. А эти генералы? Так, как они предлагают, в первую мировую войну воевали. Но тогда артиллерии было мало. А сейчас ее у нас уйма и качество ее другое. Эти генералы в плену старых представлений. Знаешь, пойду к Рокоссовскому, да и самому Воронову скажу все, что думаю!

Через несколько дней Казаков вновь приехал ко мне, на этот раз просветленный, еще более энергичный.

— Был у Рокоссовского, вместе с ним ходил к Воронову, — сказал он. — Оказалось, генералы-то без ведома Воронова действовали. Словом, Воронов одобрил наш план. Давай работать. У тебя же главное направление. Здесь, брат, такой кулачище артиллерийский поработает, какого еще никто не видел.

Да, нашей 65-й армии предстояло действовать на главном направлении, на ее плечи ложилась основная тяжесть предстоящей операции. В полосе нашей армии на каждый километр фронта приходилось по 135 орудий и минометов, а в районах намечавшегося прорыва еще больше: до 200 стволов на километр. В других армиях плотность артиллерии была много меньше. Нам нужно было выполнить большую и сложную работу по планированию артиллерийского огня. К тому же в нашей армии впервые было решено осуществить поддержку атаки пехоты и танков артиллерийским огнем валом. Об этом методе было известно и до войны. Но пока он еще не применялся: дело это было сложным и требовало много артиллерии и снарядов. Сложностей мы не боялись, а артиллерии и боеприпасов у нас теперь было достаточно.

Видимо, неискушенному читателю нужно объяснить, в чем заключался этот метод. Суть его состояла в том, что с началом атаки пехота и танки ведут наступление, имея перед собой надежную завесу артиллерийского огня. Последовательно перемещаясь, эта завеса как бы ведет пехоту и танки за собой, прикрывая ее от огня и контратак противника.

Чтобы этот весьма эффективный метод дал желаемые результаты, требовалась идеальнейшая организованность, нужно было обучить артиллеристов вовремя переносить огонь по сигналам, а пехоту двигаться вслед за огнем валом, не боясь осколков снарядов. Словом, нужна была, говоря современным языком, четкая синхронность орга-

низации артиллерийского огня, действий артиллеристов и пехоты с танками. Всему этому мы обучались, не жалея сил и времени. Казаков и работники его штаба провели большую работу в стрелковых частях, показывая, как нужно наступать за огненным валом.

Казаков и его штаб умело организовали перегруппировку и сосредоточение артиллерии. Производилась перегруппировка лишь по ночам с соблюдением всех мер маскировки. За пять дней до начала операции штаб Казакова организовал круглосуточный методический обстрел глубины вражеской обороны артиллерией всех армий фронта. Делалось это и для изнурения противника, и для его обмана, чтобы скрыть направление главного удара наших войск.

Наконец наступило долгожданное 10 января 1943 года. В 7 часов 30 минут на мой командный пункт прибыли командующий фронтом Рокоссовский, представитель Ставки Верховного Главнокомандования Воронов, командующие и начальники родов войск.

Улучив момент, Василий Иванович сказал мне что-то ободряющее и на мой изумленный взгляд добавил: «Знаю, знаю, что все в порядке. Я так — от волнения». Это тоже было в казаковском характере — хоть как-нибудь, если нельзя иначе, то морально помочь тому, на ком в данный момент больше обязанностей и ответственности. Я весь отдался последним перед началом операции хлопотным делам. Рокоссовский и Воронов стояли в стороне, стараясь не стеснять мои действия. Краем уха я услышал, как Казаков, видимо отвечая на вопрос, сказал Воронову: «Конечно. Тут прямо по философии — количество дает новое качество. Плюс еще внезапность удара. Батов сделал все для хорошей артподготовки. Она перепахает вражескую оборону».

В 7 часов 50 минут по моей команде по сотням телефонных проводов понеслось: «Оперативно! Сверить часы!», затем через паузу: «Натянуть шнуры!», и еще через паузу: «Огонь!» Ровно в 8 часов 5 минут раздался одновременный залп тысяч орудий. Расположение противника покрылось сплошной завесой дыма и огня. Казалось, там клокотал какой-то фантастический, огромной силы смерч. Такого мощного огня артиллерии никому из присутствовавших еще не приходилось наблюдать. Воронов, который бывал на многих фронтах и наблюдал там артиллерийскую подготовку, после первого же огневого

залпа сказал: «Я еще никогда не видел такого мощного и организованного артиллерийского огня».

Казаков с разрешения Рокоссовского, взяв с собой начальников отделов своего штаба, перешел на ближайший дивизионный наблюдательный пункт, откуда был еще лучше виден ход артиллерийской подготовки. Это было в манере Василия Ивановича. Созерцать редкое и весьма эффектное зрелище во время артиллерийских подготовок он позволял себе и своим работникам недолго. Затем началась работа, которой Казаков придавал большое значение: вместе со своими помощниками он метко подмечал все удачи и промахи в организации артиллерийского огня. Все эти наблюдения затем «переваривались» и давали весьма ценный материал для последующих разборов итогов той или иной операции, для предотвращения ошибок в будущем и обобщения положительного опыта.

Ровно 55 минут беспрерывно бушевал артиллерийский огонь, вспахивая оборону противника на глубину 4—5 и даже больше километров. Орудийные расчеты работали с огромным напряжением. Артиллеристы сбрасывали с себя полушубки и шинели, несмотря на мороз, у них на гимнастерках выступала соль, а лица покрывались потом.

В последние секунды канонады стали выдвигаться в исходное положение для атаки танки. Наконец, последний залп перед атакой произвели «катюши». Тут же рванулись вперед танки, из траншей с раскатистым «ура!» выскочили пехотинцы. Стена артиллерийского огня переместилась с переднего края на 200 метров в глубину вражеской обороны. Артиллерия начала поддержку атаки огненным валом. В это время наша авиация волнами по 9—12 самолетов стала бомбить штабы, аэродромы и скопления войск окруженной группировки фашистских войск.

С большим или меньшим успехом наступали и все другие армии Донского фронта. И всюду врага крушил мощный артиллерийский огонь. Только в первый день наступления артиллерия фронта выпустила около 350 тысяч снарядов и мин. Ее огнем было уничтожено более 100 орудий и минометов, более 200 пулеметов, разрушено 300 дзотов и блиндажей. Эти подсчеты, собранные штабом артиллерии фронта, разумеется, неточны (было не до подсчетов). Но главный итог действий артиллерии состоял в том, что она взломала вражескую оборону, зна-

чительно ослабила способность войск противника к сопротивлению, обеспечила успех атак пехоты и танков.

Наступление продолжалось. Как и для всех нас, для артиллеристов с их командующим Казаковым настало страдное время. Они организовывали управление артиллерией на новых рубежах, что по мере успеха наступления нужно было делать неоднократно, добивались бесперебойного поступления боеприпасов и горючего, а главное (это всегда отличало деятельность Казакова), производили перегруппировки и концентрацию артиллерии, чем обеспечивали высокую мощность и эффективность артиллерийского и минометного огня на наиболее важных участках боев.

31 января штаб окруженной в районе Сталинграда вражеской группировки капитулировал. Но северная часть этой группировки, не имевшая связи со своим штабом, продолжала сопротивляться. Рокоссовский предложил плененному фельдмаршалу Паулюсу отдать приказ командующему этой частью войск прекратить бессмысленное сопротивление, влекшее за собой верную гибель многих тысяч немецких солдат и офицеров. Сославшись на то, что пленный фельдмаршал отдавать приказы войскам не имеет права, Паулюс отказался это сделать. Отказался он и послать командующему сопротивлявшимся войскам личное письмо.

Убедившись в безнадежности попыток кончить дело без кровопролития, Рокоссовский приказал с 1 февраля возобновить наступление. Главный удар вновь предстояло нанести силами нашей 65-й армии. Командование фронта значительно усилило нас артиллерией. Ее плотность на нашем шестикилометровом фронте составляла более 170 орудий и минометов на километр. На участке же 27-й гвардейской стрелковой дивизии плотность артиллерии была доведена до небывалых для того времени размеров: 338 орудий и минометов на километр.

Утром 1 февраля на командном пункте нашей армии вновь собрались Рокоссовский, Воронов, командующие и начальники родов войск фронта. Казаков сиял. «Знаешь, впервые выспался как следует», — объяснил он мне свое приподнятое настроение. Но было видно: его радовал созданный для разгрома остатков противника артиллерийский кулак.

Ровно в 8 часов 30 минут одновременно на врага обрушился огонь тысяч орудий, минометов и «катюш».

Земля дрожала так, что наблюдать за расположением противника в бинокль было невозможно: все плясало перед объективом. После трех-пяти минут такого огня из блиндажей и подвалов, из-под танков начали выскакивать гитлеровцы. Одни бежали куда глаза глядят, другие, обезумев, становились на колени и вздымали руки к небу. Некоторые метались, бросаясь обратно в укрытия, и снова выскакивали из них.

15 минут длился артиллерийский налет, и этого оказалось вполне достаточно. Как только прекратилась огненная буря, тысячи вражеских солдат потянулись сдаваться в плен. Они в один голос заявляли, что их пленила артиллерия. А один из первых допрошенных пленных, находившийся под воздействием только что пережитого ужаса, сказал, что во время огневого налета «целые батальоны опускались на колени и молились богу, прося спасения от огня русской артиллерии».

Хотя бои еще не везде окончились, стало ясно, что окруженный враг полностью разбит. Все горячо поздравляло друг друга. Артиллеристы — генералы, офицеры, солдаты оказались героями дня. Однако на радости война времени выделяла мало. Штабу Донского фронта было приказано прибыть в Елец для формирования нового, Центрального фронта. На вновь образуемый фронт направлялась и наша 65-я армия.

Перед отъездом, встретив в штабе фронта Казакова, я поздравил его с особыми заслугами артиллерии в наступлении советских войск под Сталинградом и уничтожении окруженной вражеской группировки. Василий Иванович отшутился: «Самые увесистые артиллерийские кулаки в твоей армии готовились. Так что и себя поздравляй». Но не один я поздравлял Казакова. Авторитет его в войсках в то время поднялся исключительно высоко. Позже, уже после войны, Рокоссовский писал: «Большая роль в операции отводилась артиллерии, поэтому основное внимание было уделено тщательной отработке всех вопросов ее применения и взаимодействия с пехотой и танками. Этими вопросами в основном занимались командующий артиллерией фронта В. И. Казаков и его аппарат. А знания и накопленный опыт у них был достаточный, поэтому у меня не было сомнений, что артиллерия будет использована правильно и сделает все возможное».

Еще шире и многостороннее была применена артил-

герия в грандиозной Курской битве, в которой Центральному фронту выпала ведущая роль.

Задолго до начала сражения штаб артиллерии фронта во главе с Казаковым развернул широкие работы: необходимо было создать противотанковую оборону. Штаб разработал детальный план, реализация которого должна была превратить линию обороны войск фронта в неодолимую преграду для вражеских танков.

Творческая мысль Казакова и его помощников расцвела в этом плане новыми красками. Ведь речь шла о борьбе с армадами танков, в том числе с только что поступившими на вооружение гитлеровской армии «тиграми». Планом предусматривалось максимальное использование для поражения танков противника абсолютно всей артиллерии, в том числе и зенитной (опыт применения зенитной артиллерии против танков уже имелся), минометов различных систем и «катюш», всестороннее взаимодействие артиллерии с другими средствами противотанковой обороны.

Работая над планом и воплощая его, Казаков добивался, чтобы командиры всех степеней до мелочей уяснили конкретные задачи, свое место и роль в осуществлении намеченного. С не меньшей настойчивостью добивался он, чтобы каждый солдат-артиллерист и минометчик «хорошо знал свой маневр». Штаб артиллерии фронта разработал детальные указания армиям и артиллерийским соединениям, как организовать противотанковую оборону, разработал и памятки для командиров дивизионов и батарей, в которых подробно говорилось, какие места вражеских танков наиболее уязвимы для различных калибров орудий, говорилось и о тактике действий артиллерийских подразделений при отражении танковых атак.

Казаков и офицеры его штаба постоянно находились в войсках, непосредственно на местах помогали реализовать намеченный план. С их участием создавались противотанковые опорные пункты, производилось их объединение в противотанковые районы, отработывались вопросы взаимодействия и управления артиллерийскими частями и соединениями.

Казакова часто можно было видеть на партийных и комсомольских собраниях. Говорил он страстно и убедительно, не скрывая предстоящих тяжелых испытаний. Однажды на одном из совещаний кто-то выразил сомнение: не слишком ли много говорится личному составу о

вражеских танках, особенно о «тиграх», не вызовет ли это «танкобоязнь». Казаков решительно возразил:

— «Танкобоязнь» обязательно появится, если будем скрывать правду, если морально не подготовим людей к тяжелым испытаниям. Нужно правдиво рассказать личному составу о силе вражеских войск, о тяжелых танках, которыми теперь располагает противник. Хуже будет, если все это явится для людей неожиданностью, тогда действительно до морального надлома, до «танкобоязни» недалеко. Вместе с тем мы должны разъяснить людям, что «тигр» не страшен, когда против него выступает стойкий советский воин, у которого в руках сильное оружие.

Эту мысль Казаков настойчиво проводил в своих выступлениях перед личным составом, требовал, чтобы его помощники и все другие офицеры-артиллеристы находили время для таких выступлений, для воспитания у личного состава стойкости и осознанной уверенности в своих силах.

А для такой уверенности в своих возможностях у личного состава были весьма весомые материальные основания. Всего на фронте к началу июня насчитывалось около 11,5 тысячи орудий, минометов и «катюш». Только для ствольной артиллерии фронта один боевой комплект боеприпасов составлял около 1 миллиона 200 тысяч снарядов и мин. Конечно, далеко не все знали эти данные, но все видели, что артиллерии и другого вооружения на фронте много и количество его все время увеличивается. Поэтому каждый солдат понимал, что силу врага есть чем сломить.

Разработав план противотанковой обороны и подготовив его реализацию, Казаков и его штаб приступили к планированию боевых действий артиллерии в предстоящем оборонительном сражении. Сразу же разгорелись споры о главном объекте артиллерийской контрподготовки. Смысл ее заключался в том, чтобы, упредив наступление противника, нанести мощный артиллерийский удар по его главной группировке и тем самым сорвать или, по крайней мере, дезорганизовать, ослабить его наступление. Но что должно быть главным объектом поражения в артиллерийской контрподготовке? Многие считали, что прежде всего пехота и танки противника: ведь именно они будут атаковать наши позиции, их и нужно подавлять. На первый взгляд в этом был резон. Но Казаков и его штаб выдвинули свои доводы.

— Без мощной артиллерийской и авиационной подготовки противник не будет наступать на заранее подготовленную оборону. Это ясно, — говорил Казаков. — Следовательно, чтобы сорвать атаку врага, нужно до того, как он начнет артиллерийскую и авиационную подготовку, подавить его артиллерию и авиацию. В итоге мы не допустим разрушения своей обороны. А наступление на подготовленную и неразрушенную оборону — гибель для противника. Поэтому я предлагаю отойти от требований уставов и в первую очередь задавить артиллерию врага, без которой он не сможет успешно наступать.

Спорили много и долго, но большинство согласилось с доводами Казакова. Изучив различные точки зрения, командующий фронтом Рокоссовский одобрил предложения Казакова. Было решено под огневой удар взять все выявленные к началу артиллерийской подготовки скопления танков и пехоты противника, командные и наблюдательные пункты. Но основную мощь удара сосредоточить на вражеской артиллерии, тем более что ее расположение было вскрыто нашей разведкой достаточно полно.

Чрезвычайно важный фактор, определяющий успех артиллерийской контрподготовки, — выбор времени ее проведения. Необходимо упредить наступление противника не за день-два и даже не за несколько часов, а буквально за несколько десятков минут, чтобы огонь артиллерии обрушился на уже изготовленные к атаке войска. Поэтому Казаков, что говорится, «не слезал» с разведчиков.

2 июля Ставка Верховного Главнокомандования предупредила командование фронта, что наступления противника следует ожидать между 3 и 5 июля. Фронтная разведка уточнила: гитлеровцы перейдут в наступление в 3 часа ночи 5 июля. В войска понеслись соответствующие распоряжения. Весь фронт насторожился в ожидании жестокой схватки с врагом.

По приказу Рокоссовского за 20 минут до начала вражеской артиллерийской подготовки Казаков передал в штаб артиллерии фронта указание начать контрподготовку. В считанные минуты команда дошла до каждой батареи. Ровно в 2 часа 20 минут залп орудий минометов и «катюш» потряс предрассветную тишину. Центральный фронт начал грандиозное сражение на Курской дуге.

30 минут непрерывно громила наша артиллерия вражеские батареи, командные пункты, скопления живой силы и танков. Израсходовав 50 тысяч снарядов и мин, она

так же внезапно умолкла. Наступило напряженное ожидание. Ведь через 10 минут противник должен начать свою артиллерийскую подготовку. Начнется ли она теперь вовремя? И какой она будет? Через 10 и через 20 минут, и далее все было тихо. Лишь в 4 часа 30 минут, то есть с запозданием на полтора часа, противник начал артиллерийскую подготовку своего наступления. Не будет преувеличением сказать, что начало ее было жалким: в первые минуты огонь вели лишь несколько батарей, затем он стал нарастать. В 4 часа 35 минут по приказу Рокоссовского была повторена артиллерийская контрподготовка вновь по всей запланированной полосе. На этот раз в ней участвовало уже более тысячи артиллерийских систем.

Артиллерийские контрподготовки, проведенные нашими — Центральным и соседним — Воронежским фронтами, оказали свое влияние на весь дальнейший ход Курской битвы. Как известно, на третий день после начала сражения Геббельс заявил, будто советские войска с самого начала наступали, а немецкие лишь оборонялись. Но это была его очередная пропагандистская утка. Нужно же было как-то оправдаться: Гитлер обещал решающую победу, а тут такой конфуз — все пошло совсем не так, как планировало гитлеровское командование, сила подготовленного им удара была значительно ослаблена еще до начала наступления фашистских войск, и сделала это советская артиллерия.

К пяти часам гитлеровцам наконец удалось организовать артиллерийскую и авиационную подготовку, вслед за которой их войска перешли в наступление. Но нанесенный советской артиллерией мощный опережающий удар продолжал сказываться во всем: он обеспечил целостность нашей обороны, дал возможность советскому командованию сохранить управление войсками во всех звеньях. Вместо нанесения ударов по коммуникациям и командным пунктам советских войск вражеская авиация была вынуждена по возможности решать задачи своей значительно ослабленной и понесшей большие потери артиллерии.

Не считаясь с огромными потерями, гитлеровское командование вводило в сражение все новые и новые войска. Их главной ударной силой были танки. Особые надежды противник возлагал на новые тяжелые танки «тигры» и «фердинанды». Подобные небольшим движу-

щимся и изрыгающим огонь крепостям, они казались несокрушимыми. Но и этим грозным машинам не удалось с ходу преодолеть заранее подготовленную противотанковую оборону советских войск. Наталкиваясь на упорное огневое сопротивление, в котором ведущая роль принадлежала артиллерии, фашистские танки отказывались от лобовых атак, метались из одного района в другой, чтобы найти слабое место в нашей обороне. Но тщетно: огневые заслоны встречали их всюду.

Казаков и работники его штаба все время находились в войсках и лишь по ночам собирались вместе, анализировали обстановку, выработывали различные документы о дальнейших действиях артиллерии. Потребовался бы многостраничный труд, чтобы осветить весь круг вопросов, которые в ходе войны, особенно во время крупных сражений, приходилось решать начальнику артиллерии фронта и его штабу. На одном из них я все же остановлюсь. Тем более что в решении его Казаков был подлинным мастером. Это широкий маневр артиллерийских средств. Ведь можно иметь в достатке и артиллерийские системы различного назначения, и боеприпасы к ним, а эффективность использования артиллерии будет низкой. И, наоборот, с меньшими артиллерийскими средствами можно добиться высоких результатов. Весьма важно, чтобы артиллерия вовремя оказывалась там, где она наиболее нужна, чтобы именно там, где решался успех боя или сражения, было обеспечено максимальное массирование и сосредоточение артиллерийского огня.

В условиях Курской битвы, развернувшейся на широком фронте и характерной частыми перемещениями центра наибольшего напряжения боев, маневрирование артиллерийскими средствами имело очень большое значение и применялось весьма широко. За шесть дней боев оборонительного периода Курской битвы большинство артиллерийских бригад и отдельных полков по два-три раза перебрасывались с одного участка фронта на другой или в центр. И как бы ни менял противник направление ударов, он неизменно встречал могучий артиллерийский заслон, преграждавший путь его танкам и пехоте.

Почти семь суток вели наступление против войск Центрального фронта пятнадцать танковых, пехотных и моторизованных дивизий гитлеровцев. Вымотанные и обескровленные, они, наконец, вынуждены были остановиться и перейти к обороне.

12 июля перешли в решительное наступление войска Западного и Брянского фронтов. Связанный с ними единым стратегическим планом Центральный фронт перешел в наступление 15 июля. Усилиями этих трех, а затем с 3 августа Воронежского и Степного фронтов одна из величайших битв второй мировой войны — Курская битва через 50 дней после ее начала завершилась полной победой Советской Армии. В ходе ожесточенных боев было разбито 30 отборных гитлеровских дивизий, в том числе 7 танковых. Потери, понесенные в этой битве, фашистская Германия восполнить уже не могла.

Огромную роль в достижении победы в битве под Курском сыграла артиллерия. Она уничтожила около 60 процентов танков противника, нанесла большой урон живой силе и огневым средствам врага. Оценивая участие в Курской битве артиллерии Центрального фронта, Рокоссовский после войны писал: «Величайшую стойкость, превосходную выучку показали артиллеристы. Здесь отличились тысячи бойцов, командиров и политработников, трудно найти слова для характеристики их мужества и героизма. Это об их стойкости разбилась бронированная лавина врага. Это они, артиллеристы, превратили хваленые «тигры» и «фердинанды» в бесформенные груды исковерканного и обгоревшего металла». Эта характеристика в определенной мере и оценка огромного труда, творческого поиска, четкости руководства командующего артиллерией фронта Василия Ивановича Казакова и его штаба.

После сражения на Курской дуге войска Центрального фронта провели ряд успешных операций и в начале 1944 года перенесли свои действия на территорию Белоруссии. Переименованный в Белорусский, а затем в Первый Белорусский, фронт совместно с другими фронтами участвовал в Белорусской операции, в ходе которой были полностью очищены от захватчиков Белоруссия и Литва, положено начало освобождению братского польского народа.

Значение артиллерии продолжало неуклонно увеличиваться. Она росла количественно — с 4 тысяч орудий и минометов, которыми располагал фронт под Сталинградом, к началу Белорусской операции их число увеличилось до 16,5 тысячи. Развивалось и искусство боевого использования артиллерии.

Под руководством Казакова в его штабе неуклонно

шел поиск новых, наиболее эффективных способов применения артиллерии в различных по характеру операциях. Он увеличивался большими и малыми находками, которые тут же проверялись на практике, и все лучшее из них становилось достоянием войск.

Об одной чрезвычайно важной находке нужно кратко сказать. Это разработка самого совершенного для того времени метода поддержки атаки пехоты и танков — двойного огневого вала. Правда, в небольших масштабах этот метод применялся русской артиллерией еще в первой мировой войне, но потом о нем забыли.

Неосведомленному в военном деле читателю будет утомительно читать о специальных деталях этого метода. Поэтому я ограничусь лишь его общей характеристикой. В отличие от одинарного огневого вала артиллерия по новому методу ставила огневую завесу не по одному, а одновременно по двум основным рубежам на расстоянии 400 метров друг от друга. Для ведения двойного огневого вала создавались две группы артиллерии. Обе они открывали огонь одновременно — каждый по своему рубежу. Что же достигалось таким методом поддержки атаки пехоты и танков? Получалось, что с началом атаки наших войск противник в 600-метровой (учитывая поражение осколками снарядов за внешней зоной огня второго рубежа) полосе фронта как бы попадал в огненные тиски и лишался возможности маневра живой силой и огневыми средствами. Кроме того, он не мог подвести резервы к рубежу, атакуемому нашими войсками, или занять близкий рубеж для контратаки. Такой двойной огневой вал велся 400-метровыми «шагами», более основательно расчищая путь наступающим пехоте и танкам.

Впервые двойной огневой вал был применен артиллерией Первого Белорусского фронта при проведении Белорусской операции и показал исключительно высокую эффективность. Он оказался самым надежным, обеспечивавшим наименьшие потери наступающих советских войск и наносившим большие потери противнику. В последующем двойной огневой вал получил широкое применение как на Первом Белорусском, так и на других фронтах.

Встретившись как-то позже с Казаковым, я спросил его:

— Твоя идея?

— Нет, общая, всего нашего штаба, а разработкой метода руководил начальник штаба Надысев. И вообще

лучше иметь энергичный, творческий коллектив штабных офицеров, чем самому родить одну-две стоящие идеи. Хороший, творческий коллектив всегда сделает больше. Поэтому главной «идеей» любого руководителя должна быть забота о подборе кадров. Вот кадрами своего штаба я горжусь и свою заслугу в его подборе высоко ценю.

Василий Иванович стал подробно, я бы сказал, с восторгом рассказывать о своих боевых помощниках. Характеристики были строго индивидуальны, метки. Слушая, я думал: «Все тот же. Не загордился, знает и любит своих подчиненных, верит в них, растит каждого».

Возвратившись к двойному огневому валу, Казаков сказал:

— А если смотреть шире, то в разработке двойного огневого вала принимали участие многие тысячи людей. Да, да, не смотри на меня удивленно. Ведь такой метод поддержки атаки возможен, как сам понимаешь, лишь при большой насыщенности войск артиллерией и значительном достатке боеприпасов. Даже под Сталинградом идея двойного огневого вала не могла осуществиться, если бы и пришла кому-нибудь в голову. Труд тыла, как видишь, не только обеспечивает нас всем необходимым, но и влияет на развитие военного искусства.

— Философствуешь? Находишь время? — спросил я.

— Нет, времени для философии нет. Это так, каким-то вторым планом в голове идет, — ответил Василий Иванович и, оживившись, сказал: — Я вот думаю, что война с особой силой проявила преимущества нашего строя. Ведь до войны мы в экономике еще ой как отставали от той же Германии. И в начале войны потеряли многое, а теперь, по сути, во всем превосходим гитлеровскую армию. А тыл все шлет и шлет военную технику, боеприпасы. Так быстро собрался, сконцентрировать все силы и максимально, с наибольшим эффектом использовать их может только социализм. Германия не смогла же, хотя потенциальные возможности ее экономики вместе с оккупированными странами были гораздо большими, чем наши. А народ наш! Такой массовый героизм и самоотверженность мог вызвать к жизни только социализм.

Видимо смущенный таким проявлением нахлынувших на него патриотических чувств, Казаков помолчал, а потом, улыбаясь, сказал:

— Ладно. Действительно расфилософовался не ко времени. Надо еще Гитлера добить. Философствовать бу-

дем после войны, когда о ней детям и внукам рассказывать будем, а сейчас работы невпроворот.

— А ты будешь способен уйти на пенсию? — шуточно спросил я.

— А ты? — вопросом на вопрос ответил Василий Иванович.

Мы оба рассмеялись. Нет, не мыслили мы себя даже в отдаленной перспективе пенсионерами. Не той закваски были, нам суждено было всю жизнь быть в строю — иной жизни мы себе и не желали.

14 ноября 1944 года командующим Первым Белорусским фронтом был назначен Жуков, а Рокоссовский стал командующим соседним, Вторым Белорусским фронтом. Это обстоятельство, как рассказывал потом Казаков, глубоко расстроило его. Рокоссовского он любил и уважал безгранично, надеялся под его руководством, если останется жив, воевать до конца войны. Правда, было лестно, что фронтом будет командовать такой прославленный полководец, как Жуков.

Горечь разлуки с любимым командующим скрасила встреча с ним на торжественном вечере, посвященном Дню артиллерии. Как известно, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 октября 1944 года в ознаменование заслуг артиллерии в Великой Отечественной войне был установлен всенародный праздник — День артиллерии, который впервые отмечался 19 ноября 1944 года. Весть об Указе была встречена в войсках с огромным энтузиазмом. Казакову и в его штаб шли многочисленные поздравления из армий и других соединений фронта.

Жуков, высоко ценивший артиллерию, приказал отметить торжественный день во всех артиллерийских частях фронта. Казаков, как и все артиллеристы, польщенный высокой государственной оценкой роли артиллерии в Великой Отечественной войне, вникал во все детали подготовки торжественного вечера в штабе артиллерии фронта. На вечер было приглашено 450 человек — офицеры и генералы различных управлений фронта. Казакову очень хотелось, чтобы присутствовал и Рокоссовский. И хотя он понимал, что это почти невозможно, все же распорядился послать Константину Константиновичу пригласительный билет.

Днем 19 ноября 1944 года шел мелкий дождь, его сменил мокрый снег, а к вечеру подморозило, на дорогах образовался гололед. И все же после 11 часов вечера собра-

лись почти все гости. Около 12 часов приехал Жуков, что придало особую торжественность вечеру. Нужно ли говорить, что артиллеристы чувствовали себя счастливыми именинниками. А как передать их чувства, когда около двух часов ночи на пороге зала появился Рокоссовский! Он проехал ночью в гололед несколько сотен километров, чтобы провести торжественный вечер с теми, с кем два года шел по многотрудным дорогам Великой Отечественной войны.

Застолье с хорошими фронтовыми тостами стало еще оживленнее. Подошло время начать танцы, и было объявлено «приготовиться к вальсу». Тогда на сцену, где стояли две 76-миллиметровые полковые пушки, поднялись два офицера. Раздалась команда:

— Натянуть шнуры! В честь торжественного вечера, посвященного первому Дню артиллерии, огонь!

Раздался дружный хохот. Никто не мог подумать, что в зале можно стрелять из пушек. Но раздался настоящий залп: стволы орудий выбросили в зал два снопа конфетти, которым были начинены холостые заряды. Бал удался на славу, а когда танцующие устали, в круг вышел Рокоссовский, великолепно станцевавший мазурку. «И мы кое-что можем!» — воскликнул Жуков и с удивившей всех легкостью в паре с начальником штаба 2-й гвардейской танковой армии А. И. Радзиевским лихо исполнил «русскую».

Казакову на всю жизнь запомнился этот вечер. Он часто о нем вспоминал, прибавляя все новые подробности. И действительно, такое забыть невозможно.

14 января 1945 года войска Первого Белорусского и Первого Украинского фронтов приступили к осуществлению Висло-Одерской операции. Началась она раньше намеченного срока, так как нужно было выручать союзников, попавших в тяжелое положение в Арденнах.

Преждевременность начала операции не отразилась на действиях артиллерии. Казаков организовывал работу своего штаба так, чтобы иметь «аварийный запас времени». Теперь этот запас оказался весьма кстати.

Задолго до начала операции был разработан график артиллерийской подготовки продолжительностью 2 часа 35 минут. Вместе с тем, учитывая возросшую мощь артиллерии фронта, штаб артиллерии под руководством Казакова разработал сокращенный график, согласно которому мощный артиллерийский налет должен был осуще-

ствиться за 25 минут. По указанию Казакова оба графика предусматривали наряду с другими целями нанести удары по вражеской артиллерии, чтобы она не могла препятствовать наступлению нашей пехоты и танков. Жуков согласился с предложением: было решено провести артиллерийскую подготовку по сокращенному графику и в случае ее успеха сразу же начинать атаку.

Рано утром 14 января на командный пункт Казакова прибыли Жуков, член Военного совета фронта К. Ф. Телегин, командующие и начальники родов войск. Телегин пишет в своих воспоминаниях: «Последние минуты ожидания. Наконец командующий артиллерией фронта генерал-полковник артиллерии В. И. Казаков по радио дает сигнал: «Оперативно». Вскоре отдается следующая команда: «Натянуть шнуры», после которой у орудий, минометов, реактивных установок тысячи людей замерли в боевой готовности. Командующий артиллерией фронта, не спуская глаз с секундомера, просит маршала Жукова дать «добро» на последнюю команду. В 8 часов 20 минут звучит долгожданное: «Огонь!»

Удар колоссальной силы потряс передний край вражеской обороны. О его мощи можно судить хотя бы по тому, что артиллерия только четырех армий, наступавших на главном направлении, за 25 минут выпустила по врагу примерно полмиллиона снарядов и мин. Позже один из взятых в плен гитлеровских генералов — командир дивизии — на допросе показал, что огонь артиллерии настолько ошеломил находившихся в полосе огневого налета генералов и офицеров, что они вообще ничего не могли понять. По всему фронту наступления, говорил генерал, образовалось множество «огневых коридоров», в которые неудержимо рванулись русские части.

Так было воспринято противником наступление передовых частей за огневым валом, поставленным артиллерией Первого Белорусского фронта на многих участках, где прорывали вражескую оборону наши части. Так оно и было в действительности. Взвесив результаты артиллерийского налета и оценив действия атакующих передовых частей, Жуков приказал ограничиться сокращенным графиком артиллерийской подготовки и ввести в бой главные силы. Предусмотренные Казаковым и его штабом задачи артиллерийской подготовки были полностью выполнены. В докладе Верховному Главнокомандующему об итогах первого дня действия артиллерии Жуков писал:

«...В результате хорошо организованного и удачно проведенного артиллерийского наступления войска фронта перешли в наступление и, преодолевая упорное сопротивление противника, прорвали его оборону. Основная масса артиллерии противника нашим артиллерийским огнем была уничтожена и подавлена и в течение дня массированных огневых налетов производить не могла».

Наступление советских войск успешно развивалось. Как и в предшествующих операциях, Казаков главное внимание уделял маневру артиллерийскими средствами. И всюду, где наши войска наталкивались на упорное сопротивление противника, на уцелевшие узлы вражеской обороны или где гитлеровское командование пыталось сосредоточить пехоту и танки для контратак, неизменно появлялись мощные артиллерийские кулаки. Они расчищали путь наступающим советским частям, громили уцелевшие оборонительные сооружения противника, скопления его войск.

В Висло-Одерской операции советским войскам, в том числе и артиллерии, впервые пришлось иметь дело с целой системой мощных укреплений, прикрывавших восточную границу гитлеровской Германии. Это город Познань, имевший развитую систему оборонительных сооружений внутри, и вонне городской черты, и в северной своей части мощную крепость «Цитадель», а также так называемый «Одерский четырехугольник», или «Оствал» (Восточный вал), в районе городов Шнайдемюль, Дейч-Кроне.

К исходу 26 ноября советские войска окружили Познань по кольцу внешнего обвода крепостных фортификационных сооружений. Необходимо было разрушить форты, что могла сделать только артиллерия, причем не всякая, а большой и даже особой мощности. Но ее в то время в районе Познани не было. Прибывший на место с группой офицеров своего штаба Казаков принял необычное решение: артиллерийской подготовки перед атакой фортов не проводить (все равно артиллерия имевшихся калибров не могла их разрушить), а обрушить огонь артиллерии на форты после того, как начнет двигаться пехота. Казаков рассуждал так: во время артиллерийских налетов и методического артиллерийского огня форты разрушены не будут, но их гарнизоны вынуждены будут укрываться в казематах, что лишит их возможности использовать свои огневые средства и позволит нашей пехоте обойти форты с тыла и блокировать их. Все произо-

шло именно так. Благодаря искусному артиллерийскому обеспечению пехотные части блокировали форты и без потерь со своей стороны овладели ими.

Казаков непосредственно направлял действия артиллерии в боях за самую Познань. С созданными в стрелковых частях штурмовыми группами действовало по два-три орудия, другие орудия прикрывали их продвижение вдоль улиц. Противник отчаянно сопротивлялся. Многоэтажные с толстыми кирпичными стенами здания этого старинного города он превратил в своеобразные доты. Артиллерийскому обстрелу подвергалось почти каждое крупное здание, после чего штурмовые группы могли овладеть им. Но не всегда удавалось достигнуть нужного эффекта и снарядами. Выручила армейская смекалка. В одной из гвардейских бригад тяжелых минометов придумали остроумный и весьма эффективный способ разрушения прочных каменных и кирпичных зданий с помощью снарядов реактивной артиллерии М-31.

Вот как описал этот способ в действии бывший начальник штаба артиллерии Первого Белорусского фронта Надывев: «...Штурмовая группа овладела домами на одной стороне улицы, а в доме напротив засел большой гарнизон гитлеровцев, которых никак не удавалось выбить. Тогда на третий этаж внесли почти шестипудовый реактивный снаряд М-31 (92,5 кг) в укупорке и установили его на подоконнике, нацелив на окно противоположного дома. Для безопасности самих стреляющих провод от снаряда вывели на лестничную площадку и протянули на нижний этаж, где была установлена запальная машина, с помощью которой и произвели выстрел. Результат превзошел все ожидания. Этаж, на котором находился вражеский гарнизон, разнесло, в доме возник пожар. От залпа двух снарядов М-31 разрушилась вся стена здания, и гарнизон погиб под развалинами».

Изучив обстановку и перспективы боев за крепость «Цитадель», Казаков приказал перебросить в Познань гаубичные артиллерийские бригады, большой и отдельный артиллерийский дивизион особой мощности. Ведя огонь с закрытых позиций, они разрушали крупные здания и доты, сооруженные противником в городе. Решающую роль они сыграли при штурме «Цитадели». С закрытых позиций и прямой наводкой артиллерия большой и особой мощности пробила 14 проходов через крепостные стены, разрушила 39 прочных оборонительных сооруже-

ний и других важных объектов в самой крепости. В проходы ринулись штурмовые группы с предназначенной для их поддержки артиллерией. В крепость начали вводить тяжелую артиллерию и танки. Но гарнизон ее был уже деморализован и вскоре капитулировал.

Укрепленный район «Одерский четырехугольник» имел по фронту 60 километров и в глубину 20—30 километров. Главная полоса района состояла из долговременных фортификационных сооружений, основой которых являлись углубленные в землю до 30 метров панцерверки — мощные железобетонные сооружения с двухметровой толщиной стен и потолков. Многие из них имели двух-трехъярусное построение с бетонными перекрытиями до 0,8 метра. В первом ярусе трехъярусных панцерверков находилось артиллерийско-пулеметное сооружение, во втором — пулеметное, в третьем — минометное или огнеметное. Толщина брони бронеклопов в панцерверках доходила до 300 миллиметров. В каждом панцерверке имелись месячный запас продовольствия и боеприпасов, электрическое калориферное отопление, водоснабжение.

Войска Первого Белорусского фронта не смогли с ходу овладеть «Одерским четырехугольником». Безрезультатным оказался и огонь 122- и 152-миллиметровых орудий при стрельбе по панцерверкам. Поэтому наши наступавшие части вынуждены были обходить укрепленный район или просачиваться через него. В результате «Одерский четырехугольник» оказался в тылу советских войск. Ликвидацию его гарнизона могла выполнить только артиллерия большой и особой мощности. И она поработала с усердием: гарнизоны «неприступных» панцерверков капитулировали.

По указанию Казакова штаб артиллерии фронта обобщил опыт боевого применения артиллерии в боях за Познань и «Одерский четырехугольник», который затем был широко использован в Берлинской операции, в уличных боях в столице фашистского рейха.

Завершив Висло-Одерскую операцию, советские войска освободили от пятилетней фашистской неволи братскую Польшу и вышли на территорию Германии. Оставалось последнее — добить фашистского зверя в его собственной берлоге. Но на пути к Берлину войскам Первого Белорусского фронта пришлось провести сложную операцию против сильной группировки противника, угрожавшей правому флангу фронта со стороны Штеттина (Поме-

рания). Проведение этой операции потребовало от Казакова и его штаба исключительной оперативности и четкости руководства. Пришлось в кратчайший срок почти на 90 градусов повернуть огромную массу артиллерийской техники, расположить ее в новых районах сосредоточения и организовать действия артиллерии в непредусмотренных обстоятельствах. О масштабах применения здесь артиллерии можно судить по тому, что во время этой операции было израсходовано более двух миллионов снарядов и мин всех калибров.

Конец венчает дело. А победоносное окончание Великой Отечественной войны было совсем близко. Советская Армия вплотную подошла к столице гитлеровского рейха. Но и в агонии фашистский зверь был еще достаточно силен. Потребовалась крупнейшая, стратегическая по своим масштабам и значению операция советских войск, чтобы фашистская столица была повергнута.

Об исторической Берлинской операции написано много, в том числе и о действиях в ней артиллерии. Поэтому я ограничусь лишь рассказом о том, как использовалась в этой операции артиллерия Первого Белорусского фронта.

К началу операции она представляла собой колоссальную силу: в составе артиллерии фронта насчитывалось около 20 тысяч орудий и минометов всех калибров, в том числе 1500 боевых установок и рам полевой реактивной артиллерии. В среднем на каждую стрелковую дивизию приходилось по пять полков артиллерии резерва Верховного Главнокомандования. О силе огня артиллерии фронта и ее возможностях можно судить хотя бы по тому, что всего лишь один ее залп весил 234 тонны. А один фронтной комплект артиллерийских боеприпасов составлял почти 2 миллиона снарядов и мин, весивших более 20 тысяч тонн. Для их подвоза потребовалось 7 тысяч трехтонных автомашин. Всего же к началу Берлинской операции фронт имел более 6 миллионов снарядов и мин всех калибров и 136 тысяч снарядов для полевой реактивной артиллерии.

Столь сильная группировка артиллерии, обеспеченная огромным количеством боеприпасов, раскрывала поистине неограниченные возможности для боевого применения артиллерии в предстоящей заключительной операции в войне Советского Союза с фашистской Германией.

И надо сказать, что эти возможности были использованы в полной мере. Казаков и работники его штаба раз-

работали комплексный план боевого применения артиллерии в битве за Берлин. Максимальное использование тысяч орудий и минометов, их массирование и маневрирование до деталей были вписаны в план операции в целом и в частные планы армий и соединений фронта.

Согласно плану в полосах армий на направлении главного удара фронта средняя плотность артиллерии на участке прорыва составляла 253, а в некоторых армиях более 310 орудий и минометов на километр. Столь сильная группировка артиллерии и обилие боеприпасов позволили спланировать самую короткую в истории фронта, но с очень высокой плотностью огня артиллерийскую подготовку. На нее отводилось всего 30 минут, а в некоторых армиях даже 25 и 20 минут. Необычным было время артиллерийской подготовки — ночь перед рассветом. Это было вызвано оригинальным и оказавшимся весьма эффективным решением командующего фронтом: использовать в операции сильные прожекторы, включив их сразу же после артиллерийской подготовки, и тем самым ослепить противника, осветить путь и цели наступающим пехоте и танкам. Для этой цели было выделено 143 прожектора, распределение которых и выбор позиций для них был возложен на командующего артиллерией фронта. Читателю будет интересно знать, что прожекторы, размещенные в непосредственной близости от вражеских позиций, обслуживали наши героические девушки.

Необычно была спланирована и сама артиллерийская поддержка атаки пехоты и танков. Предусматривалось провести ее смешанными методами и на гораздо большую глубину, чем во всех других операциях: на 2 километра — двойным огнем валом, на 4 километра одинарным и далее — последовательным сосредоточением огня до 7—8 километров.

Чрезвычайно занятый планированием и обеспечением боевого применения артиллерии в предстоящей операции, Казаков даже в это напряженное время бывал в войсках, где царил небывалый подъем, проходили митинги, открытые партийные и комсомольские собрания. Выступая перед воинами-артиллеристами, Казаков призывал их развернуть борьбу за честь произвести первый выстрел по Берлину. Это же он изложил в разосланных в войска указаниях о боевом использовании артиллерии в битве за Берлин. Призыв оказал огромное воздействие на умы и сердца артиллеристов.

Ва два дня до начала операции была проведена силовая разведка по всему фронту. В ней приняла участие и артиллерия, в том числе орудия крупных калибров. Ее огонь оказался столь мощным, что противник принял силовую разведку за начало наступления советских войск. Для Казакова было важным, что в отражении наступления разведывательных групп участвовала почти вся артиллерия противника, что дало возможность уточнить цели для артиллерийской подготовки. Но, как ни странно это звучит, наступление разведывательных групп поставило Казакова и его штаб в затруднительное положение. Уже после войны Василий Иванович, смеясь, рассказывал мне: «Понимаешь, что получилось? Значительная часть хорошо разведанной первой полосы обороны противника оказалась в наших руках. Поэтому, по сути, пришлось перепланировать артиллерийскую подготовку. А это легко сказать — перепланировать! Ведь до начала наступления фронта оставалось не более десяти-двенадцати часов. Пришлось мне со своим штабом повернуться».

Артиллерийская подготовка была назначена на 5 часов утра (по московскому времени) 16 апреля 1945 года. К 4 часам на наблюдательный пункт 8-й гвардейской армии прибыли командующий фронтом Жуков, член Военного совета Телегин и Казаков.

В установленное время, теперь уже в последний раз, Казаков подал привычные, но всегда волнующие команды: «Оперативно», затем «Натянуть шнуры» и, наконец, «Огонь!»

Ровно в 5 часов началась невиданная в истории войн артиллерийская подготовка. «И тотчас же, — писал в своих мемуарах Жуков, — от выстрелов многих тысяч орудий, минометов и наших легендарных «катюш» ярко озарилась вся местность, а вслед за этим раздался потрясающей силы грохот выстрелов и разрывов снарядов, мин и авиационных бомб. В воздухе нарастал несмолкаемый гул бомбардировщиков.

Со стороны противника в первые секунды прогремело несколько пулеметных очередей, а затем все стихло. Кажалось, на стороне врага не осталось живого существа. В течение 30-минутного мощного артиллерийского огня противник не сделал ни одного выстрела. Это свидетельствовало о его полной подавленности и расстройстве системы обороны. Поэтому было решено сократить время артподготовки и немедленно начать общую атаку.

В воздух взвились тысячи разноцветных ракет. По этому сигналу вспыхнули 140 прожекторов, расположенных через каждые 200 метров. Более 100 миллиардов свечей освещали поле боя, ослепляя противника и выхватывая из темноты объекты атаки для наших танков и пехоты. Это была картина огромной впечатляющей силы, и, пожалуй, за всю свою жизнь я не помню подобного зрелища!»

По команде Казакова артиллерия усилила огонь и двойным валом стала сопровождать ринувшиеся в атаку пехоту и танки. Наступление развивалось успешно. Однако на подступах к Зеловским высотам войска 8-й гвардейской армии вынуждены были остановиться. Казаков немедленно выехал на место. Оказалось, что пехота опоздала с атакой и не смогла воспользоваться артиллерийским сопровождением. По приказу Казакова в дополнение к огню артиллерии 8-й гвардейской армии на этот участок был перенесен огонь еще пяти артиллерийских бригад. Утром 17 апреля совместным ударом они расчистили путь пехоте и танкам. Сопровождаемые артиллерией пехота и танки вели бои в течение суток и утром 18 апреля взяли Зеловские высоты.

20 апреля, соревнуясь за право первыми открыть огонь по Берлину, на доступные дистанции вырвались многие артиллерийские подразделения. Первым начал обстрел вражеской столицы 1-й дивизион 30-й гвардейской пушечной артиллерийской бригады. К исходу 21 апреля соединения Первого Белорусского фронта ворвались на окраины Берлина и уже 23—24 апреля действовали на подступах к его центру, ведя ожесточенные уличные бои.

Уличные бои в Берлине достаточно подробно описаны в нашей литературе. Скажу только, что в этих боях еще шире раскрылись возможности артиллерии, искусство ее руководителей. Артиллерия (в том числе орудия крупных калибров) была в составе всех штурмовых групп, на которые легла основная тяжесть боев на улицах вражеской столицы. Она действовала и самостоятельно, нанося сокрушительные удары по узлам сопротивления противника. Массовый характер приняло использование тяжелых реактивных снарядов по опыту боев в Познани.

Артиллерия сказала свое весомое слово на заключительном этапе Берлинской операции — штурме фашистского рейхстага. Штурм начался в 11 часов 30 апреля после мощного артиллерийского налета. Ранним утром

1 Мая над рейхстагом уже развевалось алое знамя нашей великой Победы. В 15 часов 2 мая берлинский гарнизон капитулировал. Фашистский разбойничий рейх был повержен. Сделали это наши славные Вооруженные Силы, опиравшиеся на могучую поддержку всего советского народа.

Мой рассказ о Василии Ивановиче Казакове подходит к концу. Я преднамеренно сконцентрировал внимание читателей на действиях артиллерии 16-й армии и фронтов, где командующим артиллерией был Казаков. Ведь о людях прежде всего судят по их делам, по их участию в деле, которому они служат. Человек исключительно большой энергии, редкой работоспособности, Казаков в годы Великой Отечественной войны внес много нового в области крупномасштабного применения артиллерии в важнейших, стратегического значения фронтовых операциях. Им немало сделано для расширения диапазона действий артиллерии, выявления и максимально эффективного использования ее возможностей в самых различных по характеру операциях, на всех их стадиях. Казакову принадлежит немалая заслуга в развитии советского военного искусства. Широта политических и военных знаний не дала ему замкнуться в узковедомственные рамки, быть сугубо артиллерийским военачальником. Казаков был неприменным активным участником планирования общевойсковых фронтовых операций. Все мы, кому довелось работать с Василием Ивановичем в годы Великой Отечественной войны, знаем его как большого, творчески мыслящего специалиста в области планирования и осуществления взаимодействия родов войск, умело находившего наиболее правильное применение огневой мощи артиллерии в этом взаимодействии.

Партия и правительство высоко оценили вклад Казакова в борьбу с фашистскими захватчиками. 17 октября 1942 года ему было присвоено звание генерал-лейтенанта артиллерии, а через год, 18 сентября 1943 года, — генерал-полковника артиллерии. Его заслуги отмечены специальными полководческими орденами: тремя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, Суворова 2-й степени. Четыре раза Казаков удостоивался высшей награды Родины — ордена Ленина. Накануне Берлинской операции — 4 апреля 1945 года за выдаю-

щиеся заслуги в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом личное мужество и героизм Василию Ивановичу Казакову было присвоено звание Героя Советского Союза.

После окончания Великой Отечественной войны Казаков занимал высокие посты в Советских Вооруженных Силах: был командующим артиллерией группы советских войск в Германии, заместителем, первым заместителем командующего и командующим артиллерией Советской Армии, начальником войск противовоздушной обороны Сухопутных войск. На этих постах он проделал большую и весьма плодотворную работу по дальнейшему укреплению советской артиллерии, освоению личным составом новой военной техники, обобщению и внедрению в войска богатейшего опыта боевого применения артиллерии в годы Великой Отечественной войны.

Деятельность Василия Ивановича Казакова на этих постах получила высокую оценку партии и правительства. 11 марта 1955 года ему было присвоено звание маршала артиллерии.

С 1965 года Василий Иванович Казаков вел плодотворную работу в составе группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

25 мая 1968 года Василия Ивановича Казакова не стало. Я кончу свой рассказ о нем теми же словами, которыми начал его: Василий Иванович принадлежал к числу тех людей, которые, окончив свой жизненный путь, благодаря своим личным качествам, а главное, благодаря всему содеянному ими продолжают жить, их дела не уходят с ними.

Генерал армии П. БАТОВ

Генерал армии Александр КОМАРОВСКИЙ

«Моя военная специальность — строитель», — писал о себе генерал армии Александр Николаевич Комаровский. На первый взгляд есть в этих словах что-то противоречивое. Война всегда связана с разрушениями, а строитель по самой сути своей — творец, созидатель. Но если вдуматься, то противоречия здесь нет. Необходимость защиты советской социалистической Родины, обеспечения условий для строительства нового общества — коммунизма вынуждает людей самых мирных профессий свои знания и талант направлять на службу делам военным, обеспечивающим оборону страны. Раскрывая тайны природы для блага мирной жизни, физики и химика вынуждены заниматься созданием грозного оружия. Облегчая человеческий труд, делая его все более могущественным, конструкторы и инженеры в то же время создают разнообразную военную технику.

Так сложилась и жизнь Александра Николаевича Комаровского. Как инженер-строитель, руководитель крупных строек, как теоретик строительного дела Александр Николаевич многое сделал для счастливой мирной жизни советских людей, для выполнения планов экономического развития нашей Родины. Вместе с тем как советский военачальник генерал армии Комаровский внес большой вклад в достижение нашей победы в Великой Отечественной войне, сыграл важную роль в укреплении обороны, военного могущества Советского социалистического государства.

Александр Николаевич Комаровский родился 20 мая 1906 года в Петербурге. Его отец, инженер-строитель Николай Александрович Комаровский, незадолго до первой мировой войны перебрался вместе с семьей в город Череповец, где работал на строительстве шлюзов и плотин Ма-

ринской водной системы. После падения самодержавия Временное правительство назначило его начальником Москворецко-Окского округа водных путей сообщения.

В Москву добирались водным путем. Плыли по Верхней Волге, неширокой извилистой Москве-реке. Для одиннадцатилетнего Александра это было увлекательнейшее путешествие. Но его тревожило настроение взрослых. Они с волнением говорили о событиях в Петрограде, загадочно звучали слова «революция...», «большевики», «народные комиссары...». Растерянность взрослых передавалась мальчику; было ощущение, что плывут они не в Москву, а в какую-то таинственную и потому пугающую неизвестность.

В Москве семья Комаровских поселилась на Никитском бульваре. И уже на следующий день слово «революция» стало для Александра не каким-то отвлеченным, таинственным понятием. Начались ожесточенные бои руководимых большевиками красногвардейцев и революционных солдат с силами контрреволюции, выступившими против провозглашенной в Петрограде Советской власти. Недалеко от Никитских ворот у Арбатской площади бои приобрели особенно упорный характер. Поперек бульвара были сооружены баррикады, на крышах некоторых домов установлены пулеметы. Здесь в течение пяти дней большевики вышибали из здания Александровского юнкерского училища яростно сопротивлявшихся офицеров и юнкеров.

Когда сопротивление контрреволюции было сломлено и в городе установился революционный порядок, до Александра через разговоры взрослых дошел смысл происшедших событий: победила народная социалистическая революция, власть перешла в руки Советов. Отец одобрительно отнесся к революции. Однако его, как и приходивших к нему коллег, волновало собственное будущее.

— Большевики не скоро за дела возьмутся, да нужны ли мы им будем? Нас же они больше к буржуям относят, — обеспокоенно говорил кто-то из отцовых знакомых.

— Я слышал другое, — отвечал Николай Александрович. — Нас называют «пролетариями умственного труда». Пышно немного, но правильно. Наша братия — инженеры тоже трудящиеся, а не собственники какие-то. Душаю, что все образуется. Только вот когда?

Вопреки сомнениям все образовалось довольно быстро. В первый же месяц установления Советской власти

Н. А. Комаровский был утвержден начальником Московско-Окского округа водных путей сообщения.

Определилось и положение Александра. Он был принят в опытно-показательную школу имени Фритьофа Нансена. Это была своеобразная школа. Ее директор А. С. Барков и многие преподаватели одновременно были профессорами Московского университета, учебная программа в школе была сосредоточена на точных науках, в частности, на математике и физике.

— Главное: надо научиться мыслить самостоятельно, уметь обобщать и анализировать материал, — часто говорил ученикам Барков. Он широко практиковал подготовку и чтение рефератов старшеклассниками. Однажды и Александр Комаровский прочитал свой первый доклад «Есть ли жизнь на Марсе?».

Направленность программы школы, сильный преподавательский состав, творческий метод обучения принесли замечательные плоды: многие одноклассники Александра, как и он сам, впоследствии стали инженерами и учеными.

Учиться было тяжело. Недостаток самого элементарного, прежде всего продуктов питания, ощущался в каждой семье. Чтобы помочь родителям, ученики старших классов занимались счищать снег с крыш, колоть дрова, работали подмастерьями в различных частных мастерских. Было досадно тратить на это время, но каждый раз, когда Александр приносил заработанные таким образом деньги, он испытывал чувство гордости. Отец ободрял: «В трудностях есть свои резоны — они характер вырабатывают».

В 1922 году Александр окончил школу. Вопросы «кем быть?», встающего перед молодыми людьми, когда они вступают на самостоятельный жизненный путь, для него не было. Александр с детства мечтал быть инженером-строителем. Со временем мечта стала глубоко обдуманной, выношенным решением. И в том, что так произошло, конечно же, немалую роль играл пример его отца. Николай Александрович страстно желал, чтобы сын пошел по его стопам, и умело направлял пытливого сына. Часто брал его на стройки, показывая, что могут делать умелые человеческие руки, в сочетании со знаниями и талантом инженера. Юноша воочию видел и великий смысл, и романтику, и трудности профессии строителя. Родная семья, пример и помощь отца стали для него первой строительной школой, где он, помимо пусть несистематизирован-

ных, но солидных знаний, получил главное, без чего нельзя делать ни одно дело, — любовь к избранной профессии.

Окончив школу, Александр подал документы в Московский институт инженеров транспорта (МИИТ) на строительное отделение водного факультета. За результаты экзаменов он особо не волновался, так как основательно к ним подготовился, но ему еще не было 18 лет, и это тревожило.

— По возрасту немного не дотягивает, однако знания проявил преотличные. Рекомендую принять, — сказал председатель экзаменационной комиссии, и Александр Комаровский стал студентом МИИТа.

Вечером того же дня по случаю поступления Александра в вуз в семье был праздничный ужин. Николай Александрович размышлял:

— Верь мне, твое время — это время колоссального строительства. Посмотри: Каширскую строим, Шатурскую строим! А сколько еще намечено! Ни одному из нас, старых инженеров, и в голову не приходил такой грандиозный план, как ГОЭЛРО. Поработаешь, сын, власть, от души.

Вспоминая позже эти слова отца, Александр Николаевич каждый раз улыбался: ведь уже к концу 1935 года план ГОЭЛРО по выработке электроэнергии был перевыполнен почти в четыре раза!

А тогда за праздничным ужином Александр с удовлетворением подумал: «Как изменились отец и его друзья — старые инженеры. В 1917 году они настороженно, выжидательно относились к Советской власти, а теперь горой за нее, хотя материально живут скудно, хуже, чем до революции».

Позже в связи с каким-то поводом он поделился с отцом этой мыслью.

— Видишь ли, Александр, — ответил Николай Александрович, — истинно сказано: не хлебом единым жив человек. Да, материально я и мои коллеги жили лучше. Но нынешние трудности понятны, они преодолимы. Зато какой простор для работы, для большой полезной работы! Как инженер-гидростроитель я все время думаю о плане ГОЭЛРО. Такой план можно только в государственном масштабе разработать и осуществить. Советская власть именно такое государство. Вдумайся, как Ленин определил: ГОЭЛРО — вторая программа партии! Ленин — великий человек. За эту его программу каждый истинный

инженер обе руки подымет. А руки эти истосковались по настоящей работе. Да и в политической программе Ленина и его партии мы начинаем разбираться и главное уже понимаем: создается общество, где властелином будет труд. А мы, инженеры, люди труда. Кому же нам служить, как не этому властелину?

Разговор состоялся вечером. А утром 22 января 1924 года по всему миру разнеслась горестная весть: Ленин умер! На всю жизнь остались в памяти Александра студеные, полные народной скорби январские дни, костры на улицах и, казалось, бесконечные людские потоки, устремленные к Колонному залу Дома Союзов. Прошел мимо гроба Ильича и Александр. Впившись глазами в восковое лицо вождя, он, как и каждый тогда, думал: «Как же теперь жить, что мы будем делать без Ленина?» Навсегда запомнились Александру Комаровскому и надрывные, леденящие душу торжественные траурные гудки заводов, фабрик и паровозов в день похорон Владимира Ильича Ленина.

Ленина не стало, но бессмертными были его идеи, остались созданные им партия и Советское государство. «Его больше нет среди нас, — говорилось в правительственном сообщении, — но его дело останется незбылемым...» Неизгладимое впечатление произвело на Александра то, как сплотилась страна в едином, общенародном стремлении довести дело Ленина до конца. Позже это впечатление он вновь и вновь остро переживал, слушая стихи Владимира Маяковского: «Стала величайшим коммунистом-организатором даже сама Ильичева смерть!»

Да, дело Ленина жило. Во всех сферах жизни закладывался фундамент социалистического общества. Творческий подъем ощущался и в МИИТе. Студенты стремились получить как можно больше знаний, лучше овладеть избранными специальностями. Понимали свою ответственность профессора, преподаватели: ведь они готовили первые кадры новой советской технической интеллигенции, которой предстояло воплотить в жизнь ленинские идеи индустриализации страны. Они смело привлекали студентов к проводимой на кафедрах научно-исследовательской работе, прежде всего к той, которая была связана с насущными потребностями промышленности, энергетики и транспорта. Для расширения технических интересов и знаний студентов практиковалось чтение последними докладов на темы, не предусматривавшиеся учебной про-

граммой. Несколько таких докладов сделал и Александр. Он с увлечением работал в созданном при кафедре гидротехнических сооружений «Водном кабинете» и в образованной несколько позже гидротехнической лаборатории. Тогда в стране почти не было специализированных научно-исследовательских институтов, и их нынешние функции в значительной мере возлагались на кафедры вузов. На кафедре гидротехнических сооружений МИИТа выполнялись исследования по заданиям различных гидростроительных организаций. Участие в научной деятельности кафедры гидротехнических сооружений явилось для Александра Комаровского большой школой научно-исследовательской работы. Здесь почти не делалось скидки на то, что он всего лишь студент: результаты исследования нужны были производству.

Другой, не менее важной школой была производственная практика. Александр Николаевич впоследствии писал: «И были мы не просто практикантами-наблюдателями. Каждый из нас назначался на определенную должность с четко очерченными обязанностями и нес полную ответственность за темпы и качество работы. Мне, в частности, пришлось сначала быть старшим рабочим по заготовке свай и шпунтов. Потом — техником по забивке их паровыми копрами и по бетонированию фундамента (флютбета) плотины. Надо ли говорить, как это утверждало нас в собственных глазах!»

В феврале 1928 года Александр Николаевич окончил МИИТ, получив звание инженера путей сообщения. Его дипломный проект «Донская лестница шлюзов Волго-Донского канала» был расценен как серьезная научная работа. Председатель квалификационной комиссии — начальник управления водных путей сообщения НКПС, крупнейший в то время гидротехник К. Н. Акулов наложил на проект резолюцию: «Оставить проект в фундаментальной библиотеке института». Это была наивысшая оценка, выше пятерки.

Прямо на экзаменационной комиссии Александру Николаевичу было предложено остаться аспирантом института. «Вы уже почти сложившийся ученый», — сказал Акулов.

Конечно, было лестно услышать такое мнение о себе. Но у молодого инженера был свой обдуманый план. Пример благополучных молодых людей, прошедших путь студент — аспирант — доцент, его не прельщало. Уже

став маститым инженером-строителем и ученым, Александр Николаевич не устал повторять слушателям военных академий и студентам вузов, что такой путь не формирует ни ученого, ни тем более практика. И такой преподаватель мало чему может научить.

На семейном совете без колебаний было решено: три-четыре года заняться проектированием, чтобы закрепить полученные теоретические знания, а затем пойти на производство.

— Да и как может быть иначе, сын! — радостно суетился Николай Александрович. — Второй год Днепровская ГЭС строится! Смотри, опоздаешь! — И уже серьезно Комаровский-старший сказал: — Не опоздаешь. Теперь для строителя самое время начинается. А времени нужно соответствовать. Тогда от тебя и прок будет.

Свой трудовой путь Александр Николаевич начал в московском проектно бюро Свирьстроя, разрабатывавшем согласно плану ГОЭЛРО части крупного гидротехнического узла на реке Свирь, затем он работал в Водоканалпроекте, а вскоре стал заведующим гидробюро треста Гидротехстрой ВСНХ СССР. Здесь молодой инженер постигал то, без чего, как он полагал, нельзя стать подлинным инженером-строителем, — приобретал опыт проектирования строительных объектов.

Уже в первые годы после окончания института Александр Николаевич стал обобщать опыт — свой и коллег, придирчиво анализировать его, обдумывать нерешенные проблемы. В итоге четырехлетней работы он написал три крупные монографии по почти не освещенным в то время вопросам воздействия льда на гидротехнические сооружения. Довольный успехами сына, Николай Александрович шутил: «Ты уже который год все свободное время готовишь мороженое!»

В дальнейшем обобщать накопленный опыт, анализировать просчеты и ошибки, обдумывать пути более эффективного решения назревших проблем строительного производства и делиться всем этим со своими коллегами через книги и статьи стало для Александра Николаевича насущной потребностью. Ей он посвящал большую часть своего досуга: писал во время отпусков, по вечерам, в поездах и самолетах, во время командировок.

15 июня 1931 года Пленум ЦК ВКП(б) принял постановление о строительстве канала Москва — Волга. Вчитываясь в текст, Александр Николаевич радовался, испыты-

таявая одновременно и чувство зависти. Радовался тому, что наконец сбудется мечта, которая разными людьми вынашивалась уже многие столетия. Он знал, что еще в 1674 году появилось предложение соединить искусственным водным путем Верхнюю Волгу с Москвой-рекой, множество проектов такого рода было при Петре I, а в 1825 году начались даже работы по сооружению канала, безуспешно длившиеся почти 25 лет. Понимал он и огромное значение канала. Понимал и завидовал тем, кто его будет строить. А когда он узнал, что начальником строительства канала назначен всегда отличавшийся подающей надежды студента Комаровского бывший заведующий кафедрой гидротехнических сооружений МИИТа профессор Александр Иванович Фридман, то мелькнула надежда: «А вдруг!»

И «вдруг» произошло. Александра Николаевича пригласил Фридман. Беседа была короткой. Александр Иванович хорошо знал своего бывшего ученика, видел в нем еще не раскрывшийся, но для него уже несомненный талант инженера-строителя, способного со временем стать умелым руководителем ответственных участков крупной стройки. В начале ноября 1931 года Александр Николаевич Комаровский был назначен начальником гидротехнического сектора проектного управления строительства канала Москва — Волга.

Первоочередной задачей проектировщиков был выбор наиболее целесообразной с народнохозяйственной точки зрения и экономической схемы и трассы будущего канала. Ее изучали и по карте и на местности. Вместе с другими проектировщиками Александр Николаевич побывал на Верхней Волге, обследовал многие участки Москвы-реки. Вспомнились детские впечатления, когда он плыл по этим местам из Череповца в Москву. Мог ли он тогда предположить, что вернется сюда инженером-гидростроителем, одним из преобразователей этого края, создателей величественного сооружения — канала Москва — Волга!

Окончательный вариант проекта канала был рассмотрен и утвержден ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Сразу же широким фронтом развернулись изыскательские, проектные и первые строительные работы. Комаровский упорно рвался «на передовую» — непосредственно на строительство, и в апреле 1934 года в результате настоятельных просьб он был назначен заместителем начальника работ

Южного (Московского) района, а в мае 1934 года начальником Центрального района канала Москва — Волга. Нужно было проявить разносторонние знания, большие организаторские способности, чтобы заслужить такое доверие. Ведь каждый район строительства канала являлся сам по себе значительным объектом. Достаточно сказать, что гидросооружения одного только Южного района по масштабам превосходили такую крупную стройку, как Волховстрой.

Строительство велось быстрыми темпами, круглосуточно. Рабочий день Комаровского начинался в 6—7 часов и заканчивался зачастую поздно вечером. Нередко приходилось оставаться на строительных объектах и в ночное время. Бывало, одолевала усталость, требовала своего молодость. Кого не тронут слова самого Комаровского, когда он, уже седым генералом, писал о том далеком времени: «Ведь было-то мне всего двадцать семь лет, хотелось и песен и улыбок».

Но именно в бесчисленных делах и производственных заботах Александр Николаевич видел главную радость своей жизни. Он часто вспоминал слова отца: «Поработай, сын, власть, от души». Действительно, несмотря на трудности, работалось в радость. Радостно было видеть, как быстро воплощалось в реальность и прочно становилось на века то, что всего лишь год-два назад было на чертежах проектировщиков. И не менее отраднo было ощущать себя членом многотысячного коллектива энтузиастов, воодушевленного стремлением отлично выполнить ответственное задание партии и правительства.

Как и всякое другое большое дело, строительство канала Москва — Волга было для его участников не только технической, профессиональной, но и большой политической школой. На стройке велась активная политико-массовая работа. Беспартийный инженер Комаровский был ее непременным участником. По заданиям парторганизации он проводил беседы с рабочими, выступал на собраниях и митингах.

В феврале 1937 года Александр Николаевич Комаровский был принят в ряды Коммунистической партии. Его особенно тронуло, как тепло говорили о нем на собраниях рабочие-коммунисты. Ведь, чего греха таить, в горячке строительных будней он бывал и резок, и требователен к рабочим, не всегда мог удовлетворить их насущные нужды. Оказалось, рабочие все понимали правильно, ви-

дели, что их инженер и себя не щадит, всего отдаст стройке.

К строительству канала Москва — Волга было приковано внимание всей страны, всего мира. Докучали иностранные корреспонденты. Те из них, которые представляли реакционные буржуазные газеты, никак не могли поверить, что работы на канале ведутся с применением разнообразной строительной техники и что почти вся эта техника своя, отечественная, созданная советскими конструкторами и на советских заводах. Ведь на Волховстрое и Днепрострое строительные механизмы в основном были зарубежного происхождения. Александру Николаевичу приходилось все это объяснять и показывать. В зарубежной печати появлялись статьи, признававшие технический прогресс в советском машиностроении.

Бывали и гости, появление которых волновало всех строителей и на всю жизнь оставалось в их памяти. В один из августовских дней 1934 года на строительство приехал Алексей Максимович Горький. Его все интересовало. Подробно расспрашивал о быте рабочих. Кто-то выкрикнул: «Все хорошо, даже отлично!» Алексей Максимович улыбнулся:

— Знаю, что значит это «хорошо и даже отлично». Понимаю: тяжело. А вот то, что вы вопреки всем трудностям творите такое великое дело и при этом бодры, жизнерадостны — это действительно хорошо и даже отлично.

В Дмитрове, в клубе строителей, состоялась встреча ударников производства с великим пролетарским писателем. Алексей Максимович взволнованно, проникновенно говорил:

— Это строительство — великая школа, в которой вы проходите науку по изменению облика нашей Родины в самые короткие сроки, каких не знали до сих пор у нас в России.

В 1936 году Комаровскому пришлось показывать шлюз и насосную станцию Маршалу Советского Союза В. К. Блюхеру. Все участники беседы обратили внимание на широкую эрудицию Василия Константиновича в вопросах, выходящих за пределы его сугубо военной компетенции. Александр Николаевич нашел удобный повод сказать Блюхеру об этом.

— А вы не спешите устанавливать грань между мирным и военным, — ответил Василий Константинович. — Может статься, что ваша мирная профессия станет самой

развоенной. Посмотрите, что за рубежом творится. Японской военщине мы по зубам дали. Но это пока эпизод. Долго ли продлится это «пока»? Гитлер в открытую большую войну готовит и не скрывает, что будет воевать с Советским Союзом. Мы всегда должны быть готовы к отражению империалистической агрессии. Ваш канал нужен и для этого. Он умножает экономическое могущество нашей страны. А экономика — материальный фундамент мощи нашей армии и флота. Как видите, вы и сейчас не отделены от того, что называете сугубо военным.

22 апреля 1937 года Комаровский с группой инженеров проверял готовность шлюза № 4. Вдруг из-за поворота показалась вереница легковых автомобилей. Подъехав к верхней голове шлюза, они остановились. Из машин вышли Сталин и другие руководители партии и правительства. Комаровский подбежал к Сталину и почти по-военному коротко и четко доложил обстановку.

Когда гости осмотрели узел и, как чувствовалось, собиравались уже уезжать, Комаровский обратился к Сталину:

— Товарищ Сталин, просим осмотреть другой узел, здесь рядом, у третьего шлюза. Там с некоторых архитектурно оформленных сооружений уже сняты леса.

— Ну что же, придется уступить строителям, — сказал Сталин.

Когда гости осматривали сооружение, был открыт сегментный затвор, и вода затопила камеру шлюза. Сталина заинтересовало оборудование канала, особенно уже смонтированные крупнейшие в то время в мире насосы.

— Свои, отечественные, — с удовлетворением сказал он своим спутникам. — Молодцы наши конструкторы, научились делать сами. И, как видите, крупнейшие в мире. Придет время, у нас еще будут учиться. Гидростроение в нашей стране имеет большие перспективы.

Затем Сталин спросил:

— Где сейчас находится в канале волжская вода?

— Здесь, — ответил Комаровский, — уже подошла к нижней голове шлюза № 3.

Сразу же все пошли к нижней голове шлюза посмотреть на волжскую воду.

Уже направляясь к машине, Сталин сказал кому-то из своих спутников:

— Сколько бы мы могли еще построить, если бы не капиталистическое окружение. И во всем торопиться надо. Иначе сомнут.

К маю 1937 года канал Москва — Волга со всеми его разнообразными сооружениями был сдан в эксплуатацию. Правительственная комиссия приняла его с высокой оценкой. В день замечательного праздника трудящихся — 1 мая 1937 года по каналу прошли первые волжские пароходы.

Огромная работа была выполнена в рекордно короткий срок — за 4 года и 8 месяцев. Важнейшие же сооружения были построены в два — два с половиной года. Это был подлинный массовый трудовой подвиг строителей, навечно вошедший в летопись великих свершений советского народа.

2 мая 1937 года к причалу Химкинского речного вокзала подошла флотилия белоснежных теплоходов. Они доставили в столицу делегацию строителей канала. Комаровскому было поручено выступить от имени инженерно-технических работников на состоявшемся тут же в порту митинге. Трибуной был балкон речного вокзала.

Говорил Александр Николаевич взволнованно, от торжественности момента и сознания свершенного глаза застилала слезы. Закончил он свою речь словами:

— Мы молоды и полны сил. Большинство из нас пришло на эту гигантскую стройку прямо со школьной скамьи. Многие из инженеров и техников, создавших канал, еще в комсомольском возрасте. Мы с гордостью рапортуем нашей великой Родине, что грандиозный канал, все его замечательные сооружения и механизмы построены без иностранной помощи.

А вечером правительство дало банкет в честь строителей канала. В залах ресторана и всего речного вокзала были накрыты праздничные столы, до утра произносились здравицы, речи, пелись песни.

В становлении каждого человека бывают этапы, которые навсегда определяют всю его жизнь, раскрывают все его возможности. Все дальнейшее исходит от этого этапа — и то, каким станет человек, и что он сделает. Для Комаровского таким этапом явилось участие в строительстве канала Москва — Волга. Здесь он прошел огромную производственную и политическую школу, раскрывшую в нем качества незаурядного организатора крупномасштабных строительных работ, разносторонний инженерный талант. Здесь закалилась его воля, здесь научился он очень сложному делу — искусству руководить людьми. Отсюда пошло то, что в дальнейшем всегда отличало

деятельность Комаровского: четкость и оперативность в труде, доброжелательность и уважительность к подчиненным и товарищам по работе.

С окончанием строительства Комаровский был назначен начальником и главным инженером управления канала Москва — Волга. Когда он несколько освоился с новой для него работой эксплуатационника, последовало неожиданное приглашение в Наркомат обороны. Там Комаровского попросили проконсультировать строительство оборонного объекта. Затем его пригласили вновь, и вскоре Комаровский, если бы у него спросили, не смог бы точно сказать, что у него больше занимало времени и сил — руководство каналом или консультация строительства оборонных объектов. Возвращаясь с одной из консультаций, Комаровский мысленно представил расходы на оборонные объекты, которые консультировал, и ужаснулся: «Сколько на эти средства добра можно построить!», — с досадой подумал он. Тут же вспомнились слова Сталина о капиталистическом окружении. Он даже повторил про себя: «И во всем нужно торопиться. Иначе сомнут».

В Наркомате обороны были довольны помощью Комаровского. Ему вновь поручили принять участие в проектировании и строительстве ряда оборонных объектов. Эта его деятельность приобрела еще больший размах, когда Комаровский, назначенный заместителем начальника строительства Куйбышевского гидроузла, переехал в Куйбышев.

— Опять едете очередной удар по капиталистическому окружению наносить, — шутил начальник строительства С. Я. Жук, когда Комаровский выезжал в очередную командировку по заданию Наркомата обороны.

Деятельность Комаровского как военного инженера — консультирование, проектирование, строительство оборонных объектов — высоко оценивалась командованием. В 1938 году ему было присвоено звание военного инженера первого ранга, а вскоре бригадиринженера.

Примеряя только что сшитую военную форму, которую, впрочем, пока носить было не нужно, Комаровский усмехнулся: «Вот я и генерал». В памяти всплыли слова Блюхера: «Может статься, что ваша мирная профессия станет самой развоенной».

В мае 1939 года, когда Комаровскому только что исполнилось 32 года, он был назначен заместителем наркома Морского Флота СССР по строительству и меха-

низации портов, а также морскому дноуглубительному флоту. Однако сосредоточиться на этой работе ему не удалось. Было очевидно, что в складывавшейся международной обстановке нужен прежде всего большой Военно-Морской Флот. Его создание шло успешно. В строй вступали все новые боевые корабли. Насущной задачей стало срочное сооружение новых и модернизация старых военно-морских баз. По представлению Наркомата Военно-Морского Флота ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили программу строительства военно-морских баз на Балтийском, Северном, Черноморском и Тихоокеанском флотах. Для реализации этой программы при Наркомате по строительству было образовано специализированное главное управление — Главспецгидрострой — во главе с заместителем наркома. Решением от 5 декабря 1939 года СНК СССР назначил на эту должность Александра Николаевича Комаровского.

Сосредоточенным, внутренне собранным вышел Комаровский из здания ЦК ВКП(б), куда был приглашен на беседу перед назначением на должность начальника Главспецгидростроя. Хотя весь тон газет и радио, все сведения, с которыми он так или иначе сталкивался, свидетельствовали о том, что огненный вал второй мировой войны катится к советским границам, Александр Николаевич не предполагал, что угроза военного нападения на СССР так очевидна. Чего-либо конкретного ему в ЦК ВКП(б) не сказали. Но весь характер и содержание беседы, задачи, которые выдвигались перед новым главкомом, и, главное, настойчивое требование «как можно быстрее закончить изыскания и широким фронтом развернуть сооружение объектов», говорили сами за себя.

Вскоре Комаровского принял нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов. В кабинете наркома находились начальник Главного морского штаба Л. Н. Галлер и заместитель наркома Г. И. Левченко. Нарком представил Комаровскому присутствовавших и, знакомя его с Левченко, сказал:

— Гердей Иванович мой заместитель по базовому строительству. Ваш непосредственный заказчик.

Нарком рассказал о ближайших пополнениях Военно-Морского Флота новыми боевыми кораблями, которым становилось «тесно» из-за отсутствия новых и недостаточной емкости существующих военно-морских баз.

— Средств на строительство выделено много, а време-

ни в обрез, и каков этот обрез, мы не знаем, — размышлял вслух нарком и, переходя к делу, сказал: — Пока мы имеем только решения, где зафиксированы районы базирования флота, а это еще не конкретные точки на карте и тем более на месте. А у вас, товарищ Комаровский, насколько я знаю, и главк еще не создан, тоже пока есть одно лишь постановление. Трудно, очень трудно.

— А где сейчас легко? — вставил Галлер.

— Нигде, конечно. Словом, надо работать, — продолжал нарком. — И темпы нужны даже более высокие, чем были у вас, товарищ Комаровский, на канале Москва — Волга.

Главспецгидрострой и Наркомат Военно-Морского Флота провели огромную и сложную работу по выбору мест расположения и проектирования военно-морских баз, доставке к этим местам строительных материалов. На Балтийском и Тихоокеанском флотах — там, где у границ СССР изготовились к войне фашистская Германия и милитаристская Япония, в широких масштабах были развернуты строительные-монтажные работы.

— Все готов сделать, чтобы помочь вам, — говорил нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов руководителям строительства. — Но повышайте темпы. Времени в обрез.

Однако судьба уже отсчитывала предел «обреза». Нападение фашистской Германии на СССР прервало строительство военно-морских баз, внесло коррективы во все планы и начинания советского народа. Началась новая страница в истории Советской страны, в жизни каждого ее гражданина.

Сосредоточенный на эвакуации строителей и техники из Прибалтики, Комаровский в первый момент не сразу понял смысл поручаемого ему задания, когда он по срочному вызову оказался в кабинете наркома по строительству С. З. Гинзбурга.

— Вам поручается руководить работой восстановительных бригад нашего наркомата в столице, — сказал Гинзбург. — В правительстве это дело рассматривается очень серьезно, и мне предложено возложить его на вас. Правда, первый налет фашистской авиации на Москву оказался блефом. Но кто знает, что будет в дальнейшем.

Нарком показал выдержки из фашистской печати и

радиопередач о подготовке «тотального разгрома Москвы бомбардировкой с воздуха», ознакомил Александра Николаевича со сведениями о концентрации весьма значительной бомбардировочной авиации противника на аэродромах, нацеленных на Москву.

— Мы должны быть готовы ко всему, — сказал он. — И какими бы бомбардировки ни были, столица должна работать четко.

Через несколько дней Комаровский доложил наркому, что восстановительные бригады созданы, оснащены техникой и готовы к выполнению поставленных перед ними задач.

Однако вопреки хвастливым угрозам фашистской пропаганды, Москва явилась единственной столицей в Европе, где тотальные налеты фашистской авиации оказались фактически безрезультатными. Они не достигли цели благодаря мощной противовоздушной обороне, мужеству и мастерству советских летчиков-истребителей и артиллеристов-зенитчиков. Деятельность восстановительных бригад свелась лишь к ликвидации отдельных завалов.

Между тем обстановка на фронтах все более усложнялась. Обрушив на Советскую страну удар невиданной силы, фашистские войска стремились реализовать достигнутые успехи, не считаясь с огромными потерями, упорно рвались в глубь советской территории.

В начале августа 1941 года Комаровскому позвонил Гинзбург.

— На вас имеет виды военное командование, — сказал нарком. — Свяжитесь с Генеральным штабом.

Нарком сказал, с кем конкретно надо связаться, и, не удержавшись, признался: «Боюсь, что нам придется расстаться. Вы же бригаднженер, а сейчас, увы, война. В Наркомат обороны явитесь в форме».

Действительно, «виды» военного ведомства на Комаровского были самые прямые. 5 августа 1941 года Комаровский был назначен начальником пятого управления оборонительных работ, на которое было возложено строительство оборонительных рубежей для Южного и Юго-Западного фронтов. В Генеральном штабе ему разъяснили: общая протяженность рубежей — свыше тысячи километров. К работам нужно приступать немедленно. Положение на Южном и Юго-Западном фронтах очень тяжелое. Враг подошел к Киеву, продолжает наступление в направлении Днепропетровска и Запорожья. Ставка при-

казала армейскому командованию создать линию обороны по Днепру от Киева до Херсона. В тыловых районах этой линии создание рубежа обороны возлагается на пятое управление оборонительных работ.

Чувствуя себя несколько ошеломленным заданием, Комаровский все же вникал во все, что ему говорилось. А потом, уже ночью, еще раз осмыслив всю глубину ответственности, колоссальный объем по сути новой и не во всем ясной для него деятельности, он понял: сейчас миллионы людей должны взять на себя и повышенную ответственность, и суметь делать то, что им мало знакомо.

На следующее же утро Комаровский приступил к своим новым обязанностям. Он обошел необходимые службы в Главном военном-инженерном управлении Наркомата обороны, соответствующие управления Наркомата по строительству, побывал в ЦК ВКП(б). Вопросы везде решались четко, по-военному. Поскольку Комаровский оставался заместителем наркома по строительству, то он, как ему сказали в ЦК ВКП(б), мог использовать кадры и технику строительных организаций наркомата, находившиеся на юге, прежде всего в районах Донбасса и Харькова. На места — в обкомы партии и командованию фронтов ЦК ВКП(б) дал указания о всяческом содействии пятому управлению оборонительных работ. Для оперативного решения всех вопросов на местах Комаровскому был вручен специальный мандат Государственного Комитета Обороны.

В Наркомате обороны учли и отсутствие у инженерно-технических работников управления теоретической подготовки и опыта в фортификационном строительстве. В качестве представителя и консультанта по полевым оборонительным сооружениям Главного военно-инженерного управления Наркомата обороны к нему был прикреплен высококвалифицированный фортификатор доцент Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева бригадир инженер В. Ф. Шперк.

По решению Генерального штаба руководство пятым управлением оборонительных работ дислоцировалось в Харькове, куда Комаровский вместе со Шперком и небольшой группой сотрудников вылетел 25 августа 1941 года. Город жил суровой прифронтовой жизнью, почти непрерывно подвергаясь бомбардировкам вражеской авиации.

Комаровскому и его сотрудникам одновременно при-

шлось решать множество сложнейших задач. Никаких предварительно разработанных проектов оборонительных рубежей, естественно, не было. Ведь до нападения фашистов на СССР никто не мог и предположить, что война будет вестись на советской территории, да еще в такой глубине! В обычное время одни изыскательские работы на местности при самых высоких темпах потребовали бы многих месяцев. Не было и квалифицированных кадров для проведения проектировочных работ. Да и строительные кадры по своей подготовке были не на высоте. Их ядро составляли инженерно-технические работники строительного-монтажных управлений Наркомата по строительству. Они замечательно трудились в мирное время, но строительство фортификационных сооружений для них, как и для самого Комаровского, было делом новым.

Комаровский и его ближайшие помощники учились на ходу. Функции Шперка как консультанта расширились до необозримых пределов. Он консультировал и проекты рубежей, и помогал инженерам управления осваивать фортификационное дело. Работали в тесном контакте с инженерными службами фронтов. И дело шло. Составлялись и докладывались начальникам штабов и командующим войсками Южного и Юго-Западного фронтов проекты оборонительных рубежей, одновременно на места направлялись строительные коллективы, которые сразу же приступали к работам. Армейское командование придавало им военно-строительные батальоны, местные партийные, советские и комсомольские органы мобилизовывали на строительство оборонительных рубежей население.

Разносторонняя и высокая инженерная эрудиция Комаровского, его способность быстро осваивать новое дело сказывались во всем. «В моих консультациях вы больше не нуждаетесь, — сказал ему как-то Шперк. — Если бы все произошло не у меня на глазах, я бы не поверил, что за столь короткое время можно так глубоко вникнуть в премудрости фортификации. Ваши доклады, а особенно предложения на Военных советах фронтов производят впечатление, будто вы профессиональный фортификатор».

Шперк, конечно, мог только догадываться, чего стоило Комаровскому достичь этого. Но в том-то и состоял его талант, что, что-либо освоив, он тут же искал и находил пути наиболее полезного приложения новых знаний к практическому делу. Он вносил различные предложения

Военным советам фронтов относительно того, как упростить элементы оборонительных сооружений, не снижая качества, как лучше использовать условия местности, чтобы уменьшить объем строительных работ, а значит, и ускорить сооружение оборонительных рубежей. Эти предложения всегда были обоснованы, конкретны и неотразимы точностью расчета. Шперк каждый раз поражался простотой и оригинальностью найденных Комаровским решений.

Напряженно участь, Комаровский тут же использовал приобретенные знания на практике. Этого он требовал и от подчиненных, особенно от руководителей на участках оборонительных работ. На коротких совещаниях, когда выезжал на места, Александр Николаевич постоянно напоминал инженерно-техническим работникам об их ответственности. «Обстановка на фронтах крайне тяжелая и опасная,—говорил он.—Враг вот-вот может выйти к рубежам. Дорог каждый час: мы просто не имеем права рассчитывать на дополнительные инструкции и указания. Задание в общем плане ясно. Думайте, дерзайте, предлагайте, мы всегда поможем, но делайте, делайте все быстрее».

Многое, очень многое не удовлетворяло Комаровского во время поездок на места. Как инженер он, конечно, понимал, сколь неимоверны трудности, с которыми приходилось сталкиваться внезапно ставшими фортификаторами строителям и монтажникам. Но он стремился «выжать» из себя и подчиненных все возможное и невозможное. Таково было веление времени— грозное, не прощающее ошибок и промедления.

— Будем учить людей на ходу, на практике, — сказал Комаровский Шперку после одной из поездок на строительство. — Наши установки и инструкции одновременно должны быть учебными пособиями.

С непосредственным участием Комаровского штаб управления составлял и направлял на места детальнейшие наставления по рекогносцировке конкретных участков оборонительных рубежей, типовые проекты и решения отдельных узлов оборонительных сооружений с подробными пояснениями и рекомендациями. Широко практиковалась комплексная проверка организации и хода строительства отдельных рубежей. По итогам проверки составляли подробные документы, которые направляли для руководства на все строительные участки.

Об успехах в этих документах не говорилось — указывались лишь ошибки и недостатки, меры к их устране-

нию. Чтобы представить характер этих документов, целесообразно привести некоторые выдержки из них.

«Часто огневые сооружения возводятся на выраженных местных предметах — вершинах холмов, курганах., заметных издали и зачастую нанесенных на карты. Такие сооружения будут легко разбиты артиллерией противника и войсками заниматься не будут».

«На ровной местности возводятся сооружения с высокими насыпями, сразу выдающими местонахождение огневой точки, становящейся легкой жертвой артиллерии противника».

«На некоторых участках... огневые сооружения располагаются чрезвычайно кучно., благодаря чему противник имеет возможность расстреливать их, не меняя прицела, в силу естественного рассеивания снарядов».

Эти и другие аналогичные документы делились как бы на две части. В одной, практической, части указывалось, в чем заключается та или иная ошибка, во второй, учебной, как ее называл Комаровский, на конкретных примерах раскрывались принципы искусства фортификации.

Подобные технические директивы, действенный повседневный контроль за их выполнением способствовали быстрому освоению инженерно-техническими работниками необходимых знаний, позволили избежать многих ошибок и создать в дальнейшем линию обороны, в целом соответствующую заданиям военного командования и законам фортификационного дела.

Однажды Комаровского вызвали по ВЧ из Генерального штаба.

— Вы назначены заместителем начальника Главного управления оборонительного строительства Наркомата обороны, сокращенно ГУОС, — пророкотал густой бас на другом конце провода.

— Что это значит конкретно? — спросил Комаровский.

— Пока ничего, — ответил бас. — Учтено, что у вашего управления по сравнению с другими самый большой объем и фронт работ. И весу для контактов с местным начальством у вас больше будет.

Возвращаясь в управление, Комаровский недоумевал: «О каком еще моем весе они там пекутся? Само дело весит, и как еще, все это понимают». В голове как бы разом предстало все сделанное. Да разве мог бы коллектив пятого управления оборонительных работ один, без раз-

восторженной помощи отовсюду в такое короткое время и такими темпами развернуть колоссальные работы на тысячекилометровом фронте! Все начальство буквально печется о нуждах фронта. Это ведь не просто лозунг «Все для фронта, все для победы!». Всевозможные ресурсы Харьковской области по указанию первого секретаря Харьковского обкома партии А. А. Епишева мобилизованы на нужды строительства оборонительных рубежей. «Работать нужно, чем упорнее будем работать, тем больше веса будет у нас, если он действительно нужен», — подытожил свои мысли Комаровский.

Напряженность работы на строительстве оборонительных рубежей интенсивно нарастала. И все же командование фронтов подгоняло, настойчивые требования ускорить работы шли из Москвы.

— Тяжело войскам, очень тяжело, — говорил Комаровскому Епишев. — Противник хорошо моторизован и потому мобилен. Нашим войскам не за что зацепиться, кругом ровная степь, естественных препятствий нет. Я знаю, командование большие надежды возлагает на оборонительные рубежи.

Чтобы успевать везде, Комаровский сменил автомашину на «трудягу войны» — самолет У-2. Теперь вместе с Шперком и другими ближайшими сотрудниками он умудрялся в течение дня побывать на многих участках огромного «строительного фронта», что позволяло своевременно выправлять неизбежные поначалу ошибки, оперативно влиять на ход работ. Однажды на самолет напал «мессершмитт». Пытаясь быстро приземлиться, летчик не рассчитал и почти швырнул У-2 на землю. Хрупкий самолетик получил серьезные повреждения. Пассажиры, как говорится в таких случаях, «отделались испугом». Комаровский был ранен в ногу.

Враг все ближе подходил к строящимся рубежам. Убедившись, что советское командование не имеет возможности обеспечить их противовоздушной обороной, гитлеровцы ежедневно высылали на рубежи по нескольку самолетов. Безобязненно в одиночку летали они над линией строительства, обстреливали ее из пулеметов, иногда бомбили, а чаще проносились над строителями бредущим полетом. Видимо, фашисты считали, что они и так сумеют сорвать работы. Положение сложилось тяжелое. Производительность труда строителей в дневное время снизилась, и упущенное наверстывали ночные смены. Но, разгадав

тактику врага, строители приспособились работать и днем. Они уходили в укрытия только когда самолет нацеливался прямо на них, а многие и в этих случаях продолжали работать.

Однажды Комаровский случайно подслушал разговор.

— Вы почему не ушли в укрытие? — распекал инженер кого-то из рабочих.

— Работы много.

— Но ведь самолет пронесся прямо над вами. Вас же могло убить.

— Нет, не убило бы. Он только пугает, а я не пугаюсь.

Дальше Комаровский слушать не стал. Что мог он сделать, когда и укрытий настоящих на строительстве почти не было.

«Непугавшийся» рабочий, конечно, преуменьшал опасность. Потери от вражеских воздушных налетов росли с каждым днем. В ряде мест противник находился в непосредственной близости к рубежам. В верхней (по течению Днепра) части рубежа одно из строительных подразделений было захвачено прорвавшимися гитлеровцами. На станции Алексеевка фашистские самолеты разбомбили эшелоны с прибывшими на строительство студентами Харьковского медицинского института.

Были и курьезные, если можно к тем обстоятельствам применить это слово, случаи. Движимые искренним стремлением помочь важному делу, различные организации направляли на рубежи экскаваторы с оставляемых строек. Для строителей оборонительных рубежей эти машины стали обузой, так как они были малоподвижны — сгрузить и доставить их на места стоило большого труда, а главное, работали они на дизельном топливе, которое достать было невозможно. Гитлеровцы же, просматривая местность с воздуха, видимо, принимали экскаваторы за тяжелые орудия или не понимали, что это такое. Поэтому они каждый раз ожесточенно бомбили места, где обнаруживали экскаваторы.

Комаровский разослал во все места телеграммы с просьбой прекратить отгрузку на рубежи ненужных в конкретных условиях механизмов. Кое-где его стали за это упрекать в антимеханизаторских настроениях.

— Не обращайтесь внимания, — утешал его Шперк. — Требуйте прекратить отгрузку нам экскаваторов. А те, что прислали, погибли не напрасно. Не одну сотню бомб

сбросили на них фашисты. Трудно представить, что было бы, если бы эти тонны на наши объекты обрушились.

Менее чем за два месяца в невероятно тяжелых условиях строители смогли все же выполнить значительную часть работ по устройству систем противотанковых и противопехотных препятствий. Однако враг, во многом превосходивший советские войска, продвигался быстро, и необходимость в завершении строительства оборонительного рубежа на ряде участков вообще отпала. Усилия строителей были сконцентрированы на сооружении оборонительных объектов на подступах к Харькову и Сталино. Укрепления у Харькова были построены полностью и сыграли определенную роль в изматывании противника. Опираясь на них, советские войска нанесли врагу большие потери в живой силе и технике.

Харьков, как известно, был оставлен советскими войсками по приказу Ставки Верховного Главнокомандования в связи с общей обстановкой на фронте. Пятое управление оборонительных работ до последнего дня находилось в городе: фашистские войска входили в Харьков с одной стороны, а управление со всем своим имуществом в это же время покидало его с другой. Перед коллективом управления было поставлено новое задание — строительство оборонительных рубежей по рекам Дон и Медведица. Иными словами, уже тогда стали приниматься меры для обороны подступов к Сталинграду.

В начале ноября 1941 года Комаровский был вызван в Наркомат обороны. Лететь пришлось на бомбардировщике, согнувшись, сидя в его переднем холодном отсеке. Холод не отвлекал от горестных мыслей. Хотя и чувствовалось, что гитлеровский блицкриг с самого начала войны стал давать осечки, обстановка на фронтах все же повсюду складывалась в пользу противника. Горестные мысли вызывало и новое задание: строить оборонительные рубежи под Сталинградом! Это же глубокий тыл! Позже, когда на ход войны можно было посмотреть с расстояния времени, Комаровского восхитила предусмотрительность Ставки Верховного Главнокомандования, во всем объеме понимавшей, с каким сильным противником страна имела дело и не исключавшей возможности дальнейшего проникновения вражеских войск в глубь советской территории, видевшей, что война приобретет затяжной характер, и делавшей из всего этого необходимые практические выводы. Но тогда, осенью 1941 года, решение командования стро-

ить оборонительные рубежи, казалось бы, в самом глубоком тылу вызвало удручающие чувства. Они не колебали ни уверенности в победе, ни стремления отдать для ее достижения все силы. Они скорее были отражением происходящего в головах людей переосмысливания своего подхода к войне, неизбежным следствием расставания с привычными представлениями о том, что агрессор далеко на советскую землю не продвинется и будет скоро разгромлен. Крушение этих представлений, естественно, вызывало горечь, удручало.

«Черт возьми! Ни минуты нельзя быть без дела! — сердился на свое состояние Александр Николаевич. — Когда работаешь, думаешь только о деле, тогда легче, тогда не лезет в душу эта надсадная тоска».

Москва оказалась по-военному суровой и подтянутой. Во всем: и в образцовом уличном порядке, и в пересекающих улицы противотанковых заграждениях, и в деловито обучающихся строю и приемам рукопашного боя подразделениях ополченцев, и в спокойных, сосредоточенных лицах москвичей, и во многом другом явственно проявлялась собранная воедино непреклонная воля всего народа не отдать Москву на поругание врагу, сокрушить его под стенами столицы.

Оказалось, что Комаровский был вызван для отработки схемы новых рубежей обороны, которые предстояло сооружать пятому управлению оборонительных работ. Указания теперь давались более конкретные, чем когда он направлялся на Южный и Юго-Западный фронты, и это с удовлетворением отметил про себя Александр Николаевич. И хоть неприятно кольнуло в сердце, когда он узнал, что гитлеровцы в ряде мест непосредственно угрожают выйти к родному ему каналу Москва — Волга, вся обстановка в Москве, деловитость в Генеральном штабе дали ему дополнительный заряд энергии и бодрости. Да и предстоящая работа его не так волновала, как в первый раз. Строить нужно было то, что уже строили: противотанковые рвы, эскарпы и контрэскарпы, доты и дзоты, командные и наблюдательные пункты, окопы и ходы сообщения. «В общем работа теперь знакомая. Коллектив управления имеет необходимый опыт. Остальное приложится», — размышлял Александр Николаевич на пути к аэродрому.

До Сталинграда Комаровский долетел попутным самолетом. Выяснив, как размещаются подходившие первые подразделения пятого управления оборонительных работ,

он сразу же направился в обком партии, к его первому секретарю А. С. Чуянову, одновременно и председателю городского комитета обороны Сталинграда.

Чуянов кратко познакомил его с функциями городского комитета обороны.

— Теперь, — сказал он, — одной из основных задач комитета будет оказание всемерной помощи строительству оборонительных рубежей. Обращайтесь ко мне в любое время суток.

Вместе с другими руководящими работниками обкома партии Чуянов и Комаровский по карте внимательно «обследовали» намеченные рубежи. Беседа оказалась очень полезной. Превосходно знавшие местность руководители обкома партии дали много ценных советов, позволивших внести коррективы в проекты расположения ряда рубежей.

Встречи с Чуяновым происходили почти каждый день. Однажды Чуянов позвонил Комаровскому и попросил срочно заехать к нему.

— Здравствуйте, товарищ командарм, — улыбаясь, приветствовал Чуянов Александра Николаевича и тут же пояснил: «Недавно разговаривал с Москвой. Сказали, что ваше управление переформируется в 5-ю саперную армию и вы назначены ее командующим».

В тот же день Комаровскому позвонили из Генерального штаба. Сообщение Чуянова подтвердилось. Было добавлено также, что бригадир инженер Комаровский остается заместителем начальника ГУОС (переименованного в дальнейшем в Главоборонстрой НКВ СССР).

Новость очень обрадовала Александра Николаевича. Ведь, помимо всех других забот, ему приходилось решать вопросы, связанные с разнородностью подчиненных ему людей: одни были гражданскими, другие — военными. Теперь все становилось в удобные для руководства, строго военные рамки. Прибавилось и помощников. Особенно рад был Александр Николаевич образованию политотдела в армии и введению должности члена Военного совета. Греха таить было нечего, политработа среди строителей велась не на том уровне, какой требовался в тех условиях. Выручали высокая политическая сознательность и патриотизм рабочих и инженерно-технических работников.

Членом Военного совета был назначен опытный и энергичный политработник бригадный комиссар И. А. Григоренко, много сделавший для укрепления дисциплины и

организованности в армии, в выполнении задач по строительству сталинградских рубежей обороны.

Все оборонительные рубежи, которые предстояло возвести 5-й саперной армии, были разделены на участки. Соответственно им образовывались военно-полевые строительства. Война диктовала свои законы. Строители выходили на работу сразу же, как только прибывали на места. Крайне неблагоприятные погодные условия резко усугубляли трудности. Стояли тридцатиградусные морозы со жгучими ветрами и метелями. В почти плоских сталинградских степях такая погода оказалась подлинным бичом для строителей. Автомашины с продовольствием и всем необходимым для строительства и жизни с трудом пробивались по заметенным пургой дорогам. Первостепенной задачей стала борьба с обмораживанием людей, для чего на заводах было изъято большое количество технического вазелина.

Но особенно сильно влияла погода на сами работы. Замерзшая земля была твердой как гранит. Ее не брали никакие инструменты и механизмы. Оставалось одно: взрывать. 23 ноября 1941 года Комаровский подписал приказ по 5-й саперной армии, согласно которому в каждой саперной бригаде создавались группы подрывников из расчета пять человек на батальон. В каждой саперной бригаде из числа командного состава назначался ответственный руководитель подрывных работ.

В подрывники были отобраны наиболее смелые, имевшие хорошую для того времени общеобразовательную подготовку красноармейцы. В течение пяти-семи дней они проходили обучение и направлялись на работы.

Всю зиму 5-я саперная армия «вгрызалась» в замороженную неподатливую сталинградскую землю. Внешне строящиеся рубежи напоминали передовую линию фронта в разгар ожесточенной артиллерийской дуэли. На всем их протяжении происходили взрывы, в воздух вздымались окаменелые глыбы земли. Там, где взрывами снимался верхний промерзший слой, к работам сразу же приступали экскаваторы. Значительный объем работ производился вручную. Вместе с солдатами отважно трудились жители Сталинграда и окрестных селений, вышедшие на оборонительные работы по призыву областного комитета партии.

На этот раз рекогносцировка и строительство рубежей, несмотря на суровые погодные условия, начались более организованно и, что особенно радовало Комаровского,

профессионально грамотно. Этому способствовал не только накопленный инженерно-техническими работниками опыт на строительстве южных рубежей, но и утвержденные в конце 1941 года начальником Генерального штаба Маршалом Советского Союза Б. М. Шапошниковым указания по строительству батальонных районов в зимних условиях на полевых укрепленных оборонительных рубежах.

Производство оборудования для рубежей было развернуто на сталинградских предприятиях и находилось под постоянным контролем обкома партии и комитета обороны Сталинграда. Вместе — командование 5-й саперной армии и заводские конструкторские бюро искали пути и способы ускорить производство оборудования. Творческий поиск нередко давал весьма значительные результаты. Как-то в беседе с Чуяновым Комаровский посетовал на трудоемкость сооружения дотов из монолитного железобетона:

— Но дело не только в трудоемкости. Морозы и ветры дикие. Все вот думаю: как с бетоном быть? Вовить его из города нельзя — застынет. Передвижных бетономешалок у нас нет. Топлива для обогрева тепляков тоже нет. Досок для опалубки мало. Может статься, что монолитный железобетон мы вообще не сможем применять.

— Мда! Серьезный оборот принимает дело, — вдумавшись в слова Комаровского, заволновался Чуянов. — Надо тревогу бить, просить Москву о помощи.

— Москву все сейчас просят, а она не дойная корова. Что она сейчас может дать? Самим нужно что-то придумать. У меня есть идея. Думаю, стоящая. Вот посмотрите. — Комаровский вынул из портфеля чертежи и пододвинул их Чуянову. — Уверен, что доты и многие другие сооружения можно из подготовленных заранее на заводах деталей собирать. Подсчитывал, обойдется все дешевле и быстрее. И по прочности, на мой взгляд, такие сооружения будут не хуже, чем из монолитного бетона.

Вдумавшись в записи Комаровского, Чуянов загорелся.

— А что? — воскликнул он. — Попытка не пытка. Давайте еще раз обмозгуем, проверим все, и, может быть, получится. Порадуем Москву.

Чуянов выделил опытных инженеров, которые совместно с военными строителями под руководством Комаровского взялись за опыты. Результаты подробно протоколировали. Комаровский хоть и не был по образованию фор-

тификатором, но знал: сборных дотов нигде никогда не делали, и поэтому волновался, сам следил за всем. По сути, это было новое слово в фортификационном строительстве. Волновался и Чуянов. Глубоко вникнув в доводы Комаровского, он понял, что в настоящих условиях сооружения из монолитного бетона не построить. Но война не считалась с условиями: оборонительные рубежи должны были быть созданы! В новаторском предложении Комаровского секретарь обкома партии видел единственную реальную возможность решить задачу своими, местными силами.

Вскоре были разработаны наиболее оптимальные образцы железобетонных транспортабельных деталей. Собранные из них доты многократно подвергались испытаниям на поражаемость артиллерийским оружием. Каждый раз испытания давали замечательные результаты: сборные доты ни в чем не уступали монолитным.

— Что же, будем запускать в массовое производство? — спросил Чуянов, обрадованный итогами испытаний и приведенными Комаровским теперь уже конкретными подсчетами экономии времени.

— Надо, — твердо ответил Комаровский. — Время не ждет.

Задания на изготовление деталей были даны нескольким заводам, и вскоре по разработанным собственным проектам строители стали сооружать доты. О достигнутом успехе Комаровский сообщил в Москву. Оттуда последовало неожиданное телеграфное распоряжение: прекратить самовольство и строить доты только из монолитного железобетона. «Вот тебе и порадовали Москву», — досадовал Комаровский, прочитав распоряжение.

Конечно, понять это распоряжение было можно (мало ли что выдумают на местах!), но принять его ни командование 5-й саперной армии, ни Сталинградский обком партии никак не могли — слишком уж очевидны были преимущества нового способа сооружения дотов. Командование армии и обком партии написали по своим инстанциям аргументированные письма, в которых настаивали на осуществлении своих предложений.

В разгар конфликта в Сталинград прибыл Маршал Советского Союза Буденный, командированный Ставкой Верховного Главнокомандования для инспектирования строительства сталинградских рубежей обороны. Ознакомившись с доводами строителей и обкома партии, Семен

Михайлович позвонил в Генеральный штаб, но там уже во всем разобрались и одобрили инициативу командования 5-й саперной армии.

Вместе с Семеном Михайловичем в его зеленом «бьюнке» с цепями на колесах Комаровский объехал все интересовавшие маршала объекты.

Рассматривая из машины раскинувшуюся вокруг бескрайнюю степь, Семен Михайлович задумчиво сказал:

— Вот ведь как техника войну меняет. Раньше, в гражданскую войну, степь способствовала тем, кто на коне. Так и говорили: «Ускакал в степь — ищи ветра в поле». А теперь куда на коне ускачешь? Самолеты найдут, разбомбят. Теперь хозяин в степи тот, у кого самолеты и танки. А если их мало, то строй препятствия, рубежи обороны. Столько саперных работ, как сейчас, я ни в первую мировую, ни в гражданскую войну не видел.

Сооружаемые рубежи обороны Семен Михайлович осматривал подробно, придирчиво, но остался доволен.

— Эко разрыли! — указал он на противотанковый ров. — Здесь, чтобы пройти, не танк, а прямо-таки земледельческий дредноут нужен.

Перед отъездом из Сталинграда Семен Михайлович спросил:

— Ну а как осуществляется ваша инициатива?

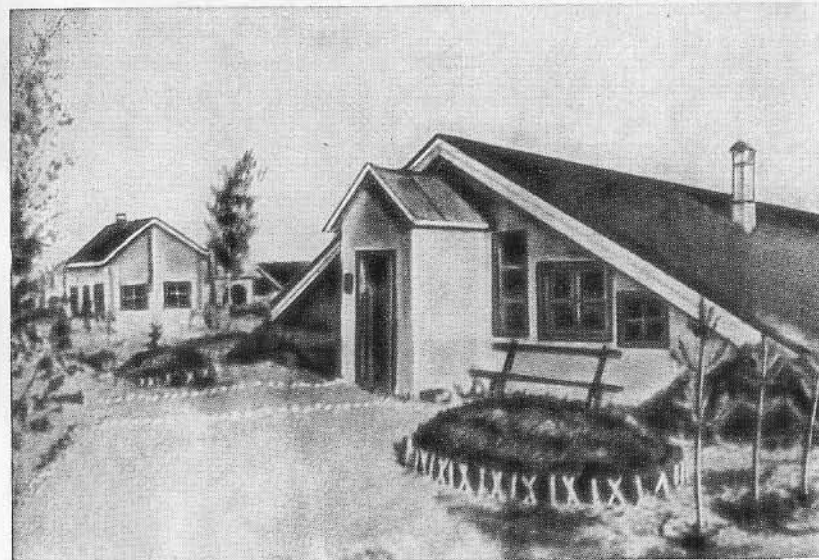
В это время инициатива была уже облечена в четкие производственные задания коллективам ряда сталинградских предприятий. В дальнейшем Комаровскому с группой инженеров удалось улучшить конструкцию сборных дотов и почти вдвое сократить число составлявших ее элементов, значительно снизить расход цемента на их изготовление. Позже, когда были подведены общие итоги строительства оборонительных рубежей, выяснилось, что все это привело к снижению стоимости всех сборных дотов на 1,5 миллиона рублей и дало возможность из сэкономленного цемента соорудить дополнительно еще около 200 дотов.

Инженерный талант Комаровского проявлялся все ярче, выражаясь в постоянном поиске новых, более эффективных способов строительства оборонительных рубежей и их объектов. Идея создания сборных дотов и ее реализация были первым шагом. обстоятельно изучив местность, Комаровский нашел, что во многих случаях целесообразнее вместо дотов устанавливать бронеколпаки.

А. Н. Комаровский.
30-е годы.

Такие полуземлянки
сооружали
для строителей
Бакалстроя. 1943 г.

А. Н. Комаровский на Северном флоте. 1968 г.

А. Н. Комаровский с женой. Севастополь, 1969 г.

А. Н. Комаровский среди военных строителей.

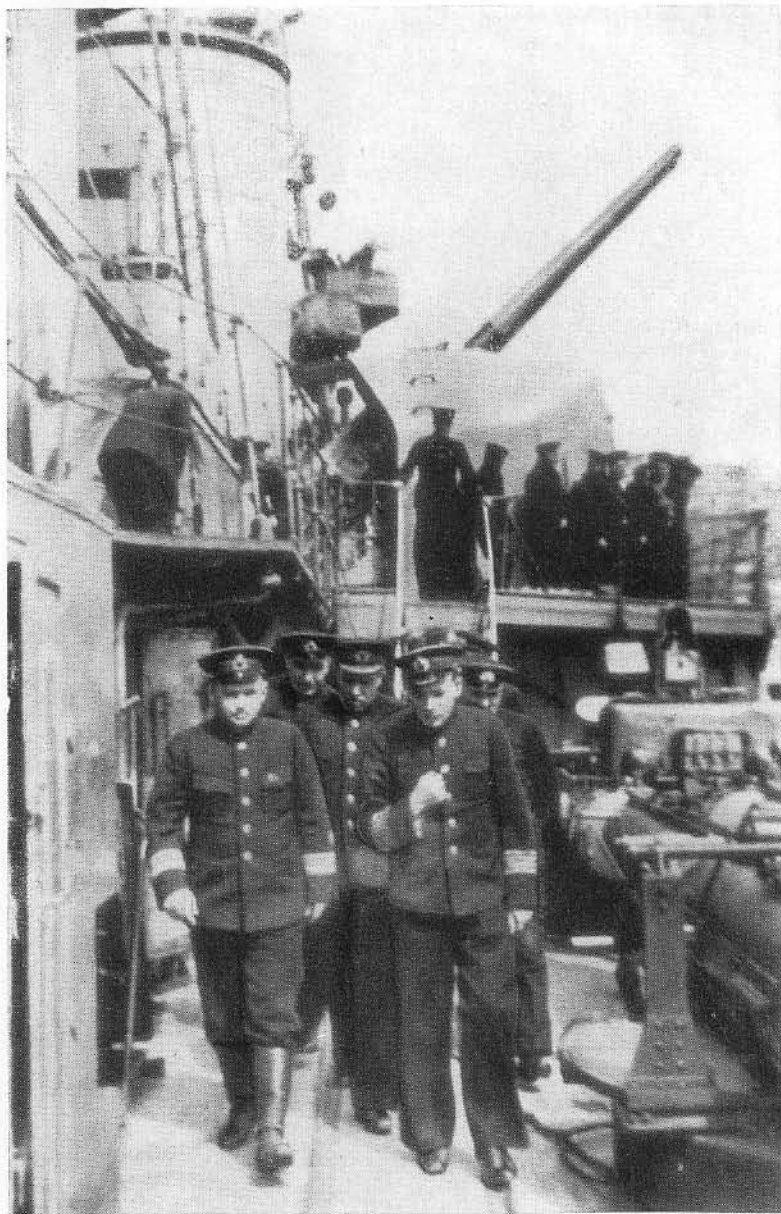
А. Н. Комаровский.

Ф. С. Октябрьский.

Военный совет Черноморского флота разрабатывает план десантной операции. Справа налево: Н. А. Остряков, Ф. С. Октябрьский, П. А. Моргунов, Н. М. Кулаков, И. Е. Петров.

Командующий Черноморским флотом Ф. С. Октябрьский обходит крейсер в дни обороны Одессы. 1941 г.

Ф. С. Октябрьский вручает ордена летчикам.

Ф. С. Октябрьский с группой моряков.

Ф. С. Октябрьский выступает перед моряками.

Командующий Черноморским флотом Ф. С. Октябрьский вручает гвардейское знамя командиру 1-го зенитного артиллерийского полка полковнику Семенову.

Адмирал Ф. С. Октябрьский.

Ф. И. Толбухин, начальник штаба 56-й стрелковой дивизии. 20-е годы.

Ф. И. Толбухин выступает на митинге в освобожденном городе Сталино.

Ф. И. Толбухин и член Военного совета Четвертого Украинского фронта К. А. Гуров (в центре) на Четвертом Украинском фронте. Лето 1943 г.

Ф. И. Толбухин на командном пункте. Севастополь, 1944 г.

Георгий Димитров, Ф. И. Толбухин, С. С. Бирюзов.

Военный совет Третьего Украинского фронта за разработкой плана операции. Слева направо: генерал-полковник авиации В. А. Судец, генерал-лейтенант А. С. Желтов, генерал армии Ф. И. Толбухин, генерал-майор В. М. Лайок, генерал-полковник С. С. Бирюзов, генерал-полковник А. И. Леонов, генерал-полковник инженерных войск Л. З. Котляр.

После совещания накануне Яско-Кишиневской операции. Слева направо: М. Н. Шарохин, И. Г. Шлемин, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин, Н. А. Гаген, Н. Э. Берзарин.

Подписание соглашения между советским командованием и командованием Югославской народно-освободительной армии. Слева направо: И. Броз-Тито, Ф. И. Толбухин, А. С. Желтов. Конец сентября 1944 г.

Маршал Советского Союза
Ф. И. Толбухин.

Командующий Третьим Украинским фронтом Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин и вице-адмирал Г. Н. Холостяков на параде Победы на Дунае. 3 июня 1945 г.

... Делясь своими соображениями с Чуяновым, Комаровский говорил:

— Преимущества здесь очевидны. Бронеколпак весит 300—350, а железобетонный дот 1150 килограммов. Значит, выигрываем на транспорте, а он у нас не ахти силен. А главное, сэкономим цемент, щебенку и песок. Здесь намечается явный дефицит, а мы с вами решили дополнительно построить более сотни железобетонных дотов. Металлы же в Сталинграде есть. Пойдут лом и отходы предприятий.

— Голосую обеими руками! — воскликнул Чуянов. — Вы меня сборными дотами покорили. Я верю в вас.

Наладив производство бронеколпаков, Комаровский со своими помощниками разработал металлическую конструкцию укрытия для станкового пулемета. Она весила 650—750 килограммов вместо 2,7 тонны веса железобетонной конструкции. Одновременно по составленным ими чертежам было развернуто производство металлических наблюдательных пунктов и сборных железобетонных противоосколочных огневых точек. Металлические конструкции изготовлялись на заводе «Красный Октябрь» из производственных отходов и лома.

Теперь, когда новая идея получила признание, Комаровский организовал строгий контроль за тем, чтобы изготавливаемые детали точно соответствовали разработанным образцам: только при этом условии принцип сборности при сооружении дотов и других однотипных объектов мог оправдать себя, способствовать повышению производительности труда и сокращению сроков работ на строительстве оборонительных рубежей. И, наоборот, малейшее отклонение от стандарта нарушило бы сборку, привело бы к резкому снижению качества объектов. Борьба за качество строительства оборонительных сооружений была поставлена во главу угла воспитательной работы среди строителей и рабочих сталинградских предприятий, выполнявших заказы оборонной стройки. Людям разъяснялось, что качество их работы — это главное, оно во многом определяет живучесть и возможности оборонительных сооружений в боевой обстановке, и от него в не малой степени будет зависеть жизнь гарнизонов этих сооружений.

Контроль за качеством продукции для оборонительных сооружений по указанию Чуянова постоянно был в центре внимания заводских партийных организаций. Отделы технического контроля предприятий тщательно выбраковывали

вали детали, имевшие даже малейшие изъяны. Столь же придирчиво принимали продукцию строители. В итоге на строительные объекты поступали абсолютно стандартные детали, что позволяло вести сборочные работы ритмично и высокими темпами.

Эффективность инженерного новаторства Комаровского и его сотрудников умножилась высокой ответственностью военных строителей и трудящихся Сталинграда: во многих случаях работы на рубежах опережали установленные графиком сроки, оборудование для рубежей изготовлялось раньше плановых установок и, как правило, при высоком качестве.

Огромный политический и трудовой подъем строителей вызвала весть о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. Строители обнимали друг друга, бросали вверх шапки, пускались в пляс.

Проезжая вместе с членом Военного совета армии Григоренко мимо одной из веселящихся групп строителей, Комаровский услышал:

— Без нашего брата-сапера ничего бы там не вышло. Под Москвой знаешь, какие рубежи были построены!

Комаровский, улыбаясь, спросил Григоренко:

— Слышите, какой задавака?

— Слышу, — ответил Григоренко. — А ведь этот задавака хоть и преувеличил роль оборонительных сооружений в битве под Москвой, но подал мне важную идею. Нужно провести во всех подразделениях беседы о роли оборонительных рубежей в разгроме фашистов под Москвой, связать их с нашими задачами. А насчет задаваки вы напрасно. Это гордость за свое дело проявляется. И это мне также нужно учесть в работе. Сейчас ведь у бойцов какое мнение о себе? Вроде бы по сравнению с пехотой, не говоря уже о танкистах или артиллеристах, они второго сорта. Этот солдат мне, политработнику, наглядный урок преподавал. Нужно развивать у личного состава гордость за свою принадлежность к военно-строительным частям, вырабатывать военно-строительные традиции.

— Это называется учиться у масс? — пошутил Комаровский и сам ответил: — Нередко мы, руководители, сами задаваками оказываемся. Люди у нас умные, смекалистые, инициативные. Пouchиться у них всегда полезно.

— Вот именно, — сказал Григоренко, и оба углубились в свои думы.

Мысли Комаровского были в Москве: «Как-то там ка-

нал? Испоганено, порушено, наверное, многое». Позже он узнал, что зимой 1941 года по каналу Москва — Волга проходила линия фронта. На берегу Истринского водохранилища гитлеровцы создали сильные укрепления и упорно сопротивлялись во время контрнаступления советских войск под Москвой. Тогда командующий 16-й армией К. К. Рокоссовский образовал две подвижные группы во главе с Ф. Т. Ремизовым и М. Е. Катуковым. 11 декабря была освобождена Истра, а 12 декабря подвижные группы обошли водохранилище с севера и юга и вынудили противника очистить его берега.

В середине января 1942 года строительство сталинградских и донских рубежей обороны было завершено в полном объеме и в соответствии с плановыми заданиями. Как измерить, как оценить проделанный титанический труд! Вот лишь некоторые показатели. Всего под Сталинградом и по реке Дон было построено 2752 километра оборонительных рубежей, в том числе 1860 километров противотанковых рвов, сотни дотов, дзотов и других объектов. В сооружении рубежей приняла участие огромная армия строителей — около 200 тысяч человек.

Объезжая вместе с Чуяновым и Григоренко построенные рубежи, Комаровский всматривался в лица бойцов своей армии — обветренные, многие со следами обморожений. По всему чувствовалось, что люди бесконечно устали, но старались выглядеть бодрыми, подтянутыми. Командиры четко подавали команды, кратко, как и должно, докладывали. Во всем был виден порядок, дисциплина.

— Да, вы не только рубежи построили, — восхищался Чуянов. — Вы воинское объединение создали. Вспомните, как выглядело ваше воинство, когда приехало сюда. Одни штатские, другие военные, почти все небритые, ходили гурьбой. А теперь! Организованное по всем правилам войско.

Комаровскому были дороги и те — небритые штатские и военные. Он знал, что им пришлось перенести на юге и что они сделали там. Но его радовала происшедшая в людях перемена. «Вросли в войну, — размышлял он, — и живут теперь по ее законам. С такими и горы свернуть можно. Так вот и весь народ вырастает в войну, теперь его не сокрушит никакая сила».

Отвечая Чуянову, Комаровский сказал:

— А это уже заслуга Григоренко, результат развернутой им партийно-политической работы.

Видимо, занятый теми же мыслями, что и Комаровский, Григоренко ответил не сразу.

— Конечно, политработа — дело важное, очень важное, — сказал он. — Столь действенной она оказалась еще и потому, что велась на благодатной почве. Люди поняли, что воевать нужно серьезно, упорно и долго, что победа будет достигнута только коллективными усилиями всех и каждого. Может, это на первый взгляд покажется парадоксальным, но я давно уже убедился, что чем ответственной обстановка, тем активнее наши люди. И это закономерно. Люди в такой обстановке отбрасывают все наносное, на первый план выдвигаются и умножаются их патриотизм, сознательность.

— Эх, друзья, все это так, — прервал Комаровский Григоренко. — Людям же от того, что мы ими любимы, легче не станет. Вот что: организуем всем баню, дадим неделю отдыха, кинофильмы нужно доставить в каждое подразделение. Затем, пока не получим новое задание, организуем учебу.

Комаровский имел все основания быть довольным итогами строительства сталинградских оборонительных рубежей. И не только потому, что оно было по всем показателям выполнено и перевыполнено. Его радовало, что в ходе строительства было найдено немало оригинальных инженерных решений, ускоряющих работы и удешевляющих стоимость оборонительных объектов, а главное, улучшивших их качество. Особенно он гордился разработкой и успешным внедрением в практику строительства дотов и других крупномасштабных сооружений из сборного железобетона, что явилось, по сути, новым и чрезвычайно перспективным делом. Как инженер, он понимал, что сборный железобетон имеет большое будущее как в фортификационном деле, так и в строительстве промышленных объектов. В редкие минуты досуга он мечтал, как лучше использовать полученный опыт потом, после войны. Но это «потом» пока еще было далеким. Теперь же нужно было думать прежде всего о войне.

Александр Николаевич считал, что, освоив искусство строительства фортификационных сооружений, он нашел свое место на войне — то место, где он может быть, как ему казалось, наиболее полезным фронту. Чувство гордости вызывали действительно ставшая сплоченным во-

инским объединением 5-я саперная армия, ее командиры, инженеры и техники, выросшие в подлинных мастеров фортификационного дела.

Учитывая опыт, накопленный на строительстве оборонительных рубежей на Украине и под Сталинградом, Комаровский в конце докладной записки в Ставку Верховного Главнокомандования об итогах пределанной работы указал, что 5-я саперная армия готова к выполнению новых заданий по оказанию помощи войскам, действующим на фронте.

Но в Москве лучше были видны наиболее насущные потребности фронта. 22 января 1942 года Государственный Комитет Обороны принял решение:

«Поручить бригадному инженеру Комаровскому — ком. 5-й СА, людей, освободившихся на оборонительном рубеже Сталинградской области (строительных организаций Наркомстроя) в составе: инженеров и техников — 400 чел., мастеров и квалифицированных рабочих — 6 тысяч чел., вместе с автотранспортом и строймеханизмами направить на Бакалстрой».

Это означало, что 5-я саперная армия расформировывалась, а ее коллектив должен был стать ядром коллектива Бакалстроя. Решение ГКО сообщил Комаровскому начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников. В письме маршала содержалось категорическое требование как можно скорее перевозить личный состав и грузы к новому месту работы.

Трудно было пережить столь крутой поворот судьбы. Сознание сверлила мысль: «С фронта в глубокий тыл! Достоин ли это?» Но постановление ГКО нужно было выполнять. Присланное из Москвы расписание транспортировки людей и грузов на Урал было даже для военного времени крайне сжатым, и Комаровский, подавляя свои чувства, с головой ушел в организацию перевозок.

В Москве, куда он заехал, чтобы ознакомиться подробнее с планами нового строительства, Комаровский был принят заместителем начальника Генерального штаба генерал-лейтенантом А. М. Василевским, интересовавшимся более подробными сведениями о сталинградских оборонительных рубежах. Разговор был располагающим, душевным, и Комаровский решился высказать свои горестные мысли.

— Наш коллектив, — сказал он, — приобрел большой опыт строительства оборонительных рубежей и мог бы

оказать большую помощь действующей армии. А нас вот в глубокий тыл отправляют.

— А вы что же, Александр Николаевич, полагаете, что мы всю войну обороняться будем? — вопросом на вопрос ответил Василевский. — Когда-то и в наступление переходить нужно. А для этого необходимо много военной техники. С качественными же сталями для ее изготовления у нас туго. Завод, который вы будете строить, должен дать эти стали — и как можно скорее. Оборонительные рубежи — это ваш вклад в оборону, качественные стали — в наступление наших войск. Думаю, что вам не нужно объяснять, что победа завоевывается не только на полях сражений, но и в цехах заводов. Чтобы вам яснее это стало, скажу, что вашу кандидатуру на пост начальника управления строительства этого гигантского завода, чрезвычайно нужного фронту, я подчеркиваю — именно фронту, выдвинуло не гражданское, а военное ведомство, конкретно Генеральный штаб.

Комаровский понимал и сам значение промышленности в войне, но такой разговор, какой у него получился с Василевским, морально был ему нужен, он окончательно успокоил его.

Бакалстрой! Это слово для Комаровского не было новым. Еще до войны, вращаясь среди руководящих кругов строительных ведомств, он знал, что на Урале на базе Бакальского рудного месторождения в начале 30-х годов было намечено соорудить завод качественных сталей. Но в 1935 году начатое строительство пришлось законсервировать. В августе 1940 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение с 1941 года возобновить работы по сооружению металлургического завода и пустить его первую очередь в 1944 году. Но началась война, и небольшой еще коллектив Бакалстроя был переброшен для выполнения срочных работ в Челябинске.

— По сути, все придется начинать с нуля, — разъяснили Комаровскому в ЦК ВКП(б). — И если по довоенному плану первую очередь завода намечалось пустить в 1944 году, то вы должны дать сталь не позже второй половины 1943 года. Для победы нужны металл, качественные стали, производство которых должно быть развернуто на будущем заводе. Потребитель будет рядом. Ведь Челябинск — крупный промышленный центр.

Работник ЦК, помедлив, решительно добавил:

— На особую помощь не рассчитывайте. Обкому даны указания всемерно помогать вам. Но вы не один будете у него. Челябинская область перегружена эвакуированными предприятиями. Словом, считайте себя на фронте, находите решение сложных вопросов сами. В Сталинграде, как мы тут знаем, вы умели это делать. Но во всех случаях сталь должна быть в 1943 году.

В феврале — апреле 1942 года на место будущей стройки прибыла основная часть коллектива бывшей 5-й саперной армии. Это были высококвалифицированные кадры инженеров и техников, строителей и монтажников, люди, хорошо узнавшие, почему фунт лиха на строительстве оборонительных рубежей. С удовлетворением всматривался Александр Николаевич в их лица, обветренные, решительные, а многие и знакомые. С ними он готов был возглавить любую стройку, такие не подведут!

Но если трудности закаляли людей, сделали их стойкими, упорными, то этого нельзя было сказать о технике — ее тяжелые испытания, как известно, укрепить не могут. Комаровский только сокрушенно покачивал головой, осматривая прибывавшие вместе с людьми изношенные машины, выдавшие виды, обшарпанные, с вмятинами строительные механизмы. «И всем этим работать будем, — несколько подавленно отмечал он про себя. — Ничего другого не дадут, об этом ведь прямо сказали в Москве».

Времени на раскачку война не давала. Прибывавшие подразделения строителей сразу же включились в дело. Отсчет времени строительства металлургического завода под Челябинском велся с момента прибытия на место первых небольших подразделений военных строителей из 5-й саперной армии. Позже, 2 августа 1942 года, в соответствии с решением СНК СССР строительство получило новое название: вместо Бакалстрой стало называться Челябинметаллургстрой и под этим наименованием яркой страницей вошло в летопись героического подвига труженников советского тыла, воинов-строителей в годы Великой Отечественной войны.

Территория будущего завода общей площадью 1200 гектаров и вся округа на многие километры представляла характерную для Южного Урала лесостепь и была покрыта глубоким слоем снега. «Действительно все нужно начинать с нуля, — сказал Комаровский, осматривая с группой инженеров местность, и, пожившись от

пронизывающего холода, добавил: — Пожалуй, с абсолютного нуля».

Обстановка складывалась очень тяжелой. Сложными были организационные вопросы. Теперь Комаровскому вновь приходилось руководить смешанным коллективом, состоявшим из военнослужащих и гражданских работников. Нужно было организовать управление их деятельностью. Прежняя армейская структура была отменена, новая еще вырабатывалась. Особенно ощущалось отсутствие на строительстве партийно-политического органа. Давили хозяйственные заботы. Задачи со многими неизвестными возникали одна за другой. Где расселять людей? Из чего строить жилища, если кругом снежная пустыня? Где взять питьевую воду, если вода в единственной здесь реке Миасс пригодна только для технических целей?

Подобных вопросов было множество. Возникали и на первый взгляд совсем неожиданные. Как только начали прибывать первые эшелоны подразделений военных строителей, командирам стали поступать рапорты строителей об отправке их на фронт, сами командиры с тем же обращались к Комаровскому. Количество рапортов быстро перевалило за сотню. И в каждом обиде: строили, мол, рубежи обороны, себя не щадили, работали днями и ночами, в зимние метели, под вражеской бомбежкой. За что же теперь в тыл направили? Мы на фронте полезнее.

Комаровский задумался, вспомнил свои собственные мысли и чувства, когда получил приказ возглавить Бакалстрой. Пусть другими словами, по-иному выраженные, но именно эти знакомые и понятные ему мысли и чувства волновали подателей рапортов. Поэтому Комаровский понимал: просто отказать — это значит обидеть людей в самом главном, ведь просьба их священна — они просились на фронт и знали, что это значит. «Надо людям рассказать, зачем они здесь, — решил Комаровский, — рассказать, что даст будущий металлургический завод фронту и почему его нужно строить по-фронтовому. Поймут, должны понять».

Собрав совещание руководящего состава, Комаровский начал его резко:

— Зачем нас всех сюда направили, вы знаете. Не нужно вам объяснять, как важно быстрее дать качественные стали танковым и другим военным заводам. Потому тем из вас, кто написал рапорт об отправке на

фронт, отвечаю сразу, на всех рапортах мною наложена резолюция: «Отказать». Впредь подобные рапорты я вообще читать не буду. Но то, что знаете вы, не знают рядовые строители. С ними говорить так, как я сейчас с вами говорю, нельзя. Нужно рассказать им о задачах строительства, сказать то, что мне в свое время сказали: «Строительство оборонительных рубежей — это наш вклад в оборону, построим металлургический завод, дадим сталь — это будет наш вклад в наступление советских войск». И еще вот что: без прикрас, не скрывая ничего, разъяснять людям, какие трудности всем нам нужно преодолеть здесь. Все это прошу сделать как можно скорее, для чего провести специальные собрания строителей по подразделениям.

Комаровский не ошибся. Именно тяжелые условия, трудности, стоящие перед коллективом строителей, сознание того, что даст будущий металлургический завод фронту, оказали на строителей огромное мобилизующее воздействие. «Работать по-фронтовому, преодолевать трудности как на фронте, выполнять задания как боевые» — таков был общий смысл решений собраний строителей.

Этот случай отложил важный след в сознании Комаровского. Он вспомнил строительство канала Москва — Волга. За короткий срок тогда на строительные площадки были собраны многие тысячи инженеров, техников, рабочих. И нередко невозможно было удовлетворить их насущные нужды. Основная масса строителей канала, особенно в глубинных районах, жила хуже, чем жили инженерно-технические работники и рабочие других строек и предприятий. Но люди предпочитали эту худшую жизнь, мирились и с бараками, и с отсутствием клубов и парикмахерских, и с перебоями в подвозе продовольствия. Почему? Потому что каждый из них знал, что он делает, понимал значение своего труда, свое место в нем. Именно поэтому так стойки, так инициативны были люди и на строительстве оборонительных рубежей. Там также каждому был ясен смысл и значение его работы. «Политическая сознательность, патриотизм людей, — подытожил свои мысли Комаровский, — это великая сила, если придать ей конкретное содержание. Нужно, чтобы каждый строитель видел непосредственную связь своего труда с большими и важными задачами, стоящими перед всем коллективом».

В дальнейшем как на Челябинском металлургическом, так и на других стройках отличительной чертой деятельности Комаровского как руководителя было стремление довести до сознания каждого работника конкретное значение его труда, добиться, чтобы все и каждый четко знали свое место и роль в общем деле. «Этим многое определяется, — говорил он руководителям строительных районов, участков и различных служб, — и дисциплина, и трудовое рвение, и инициатива в работе».

Импонировало коллективу то обстоятельство, что строительство по своей структуре напоминало крупное воинское соединение. Во главе строительства стоял бригадир-инженер (Комаровского по старой привычке долго называли на стройке командармом), почти все важнейшие участки и объекты возглавлялись военными инженерами (Комаровский приказал всем командирам обязательно носить знаки различия). И обстановка на строительстве была поистине боевой. Положение «приказ — закон» являлось общим стилем работы, относившимся не только к военнослужащим, но и к вольнонаемным работникам.

Мобилизовывать людей на выполнение стоящих перед ними задач оказалось легче, чем решать, как выполнять эти задачи. Как бы воодушевлены и сознательны ни были люди, они не могли просто прийти в занесенную снегом степь и начать строить. Где-то надо и жить, нужна не только пища, но и прежде всего вода, которой вообще не было, наконец, нужно было иметь, чем и из чего строить.

Обстоятельно изучив обстановку, Комаровский и его помощники пришли к выводу, что начинать строительство с сооружения самого завода нельзя. Было решено первоочередной задачей считать (и на ее решение направить все силы) обеспечение строителей жильем, сооружение дорог и линий электропередачи, создание собственной строительной базы. Только после этого можно было приступить к сооружению самого завода.

Хорошо знавший обстановку, первый секретарь Челябинского обкома партии Николай Семенович Патоличев одобрил решение руководства стройки.

Но не везде этот курс был понят правильно. В некоторых ведомствах полагали, что чем быстрее начнется строительство завода, тем скорее он даст металл. Клубок такого рода рассуждений, обрастая всяческими сомнени-

ями и необоснованными подсчетами, докатился до Наркома черной металлургии. И однажды Комаровскому позвонил нарком Иван Федорович Тевосян. Без предисловия он резко спросил:

— Вы понимаете, что сталь будущего завода нужна в сорок третьем году?

— Понимаю.

— Понимаете, а завод намерены строить во вторую очередь?

— Да. Только при этом условии он вовремя вступит в строй. Иначе я снимаю с себя ответственность.

— Ответственность не брюки, которые каждый сам с себя снимает. Прошу срочно прислать обоснованный расчет.

Комаровский знал Тевосяна как вдумчивого, смелого на решения руководителя и, несмотря на резкий тон его разговора, был доволен оборотом дела. Он был уверен, что Тевосян, вникнув в суть дела, поймет сложившуюся обстановку и поддержит руководство строительства, что избавит от необходимости отвлекаться на объяснения в различных инстанциях в дальнейшем. И действительно, Тевосян не только согласился с представленными Комаровским расчетами, но и в дальнейшем оказывал строительству всемерную помощь.

Первой самой необходимой и неотложной была проблема жилья. Наряду с подразделениями бывшей 5-й саперной армии на строительство ежедневно приезжали вместе с домашним скарбом семьи командиров и вольнонаемных работников, находившиеся на Урале и в Сибири в эвакуации.

— Челябинск и без того по швам трещит. К нам десятки крупных предприятий эвакуировано, — сказал Комаровскому Патоличев. — Поэтому на большую помощь не рассчитывайте. Но на первый случай кое-что выжмем.

По указанию обкома партии облисполком выжимал все, что мог. Строителями и их семьями были уплотнены многие квартиры в Челябинске, все дома в расположенных недалеко от будущего строительства поселках Першино, Казанцево, на хуторе Миасс. В распоряжение управления строительства облисполком передал пустовавшее здание дома отдыха «Каштук». С Соликамского домостроительного комбината стали поступать сборные двухэтажные дома и компактные общежития. Их монти-

ровали, работая круглосуточно, в три смены. Семейных кое-как удалось поселить.

Нужно было срочно обеспечить жильем располагавшиеся в палатках подразделения военных строителей и трудармейцев — военнообязанных, которых по разным причинам военкоматы не призывали в действующую армию и направляли на трудовой фронт.

В марте на строительстве было уже 30 тысяч рабочих.

Комаровский и его помощники долго ломали головы и, наконец нашли выход. Впоследствии Комаровский назвал его «необычным для практики строительства». Из прибрежного ивняка (его, к счастью, оказалось у реки Миасс бесчисленное множество) плелись щиты, которые устанавливались на деревянных каркасах. Пространство между щитами забивалось талой глиной, ее добывали из-под двухметрового замерзшего грунта. Щиты составляли верхнюю половину жилищ, нижняя из одного слоя плетенок заземлялась. Леса было крайне мало. Поэтому он, и то только подтоварник, шел на каркас и пологие крыши. Сверху на крыши укладывался толь, затем шлак, на него слой мелко утрамбованной земли и дерн. Получались полуземлянки.

Строительство их было объявлено ударным делом. Сотни людей дни и ночи плели щиты, сооружали полуземлянки, оборудовали их крышами и печками. В таких же полуземлянках и щитовых казармах размещались штабы подразделений, столовые, медпункты, бани, прачечные. К концу 1942 года было построено 12 рабочих поселков общей площадью 40 тысяч квадратных метров.

Изыскивавший возможность чаще бывать на стройке, Патоличев, видя, как вырастает огромный земляночный город, не переставал удивляться:

— Сюда бы кинооператоров. Ведь потом не поверят, что так вот работали и жили.

— Пусть это будут наши «невидимые миру слезы», — сказал как-то Комаровский. — А кинооператоров пригласим снимать завод, когда его построим. Там тоже будет чему удивляться. Во всей Европе нет такого.

— А успеете?

— Тогда зачем все это, все муки этих людей? С такими все построим! Ни одной жалобы за все время. А ведь и голодные бывают. С подвозом-то продуктов туго. Да и скучно порой.

— Скучно?

— А что? Люди есть люди. К тому же здесь много молодых. Что видят они? Работу по 11—12 часов и топчан.

В один из приездов Патоличев сказал:

— Не могу вашим людям в глаза смотреть. Хоть бы просили что-нибудь. Так я сам выжал для стройки кинопередвижку. Это не ахти как...

— И ахти, и как, — перебил его обрадованный Комаровский. — Это то самое яичко, которое дорого к Христову дню.

Вскоре от одного поселка строителей к другому стала тархатеть старая полуторка с кинопередвижкой. Фильмы были довоенные, всем знакомые, но смотрели их с удовольствием — вспоминалась мирная жизнь. И от этого острее ощущалось значение происходящего. Строго, в абсолютной тишине, прерываемой кашлем застуженных людей, смотрели строители фронтную кинохронику. Дела на фронте снова складывались не в пользу советских войск, и, видя тяжелый ратный труд воинов, строители стремились подпереть их своим трудом. Думал ли кто-нибудь так или это было неосознанным чувством, но каждый раз после демонстрации фронтной кинохроники люди работали еще неистовей.

В ходе строительства жилья решались и задачи обеспечения поселков питьевой водой и электроосвещением. Первым строителям пришлось растапливать снег, пользоваться образовавшимися в раннюю весеннюю пору временными естественными водоемами. Затем пробурили артезианские скважины (нередко до 60 метров), проложили от них водопроводную сеть. Электроэнергию вначале получали от передвижных электростанций, а затем соорудили линию электропередачи длиной в 7 километров и подстанцию с разводящей сетью.

«Вытащишь одну ногу, увязнет другая», — сказал про себя Комаровский, обдумывая, как успеть до наступления весны справиться со строительством дорог. Он знал, что уже в апреле в этих местах начинается интенсивное таяние снега и вода покрывает почти всю ровную поверхность. Земля становится сухой лишь к июню. Без дорог же нельзя было и думать о начале строительства. Комаровский вспомнил привезенный из-под Сталинграда автотранспорт и вздохнул: «По бездорожью развалится за несколько суток».

Проекты решения транспортной проблемы возникали

один за другим и каждый раз отвергались точной, про-
никновенной инженерной мыслью Комаровского. «Не то»,
«не то». Наконец, родилось «то». Просматривая материа-
лы специалистов о состоянии грунта на строительной
площадке и в ее окрестностях, Александр Николаевич об-
ратил внимание, что всюду здесь залегают с частыми вы-
ходами на поверхность мощные пласты дресвы — разру-
шенной скальной породы, перемешанной с крупнозерни-
стым песком. «Она-то нас и выручит», — обрадовался
Комаровский. И тут же пригласил специалистов-дорож-
ников. Те резюмировали: дресва — хороший материал
для дорожных покрытий.

— Теперь, — сказал Комаровский дорожникам, —
остается еще одна нерешенная задача: как построить же-
лезные дороги до наступления весенних паводков?

Тут же коллективно было принято смелое решение:
железнодорожные пути укладывать на спланированной,
но не досыпанной до проектной отметки поверхности.
Полную отсыпку полотна и балластировку производить
в процессе эксплуатации путей. В дальнейшем к концу
1942 года строительство имело 51 километр автомобиль-
ных и 64 километра железных дорог.

Весна была встречена строителями во всеоружии.
На дорогах, покрытых дресвой, шустро, без поломок сно-
вали изношенные, но хорошо отремонтированные авто-
машины. Оправдало себя и смелое решение о сооружении
железнодорожных путей.

Одновременно интенсивно шло сооружение вспомога-
тельных хозяйств строительства: центрального раство-
рного узла, кирпичного завода, цеха металлоконструкций,
деревобделочных и других предприятий. Здесь были
свои трудности, свои нерешенные вопросы. И все они
преодолевались и решались смелой инженерной мыслью
и самоотверженностью строителей.

Весной 1942 года строительство было готово широким
фронтом начать сооружение первой очереди металлурги-
ческого завода. В мае, когда стала выходить своя мно-
готиражная газета, на ее страницах были опубликованы
стихи:

Нарушив сон
Безмолвия лесного,
Злых зимних вьюг
Свирепый ход.
Здесь начал жить
По-боевому строго

Да, по-боевому, строго, по-фронтальному упорно строи-
тели преодолевали и злые зимние вьюги, и свирепый хо-
лод, и другие невероятные трудности.

— Теперь легче будет? — спросил Комаровского Па-
толичев, довольный успехами строителей.

— Самое трудное только начинается, — ответил Ко-
маровский. — Как представишь, что и в какие сроки
нужно построить, — голова кружится.

Что же относилось к первой очереди завода? Это
прежде всего электроплавильный цех из пяти печей, про-
изводительностью по 30 тысяч тонн стали в год каждая,
и почти полукилометровый прокатный цех. По мощно-
сти в то время не было в Европе таких цехов. В первую
очередь строительства завода входило также сооружение
чугунолитейного, кузнечного, ремонтно-механического и
деревобделочного цехов, завода огнеупоров. Необходимо
было также построить плотину на реке Миасс с берего-
вой насосной станцией, центральную компрессорную, ряд
других объектов и все магистральные коммуникации.
Одновременно закладывался город металлургов с таким
расчетом, чтобы в год сдавать по 20—25 тысяч квадрат-
ных метров жилья.

Напомнив Патоличеву эти показатели, Комаровский
сказал:

— Конечно, вся предшествующая работа вывела нас
на финишную прямую. И если уместно это сравнение, то,
значит, мы должны, как и полагается на финишной пря-
мой, до конца напрячься, трудиться из последних сил.
К финишу ведь вовремя поспевать надо. Тевосян все
чаще телефонными звонками наведывается, ждет металл.

— Скоро и я нажимать буду, — пообещал Патоли-
чев. — Значительная часть стали будущего завода пойд-
дет заводам Челябинска и области. Они уже испыты-
вают нехватку стали. А ведь ведутся работы по
усилению их мощностей. Так что я понимаю Тевосяна,
хотя и вижу, что Челябметаллургстрой делает все, чтобы
вовремя прийти к финишу. Сейчас, как никогда, спра-
ведлива поговорка: «Конец венчает дело».

Применительно к новым задачам была усовершенство-
вана структура руководства строительством. Во главе
участков, занявших теперь ведущее положение, стали
опытные специалисты, главным образом военные инже-

неры. Комаровский особенно был обрадован созданием на строительстве политического отдела. Отсутствие специального партийного органа, который обладал бы определенными правами и мог бы целиком сосредоточиться на партийно-политической работе на строительстве, ощущалось с самого начала. Тем более что значительная часть строителей и многие его участки целиком состояли из военнослужащих.

Какого-либо переходного периода от одного этапа строительства к другому на практике не было. Он ощущался лишь в сосредоточении основных усилий на новых участках работы, в нарастании темпов строительно-монтажных работ по всему строительному фронту.

На новом этапе строительства возникали и новые задачи, препятствия и, казалось бы, неразрешимые вопросы. В самый разгар работ на основных объектах вдруг выяснилось, что стройку ожидает «бензиновый голод». Горючее строго лимитировалось, и опережающий все лимиты размах перевозок на строительстве вынудил Комаровского обратиться к Патоличеву.

— На этот раз ничем помочь не могу, — ответил секретарь обкома. — Горючее все расписано до литра. Давайте обратимся в Москву. Речь в данном случае идет не о трудностях, а об угрозе срыва важнейшего задания ГКО. Дело архисерьезное. Тут SOS кричать надо. Иного выхода я не вижу.

— Это тоже не выход, — волновался Комаровский. — В случае положительного и оперативного решения вопроса горючее все равно поступит к нам не скоро. Ни в Челябинской области, ни где-либо рядом с ней оно не производится. А пока подвезут, строительство остановится.

— Может быть, пяток машин с газогенераторными установками возьмете? — сказал Патоличев, смущенный тем, что не мог оказать помощь стройке. — Простите, Александр Николаевич, глушость говорю.

Комаровский понимал, что и секретарь обкома партии не маг-волшебник, но был так расстроен, что, закончив разговор, досадливо сказал про себя: «Тоже подарок, пять машин с газогенераторными установками». И вдруг догадка засверлила мозг: «Газогенераторы! Древесные чурки и другие лесотходы — вот тебе и горючее». Во все концы стройки полетели указания соответствующим специалистам явиться к начальнику строительства.

— Давайте помозгуем, — обратился он к собравшимся. — Секретарь обкома партии обещал дать пяток автомашин с газогенераторными установками. Это нас не спасает. Но ведь газогенераторы — не истребители. Может быть, сумеем сами изготовить газогенераторы и все наши машины переоборудовать под газогенераторное топливо.

Предложение оказалось реальнее, чем думал Комаровский. Специалисты не только поддержали его, но и в ближайшее время обещали дать конкретные предложения. Но там, где «пахло» технической мыслью, Комаровский не мог быть в стороне. Работа велась с его непосредственным участием. Вскоре была продумана технология изготовления газогенераторов собственными силами и в своих мастерских. Сами же и переоборудовали машины на газогенераторное топливо. И все это было сделано так, что практически строительство не останавливалось ни на один день.

— Не таитесь, Александр Николаевич, — шутил по телефону Патоличев. — Поделитесь секретом.

— А мы не таимся. Даже патент не требуем, — в тон собеседнику отмечал Комаровский. — Присылайте всех, кому наш опыт приглянулся.

Опыт действительно представлял большой общественный интерес, и Комаровский, выкроив время, написал статью «О массовом переводе автотранспорта на газогенераторное топливо», которая была опубликована в № 7—8 за 1943 год журнала «Строительная промышленность».

Призыв «Давайте помозгуем» нередко раздавался на совещаниях у начальника строительства. И творческая мысль инженеров, возбуждаемая и направляемая Комаровским, подчас давала возможность строительству выйти из сложных ситуаций, наращивать темпы работ, снижать их стоимость. «Обмозговывались» и возможности удовлетворения личных потребностей строителей. Из производственных отходов изготавливалась мебель различного назначения, металлическая посуда, репродукторы для радиотрансляционной сети. Лаборатория строительства выпускала даже некоторые медикаменты, например стрептоцид. На базе отходов деревообрабатывающей промышленности был построен цех производства гидролизных дрожжей. В определенной дозировке дрожжи добавлялись в суны, что являлось серьезным подспорьем в питании рабочих.

«Мозговали» и на местах — в коллективах, сооружавших те или иные объекты, на подсобных предприятиях. Строительство, за небольшим исключением, не получало нового автотранспорта. В почти полукустарных мастерских было налажено производство большой номенклатуры автомобильных деталей. Поступавшее на строительство оборудование для главных объектов в основном было демонтировано на предприятиях западных районов страны и было некомплектным. Все недостающее — а нередко это были громоздкие и сложные детали — изготовлялось в этих же мастерских. Через много лет после войны Комаровский говорил, что теперь ему самому трудно поверить, как это все тогда удавалось делать в полукустарных мастерских. Но ведь делали же! Строительство нуждалось в большом количестве карбида и кислорода. О централизованных поставках в то время и думать не приходилось. При ремонтно-восстановительном заводе были смонтированы установки, и строительство в достатке обеспечивалось карбидом и кислородом. Там же, на ремонтно-восстановительном заводе, было организовано изготовление самых различных инструментов, производство роликов для электропроводки и даже гвоздей, реставрация электроламп и перемотка электромоторов.

С развертыванием строительно-монтажных работ увеличивалась потребность в квалифицированных кадрах каменщиков, плотников, арматурщиков, слесарей. Большинство же прибывавших на стройку трудармейцев не имело строительных квалификаций. «Учиться в ходе работы» — этот принцип, оправдавший себя на строительстве сталинградских оборонительных рубежей, лег в основу и подготовки кадров массовых профессий.

Широкий размах получило бригадное ученичество, прикрепление опытных рабочих к молодым. В итоге строительство всегда располагало необходимыми кадрами рабочих — строителей разных квалификаций.

Важнейшее значение придавал Комаровский контролю за работой всех звеньев строительства. И раньше и в дальнейшем это был один из основных методов его руководства, один из «секретов» успеха его деятельности. «Как организовать контроль исполнения?» — к ответу на этот вопрос начальника управления Челябинметаллургстроя должен был быть всегда готов каждый руководитель строительно-монтажных работ или подсобного предприятия. Способность организовать контроль рассматри-

валась Комаровским как один из важнейших показателей при оценке деловых качеств инженерно-технических работников.

В масштабе строительства для постоянного и оперативного контроля была создана особая инспекция. Специальное положение, разработанное под руководством Комаровского, гласило, что особая инспекция существует на правах самостоятельного отдела, ее начальник непосредственно подчиняется начальнику управления строительства. Функции были сформулированы кратко:

а) контроль и проверка исполнения издаваемых начальником управления строительства приказов;

б) выполнение особых заданий, полученных лично от начальника строительства;

в) наблюдение за ходом выполнения плана и графика работ;

г) контроль за санитарно-бытовыми условиями во всех подразделениях, за проведением в жизнь инструкций и положений, регламентирующих внутренний порядок и режим.

Благодаря особой инспекции Комаровский добивался своевременного и четкого выполнения своих приказов и распоряжений, всегда в деталях был осведомлен о ходе выполнения планов и соблюдении графика работ, знал, чем занимаются и как живут все подразделения строительства. Он своевременно узнавал о всех неполадках и недочетах, мог принять оперативные меры по их устранению и предупреждению. Деятельность особой инспекции была важна и для воспитания ответственности командиров производства. Каждый знал, что положение и ход дел на вверенном ему участке находится под неусыпным контролем, что любое его упущение сразу же подвергнется всестороннему анализу и немедленно станет известно начальнику управления строительством. Характеризуя роль особой инспекции, Комаровский впоследствии писал, что «была она весьма эффективна и способствовала правильному и своевременному сооружению большинства объектов».

С образованием политического отдела на строительстве была развернута широкая массово-политическая работа, все более действенным становилось социалистическое соревнование. Однажды, когда к Комаровскому «заглянул», как он любил называть свои поездки на строительство, Патоличев, секретарь положила перед началь-

ником управления строительством какую-то бумагу. Прочитав ее, Комаровский нахмурился.

— Что-нибудь случилось? — спросил Патоличев.

— Да. Флаг спустили.

— Что это значит?

— У нас установлено: на всех объектах, выполняющих суточный план, вывешивается красный флаг. Если план не выполняется, флаг немедленно снимается. Это ЧП. О каждом подъеме и спуске флага немедленно докладывается мне и в политотдел.

Извинившись, Комаровский вызвал главного инженера, приказал ему совместно с политотделом и особой инспекцией разобраться на месте в причинах спуска флага, принять необходимые меры и результаты доложить ему.

— Расскажите подробнее, — попросил заинтересованный Патоличев.

— Мы добиваемся подлинной действенности соревнования, — ответил Комаровский. — Стараемся, чтобы оно помогало выявлять и устранять недостатки и их причины. Ведь в невыполнении плана тем или иным объектом повинны разные люди и обстоятельства. Иногда флаг спускается не по вине соревнующихся. Скажем, не подвезли раствор или металлоконструкции оказались некомплектными. Иногда при рассмотрении причин спуска флага столько узких мест обнаруживается, что приходится многое перетрясать. Это один плюс. Второй вытекает из первого: за каждый поднятый или снятый флаг несут ответственность не только те, кто работает на данном объекте, а и те, кто обеспечивает их работу, вплоть до начальника управления строительством. И третий плюс: соревнующиеся понимают, что соревнование — не формальность и малейшая их нерадивость сразу же отзовется по всей цепи, сразу же становится известна мне и политотделу. Красные вымпелы установлены и для бригад, выполняющих нормы свыше 125 процентов. Тут тот же порядок: вымпел снят, сразу же звонок в управление строительством и в политотдел. Так что удержать вымпел не легче, чем его завоевать.

— Интересно, интересно. Как это вы додумались? — Патоличев сел поудобнее, рассказ Комаровского его увлек.

— Не я, а мы. Само родилось в процессе поиска.

— Поиска? И тут поиск?

— Поиск во всем нужен. Сначала все делалось по стереотипу. Принимались обязательства, боролись за их выполнение, затем подводились итоги, мы награждали отличившихся, через некоторое время опять проверяли, хвалили лучших, стыдили отстающих.

— Что же не понравилось?

— Все. Всех тех трех плюсов, о которых я говорил, по сути, не было. Причины недостатков и их виновники выявлялись с запозданием, когда и меры подчас было поздно принимать, а это снижало ответственность обеспечивавших строительные коллективы различных служб. Да и сами передовики, бывало, успокаивались — флаг за ними до следующей проверки, если где что запускали, рассчитывали потом подогнать. При определенных условиях такое соревнование в пустой формализм может вылиться. Так, впрочем, и бывало: шуму много, плакаты везде развешаны, а соревнование буксует.

Патоличев объехал с Комаровским ряд объектов. На этот раз он интересовался главным образом организацией соревнования. Одного из рабочих Патоличев спросил:

— А кто флаг вам снимает, если план не выполняете?

— Сами.

— Как увидим, что план валится, так и снимаем, чтобы начальство срочно меры принимало.

— А если не снимете?

— Все равно скоро станет известно о невыполнении плана. Тогда стыда не оберешься за неспущенный флаг. Лучше уж самим его спустить.

— А кто поднимает флаг? Тоже сами?

— Нет. На это команда дается, когда у начальства на планерке итоги подобьют.

Патоличев уехал. А через несколько дней в политотделе работали инструкторы обкома партии для изучения, как им сказал Патоличев, «передового опыта организации социалистического соревнования в условиях скоростного строительного производства».

Количество переходит в качество. Пришло время, и этот непреложный жизненный закон, казалось, сразу изменил весь облик стройки. Ровно через девять месяцев после выгрузки первого эшелона военных строителей — 7 февраля 1943 года коллектив Челябинского металлургического завода рапортовал Государственному Комитету Обороны о завер-

шении строительства и сдаче в эксплуатацию первой очереди металлургического гиганта. Даже в мирное время «на всем готовом» столь грандиозные работы в такой короткий срок не производились. Рапорт был опубликован в центральной печати. О замечательном свершении строителей узнала вся страна.

Коллектив Челябинметаллургстроя, как и все советские люди, с затаенным вниманием следил за грандиозной Сталинградской битвой. Но у него были и свои особые причины волноваться за ее исход. Ведь костяк коллектива, начиная с начальника управления строительством, состоял из бойцов и командиров 5-й саперной армии, строившей Сталинградские оборонительные рубежи. Развернувшаяся у берегов Волги битва была суровым экзаменом не только для защитников города-героя, но и для них — бойцов 5-й саперной армии и ее боевого командарма бригадир-инженера Комаровского. Оборонительные рубежи под Сталинградом сыграли свою роль. Опираясь на них, советские войска не дали противнику возможности с ходу ворваться в город.

Когда радио принесло радостную весть о блистательной победе советских войск под Сталинградом, на строительстве прошли митинги. Выступая на одном из них, Комаровский сказал:

— В разгроме гитлеровских полчищ под Сталинградом есть доля героического труда воинов-строителей. Многие из них — создатели Сталинградских оборонительных рубежей — трудятся в наших рядах. Недалеко то время, когда и наш нынешний труд также найдет отражение в победах советских войск.

В эти радостные для всех дни Комаровский появился среди строителей в новой генеральской форме — 22 февраля 1943 года ему было присвоено звание генерал-майора инженерно-технической службы. В связи с введением новых воинских званий надели погоны и офицеры — руководители различных служб строительства, и командиры строительных подразделений. И это усиливало торжественность переживаемых стройкой событий.

— Оказывается, под Челябинском целая армия расположена, — сказал приехавший на стройку Патоличев. — У вас здесь и говорят, как на фронте — не строят, а берут: железную дорогу взяли, цех взяли, ТЭЦ взяли.

— А что? — ответил, улыбаясь, Комаровский. —

Война сближает понятия. Говорили же в гражданскую войну: «Даешь Перекоп!», а потом стали говорить: «Даешь Днепрогэс!»

19 апреля после отладки оборудования и опытных плавков электроплавильный цех выдал первую эксплуатационную плавку. Производство качественных сталей для военной промышленности на гиганте металлургии — Челябинском металлургическом заводе началось. И вскоре отгрузка металла на танковые и другие предприятия оборонной промышленности стала делом обычным. Но отправка первых эшелонов была волнующим для всех строителей событием. «И сейчас встает комок в горле, — писал после войны Александр Николаевич, — когда вспоминаешь дни отгрузки первых эшелонов нашей челябинской стали на танковый завод, митинги в цехах, полные горячего патриотизма речи рабочих и инженеров, принятие новых обязательств».

Создание первой очереди такого предприятия, как Челябинский металлургический завод, и по современным масштабам — дело крупное. Нынешний молодой инженер-строитель, представив себе объемы строительства, изумится, узнав, что оно было осуществлено всего лишь за 9 месяцев! Что он почувствует, что передумает, если ему сказать, что такая крупная стройка, сработанная столь поразительными темпами, имела всего 480 почти износившихся грузовых автомашин, 32 паровоза и 300 вагонов, 15 экскаваторов общей емкостью около 14 кубических метров, 27 бетономешалок, 13 камнедробилок! Поверит ли он в такую, с позволения сказать, механизацию? И когда поверит, поймет: здесь в годы Великой Отечественной войны был совершен массовый подвиг строителей, охваченных неодолимым стремлением сделать все возможное и невозможное для победы.

Так это понималось и тогда, в суровые годы войны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 апреля 1943 года большая группа работников Челябинметаллургстроя была награждена орденами и медалями Родины. Этим же указом был удостоен ордена Ленина и Александр Николаевич Комаровский.

Коллектив Челябинметаллургстроя отдавал делу победы не только свои силы, весь свой труд. В феврале 1943 года строители сдали в фонд обороны более 5 миллионов рублей, за что получили благодарность Председателя ГКО И. В. Сталина. В этом же месяце они торжественно

проводили на фронт подготовленный на строительстве из молодых рабочих лыжный батальон численностью 1750 человек.

С осени 1943 года начали сооружать вторую очередь завода и ряд вспомогательных предприятий. Работали соревнуясь: металлурги старались дать больше металла, строители досрочно сооружали объекты. Успехи и неудачи переживали вместе. Общей была радость металлургов, когда 12 ноября 1943 года на завод пришла телеграмма заместителя Председателя СНК СССР В. А. Малышева. В телеграмме говорилось:

«Коллектив Челябинского металлургического завода перевыполнил в октябре задание Государственного Комитета Обороны по поставке металла заводам танковой промышленности, чем обеспечил выполнение плана по производству танков и танковых моторов.

Надеюсь, что коллектив вашего завода и впредь будет обеспечивать металлом производство танков, столь необходимых в настоящее время нашей Родине для окончательного разгрома врага».

Общей была и радость, когда строители досрочно сдали в эксплуатацию ТЭЦ мощностью 25 тысяч киловатт, за что были удостоены благодарности Государственного Комитета Обороны, соорудили две доменные печи, объемом 930 кубических метров каждая, ввели в строй коксовую батарею, что также было отмечено благодарностью ГКО.

Ввод в действие в самый разгар Отечественной войны первой очереди Челябинского металлургического завода помог стране получить значительные ресурсы качественных сталей. Так создавалось превосходство СССР над фашистской Германией в производстве военной техники.

Когда работы по сооружению второй очереди завода были налажены, Комаровского вызвали в Москву. В ЦК ВКП(б) расспросили обстоятельно об организации скоростного строительства Челябинского металлургического завода, попросили подробно охарактеризовать руководящий состав Челябинметаллургстроя. И хотя Комаровский ждал нового поворота в своей судьбе, разговор закончился самым неожиданным для него образом.

— Принято решение ГКО в кратчайший срок соорудить мощный металлургический завод в Грузии, конк-

ретно в Рустави. Есть мнение строительство завода поручить Челябинметаллургстрою.

— Мнение?

— Считайте — решение.

— А как же вторая очередь Челябинского завода?

— Продолжайте строить и одновременно развертывайте работы на новом месте.

Грустно было Александру Николаевичу расставаться со ставшей ему родной стройкой. Но это уже область личных чувств. Да и чувства противоречили сами себе: «Кому же, как не Челябинметаллургстрою, поручить новое большое дело! — с гордостью думал Комаровский. — Производственный аппарат развит и сложен, стройка укомплектована высококвалифицированными кадрами. Все это, конечно, взвесили и учли в ЦК ВКП(б)».

Побывал Комаровский и у наркома тяжелой металлургии И. Ф. Тевосяна.

— Мне всегда импонировала, Александр Николаевич, ваша смелость в решении вопросов строительства Челябинского металлургического завода, — сказал нарком. — Можете меня в душе проклинать, но задание, которое вы получили в ЦК, сделано не без моего участия.

Нарком подробно изложил замысел будущего строительства и в то же время в деталях расспросил о ходе работ по строительству второй очереди Челябинского металлургического завода. «Жадный какой!» — одобрительно подумал Комаровский. Ему нравилась напористость Тевосяна.

В мае настало время и Комаровскому расстаться с родным Челябинметаллургстроем. Назначенный начальником Закавказметаллургстроя, он выехал из Челябинска, но до места нового строительства не доехал. В Москве, куда он по пути заехал для решения неотложных для Закавказметаллургстроя вопросов, Комаровского пригласили в ЦК ВКП(б), затем в СНК. Оказалось, что он уже назначен на новую должность — начальником Главного управления промышленного строительства. Узнав о случившемся, ожидавшие Комаровского в Рустави друзья прислали ему в Москву шуточную поэму, которая заканчивалась словами: «Генерал пропал в дороге, мы ж протягиваем ноги...»

Но друзья, разумеется, «ноги не протянули», а, умудренные опытом Челябинметаллургстроя, начали строить гигант металлургии в Закавказье. Не пропал для них и ге-

нерал. В новой должности он многое сделал для Закавказья металлургстроя, за что в мае 1944 года был награжден орденом Ленина.

Главпромстрой! С этим крупным многоотраслевым строительно-монтажным главком связан важный этап многогранной, исключительно плодотворной деятельности Александра Николаевича Комаровского. Здесь в еще большей степени развернулся его выдающийся талант инженера-строителя, ученого и организатора крупномасштабного оборонного и промышленного строительства.

В завершающий год Великой Отечественной войны Главпромстрой под руководством Комаровского вел строительство крупных предприятий для нужд фронта и оборонной промышленности.

Перед самым концом войны Комаровский был вызван в СНК.

— Для вас война окончена, — сказали ему там. — Теперь ваша задача восстанавливать разрушенное, а главное, строить.

Главку поручались самые различные задания: восстановление разрушенных войной важных оборонных и народнохозяйственных объектов, в частности, Беломорско-Балтийского канала, торговых портов в Таллине и Риге.

В июле 1948 года на Главпромстрой было возложено сооружение на левом берегу Ангары в 55 километрах от Иркутска огромного промышленного комплекса по производству жидкого горючего и других производственных продуктов путем перегонки каменного угля. В ЦК ВКП(б) Комаровскому сказали: «Задание ответственное, работы предстоят огромные, но главк и вы лично не освобождаетесь от всех других работ, которые вы ведете».

Почти в это же время Комаровского вызвал заместитель Председателя Совета Министров и председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский и без предисловия сказал:

— Вам поручается организовать сооружение Московского государственного университета на Ленинских горах. Ваша кандидатура доложена товарищу Сталину и одобрена им. Только вот что: все другие возложенные на вас работы остаются за вами.

Комаровский улыбнулся.

— Почему вы улыбаетесь? — спросил Вознесенский. — Сколько хомутов надели вам на шею, а вы улыбаетесь.

— Есть чему улыбаться, — ответил Комаровский. — Совсем недавно мне то же самое сказали в ЦК, когда поручали строительство комплекса на Ангаре.

— Знаю, — рассмеялся Вознесенский.

— А что касается хомутов, — продолжал Комаровский, — то их у вас не меньше. И каждый из них тяжелее моего. А ведь тянете. Должен и я тянуть.

— Должен, — уже серьезно сказал Вознесенский.

Усилия многотысячных коллективов строителей, творческий поиск ученых и инженеров, организаторская деятельность Комаровского и его помощников сделали свое дело. На Ангаре вырос крупный промышленный комплекс и город Ангарск. Дело старших поколений продолжила молодежь, устремившаяся по зову партии на освоение Сибири. Ее руками были приумножены результаты труда первых строителей. Ангарск стал известным всей стране городом юности.

Летом 1953 года Государственная комиссия с оценкой «отлично» приняла колоссальный комплекс зданий университета на Ленинских горах. С 1 сентября 1953 года во всех новых зданиях МГУ начались занятия.

Еще пло сооружение университета, а Комаровский был уже увлечен новыми заданиями, связанными со строительством первых предприятий и объектов атомной энергетики. К 1950 году после ряда экспериментов под непосредственным руководством академика И. В. Курчатова и Н. А. Доллежала был разработан проект первой в мире атомной электростанции с энергетической мощностью 5 тысяч киловатт. Строительная площадка была выбрана вблизи станции Обнинская (теперь город Обнинск) Киевской железной дороги. На самой строительной площадке находилось единственное полуразрушенное здание, в котором в октябре 1941 года размещался штаб командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова. Осматривая вместе с Комаровским площадку, Курчатов остановился у этого здания, заглянул внутрь его и после некоторой паузы сказал:

— Вдумайтесь, Александр Николаевич. Есть некий символический смысл в том, что именно здесь будет построена первая в мире атомная электростанция. Все, что мы сделаем сейчас, это результат нашей победы в Великой Отечественной войне. А победа началась отсюда — с разгрома фашистов под Москвой.

Через год после приема правительственной комиссии

ей новых зданий МГУ имени М. В. Ломоносова — 28 июня 1954 года в советской печати появилось сообщение:

«В настоящее время в Советском Союзе усилиями советских ученых и инженеров успешно завершена работа по проектированию и строительству первой промышленной электростанции на атомной энергии полезной мощностью 5 тысяч киловатт» Под руководством Комаровского были построены ускоритель элементарных частиц (синхроциклотрон) в Дубне, Серпуховский синхрофазотрон, крупнейший в мире кольцевой ускоритель протонов.

Размах и перспективы развития атомной энергетики в нашей стране потребовали широкой подготовки высококвалифицированных кадров инженеров-строителей и проектировщиков ядерных установок. В связи с этим в одном из старейших вузов страны была создана кафедра строительства ядерных и специальных сооружений. Руководителем кафедры по совместительству со многими другими обязанностями был назначен Комаровский. И здесь в научной и преподавательской деятельности ярко засветила еще одна грань таланта Александра Николаевича. Под его руководством ученые кафедры провели обстоятельные исследования по биологической защите и рациональной стойкости многих материалов, что дало возможность сделать ряд важных практических выводов, чрезвычайно нужных для строительства специальных сооружений.

Перу Комаровского принадлежит 19 крупных научно-технических работ и большое количество статей по различным вопросам организации и технологии производства. А такие капитальные труды, как «Строительство ядерных установок», «Строительные материалы для атомных реакторов», выдержали несколько изданий в СССР, были опубликованы за рубежом. Как ученый и преподаватель вуза, Комаровский отмечен ученой степенью доктора технических наук и званием профессора.

В послевоенное время большое промышленное строительство развернулось в социалистических странах Европы и Азии. Многие объекты проектировались и сооружались с непосредственной помощью Александра Николаевича Комаровского, щедро делившегося своими знаниями и опытом с инженерами и учеными братских стран.

Параллельно со всеми другими работами Комаровский выполнял важные задания по проектированию и

строительству оборонных объектов. 22 февраля 1963 года ему было присвоено очередное воинское звание генерал-лейтенанта инженерно-технической службы. 16 июня 1965 года — генерал-полковника инженерно-технической службы.

В конце 1963 года Комаровский был назначен заместителем министра обороны СССР по строительству и расквартированию войск. Под его руководством было построено большое количество специальных, в том числе ряд уникальных сооружений, способствовавших повышению обороны Родины, подъему боевой готовности Советской Армии и Военно-Морского Флота. 2 ноября 1972 года Александру Николаевичу Комаровскому было присвоено воинское звание генерала армии. Это был первый в истории нашей страны случай присвоения военному инженеру звания «полного генерала».

Активное участие принимал Комаровский в общественно-политической жизни страны. Он избирался депутатом Верховных Советов РСФСР и СССР, делегатом XIX съезда КПСС.

На всех постах, куда партия ставила Александра Николаевича, его деятельность сочетала в себе глубокие теоретические знания с большими организаторскими способностями, с постоянным поиском, новаторским подходом к решению стоящих задач. На возглавлявшихся им стройках всегда применялись наиболее прогрессивные методы строительно-монтажных и всех других работ, способствовавшие быстрому и экономичному их осуществлению.

По определению академика С. Я. Жука — гидростроителя с мировым именем, Комаровский являлся выдающимся инженером своего времени. За образцовое выполнение заданий партии и правительства, достигнутые при этом выдающиеся результаты Александр Николаевич Комаровский удостоен звания Героя Социалистического Труда, Ленинской и Государственных премий. Его заслуги семь раз отмечались высшей наградой Родины — орденом Ленина, многими другими орденами и медалями.

19 ноября 1973 года после непродолжительной тяжелой болезни на 68-м году жизни Александр Николаевич Комаровский скончался. Похоронен он в Москве на Но-

**Адмирал
Филипп ОКТЯБРЬСКИЙ**

водевичьем кладбище. Постановлением Совета Министров СССР от 25 декабря имя А. Н. Комаровского присвоено Ленинградскому высшему военному инженерному Краснознаменному училищу.

В конце своей жизни Александр Николаевич Комаровский писал: «Если бы собрать всего лишь по несколько кадров от каждой крупной стройки в нашей стране, то получился бы увлекательный многосерийный фильм. О месте строителя в нашей стране, о том, как буквально на голом месте — в пустыне, в тундре или в тайге — по воле человека возникает жизнь, поднимаются корпуса предприятий, растут новые города...» Эти слова можно отнести и к самому Александру Николаевичу Комаровскому. Если бы взять по несколько кадров о каждом оборонительном рубеже, о каждом предприятии и объекте, построенном под руководством Комаровского, то получился бы замечательный фильм о выдающемся советском инженере-строителе, ученом и военачальнике, о его творческом дерзании, беззаветном служении делу и идеям Коммунистической партии. Память об Александре Николаевиче Комаровском запечатлена в построенных с его участием величественных каналах и гигантских заводах, городах и предприятиях атомной энергетики. Незабываем и его вклад в достижение победы в Великой Отечественной войне, в современное оборонное могущество нашей советской социалистической Родины.

Полковник В. БЫСТРОВ

Полвека он был профессиональным военным, и звездные годы его жизни пали на величайшую в истории нашего народа войну. И потому будет естественным с началом этой войны связать и начало рассказа об адмирале Филиппе Сергеевиче Октябрьском.

Вот строки из «Воспоминаний и размышлений» Маршала Советского Союза Г. К. Жукова:

«Под утро 22 июня нарком С. К. Тимошенко, Н. Ф. Ватутин и я находились в кабинете наркома обороны.

В 3 часа 17 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский и сообщил: «Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний».

Я спросил адмирала:

— Ваше решение?

— Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

Переговорив с С. К. Тимошенко, я ответил Ф. С. Октябрьскому:

— Действуйте и доложите своему наркому...

...В 4 часа я вновь разговаривал с Ф. С. Октябрьским. Он спокойным тоном доложил:

— Вражеский налет отбит. Попытка удара по кораблям сорвана. Но в городе есть разрушения.

Я хотел бы отметить, что Черноморский флот во главе с адмиралом Ф. С. Октябрьским был одним из первых наших объединений, организованно встретивших вражеское нападение».

Да, именно из Севастополя в Москве узнали о том, что фашистская Германия 22 июня 1941 года начала боевые действия против Советского Союза.

Еще в час ночи Филипп Сергеевич Октябрьский получил телеграмму наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова о переводе флота на повышенную готовность. Отдав нужные распоряжения и переговорив с наркомом по телефону, Филипп Сергеевич подошел к окну своего служебного кабинета. На рейде гасли якорные огни кораблей, зашторивались окна в казармах учебного отряда, в жилых домах.

Взгляд командующего остановился на мигающем с далекой скалы огне. Хорошо известный каждому черноморцу створный знак — главный ориентир для входа кораблей в бухту — продолжал светить вопреки инструкции. Октябрьский взялся за телефон.

— Начальник гарнизона генерал-майор Моргунов слушает, — раздался в трубке спокойный притглушенный голос.

— Почему до сих пор не погашены маячные огни? — не по обыкновению резко спросил командующий. — Это не игра, а реальная оперативная готовность, Петр Алексеевич!

— Есть, товарищ командующий, — мгновенно меняя интонацию, ответил генерал-майор Моргунов. — Немедленно наведем порядок.

И действительно, вскоре створные огни погасли, и темная южная ночь окутала город и море. Зашторив окно и включив настольную лампу, Октябрьский взял папку срочных документов, положив ее на любимую свою конторку. Оставаясь один, он привык работать стоя.

В папке сверху лежала разведсводка. И невольно вспомнился недавний разговор с начальником разведотдела полковником Дмитрием Багратионовичем Намгаладзе. Речь шла о показаниях перебежчика, задержанного моряками Дунайской военной флотилии.

— Перебежчик упорно твердит: «Германия готовится к скорой войне с СССР», — доложил полковник и повторил: — Упорно, понимаете, твердит.

— Провокация? Дезинформация? — задумчиво произнес Октябрьский. — Что скажете, Намгаладзе?

— Докладываю факты, товарищ командующий. Германские транспорты потянулись со всего моря к Румынии. Показания перебежчика. Запись английского радио: «В ночь на 22 июня Германия готовится напасть на СССР». Открытый текст. Ситуация...

И вот она, ситуация — повышенная оперативная готовность.

В кабинет стремительно вошел член Военного совета флота дивизионный комиссар Николай Михайлович Кулаков. Обычно его выразительное лицо с темными глазами озаряла веселая улыбка. Но сейчас он был хмур и озабочен. Октябрьский протянул шифровку наркома:

— Вот ознакомься, — и, подождя, пока Кулаков прочел телеграмму, спросил: — Как думаешь, Николай Михайлович, это война?

— Похоже, Филипп Сергеевич, — ответил член Военного совета.

Дверь открылась. В кабинет вошли вызванные по сигналу «Большой сбор» начальник штаба флота контр-адмирал И. Д. Елисеев, начальник политуправления дивизионный комиссар Н. Т. Бондаренко, а также секретарь горкома партии Б. А. Борисов, начальник разведотдела полковник Д. Б. Намгаладзе. Ознакомившись с указаниями из Москвы и выслушав распоряжения командующего, они отправились на свои рабочие места.

Прервав наступившую тишину, резко зазвонил телефон прямой связи с оперативным дежурным.

— Посты службы наблюдения и связи докладывают о приближении группы самолетов со стороны моря.

— Какие посты? — спросил Октябрьский.

— Из Евпатории и с мыса Сарыч.

— Есть ли наши самолеты в воздухе?

— Мы связались со штабом военно-воздушных сил флота, — доложил оперативный дежурный. — Все наши самолеты на аэродромах.

— Добро, — сказал командующий, а сам подумал: «Вот настал час поднимать их в воздух по тревоге».

После этого и состоялся первый разговор между командующим Черноморским флотом вице-адмиралом Октябрьским и начальником Генерального штаба генералом армии Жуковым. В следующие сорок три минуты, прошедшие до второго их разговора, началась первая схватка черноморцев с фашистами.

Береговые и корабельные зенитчики встретили огнем вражеские самолеты. С балкона своего кабинета Октябрьский видел, как в лучах прожекторов мелькали смутные силуэты самолетов, а огненные трассы перечеркивали все небо.

Перекрывая грохот зениток и треск пулеметов, ухнули один за другим мощные взрывы.

— Это крупные бомбы, — сказал вышедший на балкон Кулаков.

— Вслед за бомбами, Николай Михайлович, могут посыпаться парашютисты, — озабоченно заметил Октябрьский. — Вспомни, два месяца назад немцы за одни сутки овладели Критом. Высадили внезапно большой десант с воздуха — и остров в их руках.

— Пожалуй, для большого десанта сейчас маловато самолетов в небе, Филипп Сергеевич, — сказал Кулаков.

— Сейчас — да, а завтра? Надо насторожить насчет десантов наши штабы. — В первые недели войны беспокойство по поводу вражеских воздушных десантов владело многими нашими командирами. Думал об этой опасности и Октябрьский. И все же, анализируя ситуацию, он упорно нащупывал главную опасность, грозящую флоту. Сосредоточенно помолчав, командующий продолжил: — Судя по всему, Николай Михайлович, фашисты задумали внезапно ударить бомбами по кораблям эскадры. Это же ядро флота.

— Полагали заставить нас в беспечности. Не вышло! — с силой подчеркнул Кулаков. — И ничего у них не выйдет.

— Ты прав, Николай Михайлович, ничего у фашистов в конечном счете не выйдет. Но война, коль она началась, будет большой и трудной. Надо объяснить людям, что произошло. Надо по-настоящему поднять флот на войну. Не только по мобилизационному плану, но и по духу...

Они стояли рядом — локоть к локтю — и, следя за тревожными сполохами в небе, думали об одном: об огромной ответственности, легшей с этого часа на их плечи, о великих испытаниях, ожидающих подчиненных им людей. Кулаков меньше года работал с Октябрьским. Возрастом они мало разнились: одному было тридцать пять, другому — сорок. Характерами — сильно: Кулакову, человеку властному, но в прямоте своей ровному и последовательному, казалось, что Октябрьский порой склонен поддаться настроению минуты, упорствовать без особой нужды. Но нынешние ночные часы становились поворотными в их жизни, и все мимолетное, субъективное как-то сразу отошло на задний план. Кулаков с одобре-

нием думал о том, как поступал и говорил сейчас командующий: поднять флот — по духу.

...Годами тренируемый сложный организм флота уже переходил в боевое состояние. Вступали в действие инструкции и наставления военного времени, разворачивали работу арсеналы, пополнялись боезапасом и топливом корабли, занимали заданные квадраты моря дозорные катера-охотники, готовились мины для заграждения подходов к базам. Черноморцы от Измаила до Поти заняли свои боевые посты.

Наутро Октябрьскому доложили, что фашистские самолеты сбрасывали не бомбы, а мины, которые многие наблюдатели считали парашютистами — серо-зеленые, они были похожи на диверсантов в комбинезонах. Значит, враг действительно замыслил заминировать выход из базы, сковать в бухтах корабли, затем ударить по ним с воздуха. Замысел этот пока что не удался: огонь флотских зенитчиков был столь плотным, что группа самолетов-миноносцев распалась. Большинство мин, спущенных на парашютах, попало или на берег, где они взорвались, или вне фарватеров. Но ведь враг не оставит попыток осуществить свой замысел.

Командующий флотом вызвал к себе контр-адмирала В. Г. Фадеева, возглавлявшего охрану водного района главной базы.

— Надо немедленно протралить бухты и фарватеры, — приказал он. — Кто у вас сейчас в дозоре?

— Звено катеров-охотников лейтенанта Глухова.

— Лейтенанта? — удивился Октябрьский.

— Это опытный командир, — подчеркнул Фадеев. — Давно плавает. Хорошо его знаю. Еще с той поры, когда я был штурманом на крейсере «Коминтерн», а он у меня рулевым.

— Ну что ж, Владимир Георгиевич, пусть Глухов действует. О результатах дозора и траления докладывайте немедленно.

Увы, первые доклады оказались малоутешительными. Катера с тралами, обследовавшие бухту и фарватер, мин не подсекли. Между тем буксир с плавучим крапом, посланный поднять со дна рейда сбитый ночью фашистский самолет, затонул от подводного взрыва большой мощности. Подорвался еще и эсминец. Катера-тральщики были деревянные, подорвавшиеся буксир и эсминец — металлические. В этом, вероятнее всего, скрыта разгад-

ка: мины эти не якорные, а донные... Воздействие проходящего над миной стального корабля приводит ее к взрыву.

— Вы говорите, мины магнитные? — переспросил Октябрьский, выслушав доклад контр-адмирала Фадеева. — Что ж предлагают флагманские специалисты?

— Мы оборудовали железную баржу, которую буксирует деревянный тральщик, — ответил Фадеев. — Но пока эффекта не достигли...

— Усильте наблюдение за акваторией. Будем знать, где падают мины.

— Мы пеленгуем мины еще в воздухе, когда они спускаются на парашютах. Если не видно самолетов, пеленгуем всплески на воде при падении мины. Все эти точки обозначаются вежами.

— Неплохо, но это только начало, — заметил командующий. — Надо без промедления научиться уничтожать эти мины, иначе бухта вскоре может вся покрыться вежами... Понимаете, что это будет означать для нашего флота?

Октябрьский был крайне озабочен угрозой, которую таили в себе мины с нераскрытым секретом. Спустя несколько дней появилась определенная надежда, что загадка скоро будет разгадана.

При очередном докладе командир охраны водного района сообщил, что из дозора возвратилось звено катеров лейтенанта Глухова. Дозор провожал в море корабли, сбрасывая глубинные бомбы впереди крейсера, — обычная профилактика против вражеских подводных лодок. Глухов сбросил три бомбы, а взрыва засек четыре.

— Сдетонировала мина? — оживился Октябрьский.

— Выходит, так, — ответил контр-адмирал.

— Это уже метод — траление бомбежкой. Надо его отрабатывать. — Помедлив, Октябрьский добавил: — И еще прошу вас, Владимир Георгиевич, надо достать хотя бы одну целую мину. Разоружить, изучить и нащупать пути борьбы с ними.

Это была проблема необычайной сложности и необычайной важности. И ее решению Октябрьский сам отдал немало времени, а главное — подчинил усилия, энтузиазм и отвагу многих людей, прежде всего флотских минеров. Их поиск иногда называли игрой со смертью. Но это была не игра, а сознательная боевая работа, которую требовал Октябрьский от всех специалистов, отвечавших за

безопасность водного района главной базы Черноморского флота.

Рискуя не только собственной жизнью, но всем экипажем, лейтенант Дмитрий Глухов много раз водил свой катер над минами, пытаясь установить, от каких физических полей они срабатывают. На одном из галсов вблизи катера трижды раздавались сильнейшие взрывы. Крошечный корабль получил серьезные повреждения, моряки были контужены. Но Глухов все-таки вернулся в базу. Один из сюрпризов был разгадан.

С нетерпением ожидал Октябрьский доклада о швартовке катера, а когда получил его, тут же отправился на причал.

— Спасибо, моряки-овровцы, за службу, — сказал он, пожимая каждому руку. — Вы одержали важную победу. Каждого представляю к награде.

Особенно крепко благодарил адмирал лейтенанта Глухова:

— Вы для всего флота впередсмотрящий.

Никто, конечно, в тот час не думал, что слова командующего через год-другой приобретут и иной смысл. Отважный катерник Дмитрий Глухов был первым и при высадке отряда Куникова на Малую землю, и при штурме с моря порта Новороссийска, и в Эльтингенском десанте. Золотая Звезда Героя, два ордена Ленина, орден Ушакова увенчали ратные подвиги этого храброго и искусного офицера флота.

Одновременно с Глуховым с первых дней войны по приказу командующего раскрывали тайны минного оружия многие флотские специалисты. Шаг за шагом выяснялось, что противник применяет мины с сюрпризами самыми разнообразными: одни взрываются от железа, другие от шума винтов, третьи от перепада давления в воде при движении корабля.

Капитан-лейтенант Г. Н. Охрименко для того, чтобы разоружить на дне моря образец мины, которая при поднятии навверх взрывалась, за несколько дней освоил водлазное дело. Офицер спускался с корабля в воду и там, на ощупь орудия немагнитным инструментом, разгадывал секреты конструкции.

Флот терял доблестных людей. Погибли при разоружении мин офицеры И. А. Ефременко, И. И. Иванов. Погиб талантливый инженер Б. И. Лишневецкий. Обычно минеры работали парой. Один оставался с миной, а другой

в близком укрытии под диктовку записывал его действия — с тем, коль оборвется жизнь первого, второй мог не начинать «с нуля», а подхватить эстафету и идти дальше. Горько было слушать печальные вести, но Октябрьский знал, что ценой этих утрат будет обеспечена постоянная боеготовность флота и спасены сотни и тысячи других жизней.

Как-то адъютант доложил Октябрьскому:

— Интендант на прием просится.

— Зови.

Вошел молодой уже человек в мешковатом кителе, представился:

— Интендант третьего ранга Брон.

— Слушаю вас.

— Товарищ командующий, на флот я попал по мобилизации. Отдел кадров определил меня завхозом в батальон.

— И что же вас не устраивает?

— Дело в том, — неловко переминаясь с ноги на ногу, сказал посетитель, — что я кандидат технических наук, инженер-электрик, доцент политехнического института. Может быть, на флоте есть дело по моей специальности.

— Вот кадровики, — рассмеялся Октябрьский. — Написано «интендант» — сразу в завхозы. — И, связавшись тут же по телефону с контр-адмиралом Фадеевым, распорядился: — Я пришлю к вам в ОВР ученого электрика. Привлеките, Владимир Георгиевич, этого человека к разоружению мин. Чую, из него толк выйдет.

Толк действительно вышел. За трое суток О. Б. Брон составил детальное описание новой мины с чертежами и комментариями, а затем успешно работал над созданием тральной баржи.

По просьбе командующего флотом из Ленинграда в Севастополь приехали профессора И. В. Курчатов и А. П. Александров, чтобы вместе с коллегами помочь флоту решить проблему защиты кораблей от мин. Восхищаясь предложенным ими методом размагничивания кораблей, командующий флотом вряд ли мог тогда предположить, что эти два молодых профессора станут спустя годы гордостью советской и мировой науки. Еще одна группа ученых вместе с флотскими специалистами создала специальные тралы. Вся эта колоссальная работа,

крайне важная для решения насущных задач действующего флота, имела и большой перспективный смысл.

— Вот кончится война, кончится нашей победой, — говорил в те дни Филипп Сергеевич Октябрьский. — По морям пойдут мирные суда, но моря эти будут засорены минами. То, чего мы достигнем сейчас, окажется очень нужным и после победы.

Так оно и было. Десятки тысяч мин уничтожили советские моряки в послевоенные годы. Кстати, среди тех, для кого война не окончилась с майским салютом сорок пятого года, был и офицер Г. Н. Охрименко, прошедший с тралами по минным заграждениям в Черном море и на Дунае многие тысячи миль и заслуживший звание Народного Героя Югославии.

Проблема борьбы с минами была решена. Конечно, на войне так не выходит, чтобы научно-техническое и организационное решение проблемы вовсе исключало ошибки и случайности. Но это же факт, потери флота от минной опасности оказались минимальными.

Минимальные потери... Это важнейший, но не единственный результат, которого добился под командованием Октябрьского Черноморский флот, организованно встретив вражеское нападение. В тяжкие первые недели войны, когда наши войска отступали, а фашисты на многих участках фронта быстро и далеко продвинулись в глубь советской территории, силы флота, опять же благодаря своей высокой организованности, сумели нанести весьма ощутимые удары по врагу. Это стало возможным и потому, что главные помыслы и дела командующего устремлялись к организации активных и решительных действий.

Уже в первый день войны 22 июня 1941 года Октябрьский задумал послать самолеты на бомбежку аэродромов и баз противника. Спустя годы такое решение сочтут обычным. Но в тот день оно не казалось простым. Ведь первая директива из Москвы не предусматривала переноса боевых действий на территорию противника. Конечно, это должно быть поправлено, однако сейчас может расцениваться как провокационное самоуправство. Тут же память воскрешала скрипучие слова Берин, сказанные минувшей ночью по телефону: за самоуправство последует расплата.

И все-таки надо действовать. Ведь немцы бомбят Измаил, Крым. Румынские мониторы уничтожают наши по-

гранзаставы на Дунае. Чего же ждать? Запросив у наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова разрешения бомбить аэродромы и базы врага, Октябрьский приказал ночью нанести удар по Констанце. Для начала послать туда девятку бомбардировщиков, а затем подготовить массированные удары и по Констанце, и по Плоешти. Там — нефть, а без нее туго придется и кораблям, и танкам фашистов.

Так со второй же военной ночи авиация флота стала наносить удары по базам, военным и промышленным объектам врага. Горели нефтехранилища в Констанце и Плоешти, откуда гитлеровская коалиция получала половину всего необходимого для нужд войны горючего; шли ко дну готовые к отправке танкеры и транспорты, взрывались поезда с нефтецистернами. Рухнул в Дунай вместе с нефтепроводом пролет Чернаводского моста.

Легко сказать, бомбить Чернаводский мост. Мало того, что он имеет сильную противоздушную оборону, туда еще надо долететь. Но, отдавая боевой приказ, Октябрьский имел представление, как он будет выполняться. Он вник во все детали операции. К шести тяжелым бомбардировщикам вместо бомб подвешат истребители и доставят их к месту. Истребители нанесут удар с малых высот. А шесть Пе-2 будут бомбить с пикирования. Шестерку Пе-2 возглавит дерзкий и расчетливый капитан Александр Цурцумия, а шестерку ДБ-3 — капитан Александр Шубиков, тоже опытный летчик. Кстати, Цурцумия уже водил группу самолетов на Плоешти, там они не только хорошо отбомбились, но и сбили два «мессершмитта». Отличился при этом командир звена лейтенант Иван Корзунов.

Октябрьский знал этих людей и был уверен в них. Они выполнили приказ, и командующий представил летчиков к высоким наградам. Ордена в тот период войны давали скупой, тем большее удовлетворение он испытал, когда узнал, что его представление одобрено. Каждый на войне рискует, а летчики особенно. Иной и заслужит награду, но получить ее не успеет. Вот, скажем, слушает он доклад командующего военно-воздушными силами флота генерал-майора авиации Н. А. Острякова о таране, совершенном над Севастополем лейтенантом Евграфом Рыжовым, и думает еще об одной потере.

— Жаль, погиб такой смелый летчик.

— Он жив, Филипп Сергеевич, — возразил Остря-

ков. — Дело как было. Вылетел Рыжов на своем ЛаГГ-3 на задание. На большой высоте заметил немецкий разведчик «Хейнкель-111». Зашел ему в хвост, открыл огонь, подбил мотор. «Хейнкель», отстреливаясь, уклонялся к морю. Рыжов за ним. А боеприпасы кончились. И тут, как назло, пробоина в водяной магистрали. Мотор сдает, горячая вода жжет ноги летчика, брызги бьют по лицу. Но Рыжов не хотел упустить врага и пошел на таран, а потом вывел свой истребитель из пике и посадил его на воду. Три часа держался летчик на воде, пока его не подобрал наш катер.

— Где же он сейчас, в госпитале?

— Что вы! — воскликнул Остряков. — Летает. Разве наших удержишь на земле! Я их всех в небе узнаю. Не будет стервятникам пощады, мы их повадки еще в испанском небе раскусили.

— «Всех в небе узнаю», — повторил, улыбаясь, остряковские слова адмирал. — Орел, да и только. Не командующий авиацией, а ведущий звена. — А потом, по-серьезнее, заметил: — Знаю, Николай Алексеевич, что вы рветесь в небо и частенько занимаетесь свободной охотой. Но вы, повторяю, не комэск, а командующий ВВС. Под вашим началом десятки эскадрилий, семь авиабаз. Сотни самолетов. Личной отваги тут мало, надо управлять этой махиной. Управлять с земли. Авиация флота воюет неплохо, но надо воевать лучше. По науке. Мы несем много потерь. Значит, не все повадки врага раскусили. Значит, надо совершенствовать тактику, маневр использования сил. Я о том же твержу подводникам. Вывели мы пять лодок на отведенные им позиции на западе театра, а результатов солидных пока нет. Понимаю, румынский королевский флот побаивается нас, немецких военно-морских сил пока немного. Да и минная опасность дает о себе знать. Но, видимо, и в тактике наших подводников есть просчеты, надо свести их к минимуму. И вас прошу о том же — совершенствуйте тактику нашей авиации.

Октябрьского весьма заботило, что позиционный метод использования подводных лодок пока не приносил желаемого эффекта. Он поручил отделу подводного плавания во главе с капитаном I ранга А. В. Крестовским, комбригом контр-адмиралу П. И. Болтунову и капитану I ранга М. Г. Соловьеву вместе с командирами кораблей проанализировать результаты первых боевых походов и

разработать новые тактические приемы. Подводные лодки стали крейсировать в ограниченных районах, атаковать цели не одиночными торпедами, а залпом, искуснее учитывать гидрометеорологические и оперативно-тактические особенности морского театра. Дело пошло на лад.

Запомнилась Октябрьскому крупная победа подводной лодки Щ-211 под командованием капитан-лейтенанта А. Д. Девятко. Запомнилась не только потому, что была первой победой черноморских подводников в войне, но и потому, что сочеталась с выполнением задачи особого назначения. Спустя четверть века, принимая почетный болгарский орден с мечами, адмирал Октябрьский снова пережил те памятные августовские дни сорок первого года, когда в глубочайшей тайне готовил он эту операцию.

Перед заходом солнца 7 августа 1941 года из Севастополя вышла подводная лодка. Товарищи по оружию проводили ее экипаж в обычный боевой поход. И никто из них не знал, что уже в море к кораблю подошел катер, и с него в отсеки спустилось четырнадцать человек. Это были болгарские революционеры во главе с коммунистом, участником боев в Испании Цветко Радойновым. Патриотам предстояло включиться в борьбу своего народа с фашизмом.

Трое суток подводная лодка шла в штормовом море к болгарскому берегу. Шла, уклоняясь от встреч с вражескими кораблями, шла через минные заграждения и дозорные рубежи. Темной ночью капитан-лейтенант Девятко приказал всплывать. В считанные минуты от борта подводной лодки к берегу отошли пять надувных шлюпок. Высадка десанта особого назначения прошла незаметно для врага.

А спустя четыре дня Щ-211 атаковала два вражеских транспорта. Один из них — это был «Пелес» — сразу пошел ко дну, а другой выбросился на отмель.

И второй боевой поход Щ-211 увенчался крупной победой. Итальянские танкеры шли к Босфору в охране двух миноносцев, шести катеров и пяти самолетов. Капитан-лейтенант Девятко ухитрился незаметно пристроиться в кильватер к строю вражеских катеров, идущих впереди миноносцев и танкеров, а затем атаковал конвой. Танкер «Суперга» водоизмещением в шесть тысяч тонн разломился от взрыва торпед пополам и затонул.

Командующий флотом сердечно поздравил подводников с первыми победами.

— Добрый пример, — сказал он капитан-лейтенанту Девятко. — На учениях перед войной я наградил тебя за меткую стрельбу золотыми часами. Ты оправдал репутацию мастера торпедных атак в бою. Представляю тебя к ордену Красного Знамени. Как говорится, лиха беда начало.

Так оно и было. Черноморские подводники только за первый период войны потопили свыше двадцати вражеских транспортов и кораблей. Они нанесли нефтяной артирии стран гитлеровской оси ощутимый урон. Гросс-адмирал Редер осенью 1941 года докладывал фюреру о критическом положении с нефтью: «Румынский экспорт к нам и в Италию прекратился полностью». Почувствовала дефицит горючего и армия Роммеля в Африке. Вот даже где проявились результаты принципа «длинной руки», по которому, как любил выражаться адмирал Октябрьский, должен действовать флот.

Черноморскими твердынями вошли в историю войны города и военно-морские базы, в организации обороны и освобождении которых активную руководящую роль играл адмирал Филипп Сергеевич Октябрьский. Четыре из них — Одесса, Севастополь, Новороссийск и Керчь — стали городами-героями, и на их знаменах сияет теперь Золотая Звезда.

По канонам военно-морского искусства флот обычно отвечает за оборону портов и баз с моря. Но конкретный анализ военно-стратегической обстановки на южном крыле советско-германского фронта в июле 1941 года показывал, что над Одессой нависла угроза захвата врагом именно со стороны суши. Против частей Приморской армии, с тяжелыми боями отходивших к Одессе, действовала крупнейшая группировка фашистских войск. Она имела многократное превосходство над нашими войсками и в людях, и в танках, и в самолетах. И тем не менее Одессу — крупнейший порт и центр индустрии — можно и нужно было отстаивать до последней возможности.

Эту мысль Октябрьский высказал на Военном совете флота, об этом говорил с прилетевшим в Севастополь начальником Главного политуправления ВМФ И. В. Рого-

вым. 27 июля 1941 года командующий флотом направил телеграмму командиру Одесской военно-морской базы контр-адмиралу Г. В. Жукову. Суть телеграммы четкая и конкретная: немедленно приступить к созданию сухопутной обороны, организовать круглосуточную работу; использовать все силы и средства, вооружение, в том числе мины; в Севастополь отправить только то, что не нужно для обороны; приступить к тренировке береговых батарей для стрельбы по сухопутному противнику.

Телеграмма пришла в Одессу за десять суток до начала боев на дальних подступах к городу, за десять суток до директивы Ставки, написанной под диктовку И. В. Сталина: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот».

И сделано было за эти десять дней и десять ночей немало. Три оборонительных рубежа полукольцом охватили город. Воины Приморской армии, моряки Черноморского флота, трудящиеся Одессы, не зная отдыха, строили укрепления, огневые точки, противотанковые рвы, уличные баррикады.

Октябрьский хорошо понимал, что осажденная Одесса, этот крошечный по масштабам великой войны плацдарм способен, однако, оттянуть и сковать огромные силы врага и тем самым задержать продвижение его войск на всем стратегическом направлении. Но устойчивость этого плацдарма в условиях его полной изоляции с суши в решающей мере зависела от морских коммуникаций, от той поддержки, которую будет оказывать осажденному гарнизону Черноморский флот. Тут речь шла не просто о «привлечении к делу» флота, а о его постоянном и активном участии в обороне Одессы.

Уже 6 августа 1941 года, на другой день после получения директивы Ставки, Октябрьский создал специальный отряд кораблей северо-западного района в составе крейсера «Коминтерн», эсминцев «Шаумян» и «Незавоженник», дивизионов канлодок и тральщиков и бригады торпедных катеров. Корабли сразу же получили задачу поддерживать огнем сухопутные войска. В дополнение к минным заграждениям, поставленным на морских подступах к Одессе еще на второй день войны, теперь минные банки и поля замкнули по морю кольцо обороны от устья Днестра до Тендры. В те же дни флот по распоряжению Октябрьского послал на сухопутный фронт два полка морской пехоты и отряды моряков-добровольцев.

Опясав бушлаты патронташами, подвесив на ремни гранаты, прямо с палуб кораблей шли матросы на передний край. Нелегко было командующему флотом принимать такое решение. Много лет он сам был матросом и по собственному опыту знал, сколько времени и сил требуется для подготовки хорошего корабельного специалиста. Но по тому же собственному опыту военмора революции он понимал, что значит боевая дерзость закаленного службой на корабле моряка, идущего в атаку с гордо открытой тельняшкой. А главное — не мог адмирал не учитывать суровых реальностей нынешней войны.

Ежедневно полковник Намгаладзе клал ему на стол разведводку, в которой особый раздел занимали сведения о вражеских силах под Одессой. Каждую неделю к ним прибавлялось по одной-две дивизии.

Восемнадцать дивизий против наших четырех — таково было соотношение сил к 19 августа 1941 года. В тот день Октябрьский получил новую директиву Ставки. Ответственность за дальнейшую оборону Одессы возлагалась на Военный совет Черноморского флота. Согласно директиве создавался Одесский оборонительный район (ООР), в который включались части Приморской армии и военно-морской базы и приданные им силы из состава флота.

Со сложным чувством воспринял Октябрьский эту директиву. С одной стороны, многое становилось на свои места. Создавалось единое командование всеми силами армии, авиации и флота, оборонявшими Одессу. Что греха таить, бывали в начальный период войны ситуации, когда именно отсутствие или нарушение четкой системы управления трагически сказывалось на результатах боевых действий, вело к неоправданным потерям. Теперь есть единая организация, правда, необычная, — оборонительный район, есть у него Военный совет. Во главе района поставлен Гавриил Васильевич Жуков — опытный адмирал, прошедший через гражданскую войну, через бои в Испании. Его хорошо знают в Одессе, где он возглавляет военно-морскую базу уже третий год, знают и как кандидата в члены ЦК Компартии Украины. Жуков отлично понимает обстановку и теперь, получив всю полноту власти, с новой энергией возьмется за дело.

Но, с другой стороны, с нынешнего дня и он, Октябрьский, командующий флотом, юридически принимает ответственность за весь ход обороны Одессы. А положение

там именно в этот день, 19 августа, осложнилось до критического. Сначала фашисты предприняли ожесточенные атаки в восточном секторе, где при поддержке корабельной и береговой артиллерии стойко удерживал свои позиции 1-й морской полк Я. И. Осипова. Затем, создав почти пятикратное превосходство в силах, враг предпринял одновременное наступление во всех трех секторах обороны города. К вечеру фашистам удалось проорвать фронт на стыке южного и западного секторов.

Накануне Октябрьский получил еще одну тревожную весть. Воздушная разведка обнаружила, что из румынского порта Сулина вышли двенадцать транспортов и десять сторожевиков. Не исключено, что противник намерен высадить десант. Требовалось повысить готовность противодесантных средств от Тендры до Одессы. А днем позже из Одессы доложили, что фашисты потеснили наши части в восточном секторе и подошли к окраине города, получив таким образом возможность обстреливать из дальнобойных орудий акваторию порта и подходы к нему. Создавалась огромная угроза для кораблей и транспортов, которые шли в Одессу с пополнением и боеприпасами. Надо было срочно изменить организацию и обеспечение морских перевозок. Раньше транспорты иногда посылались без охранения. Теперь их придется непременно конвоировать боевыми кораблями. Приняв такое решение, Октябрьский приказал во время стоянки судов и кораблей в Одессе прикрывать их дымзавесами. Обо всем этом у командующего состоялся обстоятельный разговор с начальником штаба флота И. Д. Елисеевым.

— Кроме того, Иван Дмитриевич, — сказал он начальнику штаба, — распорядитесь поставить задачу перед подводными лодками, развернутыми в западной части моря, и торпедными катерами — не только наносить удары по коммуникациям, но и прикрывать наши перевозки от атак кораблей противника. Какие корабли планируется послать в Одессу?

— Первым идет крейсер «Красный Крым», — ответил Елисеев. — Кстати, на нем находится дивизионный комиссар Азаров, назначенный членом Военного совета Одесского оборонительного района. Кулаков уже с ним подробно беседовал.

— Я тоже хочу поговорить с ним.

Разговор с Ильей Ильичом Азаровым, в котором приняли участие Кулаков и Елисеев, был весьма конкрет-

ным. Речь шла о необходимости стабилизировать положение на переднем крае обороны Одессы. Как всегда четкий и обстоятельный в суждениях, Азаров настаивал на быстрейшем выполнении указаний Ставки об укреплении сил ООР войсками и техникой. У Октябрьского создалось впечатление, что Азаров вообще связывает стабильность обороны города с пополнением.

— Надо держаться, — подчеркнул командующий. — Флот поможет Одессе. Но независимо от этого надо держаться любой ценой.

В самую напряженную неделю боев за Одессу, за несколько дней до назначенного Ставкой срока, корабли и суда Черноморского флота доставили в осажденный город значительные подкрепления, вооружение и боеприпасы. Доставили без потерь, хотя в воздухе в это время господствовала вражеская авиация.

С одним из отрядов кораблей Октябрьский решил сам пойти в Одессу. Лидер «Харьков» и эсминец «Дзержинский» вышли из Севастополя 6 сентября.

На рассвете следующего дня отряд подходил к порту. И сразу же туманную дымку разорвали взрывы снарядов. Это начали обстрел «Харькова» вражеские батареи. Стоя на мостике, Октябрьский с удовлетворением наблюдал, как искусно маневрировал под огнем на фарватере капитан III ранга П. А. Мельников. Тут подоспели наши сторожевые катера. Они поставили дымзавесу, и противник лишился возможности вести прицельный огонь, хотя интенсивность его еще более возросла.

«Харьков» благополучно вошел в порт.

— Жарко было от «салюта», но катерники ваши молодцы, — сказал командующий флотом встречавшим его на причале Г. В. Жукову и И. И. Азарову. — Как дела?

— Как видите, — ответил Жуков.

— Вижу, на подходах к порту наши корабли попадают под обстрел, — заметил Октябрьский. — Помню ваши просьбы о помощи. Вот кое-что привез. Но большего пока не могу. Надо учитывать обстановку на фронте в целом.

На командном пункте, а затем и на заседании Военного совета оборонительного района этот разговор был продолжен. Октябрьский откровенно рассказал об обстановке на юге: фашисты идут к Перекопу, защитники Одессы оттягивают на себя крупные силы...

— Десять дивизий, — заметил начальник штаба ге-

нерал-майор Г. Д. Шишенин, намекая на огромное превосходство врага и необходимость срочных подкреплений.

— Именно поэтому и надо держаться, а не отходить, — твердо сказал командующий флотом.

— Да, Ставка нам сделала серьезное предупреждение за отход с основного рубежа обороны, — вступил в разговор контр-адмирал Г. В. Жуков. — Но иного выхода не было. Не хватает резервов, боеприпасы не всегда вовремя поступают.

— Сейчас важно оградить город, порт и фарватеры от огня вражеской артиллерии, — сказал Октябрьский. — Что для этого можно сделать?

— Оттеснить врага. А для этого усилить войска района, не хватает резервов, — настойчиво повторил Жуков.

— У меня их тоже не хватает, — неожиданно резко заметил командующий флотом. Потом, смягчившись, продолжил: — Буду просить у Ставки стрелковую дивизию. Нарком приказал готовить десант в тыл противнику. Будем планировать операцию. Вы подумайте о том, как поддержать десант контрударом.

Возвратившись в Севастополь, Октябрьский собрал Военный совет флота.

— Контрудар силами ООР целесообразно нанести в восточном секторе обороны Одессы, — решил командующий. — А одновременно высадим здесь же поблизости морской десант во фланг и тыл противника. При подготовке операции следует учитывать уроки июньского учения.

Это был конкретный ориентир. Буквально накануне войны, 20 июня 1941 года, на Черноморском флоте закончилось большое учение. Одним из его важных эпизодов стала высадка десанта с кораблей — десанта крупного, силой до стрелковой дивизии.

«Кто мог предположить, — писал впоследствии вице-адмирал И. И. Азаров, — что на этих же самых кораблях нам вскоре придется прорываться сквозь кольцо блокады к осажденной Одессе, и эти же самые красноармейцы, командиры и политработники будут атаковать берег с моря, но уже под огнем врага! И каждый из них с благодарностью вспомнит трудные флотские учения, опыт которых помог в боевой обстановке предотвратить многие жертвы».

Участникам учений действительно трудно было предположить такой поворот событий. Но тот, кто планировал

и организовывал учения, видел в них вполне реальный и прикладной смысл, ибо они были звеном подготовки нашего флота к войне с агрессором.

И вот теперь, спустя три месяца, предстояло в кратчайший срок разработать и осуществить уже не учебную, а боевую десантную операцию. Это была большая и кропотливая работа. Требовалось согласовать по времени (буквально до минуты), по месту (подчас до кабельтова) действия самых разнородных сил и средств флота, авиации, сухопутных войск. Было сформировано два отряда — отряд боевых кораблей, куда вошли крейсера «Красный Крым», «Красный Кавказ», эсминцы «Бойкий» и «Безупречный», и отряд высадочных средств в составе калодки, буксира, двадцати двух катеров и десяти барказов. В десант назначался созданный в Севастополе 3-й морской полк.

Утверждая план операции, вице-адмирал Октябрьский имел обстоятельный разговор с командующим эскадрой контр-адмиралом Л. А. Владимирским, которому предстояло осуществлять общее руководство боевыми действиями. Командиром высадки десанта Октябрьский назначил капитана I ранга С. Г. Горшкова, хорошо известного ему еще по службе на Тихоокеанском флоте, а теперь возглавлявшего бригаду крейсеров.

Напутствуя флагманов, Октябрьский снова и снова подчеркивал роль инициативы и дерзости для достижения боевого успеха. Ведь господство в воздухе пока было за противником, а в десант снаряжался «москитный» флот — барказы, мотоботы, катера. Нелегко в таких условиях сохранить твердое руководство силами, обеспечить согласованность их действий. Если бы флот имел десантные корабли специальной постройки! Но их нет, и немалая доля вины за это лежит и на его плечах: он, будучи командующим флотом, мог бы вовремя и более твердо ставить вопрос о создании таких кораблей.

Контр-адмирал Л. А. Владимирский вышел в Одессу на эсминце «Фрунзе» с группой штабных офицеров и оперативными документами. Тем временем в Камышевой бухте Севастополя началась погрузка морской пехоты на корабли. После полудня 21 сентября 1941 года они взяли курс на Одессу.

В эти часы на флагманском командном пункте флота царила атмосфера напряженного ожидания донесений от флагмана десантной операции. То и дело подходя к карте

морского театра, Филипп Сергеевич прикидывал, где сейчас находится «Фрунзе», где — отряд кораблей с десантом, где — истребители прикрытия. Скрытность подготовки операции достигнута. А ночью начнется бой за высадку. Все пока идет по плану.

Если бы на войне все и всегда шло по плану... Не простое сложение сил, а замысловатая алгебра обстоятельств властвует на войне. Ведь держится уже полтора месяца гарнизон осажденной Одессы против многократно превосходящего врага.

Алгебра войны. На решение ее задач дополнительного времени не отпускается. Не знал в тот час командующий флотом, что у Тендры на эсминце «Фрунзе» налетит группа вражеских самолетов, и в жестокой схватке с ними корабль получит тяжкие повреждения, потонет. Не знал, что и буксир ОП-8, на который перебрались оставшиеся в живых моряки, а вместе с ними и контр-адмирал Владимирский, тоже погибнет под бомбежкой, и люди будут вплавь добираться до берега, а фашистские самолеты бросать на них бомбы. Не знал, что спасенный матросами Лев Анатольевич Владимирский, несмотря на ранение, потребует доставить его в Одессу, на крейсер, уже высаживающий десант...

Получив донесение об этих драматических событиях, командующий флотом приказал возглавить операцию капитану I ранга С. Г. Горшкову. Нелегкая задача встала перед молодым командиром, если учесть, что все оперативные документы погибли вместе с эсминцем «Фрунзе». Это было суровое испытание, но тридцатилетний флагман был готов к нему.

Ночью Горшков привел отряд боевых кораблей к Одессе. Однако отряд высадочных средств в точку встречи не пришел. Ведь такую задачу должен был поставить ему контр-адмирал Владимирский по прибытии в Одессу, а ранее это сделать не позволяли соображения скрытности. Горшков не был озабочен столь неожиданным поворотом дела. Он твердо решил выполнять намеченный план операции наличными силами и повел корабли к Григорьевке — в район высадки десанта. В 1 час 23 минуты 22 сентября 1941 года крейсера и эсминцы открыли огонь по вражеским позициям, а через десять минут от кораблей отошли первые барказы с морскими пехотинцами. Враг был застигнут врасплох, и первая группа десанта зацепилась за берег. Спустя

час из Одессы подошли суда отряда высадочных средств, и новые волны десантников пошли на штурм.

Тем временем в тыл противника с самолета ДБ-3 была сброшена группа парашютистов. В ее состав входили специально отобранные бойцы, которые действовали дерзко и умело. Они разгромили командный пункт, нарушили связь, посеяли немалую панику в стане врага. Именно о них Леонид Соболев написал свой рассказ «Батальон четверых», вошедший в знаменитую книгу «Морская душа». Да и сами эти крылатые слова «морская душа» родились именно здесь, в Одессе, где впервые моряки с кораблей прославились дерзостью и отвагой в сухопутных боях.

К рассвету на флагманский командный пункт флота к Октябрьскому пришел доклад о том, что высадка десанта у Григорьевки успешно завершена и морская пехота пошла в наступление. Перешли в наступление и части Приморской армии, действовавшие в восточном секторе обороны Одессы.

Так завершилась первая в истории войны десантная операция, в которой ученики и питомцы Октябрьского нашли выход из, казалось бы, катастрофического положения, проявили себя зрелыми и решительными тактиками.

Наступление сухопутных войск с фронта и удар десантников морской пехоты с тыла вынудили противника начать отход. Командующий флотом понимал, как важно сейчас поддержать атакующих огнем корабельной артиллерии, тем более что собственных огневых средств у десантников маловато. Такая задача была поставлена эсминцам «Бойкий», «Безупречный» и «Беспощадный».

Филипп Сергеевич Октябрьский хорошо знал их командиров — знал не по встречам в кабинетах, знал по многодневным совместным бдениям на ходовых мостиках кораблей. Он любил бывать в море, стремился проверить командиров и матросов на штормовой волне, во время трудного маневра, сложной стрельбы. И теперь он был уверен, что эти разные по характеру люди — и отчаянно дерзкий командир «Бойкого» капитан-лейтенант Георгий Годлевский, и самоотверженный скромница командир «Безупречного» капитан-лейтенант Петр Буряк, и расчетливо-рассудительный командир «Беспощадного» капитан-лейтенант Григорий Негода — эти разные по характеру, но единые по чувству воинского долга командиры будут

безупречно управлять кораблями, бойко действовать под огнем, беспощадно бить врага.

Так оно и случилось. Находясь под непрерывными атаками авиации, эскадренные миноносцы вели по противнику меткий огонь, который корректировался специальными постами с берега. И даже пикирующие бомбардировщики Ю-87, переброшенные фашистским командованием из Средиземноморья, не смогли уничтожить советские корабли. Капитан-лейтенант П. М. Буряк искусно маневрировал своим кораблем. Одна из 36 бомб, сброшенных на «Безупречный», достигла цели. Тогда «Беспощадный» взял на буксир «Безупречный», отвел его в гавань, а сам возвратился на огневую позицию. Свыше 80 бомб сбросили «юнкерсы» на эсминец «Беспощадный». Им удалось нанести серьезные повреждения кораблю. И все-таки он остался непобежденным. Капитан-лейтенант Г. П. Негода после того, как была разрушена носовая часть эсминца, повел его задним ходом к порту. В Севастополь «Беспощадный» возвращался на буксире у «Сообразительного».

На командный пункт к Октябрьскому пришло донесение: совместными действиями частей Приморской армии и морской пехоты Черноморского флота при активной поддержке кораблей и авиации положение в восточном секторе обороны Одессы существенно улучшилось. Враг отступил, понеся большие потери. Морские пехотинцы, возглавляемые комиссаром 3-го морского полка И. А. Слесаревым, захватили вражескую батарею, которая обстреливала порт и корабли. Одну из пушек моряки провезли по улицам города, и жители прочитали надпись на ней: «Она стреляла по Одессе, но стрелять больше не будет».

Действительно, теперь появилась возможность усилить перевозки в осажденную Одессу. Уместно здесь будет сказать, что за три с половиной месяца на коммуникации Севастополь — Одесса было совершено сотни рейсов кораблей и транспортов, перевезено в оба конца свыше четырехсот тысяч человек.

И из донесений Военного совета ООР, и из рассказов командиров и политработников, побывавших в Одессе, да и по личным наблюдениям Октябрьский хорошо знал, как высок дух защитников черноморской цитадели, как

крепка решимость их руководителей продолжать борьбу. И моряки Г. В. Жуков и И. И. Азаров, и армейцы Г. П. Сафронов, И. Е. Петров, А. Ф. Хренов, Ф. Н. Воронин, Н. И. Крылов, и секретарь горкома партии А. Г. Колыбанов — все думают лишь об одном: не только стойко держаться, но и наносить врагу чувствительные удары.

С гордостью отмечая это, командующий флотом должен был тем не менее учитывать общую стратегическую обстановку, сложившуюся к концу сентября 1941 года на южном крыле советско-германского фронта. Враг готовился к вторжению в Крым. Еще 12 сентября Октябрьскому доложили о том, что полевая батарея флота, выдвинутая на Перекопский перешеек, вступила в бой с передовым отрядом фашистских войск. Вскоре здесь развернулось ожесточенное сражение. Сдержат натиск противника наличными силами невозможно, как и невозможно, потеряв Крым, защищать Одессу, она оставалась в глубоком тылу. Дальнейшая оборона города, по глубокому убеждению Октябрьского, становилась нецелесообразной.

Нет, нелегко было решиться на это, нелегко было сказать об этом не только Ставке, но и самим защитникам осажденного города. Они только что одержали важную победу, укрепили свои позиции и уже начали подготовку к зиме. Крепок их дух, достойны восхищения их стойкость и отвага. Но есть суровая военная необходимость, надо смотреть вперед. И Военный совет флота докладывает Ставке свои соображения о дальнейшем использовании сил Одесского оборонительного района в интересах защиты Крыма и Севастополя — главной базы флота.

Историки и мемуаристы потом не раз проанализируют все телеграммы, которыми обменивались Военные советы Черноморского флота и Одесского оборонительного района. Не раз их перечтет и сам Октябрьский, пытаясь еще и еще раз осмыслить ход событий и убедиться в своей правоте.

Получив разрешение Ставки, он утвердил план постепенной и скрытной эвакуации, тщательно разработанный штабом оборонительного района, и твердо добивался его точного осуществления. Он остался твердым и тогда, когда из Одессы в Севастополь прибыл генерал-майор А. Ф. Хренов и сообщил мнение Военного совета района: надо основные войска отвести с линии фронта не посте-

печно, а одновременно, оставив лишь небольшое прикрытие. Командующему флотом это казалось рискованным в оперативно-тактическом смысле и трудноосуществимым в смысле организационно-техническом. В самом деле, сколько надо сосредоточить в Одессе кораблей и судов, чтобы принять в течение двух-трех часов тридцатипяти тысячное войско с оружием и техникой?

Но твердость в реализации плана лишена смысла, коль план этот не соответствует новой ситуации и новому расчету. В Одессу Октябрьский направил члена Военного совета флота Н. М. Кулакова. Этого человека трудно обвинить в отсутствии воли и склонности к компромиссам. Коль и он считает, что ранее принятый план надо пересмотреть, значит, действительно прав Военный совет района и он, командующий флотом, упорствует напрасно, надо вовремя отказаться от первого варианта плана. И Октябрьский решает: отводить войска с переднего края внезапно и одновременно послать в Одессу все, что можно, включая и боевые корабли.

Операция по эвакуации Одесского оборонительного района завершилась блестяще и вошла беспримерным эпизодом в историю военного искусства.

Все было детально рассчитано и расписано: и время отхода войск с передовой, и маршруты движения, и причалы, и суда. Были спланированы удары авиации, береговой и корабельной артиллерии.

Ночью войска скрытно оставили боевые позиции, совершили марш в порт и погрузились на транспорты и корабли. Усиление огня с кораблей компенсировало снижение интенсивности огня береговых и полевых батарей. Даже подрывы объектов подлаживались под взрывы вражеских снарядов.

На рассвете 16 октября 1941 года из Одесского порта ушел последний транспорт. И лишь к середине дня враг понял, что город оставлен, а решился войти в него только к вечеру. В это время огромный отряд транспортов под конвоем боевых кораблей уже подходил к Севастополю.

Когда историки описывают деятельность военачальника, приоритет, естественно, отдается его умению глубоко и всесторонне анализировать обстановку, принимать смелые и дальновидные решения и твердо проводить их в жизнь, добиваясь максимального результата в операции.

И в этом смысле руководство обороной Севастополя по праву считается вершиной военного таланта и организаторских способностей Филиппа Сергеевича Октябрьского.

Севастополь — главная база флота, сердце Черноморья. Сюда сходятся все пути, отсюда открываются широкие возможности для действий флота в любом районе черноморского театра. Севастополь — ключевая позиция Крыма, а Крым — стратегический плацдарм всего юга страны. Вот почему Октябрьский настойчиво и планомерно готовил флот к длительной борьбе за Крым и Севастополь и, не боясь осложнений, упорно ставил острее проблемы этой борьбы перед высшим командованием.

В одной из своих работ военный историк А. В. Басов приводит красноречивый документ. Это телеграмма, которую 4 ноября 1941 года вице-адмирал Ф. С. Октябрьский послал Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину и наркому ВМФ адмиралу Н. Г. Кузнецову. Докладывая о работе по укреплению обороны главной базы, командующий флотом писал: «В третий раз прошу утвердить проведенные и проводимые мероприятия. Не будет ответа — буду считать свои действия правильными...»

Впрочем, еще до войны на флоте были разработаны принципиально важные положения об обороне Севастополя. Часть из них прошла проверку на совместных учениях флота, армии и авиации. 3 июля 1941 года, на десятый день войны, началось строительство оборонительных сооружений вокруг Севастополя. В первый же день войны вступила в действие система обороны города со стороны моря, включавшая дозорную, противоминную и противодесантную службы.

Заблаговременно готовить Севастополь к длительной обороне — значит признать, что он представит собой приморский изолированный плацдарм, борьба за который развернется на суше, на море и в воздухе. Значит, нужны будут надежные коммуникации и система базирования, которая и создается в короткий срок под руководством Октябрьского в портах Черноморского побережья Кавказа.

Именно там, на Кавказе, узнал Октябрьский о введении 29 октября 1941 года осадного положения в Севастополе и о прорыве во второй половине следующего дня подвижной танковой группы Циглера к берегу Черного моря между Евпаторией и Севастополем близ деревни Николаевки.

Здесь, у Николаевки, в неравный бой с врагом вступила береговая батарея № 54, которой командовал лейтенант Иван Заика.

Ценою жизни пять черноморцев во главе с политруком Николаем Фильченковым остановили фашистские танки под Дуванкоем.

То, чего остерегался Октябрьский и к чему тем не менее энергично готовился, случилось: враг начал штурм Севастополя, начал в крайне невыгодных для нас условиях. В районе города не было полевых сухопутных войск: части Приморской армии, посланные после прибытия из Одессы на север Крыма, еще с боями пробивались к Севастополю. Но к тому времени уже было завершено оборудование главного и тылового оборонительных рубежей и завершалось создание передового оборонительного рубежа. К тому времени в Севастополе из курсантов училищ, моряков с кораблей и учеников школ учебного отряда были сформированы части морской пехоты. Им и пришлось принять на себя удар пяти вражеских дивизий на подходах к передовому оборонительному рубежу.

Как и положено командующему, Филипп Сергеевич Октябрьский всегда стремился в деталях знать обстановку и лично принимать основные решения. И теперь, находясь на Кавказе, вдали от главной базы, он с тревогой следил за ходом событий в Севастополе.

31 октября 1941 года, когда по его приказу из Новороссийска в Севастополь на крейсерах была переброшена 8-я бригада морской пехоты, член Военного совета флота Н. М. Кулаков и начальник штаба флота И. Д. Елисеев собрали командиров корабельных, береговых и авиационных соединений и, откровенно изложив создавшуюся обстановку, дали четкие указания по обороне города. Особый разговор состоялся с генерал-майором П. А. Моргуновым — комендантом береговой обороны флота, которому подчинялись все батареи, батальоны морской пехоты и расчеты огневых точек. Именно на его плечи в основном легла организация боевых действий в первые, исключительно тяжелые дни обороны города.

В тот же день к Н. М. Кулакову прибыл командующий эскадрой контр-адмирал Л. А. Владимирский.

— Корабли эскадры в базе, а над городом то и дело появляются немецкие воздушные разведчики, — сказал он. — Вы представляете, что будет, коль противник осуществит массированный налет авиации.

— Что же вы, Лев Анатольевич, предлагаете? — спросил Кулаков.

— Вывести эскадру в Кавказские базы.

Это предложение соответствовало точке зрения и самого командующего флотом. В конечном счете Октябрьский отправился сюда, в Потц, на Кавказ, для организации базирования кораблей. Однако не так-то просто принять решение о выводе эскадры из Севастополя. Ведь корабли в осажденном городе — это и мощный стон по врагу, и пополнение морской пехоте, и, наконец, стабилизирующий моральный фактор. Но они же могут стать мишенью для вражеской авиации, особенно если учесть, что она вчетверо превосходит нашу авиагруппу. Видимо, не случайно на запрос Военного совета флота о выводе кораблей из Севастополя Главный морской штаб не дает пока ответа.

Нет, решение надо было принимать немедленно. И оно было принято. В ночь на 1 ноября корабли эскадры, оставив на месте стоянок штатную маскировку, ушли из севастопольских бухт. А утром армада фашистских бомбардировщиков начала волнами бомбить с пикирования места стоянок кораблей. Бомбить по пустому месту.

На следующий день Октябрьский возвратился в Севастополь. Изучив обстановку, он понял, что фашистское командование решило захватить город и главную базу с ходу, что сейчас наступил критический момент, когда любой ценой надо остановить врага, а для этого собрать воедино все свои силы.

3 ноября Военный совет флота обратился с воззванием к защитникам Севастополя: «Каждый боец, командир, политработник должен драться с врагом до последней капли крови, до последнего вдоха...» В тот же день Октябрьский выступил на собрании городского актива. Бойцы гарнизона и жители города дали клятву отстоять родной Севастополь.

Ни днем ни ночью не утихали бои. Действия наземных войск поддерживали огнем артиллеристы специального отряда кораблей.

Тем временем в Севастополь с боями прорвались войска Приморской армии. Они понесли немалые потери, они имели всего десять танков, но это были закаленные в сражениях бойцы. Возглавлял армию опытный и бесстрашный военачальник генерал-майор И. Е. Петров, начальником штаба был полковник Н. И. Крылов, отличавшийся умением четко мыслить и смело действовать. Плечом к

плечу с приморцами сражались батальоны 7-й бригады морской пехоты во главе с полковником Е. И. Жидиловым.

7 ноября 1941 года пришла директива Ставки: Севастополь не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами. Это становилось главной, основной задачей Черноморского флота, и на его командующего вице-адмирала Ф. С. Октябрьского возлагалось руководство обороной Севастополя.

Севастопольский оборонительный район (СОР) объединил все силы и средства армии, авиации и флота под единым командованием. Опыт обороны Одессы показал эффективность такой организации войск и сил флота при защите изолированного приморского плацдарма, имеющего стратегически важное значение. Теперь этот опыт предстояло закрепить и умножить.

Октябрьский с удовлетворением узнал, что заместителями командующего районом утверждены генералы, с которыми его уже связала единая военная судьба и единая военная ответственность: по сухопутной обороне — командующий Приморской армией генерал-майор И. Е. Петров, по береговой обороне — генерал-майор П. А. Моргунов, по военно-воздушным силам — генерал-майор авиации Н. А. Остряков. Инженерную службу возглавил опытный фортификатор генерал-майор А. Ф. Хренов.

Весь оборонительный район, от моря восточнее Балаклавы до моря севернее Качи, был разделен на четыре сектора во главе с комендантами. Ими стали по предложению И. Е. Петрова опытные общевойсковые начальники — командиры стрелковых дивизий полковники П. Г. Новиков, И. А. Ласкин, генерал-майоры Т. К. Коломиец, В. Ф. Воробьев. Оборона города с моря велась силами охраны водного района главной базы во главе с контр-адмиралом В. Г. Фадеевым.

10 ноября 1941 года вице-адмирал Октябрьский издал приказ, в котором, обращаясь к защитникам Севастополя, говорил:

«Решением Верховного командования Вооруженных Сил нашей страны на меня возложено руководство обороной города Севастополя. Службу Черноморскому флоту и боевой Приморской армии поручена защита знаменитого исторического Севастополя — города славных боевых традиций...

Вступая в командование обороной Севастополя, призываю всех вас к самоотверженной, беспощадной борьбе... Мы обязаны превратить Севастополь в неприступную крепость и на подступах к городу истребить не одну дивизию зарвавшихся фашистских мерзавцев.

Все необходимое для выполнения этой задачи у нас есть. Мы имеем тысячи замечательных бойцов, мощный Черноморский флот, Севастопольскую береговую оборону, славную авиацию. Вместе с нами — закаленная в боях Приморская армия, ее славные бойцы и начальники.

Все на разгром врага! Ни шагу назад!»

В трудные месяцы первого периода войны, когда мы испытывали горечь отступления и военных неудач, бывали случаи поспешных переподчинений сил и средств, смещений и перемещений военачальников.

Филипп Сергеевич Октябрьский предпочитал четкость и ясность в системе подчинения, твердость и стабильность в системе командования. Директива Ставки не содержала конкретных указаний о структуре управления Севастопольским оборонительным районом, однако предписывала начальнику штаба флота контр-адмиралу И. Д. Елисееву убыть в Туапсе в качестве заместителя командующего флотом на Кавказе, в портах которого сосредоточились основные корабельные силы, флотские тылы и учреждения.

Конечно, положение командующего флотом было нелегким, приходилось, как он потом признавал, «раздваиваться». Но, следуя логике военной необходимости, Октябрьский энергично взялся за организацию всей системы управления обороной Севастополя и управления флотом сверху донизу.

Военный совет флота практически стал Военным советом оборонительного района. Член Военного совета Николай Михайлович Кулаков оставался в Севастополе. Илья Ильич Азаров, второй член Военного совета флота, вместе с Иваном Дмитриевичем Елисеевым занялся делами в кавказских базах. На их плечи легла сложнейшая задача обеспечения коммуникаций осажденного города.

Все бригады, полки, батальоны и отряды морской пехоты включались в состав секторов обороны и подчинялись опытным общевойсковым командирам. «Никакого деления на «морских» и «сухопутных», «своих» и «чужих» быть не может, — указал в специальной директиве Военный совет Приморской армии. — Все мы — одна боевая

семья, органически тесно спаянная единой боевой задачей: разгромить, измолотить врага, отстоять Севастополь».

Октябрьский пригласил к себе редактора флотской газеты «Красный черноморец» П. И. Мусьякова. Выслушав доклад о замыслах редакции, о работе журналистов в боевых условиях, командующий сказал:

— Тысячи моряков с кораблей посланы на сухопутный фронт. Нужно, чтобы это все правильно понимали. Флот воюет сейчас по принципу «длинной руки». Защищали Одессу, теперь бьем немцев в Таврии, не даем врагу перевезти морем войска и военные грузы. Важнейшая наша задача — всемерно помогать армии, наносящей основные удары по врагу. Как помогать? Огнем с кораблей по берегу, занятому противником, обеспечением наших перевозок на море. Вражеские корабли пока не решаются встречаться с нашими кораблями. Боятся. Но если турки пропустят через проливы итальянские корабли, хлопот нам прибавится.

— Мы планируем напечатать в газете серию статей «Учись воевать на берегу», — доложил редактор. — А потом издать их сборником.

— Посоветуйтесь с армейскими штабными специалистами.

Такой сборник вышел и сыграл немалую роль в подготовке матросов к боям на сухопуте.

9 ноября была создана оборонная комиссия. В ее ведение передавались все материальные ресурсы, предприятия и производственные организации военного и гражданского подчинения. Знаменитые спецкомбинаты в штольнях дали фронту 2408 минометов, свыше 600 тысяч мпн и гранат, десятки тысяч комплектов оборудования. Фронтные заказы были под строгим контролем городского комитета обороны во главе с первым секретарем горкома партии Б. А. Борисовым.

Трудно даже перечислить меры, которые предпринял вице-адмирал Октябрьский для улучшения структуры управления Севастопольского оборонительного района только за одну неделю с 7 по 13 ноября. Эти меры проводились не в период затишья на переднем крае, а во время ожесточенного натиска многократно превосходящих войск противника. Дни и ночи командующий находился на флагманском командном пункте, в каменной штольне у Телефонной пристани Севастополя. Огромное напряжение испытывали и его соратники — генералы Петров и

Моргунов, командные пункты которых располагались в одной штольне в Карантинной бухте. Бывали минуты и часы, исполненные крайнего драматизма.

Таким был день 12 ноября 1941 года. Накануне гитлеровский генерал Манштейн, командующий 11-й фашистской армией, штурмовавшей Севастополь, решил нанести сокрушительный удар. Замысел врага состоял в том, чтобы обойти город с востока и юго-востока и овладеть им.

Бои приняли крайне ожесточенный характер. Некоторые наши подразделения дрались в полукольце окружения. Фашистам удалось прорваться к морю восточнее Балаклавы. Село Камары несколько раз переходило из рук в руки. И все-таки сломить стойкость защитников Севастополя враг не сумел. Тогда Манштейн решил ослабить нашу оборону массированным ударом с воздуха и прежде всего потопить корабли, огонь которых наносил серьезный урон атакующим фашистским войскам.

Свыше двадцати «юнкерсов» полтора часа бомбили базу и порт. Как жалел в эти минуты Октябрьский, что поспешил отправить на Кавказ для защиты баз несколько зенитных батарей. Но таков был приказ Ставки. Крейсер «Червона Украина», уже третьи сутки сокрушавший своим огнем врага на сухопутном фронте, получил сильные повреждения. Еще один урок командующему: надо было проследить, чтобы крейсер не оставался на одном месте трое суток подряд, а менял свои позиции. Почти целые сутки экипаж боролся за жизнь корабля. Моряки сумели снять с крейсера артиллерию, и впоследствии орудия «Червонной Украины», поставленные на редутах, продолжали разить врага.

Во второй половине дня на город налетело тридцать шесть «юнкерсов» и «хейнкелей». В воздух поднялись наши истребители. Силы были неравны, но флотские авиаторы смело сражались с врагом.

Об одном из героев сражения — младшем лейтенанте Якове Иванове — с восхищением рассказывал Октябрьскому генерал-майор авиации Остряков. На своем МиГ-3 Иванов атаковал звено бомбардировщиков «Хейнкель-111», ложившихся на боевой курс для бомбометания. Строй звена нарушился, и тогда Иванов пошел в лобовую атаку на один из «хейнкелей». Тот маневрировал и отстреливался, пытаясь уйти от преследования, а затем снова пойти на цель. Когда кончились патроны, Иванов пошел на таран. Летчик благополучно вернулся на свой

аэродром. Спустя пять дней он сбил в одном бою два самолета, причем один — «Дорнье-215» снова тараном.

Хотя гитлеровцы и объявили, что они 12 ноября разрушили город до основания, Севастополь жил и сражался. Поставленной Манштейном радикальной цели сокрушить оборону и базу фашистская воздушная эскадра не достигла. А следующей ночью Октябрьский приказал совершить воздушный налет на три крымских аэродрома противника. Это был достойный ответ черноморских летчиков на хвастливые заявления врага о полном уничтожении советской морской авиации в Крыму. Вот и факт: за ноябрь 1941 года летчики Черноморского флота уничтожили в воздухе и на аэродромах 122 самолета противника.

Ежедневно по несколько раз Октябрьскому докладывали о положении в каждом из четырех секторов обороны. С огорчением он узнавал о том, что кое-где враг потеснил наши подразделения, с гордостью — о том, что на основных направлениях войска выстояли, с великой радостью — о том, что в ряде мест храбрые приморцы успешно контратаковали. Он понимал, как нелегко это делать при нынешнем неравенстве сил, ему было очень жаль людей, и каждое донесение о потерях убитыми и ранеными отзывалось в его сердце горечью и болью. Но суровая необходимость не только выстоять, но, сколько возможно, изматывать врага побуждала командующего поощрять активные действия наших войск.

Он еще более утверждался в справедливости такой точки зрения, когда видел, как настойчиво и энергично поступает Иван Ефимович Петров. Он расчетливо маневрирует скромными своими резервами, перебрасывает из одного сектора в другой то полк, то батальон, то батарею ради того, чтобы закрепить наметившийся успех или восстановить пошатнувшееся положение на переднем крае. Особенно заботлив он в отношении первого сектора, где в районе Сапун-горы и Ялтинского шоссе развернулись ожесточенные бои. Интуиция и расчет бывалого военачальника подсказывали, что именно здесь противник наносит главный удар.

С утра 16 ноября 1941 года фашисты усилили атаки. В то утро Октябрьский еще не знал, что наши войска оставили Керчь, и теперь весь Крым, кроме Севастополя, в руках врага, чем непременно воспользуется Манштейн. Надо было немедленно реагировать на обстановку, и

снова по приказу командующего начались при активной поддержке авиации и артиллерии контратаки приморцев. Пять суток не стихали ожесточенные бои. Враг дорогой ценой оплачивал свои весьма скромные успехи. Как показывали пленные, во многих ротах у фашистов осталось меньше половины штатного состава. К вечеру 21 ноября 1941 года противник приостановил штурм.

Спустя много лет генерал-фельдмаршал Э. Манштейн в своей книге «Утерянные победы» напишет: «Благодаря энергичным мерам советского командования противник сумел остановить продвижение 54-го АК (армейского корпуса) на подступах к крепости. В связи с наличием коммуникаций противник считал себя даже достаточно сильным для того, чтобы при поддержке огня флота начать наступление с побережья севернее Севастополя против правого фланга 54-го АК. Потребовалось перебросить сюда для поддержки 22-ю пехотную дивизию из состава 30-го АК. В этих условиях командование армией должно было отказаться от своего плана взять Севастополь внезапным ударом с ходу с востока и с юго-востока».

Кстати говоря, эти слова, в которых признается провал первого, ноябрьского штурма Севастополя, содержат важное свидетельство противника о роли наших черноморских сил на Черном море.

Военная необходимость поставила истинного моряка, прошедшего все ступени флотской службы от матроса до адмирала, во главе обороны города, который враг штурмовал с суши. Но Октябрьский ни на минуту не забывал, что командует флотом. Искусство военачальника заключалось в том, чтобы умело использовать флот, все его разнородные силы — надводные корабли и подводные лодки, торпедные катера и тральщики, гидросамолеты и истребители, транспорты и катера-охотники — в интересах решения главной задачи.

Главной задачей в этот период войны была защита Севастополя. И это остается фактом: его восьмимесячная оборона была бы немыслима без четко налаженных морских коммуникаций осажденного города с Большой землей, без постоянной огневой поддержки севастопольских бастионов кораблями и авиацией флота. Только при отражении ноябрьского наступления в огневой поддержке наших войск по приказу Октябрьского участвовало одиннадцать кораблей, и в их числе крейсера «Красный Крым», «Червона Украина», лидер «Ташкент», эсминец «Бойкий».

Много раз прорывался в Севастополь эсминец «Сообразительный». Его называли неуловимым. И неспроста. Двести восемнадцать боевых походов совершил эсминец под командованием капитан-лейтенанта С. С. Воркова. И не потерял ни одного человека.

Под конвоем боевых кораблей из осажденного города было вывезено за один месяц около пятнадцати тысяч эвакуированных, почти шесть тысяч раненых, двадцать пять тысяч тонн ценных грузов. В это же время в Севастополь были доставлены маршевое пополнение (девятнадцать тысяч человек), оружие и боеприпасы.

В эти дни родилась идея высадить десант на Керченский полуостров. Руководство Закавказского фронта намеревалось «вытолкнуть» с Керченского полуострова фашистские войска и тем самым начать освобождение Крыма. «Не вытолкнуть, а окружить» — над такой идеей размышлял Октябрьский. Военный совет Черноморского флота предложил вариант операции, по которому планировалось двумя ударами десантников перерезать Ак-Монайский перешеек и окружить керченскую группировку противника. Ставка согласилась с этим вариантом и приказала вице-адмиралу Ф. С. Октябрьскому прибыть на Кавказ для подготовки и руководства морской частью операции.

Прибыв в Новороссийск, он с большим воодушевлением принялся за дело. Ведь речь в конечном счете шла о снятии осады с Севастополя и освобождении Крыма. Это станет хорошим откликом на великое контрнаступление, начатое советскими войсками 6 декабря под Москвой.

Времени на подготовку десантной операции было слишком мало: и на тренировку войск и сил флота, и на разведку, и на материально-техническое и навигационно-гидрографическое обеспечение боевых действий. И все-таки ценой огромных усилий операция была подготовлена в намеченные сроки. Согласно замыслу одну часть войск 51-й армии Азовская флотилия должна была высадить на северном побережье Керченского полуострова, другую часть войск этой армии высаживала Керченская военноморская база на восточном побережье. Войска 44-й армии предполагалось высадить на южном побережье (у горы Ошук и в порт Феодосия).

21 декабря 1941 года весь этот сложнейший комплекс, включавший десятки армейских и флотских штабов, сот-

ни кораблей и судов, многие тысячи солдат и матросов, намечалось ввести в действие. Но, как это нередко бывало в ту тяжкую пору, война неожиданно внесла суровые коррективы в намеченные планы.

Еще с утра 17 декабря в Новороссийск командующему флотом наряду с донесениями о подготовке керченских десантных отрядов стали поступать тревожные вести из Севастополя. Три фашистские дивизии начали наступление вдоль Бельбекской долины в направлении Северной бухты. В долине реки Черной прорывается еще одна дивизия. Значит, на сей раз главный удар по Севастополю наносится с севера.

Манштейн обратился к своим войскам с призывом «обеспечить успех последнего большого наступления в этом году». «Севастополь падет!» — за этими словами фашистского генерала стоял боевой приказ: взять город за четыре дня, к 21 декабря 1941 года.

И вот еще одна телеграмма Октябрьскому в Новороссийск из Севастополя: фашисты начали штурм уже в трех секторах, боезапас на батареях иссяк, вражеские танки прорвались на северную сторону города, к Братскому кладбищу. Если немцы тут закрепятся, они будут расстреливать город и порт прямой наводкой!

Что делать? Здесь, в Цемесской бухте Новороссийска, стоят корабли с морской пехотой на борту. Куда им идти — к Феодосии или к Севастополю? Надо спасти Севастополь.

Ночью 20 декабря Октябрьскому принесли телеграмму из Ставки: немедленно отбыть в Севастополь. Командующему Закавказским фронтом предписывалось срочно оказать помощь осажденному городу пополнением, боеприпасами и авиацией. Октябрьский тут же телеграфировал в Севастополь: 20 декабря с ним из Новороссийска выйдет отряд кораблей, имея на борту хорошо вооруженную бригаду.

В тот же час он поднялся на ходовой мостик крейсера «Красный Кавказ». Встретив его, командир корабля капитан II ранга А. М. Гуцин спросил:

— Разрешите поднять на мачте флаг командующего флотом?

— Да, непременно, — ответил адмирал. — Мы идем в Севастополь.

По традиции у каждого флотского начальника есть свой должностной флаг. У командующего флотом это три

белых звезды на алом полотнище. И если он поднят на корабле, значит, все знают: на борту флагман. Таков старинный обычай. Но ведь теперь не учебное плавание, теперь корабли идут в блокированную врагом базу. Это был дерзкий шаг — поднять флаг командующего на мачте. И Октябрьский сознательно сделал этот шаг. Он пока не знал, как сложится ситуация в осажденном городе даже к ближайшему утру. Но он был уверен, что город продержится, и он хотел, чтобы город увидел черноморскую эскадру под флагом командующего флотом. И город увидит, и враг пусть узнает.

Вместе с «Красным Кавказом» курс на Севастополь взяли крейсер «Красный Крым», лидер «Харьков», эсминцы «Бодрый» и «Незаможник».

Каждый из кораблей эскадры хорошо был известен во всех портах Черноморья — от Одессы до Поти еще до войны. Сейчас они стали знамениты боевыми делами. Высоко ценили их защитники Одессы и Севастополя и за меткий огонь по врагу, и за надежную эвакуацию раненых, и за быструю доставку пополнения. И теперь на борту боевых кораблей — морские пехотинцы 79-й особой бригады во главе с героем обороны Одессы полковником А. С. Потаповым. Вслед за отрядом идут транспорты и тральщики с боеприпасами и продовольствием. А в Туапсе на боевые корабли и транспорты грузится 345-я стрелковая дивизия, также выделенная для пополнения гарнизона Севастополя.

Корабли шли без огней по штормовому ночному морю. Качка изматывала людей, особенно молодых бойцов-пехотинцев, впервые встретившихся с суровой стихией. Но все они держались стойко и готовились к предстоящей схватке с врагом.

Вице-адмирал Октябрьский рассчитывал прийти в Севастополь 21 декабря на рассвете. Это снизило бы опасность налетов вражеской авиации. Вопреки прогнозу на море пал плотный туман, причем именно в тот момент, когда эскадра шла по фарватеру через мпвное поле. Корабли вынуждены были сбавить ход. Когда они подошли на траверз мыса Феолент, хронометр в рубке «Красного Кавказа» показывал 11 часов. И тут налетевший шквал рассеял нужный сейчас туман, и корабли, выстроившиеся как на параде, в тусклом освещении декабрьского дня стали видны со всех сторон.

Это был огромный риск — прорываться в бухты Сева-

стополя, когда враг вот-вот поднимет авиацию в воздух и начнет вести прицельный артиллерийский огонь с господствующих высот. Опасность угрожала и из-под воды — не исключено, что фашисты вывели на позиции подводные лодки и поставили на фарватере мины.

Риск был велик, но иного выхода не оставалось. Октябрьский держал короткий совет с офицерами штаба, с командирами кораблей. Мнение оказалось единым: идти на прорыв. «Будем прорываться!» — решил командующий.

В воздух была поднята вся авиация Севастопольской группы. Катера-охотники охраны водного района уже вышли навстречу кораблям. Береговая оборона получила целеуказания на подавление дальнобойных батарей противника. Внезапность, скорость, мастерство — вот что гарантировало успех.

Флагман приказал увеличить ход. Вскоре на горизонте показалось звено катеров-охотников. Когда они приблизились, Октябрьский увидел на мостике головного катера того самого лейтенанта Дмитрия Глухова, которого совсем недавно он благодарил на пирсе за дерзость и мужество в борьбе с вражескими минами.

Загрохотали орудия береговых батарей. Но скоро гул разрывов на переднем крае заглушили ревущие моторы «юнкерсов», а когда эскадра легла на курс в бухту, по кораблям открыли ураганный огонь дальнобойные батареи фашистов. Закипело море от разрывов бомб и снарядов, завязались в небе смертельные воздушные схватки, затарахтели зенитные установки кораблей.

— Пора пускать в дело главный калибр, — приказал командующий. И мощные залпы крейсерских орудий перекрыли вражескую канонаду. Они не прекращались и после того, как корабли прорвались в бухту и начали высаживать морскую пехоту в районе Сухарной балки.

На причале Октябрьский увидел командарма Петрова. Они пошли навстречу друг другу, готовые просто, по-человечески обняться. Сотни бойцов и командиров было во круг. Петров поднял руку в приветствии перед рапортом. Октябрьский увидел, как нервно дрогнула щека командарма — неизгладимый в волнении след давней контузии, и, не дожидаясь доклада, мягко сказал:

— Вот и прибыла помощь, Иван Ефимович.

— Спасибо, Филипп Сергеевич, — справившись с волнением, отвечал генерал. — Прошу разрешения все эти части немедленно бросить в бой.

— Добро, — согласился Октябрьский. — Отдайте боевой приказ.

Не знал в ту минуту Октябрьский, что еще за сутки до этой встречи Ставка по предложению командующего фронтом приняла директиву об отстранении Петрова от должности командарма. А узнав, крепко расстроился. Дело, конечно, не в том, что никто не спросил согласия ни его, командующего флотом, ни Военного совета. Главное в том, что Петров — толковый генерал, он отлично показал себя в Одессе и здесь, в Севастополе, проявил высокие боевые качества. Нет, замену командарма надо опротестовать. Октябрьский немедленно обсуждает этот вопрос с членом Военного совета флота Н. М. Кулаковым. Тот, не раздумывая, подписал вместе с ним срочную телеграмму И. В. Сталину. Суть телеграммы: оставить И. Е. Петрова в должности командующего Приморской армией и присвоить ему звание генерал-лейтенанта.

Оба они хорошо знали, что такая телеграмма может вызвать немалый гнев у Верховного. Но поступить иначе — значит изменить своему характеру. И. В. Сталин согласился с доводами Военного совета флота. Так что боевой приказ доставленному из Новороссийска пополнению генерал-майор И. Е. Петров отдавал именно как командарм Приморской.

Батальоны 79-й особой морской бригады, а через сутки и полки 345-й стрелковой дивизии были брошены в бой на решающем участке обороны города. Стремительной и дерзкой атакой при огневой поддержке кораблей приморцы выбили фашистов с занятых ими позиций.

Враг был вынужден остановиться. А тем временем на Керченский полуостров с трех сторон высадились советские десантники. Вступал в действие план операции, над разработкой которой напряженно трудился Октябрьский в первые недели декабря.

На рассвете 26 декабря десантные отряды Азовской военной флотилии под командованием контр-адмирала С. Г. Горшкова начали бой за высадку. Под ураганным огнем артиллерии, а затем и под непрерывной бомбежкой крошечные тихоходные суда, в большинстве своем рыбацкие сейнеры, на крутой штормовой волне прорывались к берегу. Уже шла ледяная шуга, сильный накат опрокидывал шлюпки и барказы, но десантники прыгали в воду и устремлялись на штурм вражеских позиций.

Спустя двое суток студеной ночью, когда на море сви-

репствовал семибалльный шторм, отряд кораблей Черноморского флота подошел к Феодосии и открыл огонь. Враг был застигнут врасплох. Первым в порт ворвался сторожевой катер лейтенанта А. Д. Кокорева. Он высадил на мол штурмовую группу, которая захватила маяк и зажгла на нем огонь. С подошедших следом других катеров штурмовые группы очистили молы и причалы от врага и подготовили их к швартовке крупных кораблей с передовым отрядом десанта.

Словхватившись, фашисты стали стягивать к порту крупные силы пехоты и артиллерии. Но сначала эсминцы «Шаумян», «Незаможник» и «Железняков», а затем и крейсер «Красный Кавказ», не прерывая огневую дуэль с врагом, впервые в истории войны на море швартовались прямо к молу и высаживали десантников. Командир крейсера «Красный Крым» капитан II ранга А. И. Зубков еще до прихода к молу приказал отдать якорь и начать высадку.

Это была беспрецедентная в истории военно-морского искусства операция. Крейсера прокладывали курс огнем и прямо в порт высаживали десант. Филигранное искусство маневра, дерзость и точнейший расчет проявили командиры кораблей и их экипажи. Вот где сказалась высшая школа черноморской эскадры, выучкой которой Октябрьский занимался изо дня в день с тех пор, как возглавил флот.

После полудня, когда передовой отряд десанта закрепился в порту и начал бои за город, корабли отошли на внешний рейд и по данным корректировочных постов, высаженных на берег вместе с десантниками, начали вести прицельный огонь по врагу. Одиннадцать раз налетали фашистские самолеты на «Красный Крым», четырнадцать — на «Красный Кавказ». Но ни одна из бомб не достигла цели.

В канун нового, 1942 года флот завершил высадку основных сил десанта. Самоотверженно дрались с врагом десантники, расширяя захваченные плацдармы. Над Феодосией и Керчью был поднят советский флаг. Положение Севастополя заметно облегчилось.

Радуюсь этим победам, Октябрьский тем не менее реально оценивал оперативную обстановку и упорно готовил силы флота и гарнизон Севастополя к новым трудным испытаниям.

— Теперь обострится борьба на морских коммуника-

циях, — говорил он на заседании Военного совета. — Мы имеем в Крыму два плацдарма: здесь, в Севастополе, и в Керчи. Противник хорошо понимает их зависимость от сообщений с кавказскими базами. Его корабельные силы уступают нашим, а вот авиация имеет преимущества и в численности, и в базировании. Самолеты противника поднимаются с крымских аэродромов, это рядом с районами боевых действий. Впрочем, и вражеский флот на театре непрерывно усиливается, особенно по подводным лодкам и торпедным катерам. В этих условиях транспортам трудно прорваться к Крыму. Значит, опять вся нагрузка ляжет на боевые корабли.

Нелегко было принимать такое решение. Он знал, какую огромную ценность представляет крейсер или лидер. Сотни заводов участвуют в постройке корабля, не один месяц требуется для обучения его экипажа. Не случайно и из Москвы с тревогой предупреждают о необходимости сохранить эскадру.

К сожалению, обстановка на Крымском фронте, созданном на Керченском полуострове, складывалась крайне неблагоприятно. Крупное наступление начать не удается, фронт то и дело подвергается сильным, а главное, неожиданным ударам. А ведь в Москве, естественно, делают ставку именно на успех войск Крымского фронта, и Севастополю ожидать новых подкреплений не приходилось. Значит, надо усиливать оборону на переднем крае и укреплять тыл гарнизона собственными силами и средствами.

18 января 1942 года Октябрьский прочитал в «Красной звезде» Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении бойцам и командирам, отличившимся в борьбе с фашистскими захватчиками, звания Героя Советского Союза. Взгляд командующего задержался на одном имени: Иванов Яков Матвеевич, младший лейтенант. Да, это был морской летчик, совершивший в небе Севастополя два тарана. Он стал первым кавалером Золотой Звезды на Черноморском флоте.

Вспомнилось, как генерал Остряков, рассказывая о мастерстве и сметке офицера, подчеркнул, что ему только двадцать лет. И Октябрьскому невольно подумалось о своей молодости. Может быть, потому и подумалось, что юный морской летчик был однофамильцем командующе-

го. Об этом мало кто знал тогда, в годы войны, мало кому известно и теперь, спустя десятилетия. Отблеск октябрьских зорь осветил юность Филиппа Иванова — сына крестьянина из тверского села Лукшина. Так и случилось, что Иванов стал Октябрьским.

Их было семеро в семье, и хлеба со скудного клочка тощей земли едва хватало до рождества. И потому Сергей Иванов, отец, ежегодно уходил на тяжкий отхожий промысел — кочегарить на речных судах то на Волгу, то на Неву. Дети же сызмалства ходили в подпасках, где уж там думать о школе, лишь бы прокормиться.

Летом 1914 года, в канун первой мировой войны, отец сказал пятнадцатилетнему Филиппу:

— Поедешь со мной в Шлиссельбург. Матвей, твой старший братан, уже кочегарит на равных со мной, пора и тебе заняться стоящим делом. Там у нас машины, пароходы, рабочий люд.

И Филипп Иванов стал кочегарить. Немудреную технику старого парохода постичь было просто. Сложнее постичь течение событий. Пароходы ходили и по Ладоге, и по Свири, и по Неве. И было на Неве много любопытнейших мест. От Шлиссельбургской крепости к Петропавловской крепости. «Там, сынок, — говаривал отец, — страшные казематы, и в заточении немало добрых людей. Революционеров». Добрых и интересных людей, среди них и революционеров, юноша встречал на верфях и в мастерских, в матросском кругу, а потом, когда грянул семнадцатый год, и сам сдружился с ними. Матвей, старший брат, балтийский матрос, лихой и открытый, твердил:

— Филипп, держись большевиков, держись флота, за Лениным пойдет народ, пойдет Россия.

И в восемнадцатом году Филипп Иванов добровольцем вступает на службу в ряды Балтфлота. А несколько месяцев спустя, получив горькую весть о гибели любимого брата в бою с интервентами, приходит в партиячку:

— Хочу записаться в большевики.

— Как зовут? — спросил комиссар.

— Филипп Октябрьский.

— Октябрьский? — переспросил комиссар. — Лихой военмор. — Прочитав же заявление, сдержанно произнес: — Учиться бы тебе надо, да сам видишь, недосуг. Контриков, интервентов выводить будем. И все-таки запомни: победим, садись за книги. А пока кочегарь...

Еще два года кочегарил Филипп Иванов-Октябрьский. На «Азилии», на «Секрете», на «Океане». На том самом «Океане», что потом, в 1922 году, вместе с «Авророй» совершил первое заграничное плавание под советским военно-морским флагом.

Осенью 1920 года снова юный военмор встретился с первым своим комиссаром. Дело было в Кронштадте.

— На Севере много бед натворили интервенты, — сказал комиссар. — Помочь архангельцам надо. Нужны добровольцы. Пойдешь?

— Пойду.

— Да не один, поговори с братвой.

Так сколотился отряд кронштадтцев. Они приехали в Архангельск, разместились в экипаже. Встретивший добровольцев комиссар вспомогательного крейсера «Лейтенант Шмидт» Богачев повел их в подвал. Взору матросов предстала ужасная картина. В стене вделаны цепи, на скамьях — орудия пыток.

— Тут нашего брата революционера держали, — пояснил Богачев. — Мучили. И при царе, и при интервентах. Новую жизнь надо защищать с оружием в руках. А теперь, балтийцы, по кораблям. Кто из вас с машинами дело имел?

Иванов вышел вперед:

— Филипп Октябрьский. Родился в октябре 1899 года. Член РКП(б).

— Большевик? Пойдем со мной. Будешь служить у нас, на крейсере «Лейтенант Шмидт».

Малость слукавил балтиец — машинистом он еще не был, однако постарался вскорости им стать. Комиссар Богачев, шефствуя над молодым партийцем, привлек его к общественной работе — к разъяснению текущего момента, и даже к ликбезу — борьбе с неграмотностью.

Это последнее обстоятельство сильно смущало Филиппа Октябрьского — приходилось по ночам сидеть над книжками, чтобы восполнить недостаток образования. Видел это комиссар, подбадривал как мог, а однажды сказал:

— Пора тебе, военмор, подучиться.

— Мне уже больше двадцати. Не идти же в таком возрасте в школу?

— Оно и в школу не зазорно, но бери выше — реши мы послать тебя в комвуз. В Питер поедешь.

Так Филипп Октябрьский стал слушателем Петроградского комвуза, а после его окончания — профессиональ-

ным политработником. Он работал в морском отделе Политуправления РККА, в политотделе флотилии.

Это были годы бурного восстановления военно-морских сил республики. «Сердце мое начинает учащено биться, — писал Ф. С. Октябрьский спустя много лет, — когда вспоминаю трудные, но полные революционного пафоса и романтики 20-е годы».

X съезд партии принял специальное решение о возрождении флота. По инициативе В. И. Ленина V съезд РКСМ объявил о шефстве комсомола над флотом. Орлами революции назвал съезд военных моряков и, обращаясь к комсомольцам, призывал: «Будьте лучшей боевой частью флота, служите примером для всех молодых моряков. Усердно и настойчиво постигайте все трудности морской службы». Были в обращении возвышенные слова о том, что комсомол и в дни мира не бросит якоря в тихой пристани, будет готовиться к защите республики.

В первый год шефства на флот пришло по комсомольским путевкам около восьми тысяч человек. Этот поток нарастал из года в год. Из теплушек, шедших к портам и базам, неслись лихие песни: «Вперед же, по солнечным реям», «Берегись, Антанта, мы едем на моря». Филипп Октябрьский работал среди комсомольцев-добровольцев, которые только за полтора года возродили к жизни десятки надводных кораблей и подводных лодок, и не только ввели в строй, но и начали на них плавать по морям и океанам.

В 1925 году балтийская эскадра под флагом наркома М. В. Фрунзе совершила первое после революции большое плавание. «Тысячи комсомольского пополнения, образовавшие ядро нового флота, — писал М. В. Фрунзе, — заложили тот фундамент, на основе которого стала возможной вся дальнейшая творческая деятельность».

Флоту требовались образованные командиры из среды рабочих и крестьян. В числе тех, кто в этот год пришел в стены военно-морского училища, был и Филипп Октябрьский. Он ходил по залам и аудиториям учебного заведения, которое существовало уже свыше двухсот лет. Октябрь открыл путь к знаниям детям рабочих и крестьян. Всемирно известная русская военно-морская школа (основанная Петром I Морской корпус) стала первым советским высшим военно-морским училищем и получила имя пролетарского полководца М. В. Фрунзе.

Филипп Октябрьский гордился тем, что попал в столь

почетное учебное заведение. Слушая лекции по военному искусству, практикуясь на боевых кораблях, он искал образцы для подражания, справедливо полагая, что главное в подобного рода карьере — развитие в себе воли, твердого характера, качества первостепенного для военного человека.

Воля, характер — они и к самому почетному диплому не прилагаются, как не прилагаются они к должности. И потому, получив после блестящего окончания училища право выбора моря и предложение Военного совета Балтфлота возглавить экипаж сторожевого корабля, Филипп Октябрьский попросился тем не менее на более скромную должность, чтобы испытать, проверить себя.

Испытание молодой командир держал на тральщиках и торпедных катерах. Он проверял себя на боевом тралении, на учениях, в трудных походах. Особенно пришлось ему по душе торпедные катера, управляя которыми командир, подобно летчику, как бы сливается со стремительным и грозным движением корабля к цели, к победе. Почти десять лет отдал он службе на катерах — сначала на Балтике, затем — на Тихом океане. И первую свою награду — орден Красной Звезды комбриг Октябрьский получил в 1935 году именно за освоение катеров на новом морском театре и разработку методов взаимодействия кораблей с авиацией, береговой обороной и сухопутными войсками. Опыт управления разнородными силами в бою и операции молодой флагман умножил, став в феврале 1938 года командующим Краснознаменной Амурской флотилией. В августе 1939 года Октябрьский возглавил Черноморский флот.

Всего три года прошло с той поры, и теперь он, командующий действующим флотом, не на маневрах, а в реальном жестоком сражении держит свой главный экзамен.

24 апреля 1942 года вице-адмирала Октябрьского вызвали в Краснодар, где в это время находились главком стратегического направления Маршал Советского Союза С. М. Буденный и нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов. Выслушав доклад о состоянии флота, о перевозках в Керчь и об обороне Севастополя, Буденный сказал:

— Командующий Крымским фронтом генерал-лейтенант Козлов убежден, что ему удастся наступление из

Керчи на Симферополь, затем и на Бахчисарай. Севастополь будет деблокирован. Как, продержитесь?

— Безусловно, — ответил Октябрьский. — Я твердо уверен в прочности обороны Севастополя. Об одном только прошу: не ослаблять вашу Приморскую армию и не отвлекать ее крупных сил для наступления на Симферополь.

— Хорошо, — согласился маршал и улыбнулся. — Осторожничайтесь. Засиделся в обороне.

В тот час никто из троих участников этого разговора, конечно, не мог предположить, что спустя две недели фашисты внезапным ударом прорвут Крымский фронт и вынудят его войска эвакуироваться на Таманский полуостров. Но тогдашняя просьба Октябрьского стала потом особенно понятной: враг не решился после взятия Керчи с ходу наступать на Тамань, пока у него в тылу оставался сражающийся Севастополь.

Вернувшись с Кавказа в Севастополь, Октябрьский с новой энергией занялся укреплением его обороны. Он решил лично осмотреть передний край и отправился в третий сектор — туда, где враг неоднократно наносил сильнейшие удары.

— Давайте, Иван Ефимович, побываем у чапаевцев, — сказал адмирал, обращаясь к командиру Приморской. — Они могут оказаться как раз на направлении главного удара.

Речь шла о 25-й Чапаевской дивизии, которой во время обороны Одессы командовал сам И. Е. Петров, а ныне — комендант третьего сектора генерал-майор Т. К. Колюмиец.

Они прошли по отрытым в рост человека траншеям первой линии обороны. Увидев, что из траншеи к ничейной полосе тянется ход, а в стороне проложен провод, Октябрьский спросил:

— А это зачем?

— У нас отрыты парные окопы, — ответил комендант. — Фашисты начинают артобстрел линии траншей, а наши бойцы в этих дубль-окопах. А провода, которые вы видите, идут к истребителям танков.

Адмирал не сразу рассматривал их ячейки: так тщательно все было замаскировано.

Показали командующему и «невидимые батареи»: потайные фугасы-каменеты, созданные армейскими инже-

нерами и артиллеристами. Бойцы вырывали котлован, укладывали в него взрывчатку (бывало, и извлеченную из старых морских мин), сверху клали бревна, а на них — крупные камни. Эти фугасы взрывались по проводам, когда враг шел в атаку, и приносили ему немалые потери.

Зашел при осмотре переднего края и такой разговор. Обращаясь к И. Е. Петрову, комендант сказал:

— У нас, в третьем секторе, бригада и два полка морской пехоты. Прибывшие с пополнением моряки переодеты в армейскую форму.

— Правильно, — заметил командарм. — В защитной одежде меньше потерь будет, да и единообразие важно.

— Это понятно, но матросы просят оставить им тельняшки и бескозырки.

— Зачем?

— В атаку ходить. Очень боятся фашисты таких атак. Черными дьяволами зовут моряков.

— Знаю, знаю, — заключил разговор Петров и приказал оставить морякам тельняшки и бескозырки.

Командующему флотом, конечно, пришлось по душе этот диалог.

17 мая 1942 года Октябрьский собрал Военный совет.

— Керчь готовится к эвакуации, — объявил он. — Противник вновь стягивает силы к Севастополю. Следует ожидать нового штурма. Я призываю всех встретить нависшую угрозу с полным сознанием долга, во всеоружии.

Эти слова командующий повторил на совещании командиров, политработников и партийного актива города. В гарнизоне были проведены собрания делегатов от частей и кораблей. Защитники Севастополя поклялись стоять насмерть.

Спустя три дня противник начал сильнейшую авиационно-артиллерийскую подготовку штурма города. Она продолжалась восемнадцать суток. Впоследствии Манштейн отмечал, что во вторую мировую войну немцы никогда не достигали такого массированного применения артиллерии, как в наступлении на Севастополь. Только за пять дней на город и боевые позиции наших войск было сброшено сорок восемь тысяч бомб и сто двадцать шесть тысяч снарядов. В иные дни на Севастополь налетало до трехсот самолетов.

Казалось, в этом крошечном аду, когда сами скалы дрожат от разрывов бомб и снарядов, а солнце не видно за клубами дыма и пыли, ничто живое не может сохраниться. Но защитники Севастополя — солдаты и матросы, командиры и политработники, жители города — не пали духом, с еще большей яростью сражались с врагом, отважно выполняли свой долг на переднем крае и на городских улицах, на боевых постах кораблей и в подземных спецкомбинатах.

На рассвете 7 июня командарм Приморской генерал-лейтенант Петров доложил на флагманский командный пункт о том, что противник возобновил атаки на сухопутном фронте. Сначала можно было подумать, что он прощупывает слабые места. Но анализ обстановки на переднем крае, а также обострившаяся за год войны интуиция подсказывали Октябрьскому, что на сей раз фашисты пошли на штурм. Он спросил мнение командарма о направлении главного удара. Петров полагал, что главный удар наносится с севера, в четвертом секторе.

— Особенно сильно противник атакует в районе станции Мекензиевы горы, — сказал он.

— Это же в трех километрах от Северной бухты, Иван Ефимович.

— Понимаю, Филипп Сергеевич. Сейчас буду говорить с комендантами секторов.

— Скажите им, что дальше отходить некуда. А я поговорю с Моргуновым.

— Он рядом. Передаю ему трубку.

— Все батареи береговой обороны ведут огонь по атакующим, — сообщил генерал-майор П. А. Моргунов. — И не только береговые батареи. Триста шестьдесят пятая зенитная бьет и по самолетам, и по танкам.

— А как тридцатая?

— Капитан Александер доложил, что ведет огонь и пока фашистов вблизи не наблюдает.

— Следите за обстановкой на тридцатой, Петр Алексеевич, — закончил разговор командующий.

Две дальнобойные башенные батареи — 30 и 35-я были гордостью береговой обороны флота. Они с двух сторон прикрывали подходы к Севастополю с моря. По существу, это были небольшие, полностью автономные артиллерийские форты. Четыре двенадцатидюймовых орудия в башнях, казематы и погреба, электростанция и центральный пост, рубка и подземные переходы — многое здесь напо-

минало корабль. Октябрьский любил во время учений бывать на этих батареях, заботился о том, чтобы каждый офицер береговой обороны, подобно командиру 30-й батареи капитану Г. А. Александру, был виртуозным снайпером в стрельбе по морским целям. Но теперь Александру пришлось повернуть башни в сторону суши. И снова тридцатая снайперски разила врага. Ее меткий сокрушительный огонь не только вызывал страх у фашистов на переднем крае, но и сильно тревожил высшее командование противника.

Чтобы подавить башенные батареи, гитлеровцы перебросили в район Севастополя осадные двенадцатидюймовые пушки и мортиры калибром 615 миллиметров, а затем и свою знаменитую «Дору» — восьмисотмиллиметровую пушку, для установки и охраны которой потребовалось полторы тысячи солдат. Но и сама «Дора» никак не могла сокрушить севастопольские бастионы.

Вся страна с напряженным вниманием следила за ходом обороны Севастополя. Мир был изумлен невиданной стойкостью зажатого в сорокакилометровое огненное кольцо гарнизона осажденной крепости. Западные обозреватели и наблюдатели искали аналогии в истории войн и равной не находили. Была одна — оборона того же Севастополя в прошлом веке, но память о ней опять работала на нынешних защитников города. Впрочем, сравнения были весьма условны, ибо требовались сложные коэффициенты, определяющие масштабы теперешней войны и технический уровень сражающихся войск и сил флота. Вторая же мировая война аналогий по длительности осады не давала. Не сравнивать же Севастополь с Сингапуром, английской первоклассной крепостью на Тихом океане, которая капитулировала в феврале 1942 года, продержавшись всего одну неделю, хотя ее гарнизон и по численности и по вооружению значительно превосходил атакующие японские войска.

Западным наблюдателям трудно было понять главное, чем держались севастопольцы, — их патриотический дух, их преданность знамени Октября, коммунистическим идеалам, ленинской партии, их жгучую ненависть к фашизму, их готовность любой ценой остановить врага. «Самоотверженная борьба севастопольцев, — телеграфировал Ф. С. Октябрьскому Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин, — служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа».

14 июня Октябрьский узнал о последнем бое 365-й зенитной батареи на Мекензиевых горах. Много месяцев подряд эту батарею, прикрывавшую крагчайший путь к Северной бухте, бомбили фашистские самолеты, обстреливала артиллерия, а теперь стали атаковать танки и пехота. Но флотские зенитчики стояли насмерть. Когда кончились все снаряды и батальон вражеских автоматчиков при поддержке танков ворвался на позицию, командир батареи старший лейтенант Иван Пьянзин послал последнее донесение: «Отбиваться нечем, личный состав весь вышел из строя, открывайте огонь по нашей позиции и КП».

В окружении дрались с врагом и оставшиеся в живых комендоры тридцатой батареи. Когда иссяк боезапас, они закрылись в башнях и казематах, а потом взорвали их.

Каждый день Октябрьскому докладывали о прорыве кораблей в осажденный город. Еще в апреле у него состоялся разговор с начальником штаба флота контр-адмиралом Елисеевым об устойчивости коммуникаций между кавказскими базами и Севастополем. Становилось ясно, что транспортам в осажденный город уже не прорваться, и вся надежда оставалась на боевые корабли.

— Конечно, мы рискуем, посылая крупные корабли, — осторожно напомнил Елисеев. — Но утвержденный вами график походов крейсеров и эсминцев в Севастополь для огневой поддержки обороны и с пополнением строго выдерживается.

— Я думаю, что придется и подводные лодки готовить к прорыву в Севастополь, — сказал Октябрьский.

— Подводные лодки?

— Да, подводные лодки. Не исключено, что обстановка так сложится, когда, кроме них, никто к нам не прорвется.

В короткий срок штаб флота совместно со штабами бригад подплава разработали систему мер по прорыву подводных лодок в Севастополь. И теперь, в дни грядущего штурма, они совершали беспримерные огненные рейсы. Подводники погружали в отсеки мины, противотанковые патроны, консервы, принимали в цистерны авиационный бензин и доставляли все это под бомбежками и обстрелом в Севастополь. А тут принимали ночью на борт раненых, женщин и детей и возвращались в кавказские порты. И таких рейсов было семьдесят восемь! Подводная лодка Л-23 под командованием капитан-лейтенанта

И. Ф. Фартушного совершила шесть рейсов. Только за один день на нее фашисты сбросили 442 глубинные бомбы, и каждая из них, коль попала бы в цель, могла привести корабль к гибели.

Когда подводная лодка М-32 находилась под водой, в ее центральном посту произошел взрыв паров бензина. Моряки самоотверженно боролись с огнем. Но всплывать до наступления темноты было нельзя. Лодка осталась под водой. От паров бензина люди упали в обморок. Не спавший трое суток командир капитан-лейтенант Н. А. Колтыпин, теряя силы, приказал главному старшине Н. К. Пустовойтенко:

— Держись, старшина, в двадцать один ноль-ноль подними меня, будем всплывать.

Пустовойтенко продержался четыре часа, но, когда стал будить командира, понял, что тот в глубоком обмороке. Старшина решил сам, в одиночку, совершить маневр всплытия. И достиг успеха, но, открыв люк, на свежем воздухе стал терять сознание. Собрав волю в кулак, он все-таки сумел задраить люк. И вот, пока старшина приходил в себя, подводную лодку потащило на скалы. С невероятными усилиями Пустовойтенко привел в чувство командира, вынес его наверх, а затем они приняли меры к спасению корабля и экипажа. «Малютка» благополучно возвратилась в Новороссийск.

Читая впоследствии рассказ Леонида Соболева «Держись, старшина», Октябрьский вспоминал этот драматический эпизод и был удовлетворен тем, что герой эпизода главный старшина Н. К. Пустовойтенко был награжден по его представлению орденом Ленина.

Не было в эти недели ни на переднем крае обороны Севастополя, ни на флагманском командном пункте, ни в подземных комбинатах и госпиталях строгого деления суток на дни и ночи, ибо ни днем ни ночью не затихало ожесточенное сражение за каждый метр севастопольской земли, за каждый окоп, за каждую балку.

— Лидер «Ташкент» прорвался к бухте, — в глазах оперативного дежурного, стоявшего перед командующим, изумление, восхищение и тревога. — На борту тысячи морских пехотинцев.

Было чему изумляться, чем восхищаться и чего тревожиться. Этой ночью, 26 июня 1942 года, погиб эсминец «Безупречный» на коммуникации Новороссийск — Севастополь. Несколько раз бомбили «Ташкент» «юнkersы»,

выходили в атаку по нему итальянские торпедные катера. И все-таки капитан III ранга В. Н. Ерошенко привел свой лидер в Севастополь. Понятна и тревога: как сохранить корабль в течение дня, как обеспечить его возвращение в Новороссийск, когда вся акватория базы под жесточайшим огнем артиллерии и бомбежками.

— Передайте Ерошенко мои слова: «Я прошу его принять на борт максимум людей: детей, женщин, раненых бойцов», — может быть, впервые за последние недели командующий флотом употребил в отношении командира корабля такую форму обращения. Но он думал о том, что за путь предстоит «Ташкенту» в ближайшие сутки.

Ерошенко за два часа принял на борт две тысячи человек и, кроме того, уцелевшую часть полотна знаменитой панорамы Ф. Рубо «Оборона Севастополя». Лидер «Ташкент» шел кратчайшим ставосьмидесятимильным путем в Новороссийск. Шел под непрерывными бомбежками вражеской авиации. Только за три часа на него было совершено девяносто шесть налетов и сброшено свыше трехсот бомб. Шел, получив тяжелейшие повреждения, приняв в пробойны тысячу тонн забортной воды, потеряв управление рулями.

В Новороссийске лидер посетил С. М. Буденный. Он с восхищением говорил о мужестве экипажа и приказал всех моряков представить к правительственным наградам.

Лидер «Ташкент» был последним надводным кораблем, прорвавшимся в Севастополь. Через трое суток Ставка приняла решение об оставлении города, ибо средства его обороны иссякли. Восемь месяцев шла битва за Севастополь. Она стояла врагу не только трехсот тысяч потерянных им здесь солдат и офицеров. Оборона Севастополя, сковав большие силы и нарушив планы фашистов, по существу, сорвала их весеннее наступление 1942 года.

Минуло лишь чуть более года с той ночи, когда Филипп Сергеевич Октябрьский отдал свой первый боевой приказ. Но этот год со всех точек зрения стоял в его жизни любого десятилетия. Стойкостью и отвагой тысяч и тысяч бойцов, доблестью и искусством сотен и сотен командиров, комиссаров, тяжким и кровавым трудом во имя победы приобретал флот боевой опыт, зрело военное

искусство и его командующего. Впереди была еще огромная война, не солнце, а лишь скромная заря победы виделась на ее далеком горизонте. Как и каждый патриот, защитник Отечества, он крепко верил в победу, стремился к ней, как мог приближал ее.

Военные моряки Черноморского флота и Азовской флотилии сыграли важную роль в битве за Кавказ. Бригады и батальоны морской пехоты вместе с сухопутными войсками насмерть стояли под Новороссийском и Туапсе, на кавказских перевалах. Корабли эскадры поддерживали их огнем, подбрасывали подкрепления. В самые критические дни защиты Туапсе вице-адмирал Ф. С. Октябрьский послал сюда крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», эсминцы и торпедные катера. Они доставляли из Поти в Туапсе три гвардейские стрелковые бригады и горнострелковую дивизию. В эти дни десять тысяч черноморцев сражались с врагом на сухопутном фронте. Фашистам не удалось полностью овладеть Новороссийском и использовать его в качестве военно-морской базы, не сумели они прорваться и к Туапсе.

Настало время, когда уже не оборона, а наступление овладело всеми помыслами и делами командующего флотом. И опять судьба свела его с Иваном Ефимовичем Петровым. Вместе они вели подготовку операции по окружению и уничтожению группировки фашистских войск в районе Новороссийска. Большие надежды при этом возлагались на действия десанта в районе Южной Озрейки. Тут планировалось вслед за прорывом 47-й армии нанести главный удар, и вся организация сил флота подчинялась обеспечению успеха именно на этом направлении. Из кораблей были сформированы отряды высадочных средств, охранения, корабельной поддержки и прикрытия. Чтобы достичь фактора внезапности и дезорганизовать противника, планировалась высадка демонстративных десантов и десанта на вспомогательном направлении — у поселка Станичка.

Находясь на выносном пункте управления в Кабардинке, вице-адмирал Октябрьский всю ночь с 3 на 4 февраля 1943 года не смыкал глаз. К сожалению, войскам 47-й армии не удалось прорвать оборону противника. Командующий фронтом вопреки ранее им утвержденному плану операции распорядился высаживать десант, не дожидаясь прорыва сухопутных войск.

В ту ночь свирепствовал шторм. И все же отряд ко-

раблей с первым броском десанта дошел до Южной Озрейки и начал высадку. Шла она не вполне четко, полной внезапности достигнуть не удалось, не удалось и добиться четкого взаимодействия между силами десанта и отрядами кораблей и авиацией. Продолжать высадку десанта в таких условиях было неразумно, и Октябрьский приказал ее прекратить.

Он мог предположить, к каким тяжким последствиям в его личной судьбе приведет такой поворот дела, но думать о том себе не позволял. Получив доклад, что майор Цезарь Куников, командир отряда особого назначения, закрепился на плацдарме у Станички, Октябрьский сказал:

— Здесь будем наращивать успех! Сюда, к Станичке, и перенацелим основные силы. И прежде всего бригады морской пехоты.

Так вспомогательное направление превратилось в главное. Трое суток фашисты ожесточенно атаковали десантников, пытаясь сбросить их в море. Но куниковцы устояли. А затем в район Станички высадились 255-я и 83-я бригады морской пехоты, возглавляемые героями обороны Севастополя офицерами А. С. Потаповым и Д. В. Красниковым. А через десять суток на крошечный плацдарм флот перебросил войска 18-й армии — семнадцать тысяч человек, танки, артиллерию. В отряде же Куникова было всего 250 морских пехотинцев, но они были первыми, они были основателями знаменитой Малой земли.

Семь месяцев на плацдарме от Мысхако до Станички площадью в тридцать квадратных километров сражались с врагом защитники Малой земли. Их жизнь и борьба во многом зависели от морской дороги вдоль берега, занятого врагом. И семь месяцев моряки малых кораблей, проявляя самоотверженную отвагу, совершали труднейшие рейсы к Мысхако, доставляя десанникам боеприпасы, пополнение, провиант. Душой обороны плацдарма были коммунисты, а ее выдающимся организатором Леонид Ильич Брежнев, возглавлявший в ту пору политотдел 18-й десантной армии.

Гарнизон Малой земли свыше полугода оттягивал на себя крупную фашистскую группировку и тем самым способствовал успешным действиям наших войск на южном стратегическом направлении. Настало время, и защитники Малой земли тоже пошли в наступление.

Советские войска устремились на запад, очищая от врага города и села. Расцветали алыми знаменами порты и базы Черноморья: Новороссийск, Керчь, Николаев, Одесса. К их пирсам швартовались корабли Черноморского флота. Все сильнее разгоралось зарево нашей Победы.

10 апреля 1944 года была освобождена Одесса. В тот день вместе с Москвой салютовала одержанной победе и эскадра Черноморского флота. А через сутки Филипп Сергеевич Октябрьский получил директиву Ставки, подписанную И. В. Сталиным. Она определяла задачи флота на весь 1944 год. И были в ней лаконичные строчки, которые многое говорили командующему:

«В ближайший период нарушение коммуникации с Крымом считать главной задачей; ...быть готовым к формированию и перебазированию Дунайской военной флотилии».

К документам стратегического значения на войне было особое отношение. В той же директиве, адресованной всего пяти лицам, Маршал Советского Союза А. М. Василевский значился под условной фамилией тов. Александрова. И естественно, Октябрьский не имел права говорить о директиве кому бы то ни было. Но флот уже жил стремлением решать именно те задачи, которые формулировала Ставка. Флот готовился освобождать Крым, освобождать другие наши земли.

Еще до получения директивы Ставки силы флота совершили беспрецедентный на морском театре маневр.

Двадцать часов шли из Геленджика в Скадовск торпедные катера. Они преодолели пятьсот миль и на столько же, естественно, приблизились к предстоящему району боевых действий. Октябрьский, отдавший много лет службе на катерах, был восхищен этим переходом. Ведь предел их автономного плавания — четыре-пять часов. Все моряки на катере несут вахту беспрерывно, и большинство — на открытых постах, на ветру, под солеными ушами ледяной воды. Плавание катера на волне Леонид Соболев справедливо сравнивал с ездой на автомашине по шпалам со скоростью восемьдесят километров в час.

Вел пятнадцать крохотных кораблей по штормовому морю вдоль занятых врагом берегов комбриг капитан II ранга В. Т. Проценко, чьи катера сентябрьской ночью

сорок третьего года прорвались в Цемесскую бухту Новороссийска и предупредили захват порта.

Из Поти в Анапу перебазировалась еще одна бригада торпедных катеров во главе с капитаном II ранга Г. Д. Дьяченко. На аэродромы Северной Таврии перелетели полки морской авиации. Катерники и авиаторы сразу же ударили по врагу на коммуникациях врага, связывающих Одессу с Крымом и Румынией. Во время Одесской операции вместе с подводниками они пустили на дно свыше тридцати транспортов, десантных судов и катеров противника.

Теперь этим силам предстояло сыграть важную роль в освобождении Крыма. Требовалось заблокировать с моря фашистскую группировку войск и исключить как ее пополнение и снабжение, так и эвакуацию.

Командующий флотом пристально следил за тем, чтобы все новое, что появилось в тактике боевых действий, быстрее осваивалось молодыми офицерами. Особое внимание он уделял главным ударным силам — авиации и подводным лодкам.

В военно-воздушных силах флота теперь было пятьсот самолетов различных типов. Сотни молодых летчиков получили новые машины. И требовалось научить их с максимальным эффектом действовать в бою. Октябрьский побывал в каждой авиадивизии, проанализировал ход внедрения тактических новинок. В дивизии пикирующих бомбардировщиков, которой командовал Герой Советского Союза подполковник И. Е. Корзунов, тот самый, что бомбил в сорок первом Плоешти, впервые в Военно-Морском Флоте внедрился метод топмачтового бомбометания. Прежде летчики выходили в атаку по кораблю с горизонтального полета, теперь стали пикировать по верхушке мачт. Точность бомбометания повысилась в несколько раз.

— Надо ожидать усиления противовоздушной обороны конвоев, — настораживал летчиков командующий флотом.

— На этот случай мы разработали метод массирования ударов авиации, — докладывал командующий ВВС генерал-лейтенант авиации В. В. Ермаченков. — Создаем группы из различных типов самолетов. Скажем, штурмовики идут вместе с истребителями, а коль нужно, включаем в группу бомбардировщики и торпедоносцы.

Октябрьский убедился, что и в минно-торпедной дивизии полковника В. П. Канарева, и в истребительной дивизи

зии полковника И. С. Любимова летчики хорошо поняли существенные изменения в оперативной обстановке на театре и ориентируются на активные действия именно в море, как и положено флотской авиации.

— Для летчиков и катерников, Павел Иванович, ситуация теперь изменилась в лучшую сторону, их базы приблизились к району боевых действий, — говорил Октябрьский командиру бригады подводных лодок контр-адмиралу П. И. Болтунову. — А вам придется по-прежнему воевать по принципу «длинной руки».

— Да, товарищ командующий, только руку надо тянуть довольно далеко — через все Черное море, — соглашается комбриг. — От Поты до Констанцы и Босфора.

— Вот я проанализировал итоги боевой деятельности подводных лодок за три месяца, — продолжал Октябрьский. — Тридцать шесть походов, двадцать побед. За три месяца потоплено вражеских судов почти столько же, сколько за весь первый период войны, за полтора года. Напряжение, как видите, большое. А скоро станет еще большим. Какими же новинками в тактике порадают наши подводники?

— Как и приказано, — отвечает комбриг, — переходим на позиционно-маневренный метод использования подводных лодок. Раньше командир лодки, по существу, ожидал цель только в назначенной ему позиции, в лучшем случае искал ее. Теперь будем маневрировать позициями, иначе говоря, будем активно использовать подводные силы по всему маршруту движения конвоев. Сменил конвой маршрут — и лодки идут на новые позиции.

— Добро. Но это непростое дело, — замечает командующий. — Тут нужно особенно четкое взаимодействие.

— И не только между подводными лодками. Ведь основные данные они будут получать от авиации

— Да, Павел Иванович, мы видим рождение поистине комплексного использования разнородных сил флота в борьбе на коммуникациях. И торпедные катера, и подводные лодки, и морская авиация не только действуют согласованно в операции, но и органически взаимодействуют друг с другом, начиная от разведки целей и кончая ударами по ним. Значит, всем нам нужно потрудиться, чтобы это новое получше развивалось и внедрялось в практику.

Крымская операция началась 8 апреля 1944 года. Два

с половиной часа тысячи орудий и сотни самолетов сокрушали оборону фашистов на Перекопе и у Сиваша, а затем в атаку пошли ганки и пехота. Второй мощный удар наносили по врагу со стороны Керчи войска Приморской армии при поддержке Азовской флотилии. Через десять дней фашисты были зажаты в полукольцо у Севастополя. Флот замкнул кольцо со стороны моря.

— Бригаду Дьяченко перебазировать из Анапы в Ялту, а бригаду Проценко из Скадовска в Евпаторию, — приказал Октябрьский. — Торпедные катера замкнут ближнее кольцо. А подводные лодки — второе, на дальних подступах. Морской авиации — наносить удары по базам и конвоям.

Нелегко было катерникам. Их утлые кораблики крепко поизносились, случались и потери. Получив об этом доклад комбрига В. Т. Проценко, командующий продиктовал радиogramму: «Прошу моряков-катерников сделать все, чтобы продержаться и топить врага, который в ближайшие два-три дня окончательно будет выброшен с крымской земли. Октябрьский». Как потом вспоминал Проценко, «после такой телеграммы катерники и на весах вышли бы в море».

Катера выходили на поиск ночью и атакывали конвой с двух сторон, и не только торпедами, но и реактивными снарядами. Первые «эрэсы», получившие потом название «катуш», испытывались на флоте еще до войны под руководством знаменитого авиаконструктора А. Н. Туполева, создателя одного из типов торпедных катеров. В бою катерные «катуши» опробовал под Новоросским Герой Советского Союза капитан-лейтенант Г. В. Терновский. И теперь они сокрушительно разили фашистские суда. Шестерых офицеров-катерников, отличившихся в Крымской операции, командующий флотом представил к званию Героя Советского Союза.

Искусно действовали подводники. Только за один поход подводная лодка Щ-201 под командованием капитан-лейтенанта П. И. Парамошкина одержала три победы — потопила транспорт «Гейзерикс» и тральщик, а также вывела из строя десантное судно. А Герой Советского Союза капитан-лейтенант М. И. Хомяков, командир подводной лодки М-111, сумел одновременно атаковать сразу две цели и обе пустил на дно.

Один за другим горели, разламывались, взрывались

фашистские суда — и те, что в первые дни операции намеревались доставлять в Крым пополнение, и те, что пытались потом эвакуировать прижатые к морю остатки 17-й гитлеровской армии.

10 мая, на следующий день после того, как над Севастополем вновь зареял советский флаг, командир бригады подплава контр-адмирал П. И. Болтунов докладывал адмиралу Ф. С. Октябрьскому о результатах последних боевых походов.

— Подводная лодка М-62, командир Малышев, потопила транспорт; Щ-202, командир Леонов, потопила лихтер; А-5, командир Матвеев, потопила самоходный паром; гвардейская М-35 потопила танкер...

— Гвардейская М-35? — переспросил Октябрьский. — Командиром, помнится, там был бородач.

Речь шла о М. В. Грешилове, широко известном на флоте подводнике, известном, конечно, не столько окладистой бородой, сколько дерзкими и расчетливыми атаками.

— Грешилов сейчас командует «щукой», Щ-215, а свою гвардейскую «малютку» передал капитан-лейтенанту Прокофьеву.

— Значит, в хорошие руки передал. Поздравьте Прокофьева с победой, — велел командующий, а подумав, добавил: — И с освобождением Севастополя надо поздравить подводников.

Так на борту М-35 была получена радиограмма: «Севастополь взят. Отсалютуйте городу-герою торпедами». Узнав о такой радостной победе, подводники сделали надписи на торпедах «За Родину!», «За Севастополь!» и с еще большим энтузиазмом начали поиск вражеских целей. Через сутки они обнаружили военный транспорт и метким ударом пустили его на дно. Капитан-лейтенант В. М. Прокофьев радировал на береговой командный пункт: «Отсалютовал городу-герою Севастополю».

В те дни салютовали освобожденному Севастополю снайперскими атаками многие черноморские корабли и батареи, эскадрильи и батальоны.

Особенно большого боевого успеха достигли летчики морской авиации. Только за один день 10 мая они уничтожили и вывели из строя шестнадцать кораблей. В воздушных боях черноморские истребители сбили восемьдесят самолетов. А в целом за время Крымской операции свыше ста кораблей и судов противника было потоплено

и повреждено. Как признавал штаб 17-й фашистской армии, только за десять дней мая на переходе морем было потеряно свыше сорока тысяч солдат, матросов и офицеров.

Восемь месяцев фашисты не могли взять Севастополь. Освобожден же он был за несколько дней.

Этой весной Филипп Сергеевич Октябрьский, бывая на кораблях, не раз слышал один и тот же вопрос:

— Когда эскадра пойдет в Севастополь?

Он и сам с нетерпением ожидал этого знаменательного для флота события. Как-то, поторопившись, спросил о том наркома.

— Прежде всего надо тщательно очистить от мин все гавани и фарватеры, — ответил адмирал Н. Г. Кузнецов. — Я хорошо вас понимаю, Филипп Сергеевич. Это же и моя родная эскадра, не один год служил на ее кораблях и мечтал бы сам увидеть ее возвращение в главную базу. Но вы знаете, как Верховный Главнокомандующий строго требует от нас не подвергать опасности крупные корабли. Не рисковать ими.

И хотя Октябрьскому уже довелось пережить горькие и даже отчаянные дни и недели из-за не вполне оправданных потерь в корабельном составе флота, тем не менее где-то в глубине души он страстно хотел бы именно сейчас, в разгар победоносного нашего наступления, видеть черноморскую эскадру устремленной на запад, активно участвующей в сражениях.

Однако неотложные дела войны не оставляли времени для длительных раздумий и разговоров на этот счет. Директивы Ставки следовало неукоснительно выполнять. За ними стояли высшие стратегические соображения и высшие государственные интересы.

Фронт на сухопутье стремительно продвигался на запад, и вот уже советские войска вышли в район Ясс и на Днестр, приблизились к границам Румынии, к Дунаю — этой великой материковой водной артерии. Ставка решила провести новую крупную операцию (она вошла в историю под названием Яско-Кишиневской), и к ней привлекался Черноморский флот.

Адмирал Октябрьский развернул свой флагманский командный пункт на окраине Одессы, в районе Большого Фонтана.

Ежедневно сюда приходили сводки об обстановке на

морском театре. Командующего особенно интересовало положение в военно-морской базе Констанца. Здесь, а также в Сулине, сосредоточились почти все военно-морские силы противника — около двухсот кораблей, судов и катеров.

— Следите за Констанцей, — говорил он и начальнику разведотдела, и командующему военно-воздушными силами. — Надо разгадать, что намерен делать вражеский флот.

Когда Октябрьскому доложили об оживлении коммуникации Констанца — устье Дуная, он, не скрывая волнения от осенившей его догадки, энергично воскликнул:

— Заволновались! Они задумали перебросить свои корабли и суда на Дунай, тем самым спасти их и использовать на реке. Использовать для того, чтобы сдерживать наступление наших сухопутных войск. Не выйдет!

Под руководством Октябрьского детальнейшим образом был продуман упреждающий удар по вражеским базам. Утром 20 августа 1944 года четыре группы штурмовиков Ил-2 взяли курс на Сулину. Пока фашисты отбивали их атаки здесь, торпедоносцы сбросили дымовые бомбы на Констанцу, дабы ослепить зенитные батареи противника. Вражеские истребители стягивались к Сулине, а тем временем три группы наших пикировщиков под прикрытием истребителей ударили по базе в Констанце. Около двухсот самолетов флота участвовало в этой операции. Подчиняясь единому управлению, четко взаимодействуя между собой, разнородные силы морской авиации сокрушительными ударами, по сути, парализовали обе военно-морские базы, уничтожили и повредили около семидесяти кораблей и судов, в том числе вспомогательный крейсер, две подводные лодки, несколько миноносцев.

Черноморский флот находился в это время в оперативном подчинении командующего Третьим Украинским фронтом генерала армии Ф. И. Толбухина. Доложив ему о результатах удара по Констанце и Сулине, адмирал Ф. С. Октябрьский услышал в ответ:

— Перспективный успех, Филипп Сергеевич. На Дунае теперь нам будет легче. Но пока наши войска у Днестра. Здесь и прошу помочь. Я уже дал указания Горшкову.

— Знаю о том, Федор Ивафович, — ответил Октябрьский. — Флот не подведет. А Горшков большой мастер десантных операций.

Действительно, еще 11 августа генерал армии Толбухин имел разговор с командующим Дунайской флотилией контр-адмиралом С. Г. Горшковым о форсировании Днестровского лимана передовым десантным отрядом. И эта операция была спланирована и проведена по всем правилам возросшего искусства взаимодействия сухопутных войск, военно-морских сил и авиации.

Восемь тысяч человек вошло в десантную группу. Ее костяк составили батальоны знаменитых 83 и 255-й бригад морской пехоты. Свыше четырехсот десантных лодок, десятки полуглиссеров, паромов и катеров с десантниками на борту ночью устремились через одиннадцатикилометровую акваторию лимана к берегу, где оборонялся враг. С моря в лиман ворвались два отряда корабельной поддержки. Их возглавляли храбрые и искусные офицеры — капитан-лейтенанты С. И. Барботько и В. И. Великий, ставшие вскоре Героями Советского Союза. Триста самолетов поддерживали ударами с воздуха эту многочисленную армаду «москитного флота». И она высадила под огнем штурмовые группы, а затем и основные силы десанта. К концу суток все западное побережье Днестровского лимана было занято нашими войсками.

А в следующие пять суток дерзкими прорывами малых кораблей в гирла Дуная и стремительными десантами черноморцы овладели важнейшими портами в дельте реки еще до подхода наших сухопутных войск. У Жебриян морские пехотинцы взяли в плен пять тысяч фашистов, в Вилкове — две тысячи, в Сулине — ядро речной флотилии. 25 августа 1944 года Октябрьский получил телеграмму из Килии от Горшкова: «Частей армии нет. Прошу уточнить обстановку на фронте». Конечно, положение крошечных отрядов морских пехотинцев могло стать катастрофическим, учитывая их оторванность от основных наших войск. Но действия этих дерзких отрядов, переправлявшихся на быстроходных катерах, весьма способствовали продвижению сухопутных войск, которые вскоре освободили от фашистов весь район в нижнем течении Дуная.

Спустя пять дней член Военного совета Черноморского флота контр-адмирал Азаров сообщил Октябрьскому из Констанцы:

— Только что принял доклад командующего румынским флотом о принятии условий капитуляции.

В эти месяцы к донесениям о больших и малых побе-

дах Филипп Сергеевич Октябрьский уже привык, и тем не менее последняя весть отозвалась в его сердце по-особому. Он вспомнил свой поход в осажденную Одессу и свой разговор с Ильей Ильичом Азаровым в критические дни защиты города, вспомнил другие драматические дни, пережитые всего два года назад вместе с этим замечательным политработником, с другими своими соратниками по флоту — Николаем Михайловичем Кулаковым, Иваном Дмитриевичем Елисеевым, Сергеем Георгиевичем Горшковым. И вот капитуляция основной на театре вражеской военно-морской базы.

А еще неделю спустя Октябрьский принял доклад, что высаженные с летающих лодок в болгарский порт Варну черноморцы были встречены хлебом и солью. Это случилось на том же берегу, где три года назад по его приказу командир Ш-211 капитан-лейтенант А. Девятко высаживал во тьму и неизвестность болгарских революционеров-патриотов, убежденных интернационалистов.

Боевые действия на Черном море подошли к концу, но черноморцы еще не один месяц сражались с врагом. Одни из них прошли с боями по огненным плесам Дуная до Братиславы и Вены, другие летали на бомбежки фашистских баз и кораблей в небе южной Балтики, третьи водили подводные лодки в атаки по вражеским конвоям в глубинах полярных морей. Флот передал много лучших, испытанных в сражениях людей на другие театры военных действий.

Но и здесь, в пределах Черноморья, шла огромная и, по сути, та же боевая работа: активно шло траление мин. Выполняя указания Ставки, адмирал Октябрьский особенно пристально следил за тралением фарватеров и бухт Севастополя. Он уже знал, что эскадре наконец-то разрешили возвратиться в главную базу, и отдал все необходимые распоряжения на корабли.

«Наконец пришел долгожданный день и час. Линкор «Севастополь», крейсера, эсминцы, прибранные, чистые, заново подкрашенные, заняли свои места в строю и под флагом командующего флотом взяли курс в Севастополь, — вспоминал впоследствии нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов. — Строй кораблей растянулся на несколько миль. Учащенно бились сердца не только моряков-черноморцев, но и всех жителей города-героя при виде входившей в Северную бухту эскадры. Это было 5 ноября 1944 года около 14 часов. Над кораблями шли истребители — на

этот раз, конечно, свои. Они несли почетную вахту эскадрона. Очевидно, у стоявших на палубах матросов и офицеров всплыли воспоминания, как трудно было прорываться в эту гавань в 1941—1942 годах. Двадцать одним залпом из ста орудий возвестила эскадра о своем возвращении в главную военно-морскую базу Черноморского флота. Незабываемые часы!»

Да, это были незабываемые часы для всего флота и, естественно, для его командующего. И хотя Севастополь еще лежал в руинах, еще не один месяц то тут, то там взрывались мины, город начинал новую жизнь, а вместе с ним новый этап жизни начинался и для Черноморского флота. Возрожденный Севастополь, увенчанный Золотой Звездой города-героя, орденами Ленина и Красного Знамени, стал лучшим памятником тем, кто беззаветно сражался с врагом и в дни обороны, и в дни освобождения.

Для Филиппа Сергеевича Октябрьского Севастополь навсегда остался самым родным и самым любимым городом. Три года уже после великой Победы он продолжал командовать Черноморским флотом, потом был назначен в Москву на высокий пост первого заместителя главного командующего Военно-Морских Сил. Здесь спустя три года, его настигла тяжелая болезнь. Но, едва оправившись от недуга, Октябрьский снова возвратился в Севастополь, в город, без которого уже не мыслил своей жизни. Он попросил назначить его начальником Высшего военно-морского училища имени П. С. Нахимова и еще три года беззаветно трудился, отдавая свой военный и жизненный опыт новому поколению флотских офицеров. И будучи последние перед кончиной девять лет в группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, адмирал Октябрьский не оставил города, где провел самые трудные и самые славные свои годы.

И в последний путь на кладбище Коммунаров июльским днем 1969 года его провожали любимый город и родной флот. Севастополь отдавал дань глубокого уважения и благодарной памяти заслуженному адмиралу, видному военачальнику, коммунисту с полувековым стажем, яркому представителю поколения замечательных советских людей, всю жизнь без остатка посвятивших народу и Отечеству и навсегда ставших их гордостью и славой.

От сельского пастушонка, не ведавшего грамоты, до

члена Центральной ревизионной комиссии КПСС и депутата Верховного Совета СССР, от ученика кочегара на допотопном речном пароходе до первого заместителя главнокомандующего Военно-Морским Флотом — таков путь Героя Советского Союза адмирала Филиппа Сергеевича Октябрьского. Ровесник века, он был не просто свидетелем, но активным участником его бурных и великих событий. Он прожил большую и славную жизнь, в которой отразилась биография поколения, озаренная светом Октября.

Капитан I ранга И. ПАНОВ

Маршал Советского Союза Федор ТОЛБУХИН

Казалось бы, война приучает если не равнодушно, то, во всяком случае, привычно воспринимать известия о смерти. Однако это глубокое заблуждение. Люди всегда остаются людьми. Потому-то болью в сердце огдается каждая утрата, хотя и сознаешь, что войны без утрат не бывает. Боль эта тем острее, чем ближе знал погибшего, чем теснее стоял с ним в общем строю.

Об этом размышлял Федор Иванович Толбухин, оставшись один в своем просторном блиндаже. Высокого роста, гучный, с крупными, но приятными чертами лица, с обычной крестьянской лукавинкой в больших, добрых глазах, внешне всегда невозмутимый и спокойный, в этот вечер он выглядел совершенно непохожим на себя, подавленным печалью недавней утраты. Толбухин потерял не просто соратника, вместе с которым стоял во главе Южного фронта. Это был друг, товарищ, настоящий человек, неслгибаемый коммунист. Он погиб не в бою, не в атаке, хотя именно в это время войска Южного фронта непрерывно штурмовали позиции ожесточенно сопротивлявшегося врага на реке Молочной. Большое сердце не выдержало постоянного и предельного напряжения. Он скоропостижно скончался, как принято говорить в подобных случаях, на боевом посту. Точнее, он сторел на войне, отдав всего себя, без остатка, во имя Родины, во имя победы. Этот человек — генерал-лейтенант Кузьма Акимович Гуров, член Военного совета Южного фронта.

Много или мало прошли Толбухин и Гуров рядом в строю? Это как мерить. Если обычными мерками, то совсем немного. Только весной 1943 года, когда Федор Иванович был назначен с 57-й армии Сталинградского фронта командующим Южным фронтом, стала общей их военная судьба. Ну а если измерять тем, что пройдено вместе дорогами войны — через Миус-фронт, Донбасс и до реки Молочной? Тогда это будет много, очень много...

Отчетливо, до последнего штриха, вспоминалась встреча весной.

Когда познакомились, Кузьма Акимович первым рассказал свою биографию. Сын калужского крестьянина. От роду сорок второй год. Член Коммунистической партии с 1921 года. С восемнадцати лет служит в Советской Армии. Участник гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке — красноармеец, затем политрук эскадрона. В этой должности начал службу в межвоенный период. В двадцатые годы дважды учился на военно-политических курсах, тогда же окончил пехотную школу, а в 1936 году — Военно-политическую академию. Был военным комиссаром Артиллерийской академии. С 1940 года — начальник Военно-педагогического института. Великую Отечественную начал членом Военного совета 29-й армии, в январе 1942-го назначен членом Военного совета Юго-Западного фронта, во время обороны Сталинграда стал членом Военного совета 62-й армии, оборонявшей город...

Совсем еще короткая жизнь, уместившая в себя так много.

Толбухин, в свою очередь, рассказал о себе.

— Так вот, Кузьма Акимович, в сравнении с вами я, должно быть, пожилой человек — мне под пятьдесят, — говорил он. — Родился в июне девяносто четвертого года в деревне Андроники на Ярославщине, в семье крестьянина-середняка. Там и школу церковноприходскую окончил, потом учился в земском училище в соседнем селе. После смерти отца поехал в Петербург, к старшему брату. Определили меня в торговую школу, окончил ее в 1910-м. Работал бухгалтером и продолжал учиться. Сдал экстерном за полный курс Петербургского коммерческого училища. По всем статьям, как видите, шло к тому, чтобы стать мне коммерсантом, да не получилось, первая мировая определила другую судьбу: в декабре четырнадцатого попал в армию и стал рядовым-мотоциклистом на Северо-Западном фронте. Потом направили меня в Ораниенбаумскую офицерскую школу и по окончании ее произвели в прапорщики. Попал уже на Юго-Западный фронт, начал с командования ротой, закончил первую мировую войну командиром батальона, штабс-капитаном...

Толбухин был человеком дотошным, любившим во всем разобраться основательно. К тому же в той первой их беседе с Гуровым, понравившимся ему своей искренностью, прямотой и как бы вызывавшим его на такую же

откровенность, он хотел, чтобы между ними установились доверительные отношения. Иначе как же можно работать вместе — командующему фронтом и члену Военного совета. Поэтому Федор Иванович биографию свою изложил, не обходя деталей. Подробно рассказал о том, как встретили он и его товарищи на фронте весть о Февральской революции и как митинговали солдаты, требуя скорейшего окончания войны. Рассказал о своей работе в солдатском комитете, куда был избран вскоре, о начавшейся после Октябрьской революции демобилизации старой армии, в результате чего возвратился бывший штабс-капитан в свою родную деревню Андроники.

В августе 1918 года общее собрание граждан Сандыревской волости избрало Федора Толбухина военным руководителем военкомата. С этого времени, с организации военного обучения запасников, исчисляется срок его службы в новой, Красной Армии. Летом 1919-го он уже на фронте, воевал против Юденича и белополяков. Завершил войну, будучи начальником штаба дивизии. В 1921—1922 годах участвовал в ликвидации белофинской авантюры в Карелии. Боевые его дела были отмечены достойно. За личную храбрость, как говорилось в постановлении Реввоенсовета, проявленную в бою у крепости Новогеоргиевской, удостоился ордена Красного Знамени, трижды был награжден именными серебряными часами с надписью «Честному воину Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Межвоенные годы, как и у всех кадровых военных, были заполнены до предела. Перерывы от службы в войсках имел дважды: на время учебы в академии имени М. В. Фрунзе, оперативный факультет которой окончил в 1934 году, после чего был командиром дивизии, да год провел на курсах усовершенствования высшего командного состава. Все остальное время до и после учебы занимался преимущественно штабной работой — начальник штаба дивизии, корпуса, военного округа. В июне 1940 года получил звание генерал-майора.

Толбухин отчетливо представил себе образ живого Гурова, его умение слушать собеседника, не перебивая и молчаливо поощряя к продолжению разговора, его излюбленный жест, как заметил впоследствии Федор Иванович, — проводить время от времени ладонью по коротко остриженной голове, помогавший, вероятно, сосредоточиться... Вспомнил, что не случайно тогда отложил он на самый конец изложения своей биографии пункт о пар-

тийном стаже. Федор Иванович лишь весной 1931 года наконец решился подать заявление в партийную организацию, его приняли кандидатом в члены ВКП(б). Потом в связи с чисткой прием в партию был прекращен, и членом ВКП(б) он стал только в 1938 году.

В сравнении с Гуровым, который, будучи на семь лет моложе, в партию вступил на целое десятилетие раньше, партстаж Толбухина был совсем небольшим. Во всяком случае, казалось Федору Ивановичу, что потребуются для члена Военного совета пояснения. И он испытывал определенную неловкость от необходимости разъяснить причины своего сравнительно позднего вступления в ряды Коммунистической партии. Однако Кузьма Акимович, чьей профессией по долгу и призванию было человекознание, понял его состояние и сам все объяснил.

— Говорите, Федор Иванович, совсем небольшой у вас партстаж в сравнении с моим? Так мы же с разного начинали, как я понимаю, хотя оба крестьянские дети: я не успел пройти первую мировую, тем более чин штабс-капитана получить... А вам, как бывшему «военспецу», надо было послужить верой и правдой, и немало, чтобы самому почувствовать, да и всем доказать свое право на доверие партии... Тут ничьей вины нет, такова жизнь, — он улыбнулся и провел ладонью по голове.

Федор Иванович с благодарностью вспомнил эту необычайную чуткость и такт, присущие Кузьме Акимовичу. Уже с той первой встречи понял, что смогут они работать вместе дружно. И не ошибся. Только тогда он и представить себе не мог, что Гуров страдает тяжелым сердечным недугом. Даже позавидовал в душе Кузьме Акимовичу, какой он энергичный и жизнерадостный.

Когда сошлись поближе в общей упряжке, убедился Толбухин, что член Военного совета, человек вроде мягкий и покладистый, добродушный и терпеливый, как и сам он, Толбухин, умеет, когда надо, проявить характер и на попятную ни в каком принципиальном вопросе не пойдет, покажет и волю и настойчивость. Превыше всего почитал Гуров общение с людьми.

Имя К. А. Гурова, бывшего до Южного фронта членом Военного совета 62-й армии, как и имя командующего этой армией В. И. Чуйкова, известно было всей стране, ибо боевая слава 62-й, насмерть стоявшей у стен волжской твердыни, неотделима стала от героической обороны Сталинграда, и уже в то время боевая ее исто-

рия навсегда переплелась с легендой. Кузьма Акимович был комиссаром 62-й. Этим сказано все!

Оба сталинградцы, Толбухин и Гуров, при первой своей встрече на Южном фронте, вполне понятно, не могли не коснуться недавних событий, памятных на всю оставшуюся жизнь. В самом конце беседы Кузьма Акимович сказал в раздумье, как бы подводя итог:

— Да, Федор Иванович, что было в 62-й, никогда не забудется... Да и вам о 57-й есть что вспомнить. Однако все это уже в прошлом, что было, то было, а нам пора заглянуть в будущее...

Так и прошагал он по жизни, коммунист с пламенным сердцем, помогая всем, кто шел рядом с ним, постигать настоящее и отдавать ему все свои силы ради светлого будущего... Вот и нет его больше рядом. Похоронили Кузьму Акимовича в самом сердце шахтерского Донбасса, на центральной площади в освобожденном Южным фронтом городе Сталино.

Федор Иванович шумно вздохнул, налил в стакан минеральной воды из бутылки, обычно всегда стоявшей у него на столе, сделал несколько глотков и снова вспомнил слова Гурова: «...что было, то было, а нам пора заглянуть в будущее...» Как бы встряхнувшись от горестных размышлений, Толбухин поднял голову, прислушался к непривычной тишине в своем блиндаже и вернулся мыслями к тому, что его ожидало. Сколько просидел вот так в одиночестве, не сразу смог представить себе. В помещении уже царил полумрак. Однако, взглянув на часы, он увидел, что время до начала совещания еще есть. Подумать было над чем. Наступление войск Южного фронта застопорилось у реки Молочной. Этот рубеж, южную оконечность так называемого Днепровского вала, гитлеровцы самонадеянно наименовали еще и «зимней линией обороны рейха». Он пересекал с севера на юг запорожскую степь и являлся последним прикрытием Мелитопольско-Никопольского плацдарма. Удерживая его в своих руках, фашистская Германия продолжала грабить богатейшие залежи никопольского марганца. Но этим не исчерпывалось значение рубежа. Падение обороны на реке Молочной означало прямую угрозу для немецко-фашистских войск, действовавших в днепровской излучине, и сулило противнику увеличение фронта на нижнем Днепре почти вдвое. Прорыв советских войск в Таврию практически решал и дальнейшую судьбу Крыма.

Ставка Советского Верховного Главнокомандования определила Южному фронту задачу прорвать оборону противника на реке Молочной с ходу. Замысел командования фронтом о нанесении удара севернее Мелитополя был одобрен ею. Однако осуществить его не удалось. Войска фронта натолкнулись на ожесточенное сопротивление.

Немецко-фашистское командование уже с весны 1943 года начало усиленную инженерную подготовку обороны на реке Молочной. Оно умело использовало для своего оборонительного рубежа естественные выгоды местности в сочетании с искусственными инженерными сооружениями. И войск здесь враг имел достаточно: сюда отошли остатки сил его 6-й и часть сил 17-й армий, насчитывавшие в общей сложности десять пехотных, три горнострелковые и две танковые дивизии. Войска эти, хоть и изрядно потрепанные в предыдущих боях, тем не менее, укрывшись на прочных оборонительных позициях, представляли серьезную силу. Сюда же, на рубеж реки Молочной, к середине сентября на самолетах из Крыма для усиления обороны были переброшены еще две полнокровные дивизии — авиаполевая и горнострелковая. Для укрепления морального духа своих войск гитлеровское командование не попустилось и на подачки: каждый солдат, офицер, генерал, участвовавший в защите «зимней линии обороны рейха» на реке Молочной, получил тройной оклад денежного содержания, а в Берлине изготовили даже специальную медаль — «За оборону мелитопольских позиций». Действовала на психику гитлеровских солдат и прямая угроза. Каждый из них знал, если он попытается покинуть передний край и начнет отходить в тыл, свои же офицеры силой оружия заставят его вернуться назад.

Были и другие причины, влиявшие на неблагоприятное для нас развитие событий. Начиная с 18 августа Южный фронт непрерывно наступал. Наступательная операция началась с прорыва вражеской укрепленной линии Миус. Этот рубеж немецко-фашистское командование укрепляло еще дольше, чем на реке Молочной, — в течение двух лет. Оно недаром дало ему название Миус-фронта. Многочисленные доты, дзоты, блиндажи в сочетании с густой сетью глубоких траншей, ходов сообщения, минных полей, противотанковых и противопехотных препятствий — все это было сооружено на Миусе основательно и в избытке. Для обороны Миус-фронта взамен уничто-

женной под Сталинградом армии фельдмаршала Паулюса была сформирована новая армия, получившая тот же порядковый номер и сверх того многозначительное название — «армия мстителей». Геббельсовская пропаганда всю трубила, что именно здесь постигнет «большевистские армии» возмездие за Сталинград.

Советское командование не преуменьшало трудностей предстоявшей наступательной операции по прорыву Миус-фронта. Располагая сведениями о том, что именно здесь противник рассчитывает измотать и обескровить наши войска, а затем захватить инициативу в свои руки, Ставка Верховного Главнокомандования нацелила на освобождение Донбасса силы двух фронтов — Юго-Западного под командованием Р. Я. Малиновского и Южного под командованием Толбухина. Наступление в центре Юго-Западного фронта, начатое 16 августа, хотя и не получило развития, приковало к себе крупные вражеские силы, облегчая тем самым решение задачи, стоявшей перед Южным фронтом. Его командование тщательно подготовило войска к выполнению сложной боевой задачи.

По решению Ф. И. Толбухина, утвержденному Ставкой, главный удар наносился силами трех общевойсковых армий в двадцатипятикилометровой полосе, в то время как общая ее протяженность составляла сто восемьдесят километров. Столь смелое массирование сил и средств обеспечивало командующему фронтом превосходство над противником на решающем участке сражения.

Искусная организация прорыва, ураганный огонь мощной группировки артиллерии, могучие удары авиации, стремительная атака пехоты и танков, нестигаемое мужество и воля к победе советских воинов — вот что позволило сокрушить оборону врага на Миус-фронте. В первый же день наступления в результате глубокого вклинения соединений 5-й ударной армии генерал-лейтенанта В. Д. Цветаева противостоявшая Южному фронту группировка противника оказалась разрезанной на две части, а ее фланги открытыми для ударов с севера и юга. Для развития наступления, после того как наши стрелковые части и соединения углубились в расположение противника на десять километров, командующий фронтом приказал ввести в прорыв 4-й механизированный корпус, а в ночь на 27 августа — 4-й гвардейский Кубанский кавкорпус, получивший задачу принять участие в разгроме таганрогской группировки противника. 30 авгу-

ста враг был сокрушен в Таганроге. Его попытки эвакуировать остатки своих войск морем были сорваны ударами 8-й воздушной армии генерала Т. Т. Хрюкина, а также кораблей Азовской военной флотилии адмирала С. Г. Горшкова.

На шестой или седьмой день наступления начальник штаба фронта генерал-лейтенант С. С. Бирюзов доложил Толбухину, что взятый в плен гитлеровский офицер на допросе только качал головой и удивлялся, как это можно поверить, чтобы такие прочные оборонительные сооружения не смогли задержать наступление советских войск. И заявил:

— Вы прорвали Миус-фронт, и вместе с этим у немецкого солдата рухнула вера в самого себя и в своих начальников.

Федор Иванович выслушал с удовлетворением, но заметил при этом:

— Так вот, Сергей Семенович, этот-то правильно мыслит, однако же просто беда, сколько учим их, учим, а скоро ли все они будут с ним солидарны? Все равно ведь дерутся как черти.

Прорыв обороны на Миусе означал, что судьба Донбасса решена. Немецко-фашистское командование с 1 сентября стало вынуждено отводить часть своих сил на запад, прежде всего на новый оборонительный рубеж на реке Молочной. Дивизии и корпуса Южного фронта один за другим занимали донецкие города. 8 сентября они освободили центр Донбасса — Сталино (Донецк).

Не имея возможности сдержать натиск Советской Армии, немецко-фашистские войска при своем отступлении с Левобережной Украины и из Донбасса варварски, по заранее разработанному плану, старались все уничтожить на своем пути — разрушали предприятия промышленности, дороги, мосты и вокзалы, сжигали посевы, угоняли скот. Советских людей уводили в рабство. После войны в своей книге «Утерянные победы» Манштейн, не скрывая, вспоминает, что он отдал распоряжение об уничтожении всех важных в военном отношении объектов Донбасса, то есть фактически о полном разрушении этого промышленного центра и создании «выжженной земли».

15 сентября, за десять дней до скоростной смерти члена Военного совета фронта Кузьмы Акимовича Гурова, удалось им побывать в шахтерской столице, и жители ее вышли на улицы со знаменами и плакатами.

Многочисленные колонны трудящихся освобожденного города шумным потоком устремились к традиционному месту народных торжеств — просторной площади перед Домом Советов. Там состоялся многотысячный митинг в честь освободителей Донбасса. Первое слово было представлено командующему Южным фронтом.

Толбухин передал боевой привет горнякам и горнячкам, металлургам, комсомольцам и пионерам, всем жителям города от солдат, офицеров и генералов Южного фронта, которые изгнали немецко-фашистских оккупантов из пределов Советского Донбасса. Федор Иванович рассказал о том, что довелось ему увидеть в те дни на донбасской земле, — о сожженных селах и превращенных в руины городах, убитых, замученных, угнанных в рабство сотнях тысяч советских людей. Его рассказ воскрешал в памяти присутствующих собственные воспоминания о чудовищных зверствах гитлеровских палачей. И все это вызывало гнев и ненависть к врагу. Бурным ликованием были встречены слова Толбухина об исторических победах Советской Армии под Сталинградом, о новых боевых успехах наших войск в Донбассе, на Курской дуге, на многих других участках советско-германского фронта. Над головами собравшихся появились цветы. Как драгоценный дар за спасенные жизни, за возвращенную свободу передавали их участники митинга воинам-победителям. И каждый, кто выступал с трибуны, призывал собравшихся не посрамить рабочей чести Донбасса, быстрее дать стране уголь, металл и тем приблизить день окончательной победы над врагом.

Возвращаясь с митинга, Федор Иванович и Кузьма Акимович испытывали большое душевное волнение. Как и каждый солдат, они были преисполнены желания гнать и гнать врага с родной советской земли. При этом оба понимали, что враг еще силен, и придется пролить немало крови, чтобы окончательно сломить его сопротивление.

Как опытный врач по биению пульса может определить состояние здоровья человека, так и Толбухин тонко и по многим признакам все больше утверждался в мысли о том, что приближается момент, когда надо будет дать своим войскам передышку. Вся премудрость заключалась в том, чтобы это было сделано и не рано и не поздно.

В данном конкретном случае и командование фронта,

и Генеральный штаб, и Ставка понимали, что оперативная пауза в наступлении необходима: войска понесли потери, тылы растянулись, нужно накопить боеприпасы, пополнить соединения и части, наконец просто дать людям хоть какую-то передышку. Однако было и другое: противник тоже ведь не сядет сложа руки на Молочной. Его войска, пока еще поспешно откатывающиеся на запад, успеют освоиться на новом рубеже, приведут себя в порядок, пристреляют каждый клочок земли перед своей обороной, и тогда попробуй выкури их оттуда! К тому же приближается осень, а с ней распутица, затрудняющая движение наступающих войска.

Прорваться на плечах отступающего противника за реку Молочную, чтобы выйти затем через степи Таврии к низовьям Днепра, закупорить немецко-фашистские войска в Крыму у Перекопского перешейка — это ли не наилучшее решение задачи! Командованием, Военным советом фронта было сделано все возможное, чтобы поддержать в войсках наступательный порыв. Но все имеет свой предел. Попытка прорыва в Таврию с ходу не удалась. Пришлось в короткие сроки подготовить повторный удар. Все те же факторы продолжали довлеть над Ставкой Верховного Главнокомандования и командованием Южного фронта: промедление с началом операции на руку врагу, необходимо проявить чрезвычайную мобильность в доработке обороны противника с воздуха и наземными средствами, проведении необходимой перегруппировки войска, организации работы тыла, подвозе боеприпасов и т. д. и т. п.

Как и при прорыве Миус-фронта, главный удар севернее Мелитополя Толбухин решил нанести силами 5-й ударной и 2-й гвардейской армий, но теперь к ним подключалась и 44-я армия, игравшая в той операции вспомогательную роль. В резерве фронта для развития успеха на главном направлении находилась 51-я армия. Ее предполагалось ввести в действие после прорыва вражеской обороны на всю глубину. Южнее Мелитополя стояла 28-я армия. Ей командующий поставил ограниченную задачу: сковать противника перед собой.

Наступление началось 26 сентября. Артиллерийская подготовка продолжалась три четверти часа. Однако ни артиллерия, ни бомбовые удары с воздуха не подавили всех огневых средств противника. Наша пехота, поднимаясь в атаку, сразу же стала нести большие потери.

Стрелки и автоматчики залезли. Лишь на отдельных участках ценой больших усилий атакующим подразделениям удалось продвинуться на два-четыре километра.

Наблюдая за ходом атаки со своего НП, Толбухин сразу же понял, что наступление складывается с самого начала неблагоприятно для наших войска. Доклады от командиров подтверждали это. Противник, отражая атаку, все больше активизировался. На НП командующего поступили сведения о появлении перед боевыми порядками атакующих свежих подразделений 9-й пехотной дивизии и штурмовых орудий. Федор Иванович отдал распоряжение усилить артиллерийскую поддержку наступающих войска, приказал бросить в бой танковый и артиллерийский корпуса...

Противник начал было пятиться. Командующий ожидал, что вот-вот наступит перелом. Но его все не было. На направлении главного удара был введен в бой 5-й гвардейский Донской кавкорпус. Но и это не дало желаемого результата. Произошло то, чего больше всего следовало опасаться: бои приняли затяжной характер, а это не предвещало ничего хорошего.

Правда, к командующему и в штаб начали поступать сведения о том, что противник перебрасывает часть своих сил с участка фронта южнее Мелитополя на север, на направление нашего главного удара. Следовательно, он пошел на крайнюю меру, исчерпав свои резервы. Некоторое время Толбухин не терял надежды, что прорыв все же удастся осуществить в задуманном оперативном построении. Надо только действовать поэнергичнее. Вопреки своему обыкновению довольно резко отчитал по телефону за недостаточную активность в действиях командарма 44-й генерала В. А. Хоманко. Затем решил лично отправиться в 5-ю ударную армию, в полосу которой были введены также танковый и кавалерийский корпуса, чтобы побудить ее командарма и командиров корпусов действовать понапористее. Начальника штаба фронта С. С. Бирюзова Толбухин направил в 44-ю армию.

Поездка в 5-ю ударную имела своим следствием вывод, пока еще глубоко спрятанный от окружающих, подспудный, никак не высказываемый в действиях и распоряжениях командующего, но все более в нем крепнущий, — о том, что, вероятно, надо что-то менять в прежнем решении. Все увиденное своими глазами не позволило Федору Ивановичу упрекать командарма и команди-

ров корпусов в недостаточно энергичном управлении войсками, штурмовавшими оборону противника. Слишком сильна оказалась эта оборона, очень плотная, до предела насыщенная огневыми средствами, слишком упорно, с отчаянностью обреченного сопротивлялся враг. О том же самом докладывал Сергей Семенович Бирюзов из 44-й. Толбухин про себя даже пожалел, что был неожиданно резок с ее командармом. Командарм 5-й ударной армии Цветаев нашел возможным посетовать на судьбу:

— Везет же нашему Южному фронту, товарищ командующий, буквально грызть приходится оборону противника. Что на Миус-фронте, что здесь...

Вероятнее всего, Цветаев в такую форму облек жалобу на нелегкую судьбу прежде всего своей, 5-й ударной армии. Может быть... Толбухин остановил его, не желая вдаваться в подробности:

— Вы полагаете, генерал, на других фронтах легче? Не об этом надо думать сейчас, а о том, как побыстрее пробить брешь в обороне противника.

Он понимал, что об этом надлежит подумать в первую очередь ему самому, командующему фронтом. Конец сентября и первые дни октября, прошедшие в исключительно напряженных боях, не дали ожидаемого результата. Бирюзов предлагает перенести основные усилия южнее Мелитополя, где, по его мнению, создались более благоприятные условия для прорыва. Может быть, и так. Однако в таком случае потребуются некоторая перегруппировка резервов фронта. Перегруппировка — дело всегда сложное, трудоемкое и ответственное, а в условиях, когда все основные силы уже втянуты в бой, еще и рискованное. Без риска сражения обычно не выигрываются. Однако он не должен быть опрометчивым — за это война наказывает нещадно. Но если все-таки усилить армию Герасименко южнее Мелитополя, перебросив туда резерв, то можно ли ослабить усилия атакующих войск севернее, на главном направлении? В этом случае и противник сможет перебросить обратно, с северного участка обороны на южный, часть своих сил. Не получится ли нечто, похожее на игру в кошки-мышки? И кто, вероятнее всего, окажется при этом в выигрыше?!

Вопросов вставало великое множество. Единственное, в чем был теперь убежден Толбухин, — в них надлежало разобраться безотлагательно. Так он и высказался при очередном своем докладе представителю Ставки Марша-

лу Советского Союза А. М. Василевскому. Александр Михайлович поддержал предложение о совещании с привлечением узкого круга лиц и обещал быть сам. Кроме Василевского и Толбухина, участвовать в нем были приглашены новый член Военного совета фронта Е. А. Щаденко, С. С. Бирюзов и начальник разведки фронта М. Я. Грязнов.

Федор Иванович, взглянув на часы, указывавшие приближение назначенного часа, вызвал адъютанта. С минуты на минуту должен был подъехать А. М. Василевский, все остальные были уже на месте. Толбухин вышел встретить маршала.

Совещание позволило внести принципиальные коррективы в дальнейший план наступательной операции. Заслушав доклады начальника разведки и начальника штаба, еще и еще раз проанализировав результаты боев и имевшиеся данные о расстановке сил противника в обороне, его участники пришли к единому мнению — враг исчерпал основные свои резервы. Отсюда следовало, что в ближайшее время должен наступить перелом в ходе боевых действий на главном направлении. Чтобы ускорить его, на чашу весов пора бросить имеющиеся в резерве командующего фронтом силы — 12-й танковый корпус генерала И. Д. Васильева. Пустить его в дело целесообразно южнее Мелитополя, откуда противник снял часть своих сил и не ожидает нашего удара, но при этом не ослаблять усилий главной группировки фронта на северном участке. В отношении другого корпуса — 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского, которым командовал генерал Н. Я. Кириченко, — предложение было высказано Толбухиным такое: оставить его пока в резерве, и, если осуществится прорыв на главном направлении, он пойдет туда; если же раньше обозначится успех южнее Мелитополя, кубанцы будут брошены на это направление вслед за танковыми соединениями. Все с этим предложением согласились, ибо хорошо понимали, что Толбухин, как расчетливый и прижимистый хозяин, не расстанется с последним своим резервом, пока окончательно не убедится, где и когда нужно будет ввести его в бой, чтобы решающим образом повлиять на ход операции.

После того как решение было продумано во всех деталях, Василевский доложил о нем Верховному Главнокомандующему, и он с этим решением согласился.

Ф. И. Толбухин отдал необходимые распоряжения для передачи в войска. Сам он оставался руководить их действиями на главном направлении. Бирюзову поручил осуществить ввод в бой танкового корпуса в полосе 28-й армии. Напутствуя Сергея Семеновича перед отъездом, Толбухин сказал и о том, что Василевский согласился также остаться на основном командном пункте с командующим фронтом. Пояснений к этому не требовалось: и представитель Ставки, и командующий фронтом подчеркивали тем самым, что они не собираются опекают начальника штаба фронта по мелочам, предоставляя ему свободу действий. Бирюзов с благодарностью воспринял доверие к нему их обоих.

Но как бы то ни было, а командующий фронтом с напряжением ожидал вестей от Бирюзова. Тем более что на северном участке, где действовала главная группировка, в общем-то по-прежнему все шло без перемен. Бирюзов не заставил себя ждать очень долго. Взяв трубку и услышав его энергичный голос, Толбухин отметил про себя, что начальник штаба не сомневается в успехе задуманного и, судя по всему, у него есть для этого веские основания. Противник не ждет здесь нашего удара. Это радовало командующего. Озабоченность Бирюзов высказал только в отношении простиравшейся перед фронтом предстоящего наступления танкового корпуса железнодорожной насыпи. Ее высота могла оказаться серьезным препятствием для танков. Возьмут ли его танки под огнем? Но и это не испортило настроения командующему фронтом. Раз Бирюзов обеспокоен тем же, что и он сам, значит, не горячится, действует осмотрительно. Федор Иванович успел досконально разобраться по топографической карте в особенностях местности, на которой предстояло вводить в бой танковый корпус. Сама по себе насыпь не остановит танки, они ее преодолют. Надо только заранее все предусмотреть, подготовиться, подавить огонь противника. Для поддержки действий танкистов с воздуха будет перенацелена штурмовая авиационная дивизия. Обо всем этом Толбухин сказал Бирюзову. И еще раз подтвердил, что предоставляет ему полную инициативу:

— Разберитесь во всем хорошенько, Сергей Семенович, и решайте на месте сами, там вам виднее. Обратите внимание, параллельно железной дороге идет шоссе. И там тоже насыпь... Все это очень серьезные препят-

ствия для танков. Однако кто не рискует, тот не побеждает.

В день наступления южнее Мелитополя перед началом артналета по переднему краю противника, назначенного на 10 часов 45 минут, генерал Бирюзов еще раз связался с командующим и кратко доложил, что все готово. Толбухин из предыдущих докладов знал обо всем в деталях, разговор был предельно кратким. Пожелав удачи, Федор Иванович передал трубку Василевскому. Представитель Ставки сообщил, что выезжает к Бирюзову, но предупредил, чтобы его не ждали и действовали по плану.

Василевский прибыл на КП, где находился Бирюзов, в тот момент, когда танкисты бригады генерала М. Л. Ермачека уже перевалили через железную дорогу. Бой протекал в высоком темпе. Противник, как и предполагалось, не был в достаточной мере подготовлен здесь к отражению нашего удара. Только по выходе на рубеж Тощенак, Кирпичный части 19-го танкового корпуса встретили упорное сопротивление. Когда и этот опорный пункт был преодолен, основная масса наших танков устремилась на северо-запад, в направлении на Веселое. Таким образом были созданы условия для ввода в бой с наступлением темноты кавалерийского Кубанского корпуса.

Василевский, удовлетворенный ходом наступления, возвратился на основной командный пункт фронта. Сюда же приехал и Толбухин. Он внимательно слушал доклад Бирюзова о времени и порядке ввода в бой кавалерийского корпуса и одобрительно кивал головой: теперь-то командующий был убежден, что в наступательной операции войск Южного фронта на реке Молочной начался решающий перелом.

13 октября в Мелитополь ворвалась с юга 51-я армия генерала Я. Г. Крейзера. Ее штурмовые группы, переходя от здания к зданию, осаждали и ломали один за другим узлы сопротивления и опорные пункты фашистов.

Пасмурный и холодный вечер 23 октября 1943 года сверкнул для фронта, которым командовал Толбухин, переименованного с 20 октября в Четвертый Украинский, отблесками торжественного салюта в Москве в честь освободителей города Мелитополя.

Поздравляя командармов, Федор Иванович поторапливал их с продвижением к Днепру и Крымскому перешейку.

Протаранив мощную оборону на реке Молочной и осуществив Мелитопольскую операцию, войска фронта, которым руководил Толбухин, создали необходимые условия для последующего освобождения Крыма.

Еще в те дни, когда шли бои в Донбассе, как вспоминал Бирюзов, командующий фронтом в перерыве одного из заседаний Военного совета, повернувшись к висевшей на стене карте, постучал пальцем по изображенному на ней Крымскому полуострову и сказал:

— Нам придется освобождать. Вот где трудно-то будет...

Да, выполнение этой трудной задачи было не за горами. Однако до нее Четвертому Украинскому предстояли не менее сложные испытания.

Мелитопольская операция, как уже было сказано, создала условия, которые ставили на очередь задачу освобождения Крыма. Однако непосредственное решение ее зависело от ряда предпосылок. Это хорошо понимал командующий фронтом. Он полностью разделял точку зрения Ставки Верховного Главнокомандования: необходимо как можно быстрее создать прочный барьер, который должен изолировать с суши запертого в Крыму врага. Представителю Ставки Василевскому не нужно было тратить лишних слов: Толбухин и без того постоянно требовал от своих командармов ускорить решение этой задачи, причем не просто выйти к Крымскому перешейку, но захватить и удержать выгодные плацдармы для будущего наступления в Крыму.

Что же касается решения другой поставленной перед войсками фронта задачи — ликвидировать вражеский плацдарм на левом берегу Днепра, в районе Никополя, — тут обстоятельства складывались совсем не так, как было намечено. Никопольский плацдарм, казавшийся не так уж большим — 120-километровый участок глубиной в 25—30 километров, — торчал как заноза: противник оборонял его с необычайным упорством. Нависая над правым флангом и тылом, этот плацдарм как бы раздваивал силы фронта и таил в себе постоянную угрозу. Удар мог последовать отсюда в любой момент, и он пришелся бы в спину войскам, находившимся в Таврии и перед Крымом.

По мере того как шло время, а 5-я ударная армия генерала В. Д. Цветаева и 3-я гвардейская армия генерала Д. Д. Лелюшенко предпринимали безуспешные по-

пытки ликвидировать Никопольский плацдарм, Толбухин становился все более озабоченным. На войне все взаимосвязано. Командующему фронтом уже пришлось перебросить на север 28-ю армию, чтобы парировать угрозу с Никопольского плацдарма. Это, естественно, ослабляло группировку войск на крымском направлении. Чтобы быстрее покончить с плацдармом противника у Никополя, следовало усилить армии Цветаева и Лелюшенко, но ничего существенного в распоряжении командующего фронтом уже не имелось. Просить резервы у Ставки? Толбухин знал, что они в это время гораздо более были нужны ей в других местах. В ноябре ее внимание было приковано к киевскому направлению, там развернулись в это время главные события. Вот и приходилось маневрировать собственными силами, которые были на исходе.

В ночь на 3 ноября в штаб фронта пришла телеграмма от командира 19-го танкового корпуса генерала И. Д. Васильева. В ней сообщалось, что передовые отряды танкистов вместе с конниками генерала Н. Я. Кириченко, ворвавшиеся в ворота Крыма — на Перекопский перешеек, с ходу прорвались к Турецкому валу, преодолели его и устремились к городу Армянску.

Знаменитый Турецкий вал, протянувшийся от Сиваша до Каркинитского залива и пересекающий весь перешеек, издревле известен как грозное укрепление. Этот вал десятиметровой высоты с прикрывающими подступы к нему глубокими рвами, заполненными водой, штурмовали много раз запорожские казаки и чудо-богатыри Суворова. В 1920 году, в период гражданской войны в России, Турецкий вал под лавиной огня пришлось преодолевать красноармейским полкам, руководимым Фрунзе, чтобы выбить из Крыма Врангеля. С ходу преодолеть столь мощный оборонительный рубеж, не позволив противнику закрепиться на нем, было бы, бесспорно, серьезным успехом. Но ведь и немецко-фашистскому командованию понятно значение вала для обороны Крыма. Так просто оно не уступит Турецкий вал.

В телеграмме Васильева как раз и говорилось о том, что противник, отступавший под совместными ударами танкистов 19-го корпуса и конников генерала Н. Я. Кириченко, проскочил за Турецкий вал без задержки. На его плечах прорвались туда передовые части танкистов во главе с командиром корпуса, а с ними только один полк из кавалерийского Кубанского корпуса. Вско-

ре противник опомнился. Его крупный гарнизон, располагавшийся в Армянске и имевший большое количество огневых средств, начал ожесточенные контратаки с целью восстановить положение, окружить и уничтожить наши прорвавшиеся передовые танковые части. Танкисты понесли большие потери и оказались в тяжелом положении, их успех некому было закрепить, так как 4-й гвардейский кавкорпус запоздал с продвижением. Генерал Васильев, сам уже раненный в то время, докладывал в телеграмме командованию фронта, что он принял решение удерживать занятый им район, и просил только об одном — как можно быстрее оказать ему помощь.

Ознакомившись с содержанием телеграммы, Федор Иванович даже и не пытался скрывать, как он взволнован:

— Генерал Васильев — из героев герой! Можно ли представить, сколько солдатских жизней будет спасено, если мы уже теперь лишим врага возможности отсиживаться за Турецким валом и нам не нужно будет брать его штурмом, когда начнется Крымская наступательная операция. Немедленно сообщить Васильеву, что основные силы кубанцев, а также и войска Крейзера уже подходят к Перекопу. Вот так...

Он налил в стакан минеральной воды, отпил и после небольшой паузы уже более спокойно, обращаясь к начальнику штаба фронта, сказал:

— Вас, Сергей Семенович, прошу лично отправиться на Перекоп. Разберитесь хорошенько в обстановке. Примите все необходимые меры, чтобы помощь Васильеву была оказана вся и чтобы Турецкий вал остался за нами. Васильева вывезти в тыл на излечение... Вот так, Сергей Семенович, вы сами все прекрасно понимаете...

Это «вот так», часто звучавшее в устах Толбухина, принимало самые различные оттенки в зависимости от настроения. В данном случае оно означало, что ждать он будет известий от Бирюзова с крайним нетерпением.

Помощь героям-танкистам была оказана своевременно. Когда Бирюзов доложил командующему фронтом об обстановке на Перекопе и принятых им мерах, Толбухин одобрил его решения и дал ряд дополнительных указаний относительно того, чтобы исключить какую бы то ни было возможность для противника вновь овладеть Турецким валом. Узнав, что раненый командир корпуса все же продолжает руководить боем, категорически подтвер-

дил свое требование о его эвакуации. И добавил, что он ходатайствует о высшей награде для Васильева за его подвиг и представитель Ставки поддерживает его ходатайство.

Генерала Васильева удалось вывезти на танке с поля боя, затем на самолете он был отправлен на лечение в Москву. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза. 19-й танковый корпус стал Краснознаменным и удостоился почетного наименования Перекопского. Подходившие к Перекопу передовые батальоны одного из корпусов армии Крейзера и несколько эскадронов кавалеристов 3 ноября с наступлением темноты атаковали противника и расширили коридор за Турецким валом, связывавший основные наши силы с танкистами, которые удерживали захваченный за Турецким валом район. Все последующие попытки немецко-фашистского командования вновь захлопнуть Перекопские ворота для войск Четвертого Украинского фронта оказались тщетными. Плацдарм на Перекопе для вторжения в Крым был завоеван.

Успешно осуществили руководимые Толбухиным войска захват плацдарма и на сивашском направлении.

Сиваш! Гнилое море, мелкое и коварное, с извилистыми заливами, с метровыми волнами в ветреную погоду, с илистым дном, местами оголяющимся при западном ветре, — оно не менее известно в военной истории как сложная преграда на пути в Крым, чем Турецкий вал. Форсировать его в 1943-м войскам Толбухина выпало на долю в то же время года, что и войскам Фрунзе в 1920-м, — с 1 по 6 ноября. И проводником стал тот же самый крестьянин-рыбак из деревни Строгановка — Иван Иванович Оленчук. Только было ему теперь на 23 года больше, под семьдесят.

Как и всегда, командующий и Военный совет фронта особое внимание уделяли партийно-политическому обеспечению предстоящей операции, укреплению морального духа воинов. Толбухин одобрил предложение начальника Политуправления фронта генерала М. М. Пронина о том, что теперь, когда войска фронта вступили на порог Крыма, сердцевиной всех партийно-политических мероприятий должна быть пропаганда боевых традиций. Начало им положили красные полки, ведомые М. В. Фрунзе. Они разгромили войска «черного барона» Врангеля и

освободили Крым в годы гражданской войны. Эти традиции развили и умножили героические защитники Севастополя в 1941—1942 годах. Их немеркнущая слава все годы Великой Отечественной войны вдохновляла советских воинов на подвиги в боях с фашистскими захватчиками.

Героическое прошлое Красной Армии тесно увязывалось с выполнением стоявшей боевой задачи. В частях, которым предстояло преодолеть Сиваш, командиром и политработники знакомили своих солдат и офицеров с опытом прорыва в Крым войск Южного фронта в 1920 году. Среди бойцов нашлось не так уж мало ветеранов, воевавших в этих же местах под командованием Фрунзе. Они также выступали перед своими товарищами, делаясь воспоминаниями. Политорганы, партийные организации, учитывая особенности перехода через Сиваш и последующих боев, позаботились о распределении коммунистов и комсомольцев на все наиболее ответственные участки.

Когда начальник политуправления докладывал командующему обо всем этом, Толбухин одобрительно кивал головой. Выслушав, сказал:

— Правильно, Михаил Михайлович. Ведь это живая связь времен. Я вот уже пожил и повидал всякого, а, верите ли, волнуюсь оттого, что скоро увижу человека, который вел через Сиваш бойцов Михаила Васильевича Фрунзе, а теперь хочет вести солдат 4-го Украинского... Надо, чтобы каждый солдат преисполнился пониманием, наследником каких дел он является. И не только наследником — продолжателем!

Оленчука разыскал и привел к Толбухину офицер штаба 51-й армии Черкасов, бывший в гражданскую войну посыльным в штабе Фрунзе. Когда Ивана Ивановича представили Толбухину, он даже засомневался, как же можно посылать столь пожилого человека на такое дело. К тому же Сиваш почти за четверть века, прошедшую с 1920 года, тоже изменился в немалой степени, и броды, вероятно, придется отыскивать другие в ледяной воде... Однако Оленчук ни за что не хотел уступить своего права быть проводником. Не раз и не два ходил он по ледяной воде в разведку брода, прежде чем убедился, что нужное место найдено. И только потом повел за собой бойцов, обозначая путь вешками. Хотя сам еле передвигал ревматические ноги от усталости и продрог до

костей, он находил в себе силы еще и для того, чтобы подбадривать следовавших за ним. Нужно ли говорить, что пример патриота-крестьянина делал неудержимым порыв бойцов. Они шагали за легендой и сами творили новую легенду.

На другом направлении разведка брода через Сиваш была поручена трем воинам-разведчикам, а проводником с ними шел колхозник Василий Кондратьевич Зауличный. Родина высоко оценила подвиг героев Сиваша. Грудь И. И. Оленчука украсил орден Отечественной войны I степени. Был награжден и В. К. Зауличный. Получили награды многие другие участники этой операции.

Сиваш преодолевали воины 10-го стрелкового корпуса. Они добирались на Крымский берег не только ночью, но и днем. Их героическими усилиями был отвоеван еще один плацдарм. В первый же день своего пребывания на крымском берегу им пришлось отбить свыше 20 яростных контратак противника, во что бы то ни стало стремившегося сбросить их назад, в Гнилое море. Но они, отражая все эти контратаки, не только не уступили ни пяди завоеванного, а упорно продвигались вперед, расширяя плацдарм. К вечеру его глубина составляла уже 13 километров.

Голая, насквозь просоленная земля, простреливаемая со всех сторон и с воздуха, обдуваемая всеми пронизывающими в это время года ветрами. Ни капли пресной воды, ни деревца, ни ветки для топлива. Днем и ночью яростно атакует враг. Этот клочок земли нужно удерживать во имя будущей окончательной победы над врагом в Крыму. И советские солдаты удержали его.

А их командующий принимал все меры к тому, чтобы помочь своим солдатам выполнить задачу, которую сам им поставил. По его приказу в первые, самые трудные дни боев на Малой земле — так называли и на Четвертом Украинском отвоеванный у врага пятачок — неопенимую службу сослужили рядовые «рабочие войны» — самолеты По-2. Прижимаясь к самой воде, они везли туда боеприпасы, продовольствие, обратно забирали в тыл раненых. Сразу же началась подготовка к строительству постоянных переправ через Сиваш. Уже в конце осени саперы, по 14—18 часов в сутки находясь в ледяной воде, под артиллерийским обстрелом, дали фронту первую переправу через Сиваш на Малую зем-

лю. В декабре была готова вторая — длиной свыше двух с половиной километров. Это был героический вклад в общую победу в Крыму инженерных войск. Для того чтобы соорудить обе переправы, автомобилистам фронта пришлось исколесить сотни тысяч километров, доставив в безлесную Таврию около четырех тысяч кубометров бревен, досок да полтысячи тонн металлических креплений.

Потом, уже в феврале 1944-го, небывалый шторм разыгрался на Азовском море. Массу воды нагнало в Сиваш, и обе переправы были разрушены разбушевавшейся стихией. Саперы повторили все сначала. Через несколько суток переправы вновь действовали. По ним непрерывным потоком шло движение в обе стороны.

Эти переправы, как две артерии в живом организме, питали плацдарм всем необходимым, соединяли Малую землю с Большой. В нужный момент по ним в короткие сроки должны были сосредоточиться войска для решающего наступления в Крыму. Так задумал командующий фронтом, и потому так тщательно следил он за тем, чтобы действовали они бесперебойно. С воздуха весь район надежно прикрывался истребительной авиацией. Группы наших самолетов с точностью хорошо отлаженного механизма непрерывно несли боевое дежурство. Позаботился Толбухин и о том, чтобы и на земле, в работе переправ, поддерживался строгий порядок. По его личному распоряжению начальником района переправ был назначен заместитель командующего 51-й армией генерал В. Н. Разуваев.

Выбор Федора Ивановича оказался на редкость удачным. Энергичный, волевой генерал с большим боевым опытом, Разуваев сумел образцово организовать порученное дело. Движение на переправах осуществлялось в строгом соответствии с утвержденным им графиком — с 20 часов вечера до 7 часов утра. Предварительно войска и грузы, предназначенные для переброски на плацдарм, сосредоточивались в исходном районе. Здесь они группировались в четыре колонны — пехотная, артиллерийская, автомобильная и гужевая. Для каждой был установлен свой темп и дистанции движения.

Командующий, Военный совет и штаб фронта методически, исподволь, пока еще не были конкретно определены сроки, начали подготовку к предстоящей наступательной операции в Крыму.

Однажды, возвратившись из поездки в части, находившиеся на Перекопе, Федор Иванович, устроившись за кипящим самоваром, делился впечатлениями со своими ближайшими помощниками.

— Вчера привелось мне услышать такой спор в траншее, — рассказывал он. — Один из находившихся в траншее говорит своему товарищу, что он прямо-таки разочаровался в Крыме. Прежде не привелось ему тут побывать, но слышан был, что Крым — это сплошь пальмовые рощи да розы. А что же на самом деле? Даже кустарника нет, и воды питьевой не достанешь. Собеседник его стал доказывать, мол, то, что перед ними, это вовсе еще не Крым, а только черный ход в него, как в хорошем доме, где не всех пускают с парадного крыльца...

Толбухин обвел присутствующих взглядом и неожиданно закончил уже чисто деловым предположением:

— Так вот, мне и подумалось тогда: всем нам следует хорошенько изучать своеобразие этого дома. Надо всегда иметь перед глазами наглядный его план — и с парадным, и с черным ходом в него.

Предложение командующего было реализовано штабом в виде подробной рельефной карты Крыма. А «черный ход», через который предстояло туда войти Четвертому Украинскому, имел обозначенные на этой карте собранные разведкой мельчайшие детали вражеской обороны и сведения о группировке его войск.

Федор Иванович часто обращался к этой карте, продумывал план будущих действий. Для него, конечно, не было секретом, что вопрос о конкретных сроках наступления в Крыму станет ясным лишь после того, как будет вытащена «никопольская заноза». И все же, решая множество практических вопросов, с этим связанных, он выкраивал время, чтобы поразмыслить над рельефной картой Крыма, намечая контуры недалекого будущего.

Между тем на Никопольском плацдарме двум нашим армиям не удавалось преодолеть сопротивление вражеских сил. Командующий Четвертым Украинским фронтом осуществил перегруппировку своих сил с таким расчетом, чтобы максимально уплотнить боевые порядки правофланговых армий. Для этого ему пришлось, наоборот, растянуть до 30—40 километров на дивизию фронт 2-й гвардейской армии, заправшей противнику выход из Крыма на Перекопе. Левее ее от Крымского перешей-

ка вдоль Сиваша до Арабатской стрелки фронт занимала теперь одна только 51-я армия. Под Никополь пришлось также направить основную массу артиллерии и авиации фронта.

Немецко-фашистское командование обороняло Никопольский плацдарм со всевозраставшим упорством и даже усиливало свои войска под Никополем за счет частей, перебрасываемых из Кривого Рога и Кировограда. Осенью 1943 года на плацдарме действовало восемь пехотных, две танковые и две горнострелковые дивизии противника, объединенные в оперативную группу «Шернер». Наша разведка располагала сведениями о том, что и на севере Крымского полуострова немецко-фашистские войска усиливаются. Затем гитлеровцы, как и ожидалось, повели наступление с севера на юг, с Никопольского плацдарма, против 5-й ударной армии Южного фронта. Их танковым частям удалось выйти в тыл трем стрелковым дивизиям этой армии. Огнем нашей артиллерии и действиями самолетов-штурмовиков в течение одного только дня боя здесь было уничтожено до 40 вражеских танков. Ночью по решению командования стрелковые дивизии, оказавшиеся в исключительно невыгодном положении, были отведены на другой рубеж, существенно усилив здесь оборону наших войск. Благодаря принятым мерам контратакующий удар противника был отбит, ему не удалось осуществить свое намерение прорваться к Крыму.

Чтобы не распылять и далее усилия войск Четвертого Украинского фронта для действий на двух разрозненных операционных направлениях, Ставка Верховного Командования отложила наступательные операции с целью ликвидации Никопольского плацдарма до накопления соответствующих сил и средств. Однако и в январе 1944 года предпринятые Третьим и Четвертым Украинскими фронтами неоднократные попытки разбить никопольско-криворожскую группировку немецко-фашистских войск успеха не имели. С разрешения Ставки в середине января атаки наших войск были прекращены.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования на Третьем и Четвертом Украинском фронтах Маршал Советского Союза Василевский приводит в своих воспоминаниях такой эпизод, связанный с событиями тех дней:

«Однако было ясно, что собственными силами мы не

могли захватить Никопольский плацдарм. Если мы будем продолжать боевые действия таким же образом, понесем неоправданные потери, а задачу все же не решим. Нужно было подключить Второй Украинский фронт, провести перегруппировку войск, пополнить войска Ф. И. Толбухина резервами. Посоветовался с Федором Ивановичем, он поддержал меня, и я решил позвонить в Ставку с его КП. И. В. Сталин не соглашался со мной, упрекая нас в неумении организовать действия войск и управление боевыми действиями. Мне не оставалось ничего, как резко настаивать на своем мнении. Повышенный тон И. В. Сталина произвольно толкал на такой же ответный. Сталин бросил трубку.

Стоявший рядом со мной и все слышавший Федор Иванович сказал улыбаясь:

— Ну, знаешь, Александр Михайлович, я от страха чуть под лавку не залез!

Все же после этих переговоров Третий Украинский фронт, игравший при проведении Никопольско-Криворожской операции основную роль, получил от Второго Украинского фронта 37-ю армию генерал-лейтенанта М. Н. Шарохина и из резерва Ставки — 31-й гвардейский стрелковый корпус, а от Четвертого Украинского фронта — 4-й гвардейский механизированный корпус.

Судьба Никопольского плацдарма окончательно решилась в феврале 1944 года, когда по указанию Ставки была проведена Никопольско-Криворожская операция, более широкая по своим масштабам и привлекавшимся к участию в ней силам и средствам. Ее цель заключалась в том, чтобы, кроме никопольской, разгромить еще одну крупную группировку противника, находившуюся в районе Кривого Рога, и освободить важный в экономическом отношении район Кривого Рога и Никополя.

На выполнение намеченной задачи нацеливались уже два фронта, причем основная роль отводилась не Четвертому, а Третьему Украинскому фронту, который наносил главный удар из района северо-восточнее Кривого Рога на Апостолово. Фронт генерала Малиновского располагал и большими силами для выполнения задуманного и занимал лучшее, чем фронт Толбухина, оперативное положение: перед Третьим Украинским не было столь мощной преграды, какой является Днепр. Войска Четвертого Украинского выполняли ограниченную задачу, по-прежнему направляя усилия на ликвидацию плацдарма

на левом берегу Днепра, затем, форсировав его, должны были выйти на Апостолово с юга.

При таком замысле действий наших войск ситуация для противника, оборонявшего Никопольский плацдарм, выглядела уже совершенно иначе, чем прежде. Удары двух советских фронтов на Апостолово с севера и юга и выход их в этот район означали бы охват действовавшей южнее Никополя вражеской группировки и лишение ее возможности отхода на запад. Иначе говоря, гитлеровцы могли попасть в очередной «котел». Но самое название «Шестая армия» достаточно красноречиво напоминало о том, чем кончился для нее «котел» под Сталинградом.

Третий Украинский фронт начал наступление с утра 31 января. Развивалось оно весьма успешно. Вошедшие в прорыв подвижные соединения быстро приближались к Апостолову и 5 февраля освободили его. Угроза для немецко-фашистских войск приобрела совершенно реальные очертания после того, как с юга ударил фронт Толбухина. Три его правофланговые армии — 3-я гвардейская, 5-я ударная и 28-я — своими активными действиями воспрепятствовали противнику перебросить части в полосу наступающих войск Малиновского. В короткий срок они также прорвали вражескую оборону, начав расчленивать действовавшую на Никопольском плацдарме группировку, затем форсировали Днепр в районе Малой Лепетихи...

Думается, описывать дальше действия двух фронтов нет нужды. Достаточно сказать, что Никопольско-Криво-рожскую операцию оба фронта провели так, как было задумано. И в этом самом уже содержится наивысшая оценка для всех, кто к ней причастен. Однако такая оценка будет все же неполной для солдат обоих фронтов, сумевших все преодолеть на своем пути, и для их командующих, чья воля и разум шаг за шагом вели войска к достижению намеченной цели. Все преодолеть — это не только ожесточенное сопротивление врага, уже обреченного на неминуемый разгром и потому особенно яростного в своем ожесточении. Это еще и февральская погода на Украине в 1944-м.

Вот живые свидетельства двух участников операции.
А. М. Василевский:

— Много я повидал на своем веку распутиц. Но такой грязью и такого бездорожья, как зимой и весной 1944 года, не встречал ни раньше, ни позже. Буксовали

даже тракторы и тягачи. Артиллеристы тащили пушки на себе. Бойцы с помощью местного населения переносили на руках снаряды и патроны от позиции к позиции за десятки километров.

С. С. Бирюзов:

— Зима на Украине близилась к концу. Шел то мокрый снег, то мелкий морозящий дождь. Дороги раскисли. В воздух не поднимались ни боевые, ни транспортные самолеты. Даже По-2 не мог оторваться от вязкого чернозема... Где-нибудь под Москвой в такое время еще свирепствуют метели и трещит мороз, а на Украине уже оголились поля и грунт напоминал раствор цемента. Наступать в таких условиях тяжело. Но и отступить гитлеровцам было не легче. Они вынуждены были бросать увязавшие в грязи вполне исправные пушки, автомашины и даже танки.

Да, погода была одинакова для воевавших сторон. Разница только в том, что у гитлеровцев, несмотря на невылазную грязь и промозглый холод, земля, на которую они принесли ужас и мерзость опустошения, — эта самая земля горела под ногами. И они бежали, бросая все, что затрудняло бегство. А советские солдаты освобождали от фашистской нечисти родную свою землю, поэтому несли они на руках и пушки, и снаряды, и патроны. И не было для них преград, которые оказались бы непреодолимыми.

Теперь, когда «никопольская заноза» была извлечена, для Четвертого Украинского на очереди стояло освобождение Крыма. Вопрос этот не раз рассматривался в Ставке, прежде чем она утвердилась в своем мнении начать решающие действия в Крыму лишь после ликвидации Никопольского плацдарма. Другой вывод Ставки, сформулированный после неоднократного обсуждения, заключался в том, чтобы возложить главную ответственность за проведение Крымской операции на командование Четвертого Украинского фронта, освободив его на это время от выполнения каких-либо других задач. В его распоряжении решено было поэтому оставить только две армии — 2-ю гвардейскую для действий с Перекопа и 51-ю, которая должна была наступать с Сиваша. 19-й танковый корпус предназначался для развития наступления. Совместно с войсками Четвертого Украинского фронта в операции должны были принять участие войска Отдельной Приморской армии, занимавшей плац-

дарм на Керченском полуострове, Черноморский флот, Азовская военная флотилия, партизаны Крыма, авиация 8-й и 4-й воздушных армий и ВВС флота.

В марте командующего фронтом и начальника штаба вместе с представителем Ставки вызвали в Москву.

Рельефную карту Крыма, над которой провел многие бессонные часы Федор Иванович, он приказал взять с собой. По ней он и докладывал Верховному Главнокомандующему замысел и план предстоящей операции.

В том, что рельефная карта отличалась от обычных карт разных масштабов, которыми, как правило, пользовались в Ставке, заключалась определенная доля риска. А что, если Сталин воспримет ее как нечто, рассчитанное на чисто внешний эффект? Сталин за долгие годы своего руководства партией и страной повидал столько всякого, что удивить его подобными вещами было невозможно. Скорее, наоборот, это могло вызвать раздражение, потому что никакой показухи в практических делах он не терпел. И заниматься внешними эффектами в его присутствии остерегались. Однако рельефную карту Крыма, привезенную командующим Четвертым Украинским фронтом, И. В. Сталин оценил по достоинству, так как сразу же увидел, что все в ней подчинено интересам дела. В мельчайших деталях на ней было отражено своеобразие рельефа Крымского полуострова, операционных направлений, на которых предстояло действовать войскам. Столь же скрупулезно была показана оборона противника, инженерное оборудование местности, естественные и искусственные препятствия, расположение вражеских сил и средств.

Расхаживая по кабинету, Сталин слушал доклад командующего фронтом, сосредоточенно поглядывая трубкой, останавливался, снова и снова разглядывая карту, вынимал трубку изо рта и, тыча мундштуком в ту или другую точку, говорил:

— Вот черти!.. Смотрите, где они задумали закрепиться...

Заинтересованность, с которой Сталин неоднократно подходил к рельефной карте и разглядывал ее, его спокойный, глуховатый голос, интонации немногословных реплик, которые он бросал время от времени, — все говорило присутствующим, что Верховному понравилась и карта, подготовленная в штабе Четвертого Украинского, и уверенность, глубокая обоснованность предложений в

докладе командующего фронтом. Толбухин не преуменьшал трудностей, ожидавших наши войска в Крыму, но и не преувеличивал их. Из доклада видно было, что фронт даром времени не терял, и подготовка к наступлению ведется основательная.

Верховный Главнокомандующий одобрил доклад командующего фронтом. В окончательном виде решение Ставки формулировало замысел Крымской операции следующим образом: одновременно ударами войск Четвертого Украинского фронта с севера — от Перекопа и Сиваша — и Отдельной Приморской армии с востока — из района Керчи — в общем направлении на Симферополь, Севастополь при содействии Черноморского флота и партизан расчлнить немецко-фашистские войска, не допустить их эвакуации из Крыма. Утвердил Сталин решение Толбухина о нанесении главного удара с плацдарма на южном берегу Сиваша силами 51-й армии генерала Крейзера в направлении Симферополь, Севастополь, вспомогательного — на Перекопском перешейке силами 2-й гвардейской армии генерала Г. Ф. Захарова. Такое решение было связано с большими трудностями для войск, которым предстояло до начала операции сосредоточиться на крохотном пятячке. Но в этом как раз и заключались выгоды, перевешивавшие все неудобства: противник не ожидает отсюда главного удара, ибо он тоже понимает, что организация его здесь — дело весьма и весьма затруднительное, а может быть, практически неразрешимое. А раз не ждет удара с этого направления, следовательно, неудобства при подготовке операции с лихвой окупятся в самом ходе ее.

Дополнительные указания Верховного Главнокомандующего Толбухину сводились к тому, чтобы командование фронта позаботилось об организации взаимодействия, в первую очередь с Отдельной Приморской армией генерала А. И. Еременко, с Черноморским флотом и Азовской флотилией, с партизанами Крыма.

Подготовка к операции шла теперь полным ходом. Конкретно день начала ее Верховным Главнокомандующим не был определен, он связывался с выходом советских войск к Одессе, что должно было облегчить наши действия в Крыму. Свои коррективы внесла и погода: ураганные ветры и небывалые штормы на Азовском море бушевали весь март. Необычным для Таврии в это время года был и снегопад: снег почти на метр завалил

землю. Ставка согласилась с небольшой отсрочкой операции.

Толбухин и его штаб использовали ее для дополнительной подготовительной работы. Федор Иванович, обычно предпочитавший руководить войсками, не покидая надолго своего основного командного пункта, теперь все чаще навещался в армии, в корпуса, досконально проверяя, насколько основательно усвоили подчиненные командиры и штабы все детали предстоящего наступления.

Каждый, с кем встречался Толбухин, хорошо знал, что командующий фронтом не удовлетворится просто итоговыми данными о ходе подготовки. Общими фразами в разговоре с ним не отделаешься. Нужно быть готовым ответить на любой вопрос относительно положения дел в своих соединениях или частях, ответить без промедления, не обходя острых углов и ничего не сглаживая...

По всему было видно, что на этот раз Федор Иванович был доволен всем тем, что уже сделано и делается в войсках.

Утром 8 апреля во всех подразделениях Четвертого Украинского фронта было зачитано обращение Военного совета о переходе в наступление. «Мы, — говорилось в нем, — бьемся на земле, политой кровью наших отцов и братьев в 1920 году... Пусть же наш героизм нарастит мировую славу воинов Фрунзе, славу русского оружия».

В 10 часов 30 минут после мощной артиллерийской подготовки и массированных бомбовых ударов нашей авиации Четвертый Украинский пошел вперед. За несколько дней перед этим на Перекопском перешейке начали греметь орудия большой мощности, которые методично разрушали инженерные сооружения противника. Разрывы трехсоткилограммовых снарядов, которыми они стреляли, при прямом попадании начисто сметали вражеские доты и дзоты. Гитлеровские солдаты не только несли значительный урон, стрельба орудий большой мощности производила на них сильное моральное воздействие. Помимо всего прочего, немецко-фашистское командование восприняло ее еще и как несомненный признак того, что именно здесь будут наносить советские войска свой главный удар. Но оно просчиталось и на этот раз.

10 апреля соединения 51-й армии, наступавшие с плацдарма на Сиваше, прорвали оборону противника. 19-й корпус, введенный с утра 11 апреля по приказу

Толбухина в образовавшуюся брешь, устремился на Джанкой и овладел им. Теперь открывался путь на Симферополь.

Генерал Толбухин подвел итоги наступления за трое суток и уточнил задачи наступающим войскам. Чтобы ускорить освобождение Симферополя, он распорядился создать подвижную группу. В нее вошли 19-й танковый корпус, посаженная на автомашины стрелковая дивизия и одна истребительно-противотанковая артиллерийская бригада. 2-й гвардейской армии командующий фронтом приказал неотступно преследовать противника, отходившего на Севастополь. Две ее дивизии были нацелены на Евпаторию, одна должна была продвигаться по побережью на Ак-Мечеть. Для 51-й армии задача оставалась прежняя — освободить Симферополь, затем через Бахчисарай наступать на Севастополь. Представителя Ставки Василевского Толбухин просил ускорить переход в наступление Отдельной Приморской армии.

Вечером 11 апреля Москва салютовала доблестным войскам Четвертого Украинского, которые сломили мощную оборону врага на Сиваше и Перекопе и освободили город Джанкой.

Следующий день наступления принес еще более ощутимые результаты. Войска Толбухина освободили свыше трехсот населенных пунктов на крымской земле. Пали Ишуньские укрепленные позиции врага восточнее Каркинитского залива, Ак-Монайские у основания Арабатской стрелки и Бююк-Оларские в центре Крыма.

13 апреля были освобождены Симферополь, Евпатория, Феодосия, 14 и 15 апреля — Бахчисарай, Судак и Алупта, 15 апреля передовые части и соединения фронта подошли к внешнему оборонительному обводу Севастополя. К 18 апреля вдоль южного побережья Крыма войска Приморской армии, к этому времени уже переставшей быть отдельной и включенной в состав Четвертого Украинского фронта, вышли к Балаклаве.

Такова хроника стремительного апрельского наступления советских войск в Крыму, свидетельствующая о немеркнущем подвиге и беспримерном героизме солдат, о высоком военном искусстве офицеров и генералов во главе с командующим фронтом.

Впереди перед войсками Четвертого Украинского, невидимый за грядой окружавших гор, лежал Севастополь — город бессмертной русской ратной славы. Двести

пятьдесят суток бились немецко-фашистские войска, чтобы войти в этот город. Теперь они надеялись отсидеться за его естественными укрытиями и мощными инженерными укреплениями. Гитлер объявил его «городом-крепостью». Это означало намерение держаться там до последнего солдата. Он сместил прежнего командующего 17-й армией генерала Еннеке, желая найти в нем «козла отпущения» за крымскую катастрофу. Его заменил генерал Альмендингер. Вслед за фюрером новый командующий, обращаясь к солдатам, писал: «...Я получил приказ защищать каждую пядь севастопольского плацдарма. Его значение вы понимаете... Я требую, чтобы все оборонялись в полном смысле этого слова, чтобы никто не отходил, удерживал бы каждую траншею, каждую воронку, каждый окоп... Плацдарм на всю глубину сильно оборудован в инженерном отношении, и противник, где бы ни появлялся, запутается в сети наших оборонительных сооружений...»

Это обращение было написано 3 мая 1944 года.

Генерал Толбухин к этому времени завершал подготовку своих войск к генеральному штурму Севастополя, назначенному на 7 мая. Его армии получили уточненные задачи, произвели необходимую перегруппировку и подготовку соединений и частей, пополнили запас боеприпасов и материальных средств. Со всем командным составом по распоряжению командующего фронтом на участках, где им предстояло наступать, были проведены неоднократные рекогносцировки, детально изучалась местность и разрабатывались планы выполнения боевых задач. В тылу были созданы учебные городки, и войска усиленно тренировались в условиях, максимально приближенных к боевым, особенно тщательно отрабатывая взаимодействие пехоты с артиллерией, танками, авиацией. По особому плану вели подготовку к штурму специально созданные штурмовые группы. В их состав включались коммунисты, обладавшие богатым боевым опытом. Вся партийно-политическая работа подчинялась единой цели — мобилизовать духовные силы каждого участника штурма на неукротимый наступательный порыв.

Генеральное сражение за Севастополь силами всех войск фронта, Черноморского флота и партизан началось утром 7 мая. Его кульминацией, одной из блестящих страниц в истории Великой Отечественной войны,

стал беспримерный штурм Сапун-горы. К вечеру на ее гребне в полосе наступления 51-й армии генерала Крейзера затрепетали красные флаги. Почти одновременно с этим несколько южнее поднялись на Сапун-гору и высоту Карагач головные части 11-го стрелкового корпуса Приморской армии генерала К. С. Мельника, который сменил А. И. Еременко, назначенного 16 апреля командующим Вторым Прибалтийским фронтом.

В 1942 году немецко-фашистские войска на протяжении многих дней пытались овладеть Сапун-горой, открывавшей путь на Севастополь. Потеряв десятки тысяч своих солдат и офицеров, они так и не добились желаемого. Советские солдаты овладели Сапун-горой в один день. А 9 мая уже над зданием знаменитой панорамы Севастопольской обороны 1854 года звякнуло победное Красное знамя. Севастополь, город-герой, крепость и важнейшая военно-морская база на Черном море, навсегда стал свободным от гитлеровской нечисти. Разбитые войска 17-й армии бежали к Херсонскому мысу, надеясь на эвакуацию.

В ночь на 12 мая войска Толбухина сокрушили сопротивление врага на последнем оборонительном рубеже, прикрывавшем мыс Херсонес, и через сутки вышли к побережью Черного моря по всей линии фронта. Наступательная операция в Крыму завершилась. Немецко-фашистские войска потеряли в ходе ее 100 тысяч убитыми и пленными и всю боевую технику. На осуществление этой операции нашим войскам потребовалось 35 дней, из них на штурм Севастополя всего лишь пять!

Партия и Советское правительство высоко оценили мужество и отвагу советских воинов. Семь раз салютовала Родина славным воинам армии и флота, освободившим Крым. Многим соединениям и частям были присвоены почетные наименования Перекопских, Сивашских, Керченских, Феодосийских, Симферопольских и Севастопольских. 126 человек были удостоены звания Героя Советского Союза, среди них командир авиационной эскадрильи В. Д. Лавриненков — второй медали «Золотая Звезда». Тысячи бойцов и командиров были награждены орденами и медалями. Командующему фронтом Толбухину было присвоено воинское звание генерала армии.

Радостно возбужденный Федор Иванович слушал оживленные разговоры друзей, поздравлял боевых сорат-

ников и сам принимал поздравления, улыбался и, обращаясь к офицерам и генералам, говорил:

— Только заноситься нам не пристало...

Добрая улыбка на минуту сходила с его лица, а голос становился суровей, когда напоминал он о самом главном:

— Приказ командира очень многое решает на войне. Но любой командир, будь он хоть семи пядей во лбу, низко-низко обязан поклониться солдату. Это он — Рядовой — исполняет приказ в бою. Значит, от того, как он его воспринял и как исполняет, все и зависит. Вот так!..

Самолет, пересекая Крымский полуостров с юга на север, летел на небольшой высоте почти вдоль самой береговой черты к Перекопу. Под ним искрился ковер яркой зелени, которая как бы спешила укрыть многочисленные шрамы, что оставила на земле война. На этой земле подчеркнута выделялись свежей еще чернотой многочисленные оспины воронок, большие и поменьше, петляющие зигзагами траншей окопы, груды сплющенного, искореженного, обгоревшего металла. А чуть подальше слева по курсу самолета до самого горизонта переливалось красками море, оттеняя берег белой пенистой ниточкой прибоя. Солнце согревало землю уже по-летнему. И она в полную силу источала под его лучами накопленную за зиму влагу. Разные участки ее поверхности прогревались неодинаково, и потому поднимавшиеся с земли навстречу самолету токи воздуха то подбрасывали его вверх, то увлекали вниз, и он проваливался в очередную воздушную «яму», продолжая натужно и ровно гудеть моторами.

В такую пору болтанка в воздухе становится особенной ощутимой. Однако Федор Иванович Толбухин не замечал ни болтанки, ни буйного ликования красок наступающего южного лета за стеклом иллюминатора.

Теперь, когда улеглась сумятица последних дней, связанная с отъездом, он мог остаться на некоторое время наедине со своими мыслями. Все, кто находился вместе с ним в самолете, понимали это его желание, знали, как любит командующий немногие такие паузы, и не мешали ему сосредоточиться. Плотнo устроившись на сиденье и прикрыв глаза, Федор Иванович некоторое время вспоминал лица тех, кто провожал его на аэродроме, сло-

ва, которые они говорили на прощание. Затем вдруг понял со всей отчетливостью, что и для него, и для провожавших его совсем недавно на аэродроме, и для тех, кого он сам проводил с тех пор, как умолкли последние выстрелы на крымской земле, — для всех его боевых друзей и соратников по Четвертому Украинскому фронту, бывшему Южному, завершился, остался уже позади огромный период войны.

Конечно, никто из них в эти майские дни 1944 года после окончания боев в Крыму не представлял себе, что они останутся отдыхать под его благодатным солнцем. Ожесточенная борьба с врагом продолжалась на других фронтах, все дальше и дальше продвигавшихся на запад. Мысли всех были устремлены туда. И все они, от рядового солдата до командующего фронтом, с нетерпением дожидались приказа о своей переброске из Крыма, который стал глубоким тылом, — туда, где еще продолжалась борьба. Эта переброска дивизий, корпусов, целых армий, началась почти сразу же после освобождения Крыма по распоряжению Ставки... Но, пожалуй, никто из них, получая новые назначения, известия о перемещении своих товарищей, занимаясь сборами к отъезду и расставаясь, еще не осмыслил до конца значения происходящего.

Память воскресила строки песни, которую на их фронте знали и любили все:

Теплый ветер дует,
Развезло дороги.
И на Южном фронте
Оттепель опять.
Тает снег в Ростове,
Тает в Таганроге.
Эти дни когда-нибудь
Мы будем вспоминать...

«Вот и нет больше нашего Южного фронта», — с каким-то оттенком грусти подумал Федор Иванович, однако эта мимолетная грусть, естественная, когда расстаешься с чем-то очень дорогим, тут же уступила место другому чувству — радости и гордости от сознания честно исполненного долга и своей собственной причастности к тому, что вобрала в себя боевая история фронта, войскам которого довелось решать нелегкие задачи на дымных дорогах войны от Волги до Черного моря.

«Да, Четвертый Украинский — это уже история, слав-

ная, дорогая история... А Третий, что предстоит ему?» — Эта мысль сразу же повернула ход мыслей к той цели, ради которой находился сейчас в самолете.

Генерал армии Толбухин летел на Третий Украинский фронт, чтобы вступить в командование его войсками. О новом своем назначении Федор Иванович был извещен в конце мая. Ему надлежало принять фронт от Малиновского, который переходил на Второй Украинский. В свою очередь, Конев перемещался на Первый Украинский фронт.

Уже сами по себе организационные изменения для сведущего человека были косвенными признаками того, что на южном крыле советско-германского фронта на некоторое время наступает относительное затишье, именуемое в военном искусстве оперативной паузой.

За минувшую зиму и весну советские войска добились здесь многого. Из рук фашистских захватчиков были вырваны важные экономические районы страны, коренным образом изменилась стратегическая обстановка на юге. Под угрозой удара Советской Армии оказались районы, имевшие для гитлеровской Германии большое военно-политическое значение, а также районы, снабжавшие ее стратегическим сырьем. Победы Советской Армии открыли возможность оказать непосредственную помощь народам Восточной Европы в их борьбе против захватчиков.

Толбухину как военачальнику был присущ стратегический склад мышления. Отчетливо представляя обстановку, он понимал, что на южном крыле советско-германского фронта наступившее затишье знаменует для врага приближающуюся еще более сильную, чем прежде, грозу. Но как развернутся здесь события в недалеком будущем, об этом пока что знают только в Ставке. Узнает в свое время и командование Третьего Украинского, надо только не терять времени даром и готовиться...

Вместе с Толбухиным в качестве начальника штаба Третьего Украинского переходил и Бирюзов. Оба они восприняли новое назначение как награду за предыдущую свою работу на Четвертом Украинском и еще один знак высокого доверия партии и правительства к ним обоим. Федора Ивановича радовало, что они будут продолжать общее дело вместе с Сергеем Семеновичем.

За тот год войны, который прошагали в одной упряж-

ке, командующий и начальник штаба фронта, как говорится, притерлись друг к другу. В самые первые дни совместной службы, еще на Южном фронте, замечал, правда, спокойный и сдержанный Толбухин, что Сергей Семенович, горячий и решительный, с трудом подавляет вроде бы досаду по поводу того, что командующий, как ему кажется, слишком строго контролирует действия своего начальника штаба.

Возможно, что и так. Конечно, его сорокалетний коллега, обладавший репутацией боевого генерала, был сложившимся штабным работником, занимал штабные должности еще в довоенные годы. Однако Федор Иванович смотрел на него с высоты своих пятидесяти лет, из которых почти два десятка отданы штабной службе, и не мог поступить иначе. Слишком хорошо понимал роль и значение начальника штаба в сложнейшем механизме управления и руководства войсками. Он исходил из твердого убеждения, что командующий должен верить в своего начальника штаба, как в самого себя, потому что это не просто исполнитель, но один из самых близких помощников командующего, непременно творческого склада ума и характера. Именно при таких взаимоотношениях штаб, который Федор Иванович уподоблял нервной системе человека, только и сможет осуществлять свою функцию — управление войсками, контроль за четким и неукоснительным выполнением принимаемых решений. Вот почему Толбухин сначала хотел утвердиться, что Бирюзов заслуживает такого полного доверия.

Впервые Толбухину удалось познакомиться с Бирюзовым в напряженный период боев под Сталинградом. Их еще не связывали в то время определенные должностные отношения. Толбухин командовал 57-й армией, Бирюзов был в то время начальником штаба 2-й гвардейской армии у Малиновского. Знакомство состоялось на командном пункте Федора Ивановича. Было это в первой половине декабря 1942 года.

Обстоятельства сложились тогда таким образом, что КП Толбухина в хуторе Верхне-Царицынском оказался, вероятно, единственным в своем роде за всю военную историю: здесь под одной крышей расположились тогда сразу два командарма. К тому же армии, которыми они командовали, действовали в диаметрально противоположных направлениях. 57-я Толбухина, повернутая фронтом на восток, участвовала в окончательной ликвидации

находившейся в кольце группировки фельдмаршала Паулюса. А 2-я гвардейская Малиновского, спешно перебросенная на реку Мышкова, сначала остановила на этом рубеже войска другого фашистского фельдмаршала — Манштейна, который должен был выволочь из окружения Паулюса, а затем заставила повернуть его вспять и быстро откатываться к Ростову.

Одновременно на КП 57-й армии располагался тогда же и представитель Ставки ВГК Василевский, использовавший имевшийся надежный узел связи для переговоров с командующим Сталинградским и Юго-Западным фронтами. Как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Сергей Семенович в ту первую встречу запомнился Толбухину своей солдатской прямоотой и искренностью. Он не скрывал признательности и горячо благодарил за помощь и поддержку, которую нашел штаб армии Малиновского на КП Толбухина. 57-я действительно по-братски выручила 2-ю гвардейскую в трудный момент сосредоточения на рубеже реки Мышкова для отпора войскам Манштейна, предоставив в распоряжение ее командования все имевшиеся средства связи. При расставании Бирюзов без всяких околичностей сказал, что многое для себя почерпнул за эти дни совместного пребывания на командном пункте Толбухина и больше всего завидует штабу, который сумел организовать такую отличную связь.

Эти слова не были просто данью вежливости за гостеприимство и помощь. Как убедился затем, уже при совместной работе, Федор Иванович, Бирюзов комплиментов зря не умел раздавать. А уж если подметил у других что-нибудь заслуживающее внимания, то все делал, чтобы у самого было не хуже. Штабное дело он знал досконально. Работу штаба фронта сумел поставить так, что у командующего не возникало сколько-нибудь серьезных претензий. При всем этом в начальнике штаба заметно сказывалась жилка строевого начальника, да он и не скрывал ее. Толбухин не мешал ее проявлению.

Командующий и начальник штаба фронта довольно скоро нашли то деловое и товарищеское взаимопонимание, которое делало их совместную работу наиболее плодотворной. Вероятно, с легкой руки Александра Михайловича Василевского и в Ставке сложилось твердое мнение, что боевое содружество и совместная деятельность Толбухина и Бирюзова во фронтовом руководстве — пример

едва ли не идеально удачного сочетания качеств двух военачальников.

Данное обстоятельство, конечно же, учитывала Ставка, назначая их вместе на Третий Украинский фронт. Учитывала она, вероятно, также и то, что оба они, начиная от Волги и кончая наступлением в Крыму, руководили операциями, в которых противостоящие вражеские войска были не однородными, а смешанными.

Последнее предположение оба высказали сразу же после того, как узнали о своем новом назначении. Оба согласились с тем, что оно вполне реально. Обсуждали же они этот вопрос не из праздного любопытства, но единственно ради наилучшего уяснения своего собственного места и роли в новом предстоящем деле. Третьему Украинскому фронту в настоящий момент как раз и противостоят группировка вражеских войск «Думитреску» в составе 6-й немецкой и 3-й румынской армий. Коль скоро их предположение реально, из этого можно было сделать вывод: Ставка и Генеральный штаб считают, что до сих пор они умели использовать подобную неоднородность войск противника и, следовательно, смогут опираться на имеющийся опыт и в будущей операции...

Вывод, как мы видим, весьма немаловажный для уяснения правильного подхода к решению предстоящей задачи. Что касается других выводов, их надлежало сделать в ходе детального изучения обстановки на месте, не теряя ни часа драгоценного времени. Именно поэтому Толбухин и заторопил Бирюзова с отъездом на Третий Украинский. Сам же остался еще на несколько дней в Крыму, чтобы решить ряд организационных вопросов, связанных с отправкой войск Четвертого Украинского фронта на другие направления.

...Полет как начался, так и закончился в прекрасную погоду. Вот уже самолет коснулся поверхности аэродрома, встряхиваясь на неровностях грунта, замедлил свой бег, отвернул с посадочной полосы, подрулил к стоянке, развернулся, в последний раз с нарастающей силой загудев моторами. Затем, стихая до шелеста, остановилось вращение винтов, всякое движение прекратилось. Непривычная тишина на какое-то время оглушила всех сидящих в самолете. Но вот послышались шаги, кто-то открыл кабину и выбросил наружу стремянку. Подошел командир корабля, доложил о завершении полета.

Толбухин поднялся с кресла, поблагодарил экипаж и, не очень твердо ступая затекшими от длительного сидения ногами, направился к выходу. После непрерывного гула и вибрирования летящего самолета, после болтанки и кабинных запахов бензина, перемешанного с горячим маслом, аромат цветущей, залитой солнцем земли за проемом самолетной двери чувствовался с разительной силой. Растянуться бы сейчас на изумрудном травяном ковре да полежать, ни о чем не думая, просто глядя в бездонную синь неба, вбирая в себя теплоту этого солнечного дня, ласковое дуновение ветерка...

Летать Толбухину по служебным делам приходилось довольно часто, человек он был физически крепкий. И все же не привык к полетам, предпочитая им тряску в машине по любым, пусть разбитым, но земным дорогам. Винтовому самолету того времени, хотя бы и персональному, а значит, с наибольшими возможностями благоустроенному, слишком далеко было до современных реактивных пассажирских лайнеров. Полеты утомляли Федора Ивановича, видно, поэтому он всегда с особенным уважением относился к летчикам, ценя их нелегкий труд и поражаясь их выносливости.

...К самолету приближалась группа встречающих. Впереди, улыбаясь, шел Родион Яковлевич Малиновский. Почти на голову над всеми возвышалась фигура Сергея Семеновича Бирюзова. Теплые, дружеские рукопожатия, поздравления с благополучным прибытием, и вот машины уже несутся по дороге к расположению полевого управления Третьего Украинского фронта.

Бирюзов коротко доложил Толбухину обстановку, высказав предложение до вступления в должность побывать в войсках. После непродолжительного отдыха Толбухин направился к Малиновскому и спросил у него:

— Родион Яковлевич, вы не будете возражать, если до того, как мы доложим о сдаче и приеме войск фронта Верховному Главнокомандованию, я побываю в некоторых армиях?

Малиновский ответил согласием, заметив, что ему даже приятно будет провести еще несколько дней в привычном кругу людей и забот Третьего Украинского.

В тот же день Толбухин вместе с Бирюзовым приступил к детальному изучению противника и своих войск по документам и наблюдениям Сергея Семеновича, успешного подготовить подробный доклад об оперативном по-

строении войск фронта, его боевом составе и о группировке противника.

Рассматривая карты, таблицы, схемы, Федор Иванович внимательно слушал начальника штаба, который за время своего пребывания познакомился с личным составом управления и штаба фронта, побывал вместе с командующим артиллерией фронта М. И. Неделиным и начальником инженерных войск Л. З. Котляром на Кицканском плацдарме в расположении 37-й армии генерал-лейтенанта М. Н. Шарохина и в ее 6-м гвардейском стрелковом корпусе, которым командовал генерал-майор Г. П. Котов, в дивизии полковника И. С. Шапкина, в некоторых полках, батальонах и ротах.

Бирюзов был удовлетворен поездкой. 37-я армия ему понравилась. Он положительно характеризовал и ее командующего, и командиров корпуса, дивизии, с которыми там познакомился. Хорошее впечатление произвели на него и саперы, соорудившие две переправы через Днестр. Одна из них — деревянный мост — являлась вспомогательной. Противник знает о ней, берега вокруг деревянного моста сплошь изрыты воронками от бомб и снарядов, место это опасное. Зато другая переправа — основная — наведена подальше, притоплена и остается неизвестной противнику. По этой переправе Бирюзов возвращался с плацдарма. «Мост совершенно незаметен даже вблизи», — отметил Сергей Семенович, подчеркивая тем самым умелый подход к делу саперов и всей инженерной службы. С особенной похвалой говорил он о Митрофане Ивановиче Неделине, характеризуя командующего артиллерией фронта как генерала, который сочетает в себе глубокие знания военного дела, техники с умением отлично организовать работу, тонко разгадывая тактику врага и любую ее слабинку используя в интересах наших войск.

Говоря о Неделине, Сергей Семенович сказал, что хотя он в той поездке и был знаком с ним только второй день, казалось, что знают они друг друга уже несколько лет — настолько обаятельным и умным был этот человек.

— Что это ты, Сергей Семенович, такой щедрый сегодня на похвалы? — добродушно хохотнул Толбухин. — Уж не застилает ли твою обычную объективность хлебосольство хозяев?

Бирюзов в том же шутовском тоне ответил, что хозяйева действительно радушные и хлебосольные, однако свой

устав гостям не навязывают, давая возможность самим ко всему присмотреться. Так повелось с первого дня по прибытии Бирюзова на Третий Украинский. Пригласил его на обед Малиновский, о чем только не переговорили: и о совместно пройденном пути, и об общих знакомых, но ни словом не обмолвились о войсках фронта. Неоднократные попытки Сергея Семеновича повернуть беседу в этом направлении результата не дали. Лишь перед самым его уходом Родион Яковлевич сказал сдержанно:

— Хвалиться не люблю. Но войска в составе нашего фронта замечательные. Командующие армиями, командиры корпусов и дивизий — люди опытные, закаленные. Вот познакомись с ними сам — убедишься. Мне просто трудно выделить кого-либо.

От себя Бирюзов добавил, что его первые впечатления подтверждают справедливость слов Родиона Яковлевича. Под его началом сгруппировалась замечательная плеяда командармов. Кроме М. Н. Шарохина, с которым уже познакомился Бирюзов, в числе командармов В. И. Чуйков (8-я гвардейская армия), И. Т. Шлемин (46-я армия), Н. А. Гаген (57-я армия), Н. Э. Берзарин (5-я ударная армия). 17-й воздушной армией командует В. А. Судец. Отметил Бирюзов, что для него очень полезной оказалась добрая товарищеская помощь члена Военного совета фронта А. С. Желтова, кстаги, давнего его знакомого — они вместе учились в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Алексей Сергеевич хорошо знает войска и весь руководящий состав фронта, с ним всегда возможно установить полное взаимопонимание в работе. Хорошо отозвался Бирюзов и о другом члене Военного совета — В. М. Лайоке.

Толбухин слушал Бирюзова, но, кроме шуточных реплик или уточняющих вопросов, своего отношения к услышанному не высказывал. Срабатывала профессиональная привычка — дать говорящему высказать все, что он думает по обсуждаемому вопросу, не мешая ходу его рассуждений своими собственными мыслями. Федору Ивановичу самому была известна высокая боевая репутация генералов и офицеров, о которых говорил Сергей Семенович. И оптимистический тон начальника штаба в отношении всего увиденного за эти три-четыре дня в целом он воспринимал как должное. Многие трудные сотни километров прошли их с Малиновским фронты, соседствуя друг с другом, решая общие задачи, тесно взаимодействуя. А потому, как и положено у соседей, в общем-то он непло-

хо был наслышан о том, что и как делается в «хозяйстве» рядом.

Однако теперь приспела пора, когда общим знанием дело никак исчерпываться не могло. Из первого знакомства с деталями, услышанными от Бирюзова, пока отложились в памяти три момента, в которых следовало разобратись обстоятельнее.

Первый — в штабе фронта работа организована хорошо, но он все же недостаточен, по первому впечатлению Бирюзова, координирует деятельность командующих родами войск и начальников служб. Со всеми своими вопросами они привыкли ходить прямо к командующему войсками фронта, минуя штаб. Когда Толбухин услышал про это из уст Бирюзова, с улыбкой подумал: «Сергей Семенович не из тех, кто будет мириться с таким положением штаба... И правильно сделает!»

Второй: населенный пункт Воробьево-Берлино, где они сейчас находятся, — место расположения фронтового управления. Странное это название уже стало причиной острот. Наиболее распространенная из них: дошли до воробьевского Берлина, дойдем и до гитлеровского! Но шутки шутками, а дело делом. Обосновались здесь служба фронтового управления и отделы штаба неплохо, сравнительно далеко от войск первого эшелона, следовательно, обстановка более спокойная. Пока фронт не ведет активных действий, это удобно, как сказал Сергей Семенович, «все под рукой, не надо тратить времени на переезды одного к другому». Но он же высказал и справедливое опасение. Штаб стоит здесь без движения уже порядочно времени. К оперативной группе управления, как и всегда при продолжительной остановке, постепенно подтянулся второй эшелон. Стало совсемлюдно и скученно. Снующие по улицам автомашины, расходящиеся во все стороны линии связи — разве это пройдет мимо внимания вражеской разведки! Подобная цель для авиации противника поистине находка — один удар и...

Третий: Кицканский плацдарм. О нем впервые услышал Толбухин от Бирюзова в машине еще при возвращении с аэродрома. Теперь начальник штаба снова и подробно рассказал о своей поездке на этот плацдарм, дал ему детальную характеристику и даже рискнул намекнуть на счет выгод наступления войск фронта именно отсюда... Этот третий момент становился, таким образом, центральным во всем, о чем они говорили в тот день. Речь ведь

шла о выборе направления главного удара, то есть того наиболее важного, к чему призван командующий и его штаб.

Собственно, в правильном выборе направления главного удара, составляющего основу решения, выработка которого и есть наиболее важное звено в цепи подготовительных мер к любому бою и операции, и заключена прежде всего сущность военного искусства, степень зрелости полководца. На решение этого вопроса будут теперь в первую очередь направлены все его действия, помыслы, чувства, все, что он знает и умеет, весь предшествующий опыт, накопленный им, все, что он услышит и увидит, оценивая сложившуюся обстановку, силы и возможности своих войск и противника, всю ситуацию в целом и великое множество мельчайших ее частных. Более сотни различных войсковых соединений принимает под свое командование Толбухин от Малиновского. Это свыше полумиллиона вооруженных людей, почти четыре тысячи орудий всех калибров, более трех тысяч минометов, около семисот танков и самоходных артиллерийских установок, свыше тысячи самолетов... Огромная сила вверяется под его начало, и огромнейшая ответственность за правильное ее использование ложится на плечи Толбухина — командующего Третьим Украинским фронтом. В конечном счете успех или неуспех, победа или поражение в операции, сама цена этой победы — сколькими солдатскими жизнями за нее придется заплатить — будут зависеть от того, куда и как направит он, командующий, эту силу волей своего приказа, которым она будет приведена в движение...

Именно потому, что этот, третий, момент и был архиважным среди всех вопросов, обсуждавшихся с Бирюзовым в тот день, Толбухин, как говорится, даже бровью не повел, услышав и в первый, и во второй раз слова «Кичканский плацдарм». Он как бы начисто пропустил их мимо ушей, вызвав тем самым известное недоумение у Сергея Семеновича, который хотя и знал характер Федора Ивановича, тем не менее не ожидал подобного полнейшего, как ему показалось, равнодушия с его стороны. Между тем Федор Иванович только сделал вид, что не слышал этих слов, ибо считал, что вслух говорить на тему о главном ударе и где ему быть, преждевременно. В том числе преждевременно и для самого себя. Но он их слышал и запомнил.

На другой же день Толбухин начал обговоренную с

Малиновским ознакомительную поездку в войска. Правда, довершить ее до конца не удалось. Ставка распорядилась о незамедлительном вступлении Малиновского в новую должность. Пришлось возвращаться в Воробьево-Берлино. Они составили совместную телеграмму о сдаче и приеме командования Третьим Украинским фронтом и отправили ее в Москву, а затем были устроены теплые проводы Малиновскому.

Поскольку Второй и Третий Украинский фронты, которыми они теперь командовали, как и прежде, были соседями и попу, по-видимому, опять приходилось нести общую, за обедом разговор часто переключался на возможные в недалеком будущем дела. Так в деловых разговорах и прошло все время до отлета Родиона Яковлевича.

В напряженной работе пролетел июнь. Потихоньку в работе огромного фронтового механизма что-то прилаживалось и переделывалось, что-то уточнялось применительно к требованиям нового руководства. Командующий фронтом поддержал предложение начальника штаба о необходимости совершенствования стиля работы штаба фронта, дав понять всем, что он сам заинтересован в том, чтобы штаб возможно скорее занял в системе управления войсками подобающее место и чтобы командующие родами войск и начальники служб решали возникающие вопросы через штаб, а не минуя его. Военный совет поддерживал командующего, и необходимые коррективы в работу управления и штаба были быстро и без каких-либо осложнений внесены. Согласился Толбухин и с соображениями о необходимости передислокации органов фронтового управления. Когда обсуждали предложения начальника штаба по этому поводу, их горячо поддержал член Военного совета фронта В. М. Лайок:

— Сергей Семенович правильно настаивает на быстрой передислокации командного пункта. Слишком уж мы отяжелели. Давно пора рассредоточиться. Пока фронт находится в состоянии оперативной паузы, можно все это осуществить безболезненно.

Командующий фронтом хитро улыбнулся:

— А как будем рассредоточиваться? Второй эшелон отсюда выведем или сами от него оторвемся? Вы, Сергей Семенович, за какой из этих двух вариантов?

— За последний!

— Ну что ж, действуйте...

Возник вопрос, а кого именно брать в «отрыв», как вы-

разился Федор Иванович. Найдутся ведь «обиженные», которые начнут доказывать, что именно их присутствие поближе к командующему крайне необходимо...

— Только тех, без кого обойтись нельзя! — последовал твердый ответ. И Толбухин тут же, рассмотрев предложения о составе первого эшелона фронта и отобрав в него строго ограниченное число людей и машин, утвердил письменный расчет должностных лиц для переезда и подписал приказ о передислокации. Когда она началась, «обиженные» действительно появились. Но вскоре все успокоилось, увидев, что Толбухин, обычно добродушный и покладистый, в обсуждениях с жалобщиками вступать не желает и непреклонен там, где речь идет о вопросах, которые уже решены, а решение отвечает интересам дела.

Новый командный пункт был размещен более выгодно с точки зрения маскировки и отлично оборудован проводной и радиосвязью. Связисты обеспечили возможность ведения переговоров не только с командованием армий, дивизий и полков, но при необходимости и батальонов.

Так были решены два из трех вопросов, обозначившихся еще в первый день приезда Толбухина на Третий Украинский. Решалось и множество других: шло доукомплектование войск личным составом и вооружением, перегруппировка сил, связанная со сменой некоторых соединений и частей, долгое время находившихся в первом эшелоне, чтобы дать им возможность отдохнуть, непрерывно велась разведка и уточнялись данные о противнике, инженерные работы, накопление необходимых запасов продовольствия, фуража, боеприпасов, горючего...

Что же касается того самого важного вопроса, о котором Федор Иванович в первый день своего прибытия на Третий Украинский фронт считал преждевременным обмолвиться хотя бы словом, — решение его исподволь созревало в мыслях командующего, и никто из окружающих до поры до времени не должен был ничего знать об этом.

15 июля заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов передал предварительное распоряжение Ставки о переходе Третьего Украинского фронта в наступление. С этого момента выработка решения на наступление перешла в решающую фазу. Толбухин впервые вслух заговорил по этому вопросу, однако и теперь еще ничего не предпринимая, а лишь высказывая свои соображения относительно возможных направлений наступления войск фронта.

Бирюзов в своих воспоминаниях подробно рассказал о выступлении Толбухина на заседании Военного совета Третьего Украинского фронта 16 июля 1944 года. «Утром следующего дня собрался Военный совет фронта. Кабинетом Ф. И. Толбухину служила небольшая горница в деревенской хате молдавского крестьянина. В ней стояли простой стол и несколько табуреток. На стене висела двухкилометрового масштаба карта района предстоящих боевых действий. И как только все собрались, Толбухин взял карандаш, подошел к карте и стал рассуждать.

Он словно помолодел, глаза светились задором, а тучная фигура стала сразу какой-то непривычно энергичной и подвижной. Чувствовалось, что у него наступил прилив новых сил, он как бы загорелся внутренним огнем, что с ним обычно бывало в особо напряженные и ответственные моменты боевой обстановки. Энергично жестикулируя, командующий водил карандашом по карте и, обращаясь к нам, говорил:

— Да, интересно начертание линии фронта. Обратите внимание, фронт проходит дугой и выпуклость — в нашу сторону. Если обороняться нам было не совсем удобно, то наступать очень выгодно. Само расположение войск двух фронтов подсказывает, что нужно зажать противника в клещи. — На какое-то мгновение командующий задумался, потом продолжал снова: — Но есть и опасные участки. Видите? Правый фланг противника прикрыт Днестровским лиманом, а выше идут топи, плавни. Значит, противник может оставить здесь минимальное количество войск, а остальные — бросить к центру или на свой левый фланг, к Кишиневу. У противника благоприятные условия для нанесения фланговых ударов. Есть и другие «но»...

Где же нам лучше всего широким потоком устремиться в прорыв? Здесь плавни, тут сильные укрепления — Бендерская крепость. Кицканский плацдарм не совсем удобен, и сосредоточивать на нем крупные силы опасно, да и озеро Ботно с заболоченными берегами помеха. А видишь, какие крутые берега у Днестра на этом участке?

А у меня к Кицканскому плацдарму было совсем иное отношение. Давно будоражила сердце одна дерзкая мысль... Однажды я уже высказывал ее Федору Ивановичу, но он, кажется, отнесся к ней с недоверием. Во всяком случае, мнения своего не высказал. И, пожалуй, был прав: у меня еще многого не хватало для доказательства целе-

сообразности нанесения главного удара по врагу с Кицканского плацдарма.

Толбухин отвел глаза от карты, и взгляды наши встретились. Решив, видимо, узнать, не отказался ли я от своей идеи, он неожиданно спросил:

— Что вы, Сергей Семенович, думаете о Кицканском плацдарме?

— То же, что и раньше, — твердо ответил я. — Удар отсюда был бы совершенно неожиданным для противника. Такой вариант немцы явно не берут в расчет.

— Над этим стоит поразмыслить, — с прежней уклончивостью отозвался Федор Иванович».

Продолжая выступление, командующий к Кицканскому плацдарму не возвращался. Он, казалось, с большей предпочтительностью размышлял вслух о наступлении на кишиневском направлении. Достоинства и недостатки каждого возможного для наступления направления оценивали и другие участники заседания. Судя по карте и группировке вражеских войск, кишиневское направление действительно выглядело наиболее подходящим для нанесения главного удара. Более благоприятной для применения танков была местность, а складки ее делали удобным занятием войсками исходного положения для наступления, исключалась возможность флангового удара контратакующего противника, так как справа наши войска отделяла от него река Прут, а за ней действовали солидные силы Второго Украинского фронта. Следовательно, и возможность тесного взаимодействия с ними при наступлении на кишиневском направлении более перспективна. Против советских войск, правда, на этом направлении обороняются отборные гитлеровские части и соединения, у них весьма плотные боевые порядки. Но и тут нет худа без добра: враг не избежал бы огромных потерь уже в ходе артиллерийской подготовки, потерял бы наиболее крепкую часть своих сил, значит, ему нечем было бы потом затыкать брешь в своей обороне... Толбухин дал возможность подробно высказать и обосновать предложения каждому из присутствующих. И когда множество высказанных «за» столкнулись с не меньшим числом противодействующих «но» и «против», предложил не горячиться, спокойно все обдумать, а пока еще раз провести рекогносцировку на разных направлениях. Это решение и принял Военный совет.

Состав назначенных Толбухиным рекогносцировочных групп и намеченные районы их действия никому из уча-

ствовавших в них руководящих работников фронтового управления по-прежнему не давали повода судить, а к какому же направлению главного удара склоняется сам командующий. Он возглавил группу, отправляющуюся на правый фланг фронта — в 5-ю ударную и 57-ю армии, то есть в войска кишиневского направления. Второй группой, отправлявшейся в левофланговые 37-ю и 46-ю армии, поручил руководить Бирюзову. Личное присутствие Толбухина в первой группе не означает ли, что именно кишиневское направление заслуживает предпочтения и большего внимания? Но тогда почему он включил в группу Бирюзова командующего артиллерией и начальника инженерных войск фронта? Вопросы эти так и остались открытыми.

Наутро следующего после завершения рекогносцировки дня до десяти генералов, участвовавших в ней, вновь собрались у командующего фронтом на заседании Военного совета, чтобы подвести итоги проделанной работы.

— Ну так, товарищи, — открыл заседание Федор Иванович, — давайте определим порядок нашей работы. Времени у нас немного, а дел порядочно. Мы должны обсудить все до мелочей, чтобы выработать правильное решение. Вначале я изложу свои впечатления о правом крыле фронта, а затем послушаем начальника штаба о работе его групп. Вместе все взвесим, и я объявлю предварительное свое решение.

Командующий говорил не торопясь, как бы рассуждая и думая вслух. Каждое его суждение было логически обосновано, всесторонне аргументировано и потому делало понятной, отчетливой для всех присутствующих главную мысль. Рекогносцировка позволила ему еще раз и твердо убедиться в том, что обе правофланговые армии фронта могут вести наступление на кишиневском направлении. Однако наиболее выгодного положения для нанесения главного удара обе эти армии не занимают. Непосредственное наступление в направлении Рышков, Кишинев значительными силами имеет отрицательными своими сторонами то, что, во-первых, сосредоточить здесь такие силы весьма затруднительно из-за условий местности; во-вторых, и в этом суть — оно приведет к выталкиванию врага из Молдавии вместо его уничтожения. Удар с Дубоссарского плацдарма, являющийся прямой и кратчайшей дорогой к рекам Прут и Дунай, и при усиленном его развитии невыгоден в том смысле, что здесь противник,

вводя резервы и прикрываясь контратаками на местности, благоприятствующей обороне, а не наступлению, сможет обеспечить отход своих главных сил за Прут и Дунай, сохранив в основном их боеспособность. Невыгоды подобного развития событий очевидны: нашим войскам придется подготовить и осуществить новые наступательные операции, причем с преодолением водных преград, в числе которых и такой сложной, как Дунай.

И в менее ответственных ситуациях Толбухин не имел привычки что-либо огульно захваливать либо отрицать. Теперь же, когда речь шла о принятии решения, был особенно осторожен в суждениях. Желая еще и еще раз проверить самого себя, советуясь с ближайшими своими помощниками, он с предельной полнотой старался сопоставить все «за» и «против», чтобы прийти к наиболее объективному заключению.

Бирюзов, зная характер командующего, когда ему было предоставлено слово, так же не пытался сглаживать острые углы. Суть его доклада сводилась к тому, что рекогносцировочная группа, работу которой он возглавлял, после детального изучения всех условий в левофланговых армиях пришла к единодушному мнению: именно там имеются реальные возможности для нанесения главного удара. Самое главное его преимущество заключается в том, что нашим войскам в этом случае не придется форсировать водную преграду. Отсюда противник не ожидает нашего удара, о чем свидетельствует и группировка его войск. Основные свои силы командование армейской группы «Думитреску» держит на двух направлениях: тираспольском (шесть немецких и две румынские пехотные дивизии) и кишиневском (одиннадцать немецких пехотных дивизий), все его резервы также подтянуты к флангам 6-й немецкой армии.

Но и в этом варианте есть серьезный недостаток — большая скученность нашей ударной группировки на Кицканском плацдарме. Чтобы нанести отсюда удар, на плацдарме в 150 квадратных километров, причем для размещения войск пригодна лишь меньшая половина всей площади, придется скрытно сосредоточить главные силы фронта. Плотность войск и техники на плацдарме окажется настолько высокой, что, если враг обнаружит сосредоточение наших сил на этом направлении, он сможет артиллерийской и авиационной контрподготовкой нанести серьезный урон и даже сорвать наступление...

В этом месте командующий жестом остановил докладчика, посмотрел на командующего воздушной армией, спросил:

— Прикроете надежно?

— Прикроем, — твердо ответил Судец.

Вновь Толбухин углубился в свои мысли. Все, что он слышал сейчас, не было для него чем-то новым и неожиданным. Сотни раз на протяжении многих дней и ночей перед его мысленным взором вставал Кицканский плацдарм. Небольшой пятачок, на котором, если он решит наносить отсюда главный удар, понадобится создать мощную группировку стрелковых войск, артиллерии, многие сотни артиллерийских наблюдательных пунктов, еще большее количество батарейных и орудийных огневых позиций, отрыть тысячи километров сплошных траншей, в надежных укрытиях в земле рассредоточить несколько сот автомашин боеприпасов...

И все это надо будет сделать так, чтобы противник до последнего момента не догадался о том, что творится у него под самым носом. Возможно ли это? Он с благодарностью воспринимал доклад Бирюзова, который, до предела обнажив кажущуюся невероятность нанесения главного удара с Кицканского плацдарма, спокойно и методично стал приводить затем расчеты и выкладки, доказывая, что реализация такого плана тем не менее практически возможна. Она потребует предельного напряжения и четкости в работе в подготовительный период. Все участвовавшие в заседании Военного совета генералы разделяли соображения докладчика по основному вопросу. При этом они реально оценивали множество возникающих трудностей и выражали готовность преодолеть их, уточняли отдельные детали плана по использованию войск, наметки которого командующий попросил доложить начальника штаба.

Когда обмен мнениями закончился, в комнате воцарилась тишина, подчеркивающая значительность последнего. Все предложения, сомнения, советы высказаны. Осталось подвести итог, сформулировать решение. Только ему одному принадлежало это право, только на нем одном лежала эта обязанность.

Командующий встал. Выразил глубокую удовлетворенность результатами рекогносцировок, поблагодарил присутствующих за проделанную работу. Затем сказал то, что держал от них в секрете:

— Мое первоначальное мнение о целесообразности нанесения главного удара правым флангом базировалось на указаниях Ставки. Она до сих пор считает, что лучший вариант наступления — на кишиневском направлении...

Федор Иванович сделал небольшую паузу, окинул взглядом присутствующих. Он скрывал от них это мнение, чтобы не связывать никого из помощников довлеющим авторитетом, считал эту ношу только своей и сам нес ее до сих пор. Теперь он принял решение. И голос командующего затвердел металлом:

— Но факты встают против этого... Уверен, что и Верховное Главнокомандование согласится с этим. Главный удар предпочтительно наносить с Кицканского плацдарма!

Теперь, когда все это было сказано, становилось объяснимым, почему командующий посчитал необходимым два дня назад лично возглавить работу рекогносцировочной группы на правом фланге войск фронта, а не на левом. Он еще раз своими глазами и собственным разумом хотел постичь и убедиться, что не здесь следует искать ключ к решению предстоящей задачи. И если сам он, уже не пару дней назад, а, возможно, гораздо раньше, пришел к заключению о предпочтительности в этом смысле Кицканского плацдарма, то в этом предстояло еще и убедить Верховное Главнокомандование. Оно ведь ясно и определенно высказалось за кишиневское направление. Убеждать предстояло ему — никому больше.

Толбухин хорошо понимал, что и в обычном житейском обиходе высказать предложение бывает легче, нежели потом отказаться от него, признав тем самым большие выгоды предложенного кем-то другим. Здесь же речь шла о пересмотре предложения, исходившего от самой высокой инстанции и по такому вопросу, как выбор направления главного удара в стратегической операции, от которой ожидали важных военно-политических результатов. Решительными действиями на яско-бухарестском направлении войска двух фронтов — Второго и Третьего Украинских — должны были, разгромив войска группы армий «Южная Украина», продолжить путь для наступления в глубь Юго-Восточной Европы. Разгром крупной группировки врага на юге советско-германского фронта, во-первых, должен был устранить угрозу, которую она таила, нависая над левым крылом фронтов, наступавших на цент-

ральном участке и ушедших далеко на запад; тем самым было бы обеспечено с юга последующее наступление советских войск на варшавско-берлинском направлении. Во-вторых, весной и летом 1944 года в связи с победами Советской Армии на юге борьба в странах Юго-Восточной Европы достигла большого накала, и наступление наших фронтов в глубь Балкан приобретало значение мощного внешнего фактора для быстрого созревания там антифашистских восстаний.

Наступление советских войск на территории сателлита фашистской Германии — королевской Румынии, воевавшей против СССР, неизбежно должно было оказать влияние на политическое положение в стране. Три с лишним года румынская армия воевала за чужие интересы. Экономика страны пришла в расстройство. Военные расходы истощили государственную казну. Гибель сотен тысяч румынских солдат тяжелым камнем легла на душу народа. Недовольство войной росло изо дня в день. Коммунистическая партия Румынии активизировала свою работу по объединению всех прогрессивных сил нации в антифашистской борьбе, готовила вооруженное восстание против диктатуры Антонеску, начало которого ставилось в зависимость от наступления советских войск. Режим Антонеску продолжал держаться в стране в решающей степени только потому, что румынское правительство опиралось на дивизии немецко-фашистской армии, находившиеся на советско-румынском участке фронта, и на оккупационные войска, располагавшиеся на территории Румынии.

Чем большие последствия ожидалось от предстоящего наступления, тем значительнее возрастало бремя ответственности за каждый шаг, связанный с подготовкой операции. Федор Иванович давал себе ясный отчет в том, что Ставке потребуются конкретные и весомые доказательства обоснованности принятого на Военном совете решения. Выразив уверенность, что Верховное Главнокомандование согласится с ним, Толбухин подчеркивал перед лицом руководящего состава фронта свою готовность представить такие доказательства. Но и это не все. Представляя их, он предопределял тем самым всю меру личной ответственности за сделанный выбор. Разве неясно, что, если намечаемый удар не даст ожидаемого результата, неотвратимо может возникнуть мотив: «Вам, товарищ Толбухин, предлагали наносить главный удар на кишиневском направлении, а вы настояли на своем». От командующего

фронтом требовалось немалое мужество, чтобы пойти на такой шаг.

31 июля 1944 года командующие и члены Военных советов Второго и Третьего Украинских фронтов были вызваны в Ставку, где доложили свои соображения об операции. Всесторонне обсудив доклады Малиновского и Толбухина, Ставка согласилась с планами фронтов и утвердила решения командующих. Координацию действий двух фронтов в операции Ставка поручила Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко. 2 августа, уже после возвращения командующего из Москвы, последовала директива на проведение Яско-Кишиневской операции.

Директивой предусматривалось на первом этапе операции во взаимодействии со Вторым Украинским фронтом разбить кишиневскую группировку противника и овладеть рубежом Леоново, Тарутино, Молдавка. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Рени и Измаил, не допуская отхода противника за реки Прут и Дунай. Черноморскому флоту под командованием адмирала Ф. С. Октябрьского и Дунайской военной флотилии под командованием контр-адмирала С. Г. Горшкова ставилась задача высадить десанты и огнем корабельной артиллерии содействовать Третьему Украинскому фронту.

С момента подписания директивы решение командующего фронтом — наносить главный удар с Кицканского плацдарма — было облечено в забытую форму закона. И все, что теперь делалось и было сделано десятками, сотнями генералов, адмиралов и офицеров, сотнями тысяч солдат и матросов, — все это подчинялось безоговорочному воплощению в жизнь задуманного. Подготовка к операции вступила в кульминационную фазу.

Мы уже знаем, что в своей деятельности Толбухин мог опереться на многих достойных помощников. Без этого невозможно себе представить истинного военачальника. При всем том надо, однако, не забывать и другое: связь любого руководителя с коллективом всегда двусторонняя, он получает от него тем больше, чем больше сам отдает ему. Каждый из окружавших командующего фронтом военачальников — члены Военного совета, начальник штаба фронта, начальники родов войск и служб, командующие армиями, командиры корпусов, дивизий и многие другие генералы и офицеры повседневно испытывали на себе влияние личности Толбухина. Это было благотворное влия-

ние, обусловленное как чисто человеческими качествами, так и стилем работы, умением создать в руководимом коллективе подлинно деловую обстановку. Вполне понятно, что оригинальность его полководческого мышления, смелость и глубина замыслов побуждали каждого творчески подходить к поставленной задаче.

Командармы порадовали Толбухина нешаблонностью своих решений. Решение командующих двух правофланговых армий командующий фронтом утвердил сразу же после того, как командармы доложили их Военному совету. Темпераментный генерал Н. Э. Берзарин всем своим видом показывал недовольство тем, что не его армия, хотя и имеется она ударной, будет наносить главный удар. При всем этом, получив для действий своих соединений полосу шириной в сто тридцать километров, он предусмотрел разумные меры для выполнения той задачи, которая отводилась ему планом фронтовой операции. Командарм 57-й генерал Н. А. Гаген не имел оснований огорчаться: его армия включалась в ударную группировку фронта. Принятое им решение сводилось к тому, чтобы обеспечить нанесение удара по противнику севернее озера Ботно, главные же свои силы иметь в готовности развить успех севернее или южнее него, в зависимости от того, как развернутся события с началом наступления.

Основная роль в нанесении главного удара с плацдарма отводилась 37-й армии. Ее командующий генерал М. Н. Шарохин, исходя из плана фронтовой операции, принял решение сосредоточить на участке прорыва все имевшиеся в составе армии стрелковые войска, кроме одного полка, все без исключения танки (более сотни) и свыше девяти десятых артиллерии (около 1600 орудий и минометов). Столь решительным массированием имевшихся в его распоряжении сил и средств командарм 37-й достигал превосходства над противостоящим противником по пехоте и основным видам вооружения в четыре-пять раз!

Предложенный Шарохинным план удивил своей дерзостью всех присутствовавших на Военном совете, не исключая и командующего фронтом. Конечно, никто не мог сомневаться, что при таком соотношении сил вражеская оборона разлетится вдребезги в первый же день наступления. Но если бы так просто достигались победы в сражениях, то не было бы нужды в искусстве полководца. Уж чего проще, собери все, что имеешь, и бей в облюбо-

ванном месте. Еще в глубокой древности, в 371 году до нашей эры, беотийский полководец Эпаминонд в сражении при Левктрах доказал, что неравномерное распределение войск по фронту в целях нанесения главного удара на решающем участке сражения является важнейшим принципом военного искусства. Принцип этот остается неизменным и поныне. Однако всякий раз, пытаясь применить его в конкретной обстановке, полководцу предстоит решить: а в каких же пределах возможна и допустима эта самая неравномерность? Иначе ожидаемая победа неизбежно обернется сокрушительным поражением.

Вот почему Федор Иванович Толбухин, выслушав на Военном совете доклад генерала Шарохина, не стал спешить со своим последним словом. Он попросил командарма подготовить опытное командно-штабное учение для проверки обоснованности его решения. Когда учение состоялось, командарму и его штабу во главе с генералом А. К. Блажеем, как и следовало ожидать, немало пришлось решить самых неожиданных «вводных», задаваемых Толбухиным. Результатами тем не менее оказались довольны обе стороны. Командование армии сумело доказать, что его решение — плод скрупулезного учета сложившейся обстановки и всесторонне продуманных в мельчайших подробностях деталей. Командующий фронтом убедился в верности расчетов командарма, его начальника штаба, после чего утвердил предложенное решение, заметив, что делает это с глубоким удовлетворением.

Весьма обстоятельно рассматривался командованием фронта план операции левофланговой армии — 46-й. Ее командующий генерал И. Т. Шлемин готовился к тому, чтобы, наступая главными силами в составе ударной группировки фронта, одновременно осуществить совместно с моряками Дунайской военной флотилии десантную операцию в районе Аккермана (Белгород-Днестровский). Низовья Днестра и его широкий лиман с густыми, высокими камышовыми зарослями представляли серьезное препятствие для наступающих войск. Но все же, как показало детальное изучение местности, осуществить форсирование Днестровского лимана 46-я армия могла. Несомненная выгода наступления на этом направлении заключалась в полной неожиданности его для противника. Оборонявшиеся здесь румынские соединения, хорошо укрепив свой передний край, проходивший по высокому гребню берега, не имели плотных боевых поряд-

ков, настолько они уверовали в невозможность наших наступательных действий.

Для осуществления десантной операции на левом фланге армии была организована особая группа войск под командованием заместителя командарма генерала А. Н. Бахтина. В ее состав вошли две бригады морской пехоты, отдельный мотострелковый батальон Дунайской военной флотилии, отдельный мотоциклетный полк, батальон плавающих автомобилей, два понтонных батальона, катера пограничных войск. К форсированию Днестра по дну готовились специальные команды в костюмах водолазов.

В общем замысле наступления десантной операции придавалось большое значение. Неожиданный и стремительный удар наших войск на этом участке позволил бы окружить противника северо-западнее лимана, а затем уничтожить его во взаимодействии с главными силами 46-й армии. Однако успех или неуспех задуманного десанта на правый берег Днестровского лимана в решающей степени зависел от организации взаимодействия войск группы Бахтина с моряками Дунайской флотилии контр-адмирала Горшкова. Военный совет с большим вниманием выслушал сообщение Сергея Георгиевича Горшкова. Для переброски десанта в его распоряжении имелись свыше шести десятков быстроходных полуглиссеров и катеров и 450 десантных лодок. Прикрытие десанта моряками возлагалось на отряд корабельной поддержки, а с воздуха его действия обеспечивались ВВС Черноморского флота под командованием генерала В. В. Ермаченкова.

Закljučая заседание Военного совета фронта, а оно было последним перед Ясско-Кишиневской операцией, Федор Иванович Толбухин выразил полное удовлетворение подготовкой войск и штабов, но сразу же предупредил собравшихся о том, что настраиваться на благодущный лад нельзя.

— Времени у нас осталось мало, — сказал он. — Об отдыхе и помышлять нечего. Надо предпринять последние усилия, чтобы полностью завершить подготовку к операции и тем заложить твердый фундамент победы.

Всем было ясно, какой огромный круг вопросов предстояло решить теперь, когда замысел фронтового командования обрел зримые и законченные черты. На направлении, избранном командующим фронта для главного уда-

ра, к моменту наступления должны были сосредоточиться девять десятых всех сил и средств, имевшихся в его распоряжении. Мы уже говорили о смелости и риске решения, принятого командармом Шарохиним. Для Толбухина степень риска возрастала прямо пропорционально масштабу руководимой им войсковой организации. Разгадай враг замысел советского командования, и тогда...

Однако, идя на серьезный риск, командование фронта во главе с Толбухиным опиралось на твердую почву. В постоянной готовности на случай контрудара до самого последнего момента находились механизированные соединения фронта и авиация. Круглосуточная непрерывная разведка давала возможность контролировать любые перегруппировки в стане врага. И все же самое главное, на что направлялись в дни, оставшиеся до начала наступления, усилия командующего, штаба фронта и всех служб, командиров разных степеней и рангов, — это самое главное заключалось в том, чтобы всеми доступными мерами и способами заставить противника пребывать в неведении относительно истинных намерений и планов. Нужно ли говорить, насколько невероятно сложна подобная задача, когда речь идет о передвижениях огромных масс войск и военной техники. К тому же противник знает, что наступление готовится и неизбежно начнется. Только когда и где? В этом все дело! И если поиск и определение направления главного удара — одно из важнейших слагаемых победы, искусства полководца, то другое, не менее важное и характерное — умение замаскировать свое намерение и нанести удар там и тогда, где противник его не ожидает. «Удивил — победил!» — так говорил еще Суворов.

Толбухин и его штаб разработали широкие мероприятия по оперативной маскировке и неукоснительно проводили их в жизнь. В основе их лежало сознание видимости подготовки наступления на кишиневском направлении. Имитация проводилась очень тонко. Интенсивно функционировали железнодорожные станции, на которых якобы разгружались войска. Перед сумерками, чтобы показать видимость перегруппировки в темное время, из района реального сосредоточения по дорогам шли пехота, машины, танки. А ночью они возвращались обратно. На месте же ложного сосредоточения по-прежнему оставались только один запасный полк, инженерная бригада да два инженерно-строительных батальона. Зато они усиленно имитировали расположение все прибывающих сюда соединений:

дымами походных кухонь, макетами танков, орудий, со- оружаемых из дерна и хвороста. Оттуда же специальные радиостанции будто невзначай, «нарушая радиодисциплину», посылали сигналы, которые, конечно же, засекал противник.

Федор Иванович ежедневно заслушивал доклады о том, что и как делается во исполнение утвержденного им плана оперативной маскировки, сердился, если, по его мнению, что-то было сделано «топорно», в расчете «на дурака», и требовал все исполнять, чтобы комар носу не подточил. Однажды, уже в канун наступления, хитро улыбнулся и спросил начальника штаба:

— А что, Сергей Семенович, не слышал, не ругают еще солдаты своих генералов?

— Да вроде бы нет оснований, — не сразу понял вопрос Бирюзов.

— Как нет? А на Перекопе, когда мы их заставляли гуда-сюда маршировать, помнишь, говорили: «Гоняют без толку с места на место. Кодом пользуются таким, что и дитя малое расшифрует. Ну и генералы у нас...»

Толбухин весело рассмеялся.

— На этот раз надо бы им честить нас еще хлеще, поделом было бы. — Затем, сразу став серьезным, сказал: — Думаю, Сергей Семенович, теперь уж противник не успеет, если даже догадается, что к чему.

С наступлением темноты оперативная группа фронтового управления начала перебираться на передовой командный пункт. Перед выездом Толбухин еще раз заслушал доклады командующих родами войск и начальников служб о готовности к наступлению. Как и всегда перед наступлением, уже не посоветовал, а приказал хорошенько всем отдохнуть и позаботиться об отдыхе подчиненных. Как вспоминал Бирюзов, далеко не все могли уснуть в ночь перед наступлением, слишком много волнующего несло грядущее утро. А вот сам командующий и здесь подавал пример подчиненным: устроившись на раскладушке, безмятежно спал. В этом смысле он был счастливейшим человеком — мог заставить себя уснуть где и когда угодно. Утром, бодрый и оживленный, занял свое место у приборов наблюдения. Взглянул на минутную стрелку, приближающуюся к восьми часам утра, спросил окружающих генералов, не обращая ни к кому конкретно:

— Ну как?

Всем было ясно, что его интересует. Приближалась минута, когда должна заговорить артиллерия.

— Все готово, — отзывается Неделин. — Ждем команды.

— Бомбардировочная и штурмовая авиация уже в воздухе, идет на выполнение боевого задания, — докладывает Судец.

Командующий фронтом неторопливо распрямляется.

— Ну что ж, в добрый час.

Ровно в 8 утра 20 августа 1944 года колыхнулась под ногами земля, Третий Украинский фронт начал Яско-Кишиневскую операцию...

Немецко-фашистское командование допустило решающий просчет в оценке планов советского командования. Даже за пять дней до начала наступления в Румынии оно считало «маловероятной» крупную наступательную операцию войск Второго и Третьего Украинских фронтов. Вплоть до 16 августа в журнале боевых действий групп армий «Южная Украина» отмечалось, что «непосредственно на фронте нельзя обнаружить никаких признаков готовящегося наступления русских». Меры по оперативной маскировке командованием обоих фронтов были осуществлены блестяще. Враг пребывал в роковом для него заблуждении. Менее чем за двое суток до начала нашего наступления, когда уже ничего нельзя было изменить, он понял, что стоит перед лицом смертельной угрозы.

18 августа в том же журнале появилась запись о том, что ожидается «наступление противника в крупном масштабе...». Что касается направления главного удара Третьего Украинского фронта, то гитлеровское командование так и не сумело разгадать его, называя предстоящее наступление советских войск с Кицканского плацдарма всего лишь «вспомогательной атакой (параллельной) против фронта армейской группы «Думитреску». Оно считало, что главный удар фронт Толбухина нанесет из района юго-восточнее Дубоссар в общем направлении на Кишинев. Самонадеянность врага, его уверенность в правильной оценке намерений советского командования оказалась непоколебимой и после того, когда изготовившиеся к стремительному наступлению наши войска провели 19 августа разведку боем, и когда 20 августа они перешли в наступ-

ление, и даже 21 августа, на второй день операции. В этот день в штаб командующего группой армий «Южная Украина» генерал-полковника Г. Фриснера полетели тревожные телеграммы с просьбой оказать незамедлительную помощь, так как советские войска большими силами наносят удар с Кицканского и Днестровского плацдармов. Ответ Фриснера гласил: «Вы плохо разбираетесь в обстановке... обязываю вас удерживать занимаемые позиции». Фриснер все еще не мог выпутаться из сетей, ловко составленных ему советским командованием.

За два дня наступления войска Второго и Третьего Украинских фронтов сокрушили вражескую оборону на направлении главных ударов. В очень короткие сроки, в течение двух-трех дней, стало возможным окружение основных сил противника. К полудню 27 августа войска противника, действовавшие восточнее реки Прут, прекратили сопротивление. На западном берегу он держался до 29 августа. Сюда удалось переправиться большим вражеским группам с восточного берега. Затем значительные силы фашистов, имея при себе танки, штурмовые орудия, артиллерию, вырвались из окружения и вышли в тыл Второго Украинского фронта с намерением пробиться через Карпаты в Венгрию. В полосе этого фронта и развернулись дальнейшие события по уничтожению прорвавшегося из окружения противника. Благодаря героическим действиям воинов соединений из резерва, привлеченных для этой цели, к 4 сентября враг был полностью уничтожен. Из 24 его дивизий 18 были окружены и ликвидированы. Ни одна боевая часть в конечном счете не сумела вырваться из окружения.

В то время, когда шла ликвидация окруженной группировки, войска, действовавшие на внешнем фронте, продолжали наступление. Армии Толбухина быстро приближались к болгаро-румынской границе. Мощные удары советских войск в районе Ясс и Кишинева, их стремительное продвижение на запад ускорили вооруженное выступление румынского народа против фашистской диктатуры.

В конце августа Федор Иванович получил братское послание из Донецка. В нем говорилось:

«Шахтеры, металлурги и все трудящиеся Донбасса горячо поздравляют бойцов, сержантов, офицеров, генералов Третьего Украинского фронта и лично вас, дорогой Федор Иванович, с новой блестящей победой над немец-

ко-румынскими захватчиками. Мы восхищены отвагой, мужеством и героизмом, проявленными Вами...

Славную годовщину освобождения Донбасса трудящиеся области встречают крупными успехами по возрождению родного края угля и металла.

За год напряженной военной страды войска, руководимые Толбухиным, вернули Родине Донбасс, Крым, многие районы Украины. Окружением и ликвидацией группировки противника в районе Кишинева и Ясса, полным очищением междуречья Днестр — Прут, разгромом врага на левом берегу Прута завершилось освобождение Молдавской ССР.

12 сентября 1944 года Федору Ивановичу Толбухину Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Маршала Советского Союза. Под его командованием войска Третьего Украинского, блистательной победой завершив Яско-Кишиневскую операцию, неудержимо продолжали идти на запад, участвовали в Белградской, Будапештской, Балатонской, Венской операциях. Достоинно выполняя великую освободительную миссию Советских Вооруженных Сил, они несли избавление от немецко-фашистской тирании народам Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, крушили гитлеровский порядок в Австрии.

Вслед за Г. К. Жуковым, А. М. Василевским, И. С. Коневым, К. К. Рокоссовским и вместе с Р. Я. Малиновским 26 апреля 1945 года Ф. И. Толбухин за искусное руководство крупными боевыми операциями, в результате которых были достигнуты выдающиеся успехи в разгроме немецко-фашистских войск, был награжден высшим советским военным орденом «Победа».

Федор Иванович Толбухин много сделал для завоевания нашей победы и совсем немного прожил после окончания Великой Отечественной войны. Будучи очень больным, он продолжал самоотверженно трудиться на ответственных постах. С июля 1945 года являлся главнокомандующим Южной группы советских войск, с января 1947 года командовал войсками Закавказского военного округа. Уже находясь со смертельным недугом на больничной койке, Федор Иванович рвался к тому, чтобы продолжать прерванное дело, буквально за несколько минут до кончины уверял, как вспоминает Василевский, что завтра выйдет на работу. Он умер 17 октября 1949 года, на пятьдесят шестом году жизни. В 1960 году на Самотечной

площади столицы нашей Родины воздвигнут памятник Толбухину. В 1965-м, в канун 20-летия Победы, посмертно присвоено ему звание Героя Советского Союза. Корабли и пароходы с надписью «Федор Толбухин» бороздят безбрежную водную гладь. Его именем называют города и поселки, школы и пионерские дружины. Прославленный советский полководец живет и будет жить в памяти, в делах современников и потомков.

Полковник А. КИСЕЛЕВ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Маршал Советского Союза Борис Шапошников. <u>А. Василевский</u>	6
Генерал-полковник Михаил Громадин. <i>Н. Комаров</i> . . .	88
Маршал артиллерии Василий Казаков. <i>П. Батов</i> . . .	144
Генерал армии Александр Комаровский. <i>В. Быстров</i> . . .	196
Адмирал Филипп Октябрьский. <i>И. Панов</i>	255
Маршал Советского Союза Федор Толбухин. <i>А. Киселев</i>	319

П51 Полководцы и военачальники Великой Отечественной. Вып. 2: Сборник /Сост. А. Н. Киселев. — М.: Мол. гвардия, 1979. — 382 с., фотогр.— (Жизнь замечат. людей. Серия биогр. Вып. 3 (589)).

В пер.: 1 руб. 100 000 экз.

В серии «Жизнь замечательных людей» двумя изданиями вышел сборник «Полководцы и военачальники Великой Отечественной». Редакция предлагает читателю второй выпуск сборника, продолжая таким образом знакомить читателя с замечательными полководцами и военачальниками, чье военное искусство, талант и мужество наиболее полно проявились в суровые годы Великой Отечественной войны. Авторами двух очерков выступают соратники и боевые друзья тех, о ком идет рассказ, — это дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза А. М. Василевский и дважды Герой Советского Союза генерал армии П. И. Батов.

П $\frac{70302-048}{078(02)-79}$ 262—79. 4700000000

ББК 63.3(2)722
9(С)27